

В. РШТУНИ

КРЕСТЬЯНСКАЯ
РЕФОРМА В АРМЕНИИ

в 1870 г.

ЕРЕВАН

1947

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1955

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1955

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

ՀՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Պ Ա Տ Մ ՈՒ Թ Յ Ա Ն Ի Ն Ս Տ Ի Տ ՈՒ Տ

Վ. ՌՇՏՈՒՆԻ

ԳՅՈՒՂԱՑԻԱԿԱՆ ՌԵՅՈՐՄԸ
ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

1870 թ.

ՀՍՍՌ ԳՈ. ՀՐԱՏԱՐ ԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1947

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9(47.925)

Р-929

В. РШТУНИ

+ 333.1 (47.925)

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В АРМЕНИИ

в 1870 Г.

41614

II
60540

РШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМ. ССР
ЕРЕВАН 1947

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ԵՐԿՐԱՆ

Պատասխանատու խմբագիր Զ. Կ. ԳՐԻԳՐՅԱՆ

ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
ԵՐԿՐԱՆ

1947 թ.

101
1947

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
ԵՐԿՐԱՆ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От автора	7
Введение	
1. Некоторые заметки об источниках и литературе	9
2. Общий взгляд на колониальную политику царизма в Закавказье до крестьянской реформы	18
3. Социально-экономическая обстановка и классовая борьба в Закавказье накануне и в годы крестьянской реформы	25
I. Армения в первой половине XIX века	
1. Положение крестьянства до 1846 года	40
А. Феодалные отношения в Армении 40. Б. Социально-экономическая политика царизма 65. В. Борьба крестьянских масс против феодално-крепостнического гнета в первой половине XIX века 88.	
2. Положения 1847 г. и пределы их применения в Армении. Положение 1851 года	97
А. Перемены в курсе колониального управления Закавказьем (от Гана к Воронцову) 97. Б. Крепостная сущность Положений 1847 и 1851 годов 105. В. Результаты проведения в жизнь Положений 1847 года 110.	
II. Армения накануне реформы 1870 года	
1. Условия капиталистического развития в Армении	118
А. Развитие торговли и промышленности 118. Б. Развитие сельского хозяйства 140.	
2. Крестьянство и «высшее сословие»	152
3. Режим «производа и поборов»	158
4. Переселенческая политика царизма	164

5. Царизм и «высшее сословие» Армении	171
6. Борьба крестьянства против помещичьего и колониального гнета накануне реформы 1870 г.	177
7. Крестьянская реформа в России и армянские общественные течения	194

III. Крестьянская реформа в Армении (1864—1870—1877 гг.)

1. Положение 14-го мая 1870 г. и пределы его действия	218
2. Наделы крестьян	227
3. Повинности крестьян	238
4. Уставные грамоты	247
5. Условия выкупа	252
6. Положение 5-го сентября 1877 года	253
7. Некоторые особенности Положения 1870 года	260
8. Итоги проведения крестьянской реформы 1870 г.	266
9. Борьба крестьянства против реформы 1870 года	278
10. Армянские общественные течения о крестьянской реформе в Закавказье	289

IV. Результаты крестьянской реформы в Армении

1. Положение помещичьих крестьян после реформы	309
2. Остатки феодально-крепостнических отношений в деревне	328
3. Условия развития капиталистических отношений в Армении после реформы	341
Л И Т Е Р А Т У Р А	358

ОТ АВТОРА

В нашей исторической литературе до сих пор не занимались изучением крестьянской реформы в Армении.

Мы знаем о крестьянской реформе в Грузии, кое-что нам известно и о крестьянской реформе в Азербайджане, но о реформе в Армении мы почти ничего не знаем.

В этой работе мы ставим себе задачей заняться изучением крестьянской реформы в пределах Советской Армении.

Реформа в Армении и в Азербайджане проводилась одновременно на основе Положения 14-го мая 1870 года. Между этим Положением и Положениями 1847 и 1851 г.г. имеется тесная связь. Известно также, что в основу Положения 1870 г. взяты принципы Положений о Тифлисской и Кутаисской губерниях, т. е. о Грузии.

Поэтому необходимо рассматривать крестьянскую реформу в Армении в общей связи с реформой в Азербайджане и в Грузии.

С начала XIX века Грузия, Азербайджан и Армения (Закавказье) находились под общим колониальным гнетом царизма и были подвергнуты общему режиму в экономическом, политическом и национальном отношениях.

Поэтому необходимо и предпосылки реформы и реформу в Армении рассматривать в общей связи с колониальной политикой царизма в отношении всего Закавказья.

Другая наша задача—выявление особенностей крестьянской реформы в Армении в связи с характерными чертами ее исторического развития, выяснение значения реформы для капиталистического развития Армении, изучение особенностей крестьянской борьбы вокруг нее и отношения к ней со стороны разных армянских общественных течений.

Задача нелегкая. Мы вполне сознаем все ее трудности при том

изложения, в котором находится научное марксистское изучение почти всех основных вопросов истории Армении XIX века.

Но трудности не останавливают нас взяться за эту работу, сделать первую попытку, по мере сил, осветить один из основных вопросов нашей истории XIX века, участвуя своим скромным трудом в той общей созидательной работе, которую развернула наша марксистская историческая наука в области изучения прошлого и настоящего нашего народа, возрожденного к новой жизни Великим Октябрем.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя настоящая работа является нашей докторской диссертацией, защищенной 9-го мая 1941 г. в Институте Истории АН СССР.

При обработке и при окончательной редакции ее мы широко использовали и учли ценные советы и замечания своих официальных оппонентов: профессоров докторов исторических наук Е. А. Мороховца (ныне покойного), Н. М. Дружинина и профессора И. Б. Кусикяна, которым приносим искреннюю свою благодарность.

Мы сочли необходимым осуществить справедливое желание своих оппонентов и дополнить эту работу новой источниковедческой главой. Хотя она очень сжата, но, как нам кажется, достаточна для нашей цели, так как она восполняется тем, что в дальнейшем изложении в каждом отдельном случае четко выявляется наше отношение к используемым нами архивным материалам, источникам и к литературе.

ВВЕДЕНИЕ

1. Некоторые заметки об источниках и литературе

Трудности, возникающие перед исследователем при разработке темы о крестьянской реформе в Армении, сложны и разнообразны. В нашей марксистской исторической литературе мало изучена колониальная политика царизма в Закавказье и в частности в Армении в XIX веке. Экономическая, социальная и национальная политика царизма в Армении до крестьянской реформы (1828 — 1870 г.г.) и в последней четверти XIX века ждет еще своего исследователя.

Изучение конкретного хода и результатов экономического развития Армении в XIX веке в условиях царской колонии только что начинается нашими экономистами.

Вопрос об основных чертах и конкретных особенностях феодальных отношений в Армении перед присоединением к России, вопрос об их дальнейших изменениях и окончательного их оформления в крепостническом духе благодаря социальной политике царизма в особенности с 40-х годов прошлого столетия,— также нуждаются в подробном и монографическом изучении.

Не поставлен и очень мало внимания наших историков привлечен вопрос о крестьянском движении в Армении в XIX веке. Сама крестьянская реформа как одна из основных проблем истории Армении XIX века, как это ни странно, также осталась вне поля зрения историков; важность этой проблемы явно недостаточно осознана ими.

Если таково положение с марксистским изучением отдельных проблем истории Армении XIX века, то, естественно, не приходится говорить о более или менее удовлетворительной работе, посвященной этому важнейшему периоду истории армянского народа в его целом.

Поэтому в постановке и разрешении как конкретных проблем, связанных с изучаемой нами темой, так и общих проблем, связанных с историей Армении XIX века, с которыми приходится сталкиваться в ходе нашей работы, у нас в основном не было возможности пользоваться опытом и достижениями наших историков марксистов.

В постановке, анализе и оценке проблем, связанных с крестьянской реформой в Армении, конечно, мы всецело опирались на установки и указания классиков марксизма-ленинизма и, руководствуясь ими, старались понять конкретную историческую обстановку и конкретный исторический ход этого переломного момента в истории Армении от феодализма к капитализму, учитывая все обстоятельства, вытекающие из ее колониального положения.

Укажем также, что достижения русских историков-марксистов в изучении крестьянской реформы в России оказали нам существенную помощь при разработке некоторых проблем нашей темы.

В основном нам пришлось иметь дело с разнообразными печатными и архивными материалами и источниками и с такой литературой, из коих можно было критически черпать только те или иные данные для нашего исследования, иногда достаточно богатые и надежные по своей достоверности, иной раз не только по количеству недостаточные, но и по качеству сомнительные, нередко парочито тенденциозные.

К последним двум категориям источников следует отнести использованные нами почти все статистические материалы и сборники, относящиеся к дореформенной эпохе. С конца 20-х до начала 70-х годов все имеющиеся статистические сведения совершенно неполны, вернее случайны и, по свидетельству даже официальных лиц, недостоверны.

Поэтому понятно, что на основании их нельзя более или менее точно установить, например, размеры феодального землевладения и количество так называемого «высшего сословия» и частновладельческих крестьян Армении во время присоединения ее к России к концу 20-х годов XIX века.

Нельзя этого сделать также относительно 40-х годов, когда

ярко крепостническая политика царизма достигла своей высшей точки, и 60-х годов, когда готовилась крестьянская реформа; а это значит, что у нас нет возможности точными данными показать результаты крепостнической политики царизма в Армении к моменту проведения реформы.

Также весьма неполны, часто случайны и отрывочны сведения о развитии торговли, ремесла и кустарной промышленности, в частности о единственной более или менее крупной медноделательной промышленности Армении в дореформенные годы.

Все сведения, весь статистический материал, имеющийся, например, в огромных 12-и томах «Актов», изданных Кавказской археографической комиссией (1866—1904), в 4-х томах «Обзрения российских владений за Кавказом» (изд. 1936 г.), в XVI томе «Военно-статистического обозрения Российской империи» (СПб., 1853), в «Сборнике статистических сведений о Кавказе» (т. I, под ред. Н. И. Воронова, Тифлис, 1869) и т. д., не дают широкой возможности на основании фактического материала с удовлетворительной полнотой характеризовать развитие товарно-денежных отношений в Армении и их разлагающее влияние на феодально-помещичье хозяйство с одной стороны и на крестьянское хозяйство с другой.

А все это необходимо для более конкретного и более убедительного выявления, например, значения того давления, которое имела, по выражению Ленина, сила экономического развития на царизм в деле проведения крестьянской реформы в частности в Армении.

Нам пришлось этот пробел статистического материала частично восполнять теми данными, которые имеются в тогдашней армянской прессе и в архивных документах того же периода, и в наблюдениях и в свидетельствах современников найти дополнительные основания, подтверждающие наши заключения о развитии в экономике Армении во времени подготовки реформы капиталистических элементов, значит и о наличии в Армении давления силы экономического развития на царизм.

Это было тем более необходимо, что относительно дореформен-

ного периода указанный пробел невозможно восполнить данными, имеющимися в литературе по этому вопросу.

Для изучения пореформенной эпохи положение сравнительно лучше. По интересующим нас вопросам имеются не только статистические данные, издан не только ряд сборников, в которых есть довольно богатый материал, касающийся почти всех трех десятилетий истории этого периода, но написаны также обширные исследования об экономическом положении государственных крестьян Закавказья.

Из статистических сборников особенно важны изданные в Тифлисе в 1899 г. под редакцией Кондратенко «Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказья» и под его же редакцией «Сборник статистических сведений по Закавказскому краю», ч. 1, Тифлис, 1902.

Хотя как названные, так и другие им подобные сборники содержат достаточно обширный материал, по доброкачественности почти всех их данных весьма сомнительна. Например, в упомянутом выше первом «Сборнике» (издание 1899 г.) помещичье землевладение и паделы помещичьих крестьян представлены по данным уставных грамот, а они, как будет показано в своем месте, даже официальные историки должны были признавать совершенно неудовлетворительными и преднамеренно извращенными. В той или иной мере эту оценку можно отнести и к другим данным того же «Сборника» и других сборников.

В значительной мере этим объясняется то, что у всех позднейших исследователей, пользующихся неверными и к тому же часто очень расходящимися между собой данными упомянутых сборников, фигурируют совершенно разные цифры относительно количества, скажем, наделов помещичьих крестьян, помещичьих земель, находящихся в их личном пользовании, относительно числа помещичьих крестьян и т. д.

При таком положении статистических материалов, конечно, трудно избежать ошибок, и у нас нет такой претензии; но нам кажется, что в одном существенном вопросе, в установлении количественного соотношения государственных и помещичьих крестьян

Армении, мы близки к действительности, а это очень важно для выяснения удельного веса феодально-крепостнического, частновладельческого сектора в сельском хозяйстве Армении в течение почти всего XIX века.

Другие источники, на основании которых изучается нами самая суть феодальных отношений в Армении, их развитие и разложение, хотя достаточно обширны и богаты, но односторонни и тенденциозны, так как они почти исключительно состоят из официальных документов, в которых с той или иной последовательностью отражена точка зрения царского правительства на разных этапах его колониальной политики по отношению к Восточному Закавказью, т. е. к Армении и Азербайджану.

Эта политика, на деле крепостническая, а на словах отрицающая ее, нашла свое выражение почти во всех актах центральной, закавказской и местной власти по отношению к Армении, так называемое «высшее сословие» которой хотя никогда не было уравнено в своих правах с крепостниками-помещиками России и Грузии, но это не мешало, чтобы царизм, верный своему помещичье-крепостническому духу, всегда искал опоры в нем и с той или иной последовательностью вел линию укрепления его положения в крепостническом направлении.

Именно в таких условиях даже в 40-х годах, т. е. во время ярко-крепостнической политики Воронцова считалось нужным официально утверждать, что в Восточном Закавказье нет крепостного права; то же самое повторялось и в период подготовки крестьянской реформы, хотя одновременно считалось возможным на «свободных» крестьян Армении и Азербайджана положить почти все тяготы податей и повинностей крепостных крестьян России и Грузии.

Все это затрудняет и осложняет использование официальных документов и материалов, как исторических источников, и требует осторожного и строго критического отношения к ним; в частности, нуждаются в строгой проверке все сведения, касающиеся феодальных отношений в Армении к моменту ее присоединения к России, так как часто факты и сделанные на их основании заключения

явно не совпадают, только тщательное сопоставление ряда сведений и учет других обстоятельств позволяют правильно понимать данное явление наперекор официальному его толкованию.

Царская официальная историография и близко стоящие к ней авторы, как правило, не облегчают, а, наоборот, осложняют задачу исторического исследования, так как создают новую путаницу, излагая и объясняя все явления социально-экономической жизни Армении интересующего нас периода в духе официальных документов по установленному шаблону и согласно господствующей в правительственных сферах тенденции.

Пам нужно было учитывать все эти обстоятельства, по мере сил критически прорабатывать достаточно богатый фактический материал, содержащийся в источниках и в литературе, и, основываясь на нем, начертать сущность и ход развития феодально-крепостнических отношений в Армении, отмечая то, что уже было до ее присоединения к России, и то, что развивалось впоследствии благодаря социально-экономической политике царизма.

Для такой критической проверки фактов имеются разные возможности; так, например, при смене вех царской колониальной политики в Закавказье, когда сменялась вся верхушка краевых чиновников, попавших в немилость, их преемники, не церемонясь со своими предшественниками, выставляли напоказ немалое количество характерных фактов, рисующих так называемый прошлый этап царской политики в своем настоящем виде.

Сопоставление и критическое сравнение официальных документов того и другого этапов иногда дают возможность найти правильный путь к разрешению ряда проблем, о которых трудно было иметь окончательное суждение из-за недостатка фактического материала или по причине тенденциозного извращения фактов и явлений действительной жизни и т. д.

Все вопросы, связанные с подготовкой и проведением крестьянской реформы в Армении с ее полукрепостнической сущностью, нами выяснены не только на основе законодательного материала, но и с привлечением архивных данных, устанавливающих между про-

чим сотрудничество «высшего сословия» Армении с царизмом в деле защиты их общих интересов против крестьянской массы.

О результатах крестьянской реформы в Армении можно найти немало фактического материала в объемистых томах официального издания «Материалов по изучению быта государственных крестьян Закавказского края» и «Свода материалов по изучению быта государственных крестьян Закавказского края», вышедших в 80-х годах.

К сожалению, в них о помещичьих крестьянах говорится вскользь и случайно, если не считать двух работ М. П. Кучаева, написанных со знанием дела и на основе большого фактического материала. Одна работа Кучаева—«Крестьянская реформа в Елизаветпольской губернии»—напечатана в первом томе «Материалов», а другая—«Поземельное устройство государственных крестьян, водворенных на владельческих землях в Закавказских губерниях»,—во второй части первого тома «Свода материалов».

Не приходится особо говорить о методологических взглядах автора вышеуказанных работ—М. П. Кучаева; он принадлежит к числу официальных историков: он был крупным чиновником в Закавказье, занимая должность начальника главного управления наместника кавказского; по его работам ценны обилием фактического материала и ими, конечно, мы пользовались с соответствующей осторожностью.

Остальные авторы, участвовавшие в составлении «Материалов» и «Свода материалов», в частности те авторы, работами которых мы пользовались для нашего труда,—принадлежат к разным общественным течениям; среди них видный армянский консервативный историк А. Ерицов (Ерицян), известный армянский буржуазный экономист А. Араханян; некоторые из них находились под влиянием народнических идей, например, Н. Абелян, С. Зединский и т. д.

Но независимо от всего этого, как вышеуказанные, так и все другие авторы упомянутых выше сборников были поставлены в определенные рамки и должны были вести свою работу или по заранее выработанному плану уполномоченного на Кавказе министра государственных имуществ, или по его заказу для официального

издания. И все это, конечно, не могло не наложить казенной печати на их работы и, действительно, наложило, хотя на разных авторов в иной мере.

Не равноценны, конечно, по своему научному значению и по доброкачественности фактического материала работы всех этих авторов, по они—единственные исследования о крестьянском хозяйстве разных районов Закавказья, и содержащийся в этих работах материал до сих пор представляет большую ценность для каждого нового исследователя.

Мы широко пользовались этим материалом как при изложении вопросов, связанных с проведением крестьянской реформы в Армении, так и, в особенности, при анализе ее результатов для дальнейшей судьбы крестьянского хозяйства.

Некоторые проблемы, тесно связанные с реформой, невозможно изучать на основании имеющихся печатных источников и литературы; так, например, в них почти ничего не имеется о крестьянском движении в Армении в течение всего прошлого столетия: ни о борьбе помещичьих крестьян против постепенно и неустанно усиливавшейся феодально-крепостнической эксплуатации, ни о борьбе государственных крестьян против колониального гнета царизма, ни о внутрикрестьянской борьбе в деревне вследствие развития товарно-денежных отношений.

Все эти вопросы впервые поставлены и посылко разрешены нами на основании архивных материалов. Для этого нами тщательно использованы соответствующие фонды Центрального государственного архива Армянской ССР, материалы центральных архивов Москвы и Ленинграда и частично Центрального архива Грузии.

Сведения о крестьянской борьбе извлечены нами из разнообразных документов: из докладов, отношений и постановлений центральных, закавказских и местных государственных учреждений; о ней очень часто и по разным причинам говорится в жалобах помещиков на своих крестьян, поданных в вышеуказанные учреждения, мировым посредникам или другим представителям власти; многочисленные протесты крестьян против гнета и эксплуатации помещиков, конечно, также содержат богатый материал относительно масштаба,

размаха и остроты крестьянской борьбы против помещиков, царского колониального гнета и хищной деревенской кулацкой верхушки.

К сожалению, известные нам архивные материалы почти не дают возможности обрисовать картину классово-борьбы вокруг крестьянской реформы как во время подготовки, так и во время непосредственного проведения ее в жизнь.

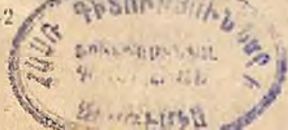
Так, например, нельзя документально выяснить отношение помещичьих групп Армении как к подготовлявшемуся царскими чиновниками, без участия представителей этих групп, проекту Положения 14-го мая, так и к самому этому Положению; об этом можно только догадываться на основании других данных, о чем поговорим в своем месте.

Мало что нам известно и об отношении крестьянской массы к той «свободе», какую собиралось преподнести ей царское правительство. Кроме того, что мы знаем о крестьянских протестах против деятельности так называемой Эриванской бежской комиссии половины 60-х годов, нам ничего не известно о том, как выявило крестьянство свое отношение к подготовке и к проведению царской реформы в Армении.

Классовая борьба вокруг крестьянской реформы нашла свое более или менее яркое отражение в армянской прессе и литературе. Мы внимательно просмотрели всю армянскую прессу второй половины XIX века и черпали оттуда все, что касается крестьянской реформы в России (1861 г.), в Грузии (1864—1865 г.г.), затем в Армении и Азербайджане (1870 г.).

На основе извлеченного из прессы и литературы материала мы старались понять и критически осмыслить позиции разных армянских общественных течений, выявить классовую основу их позиции, разделяя их на следующие группы: феодально-клерикальную, консервативную, либерально-буржуазную, либерально-народническую и революционно-демократическую.

Таким образом, как можно убедиться из всего вышесказанного, мы старались привлечь и критически использовать для нашего труда все виды печатных и архивных материалов, литературу и прессу, чтобы получить возможность всесторонне осветить нашу

41914

 0509
 19

тому, поставить и посылить разрешить все основные проблемы, связанные с крестьянской реформой, следовательно, выиспытать ее значение для дальнейшего развития крестьянского хозяйства и для развития всей экономики Армении в капиталистическом направлении.

2. Общий взгляд на колониальную политику царизма в Закавказье до крестьянской реформы

Завоевание Кавказа русским царизмом началось до превращения его в помещичье-буржуазную монархию; именно в ту пору, когда это превращение происходило, завершился окончательный захват Кавказа. Ленин в своей полемике с меньшевиками указывает на то, что «не при Николае II..., а при Александре II русский царизм начинал превращаться в «плутократическую» монархию, «начиная выражать классовые интересы буржуазии».¹

Поэтому поэтому, что в дореформенный период основными побуждениями к завоеванию Кавказа и Закавказья служили, по выражению Ленина, интересы военно-феодального империализма, т. е. господствовавших крепостнических групп и торгового капитала. Особо нужно отметить важное значение Закавказья, как плацдарма в целях продвижения в страны Передней Азии и для укрепления позиций царизма в его внешней политике против европейских держав на Востоке.

Политика феодально-крепостнического режима в разных частях Закавказья проводилась по-разному.

В Грузии, после ее присоединения к России, была введена система управления, в основном похожая на российскую. «Во главе всех центральных и уездных органов власти были поставлены русские чиновники».² Социальной же опорой царизма в проведении его политики явились грузинское дворянство, поставленное цариз-

¹ Ленин, Соч., т. XIV, 2-е изд. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата, стр. 64.

² Ф. Е. Махарадзе и Г. В. Жачапуридзе, Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии, стр. 16, 1932.

мом в привилегированное положение русских крепостников-дворян, и армянская торговая буржуазия, которая временно нужна была царизму, до тех пор, пока русскому торговому капиталу не удалось бы твердо стать на ноги на Закавказском рынке.¹

В Азербайджане система управления до 1841 г. «почти ничем не отличалась от системы ханского управления», и стоявшие во главе бывших ханств русские коменданты, опираясь на местные «высшие слои», «управляли» и бесчинствовали хуже персидских ханов. «От произвола коменданта... зависят права, честь и имущество сотни тысяч жителей», — в такому заключению пришли ревизовщики в 1829 г. Закавказье царские сенаторы.²

В Армянской области, в состав которой входили Эриванское и Нахичеванское ханства, колониально-крепостническое лицо царизма выявилось иначе. До завоевания этих ханств проводилась политика «обласканий» армян, так как они являлись «весьма полезным» орудием царизма в деле завоевания персидских и турецких областей в Закавказье.³ О военных услугах армян,⁴ о «преданности» армян России,⁵ о важном значении деятельности армянских купцов в интересах распространения русской торговли в Персии, в Турции и т. д. часто писалось в официальных документах того времени.⁶

Но как только был заключен мир с Персией (в 1828 г.), Паскевич удален из управления Армянской области генерала Красовского и епископа Персеса, «деятельность которых он признавал пристрастной к армянам».⁷

¹ Там же, стр. 16—22.

² Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, изд. АН СССР, 1936 г., часть 1, И. П. Петрушевский. Система русского колониального управления в Азербайджане в первой половине XIX века, стр. 9—10.

³ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. 1, стр. 436.

⁴ Акты, т. 1, стр. 116.

⁵ Акты, т. II, стр. 290—291.

⁶ Акты, т. VI, часть II, стр. 119.

⁷ В. Н. Иваненко, Гражданское управление Закавказьем, стр. 248, Тифлис, 1901 г.

Интересно другое официальное сообщение об отношении Паскевича к армянам. «Граф Паскевич-Эриванский сначала сокрыто и принужденно ласкал и привлекал армян, ибо на каждом шагу имел в них нужду в разных отношениях. Пыне, напротив, граф питает явную ненависть к имени армянина, преследует всех без изъятия и без различия». Больше того: «... он (Паскевич.—В. Р.) лично своей особой совершенную объявил войну гайкалскому (армянскому.—В. Р.) народу».

Автор этого секретного сообщения является противником лапни Паскевича: «Большой ряд высочайших грамот и повелений, числом до 34 актов, свидетельствует о существенной приверженности и полезности армян к России. Следовательно, нет видов колебать веками испытанную верность древнего народа».¹

Но «веками испытанная верность» тут не при чем. Завоеванная страна для завоевателей имела свое «назначение». И «чествейший армянский народ», как часто выражались в царских грамотах, именно народ, армянское крестьянство, попал под гнет царских полицейских, судебных и податных чиновников Армянской области, управление которой было организовано по русскому образцу. Привилегии высших сословий остались в неприкосновенности, и они в тесном союзе с царскими чиновниками продолжали держать народ «в совершенном повиновении», как говорил Паскевич.²

Недовольство народных масс приводит царских высших чиновников «к убеждению», что «подобное управление сколько полезно и благотельно в земле более или менее просвещенной», столько же «представляет неудобств по Армянской области», большую часть жителей которой «можно назвать полудикими».³

В 1833 г. проводится новое переустройство в управлении Армянской областью, но по существу ничего не изменяется в системе и деятельности всех учреждений. Все изменения, введенные в административно-судебную систему управления Армянской областью

¹ Центр. архив революции, III 0. 1 ЭКСП, 151, лл. 44—47.

² Иваненко, указ. соч., стр. 249.

³ Акты, т. VIII, стр. 505.

начальником ее с 1830 г., князем В. Бебутовым, преследовали одну цель—усилить царскую власть, ее полицейские органы, не брезгая превратить в систему меры физического грубого насилия, мотивируя это тем, что народ со времен персидского владычества привык подчиняться только такому воздействию.¹

Желания армянских высших сословий добиться самостоятельного политического существования Армении при поддержке царской России вылились в довольно печальную действительность. Высшему сословию довольно бесцеремонно дали понять, что нужно довольствоваться скромной ролью местных слуг царизма на военно-гражданском поприще и в торговой деятельности.

«Положением же 11 марта 1836 г. армянская церковь, видные представители которой были сторонниками русской ориентации и играли руководящую политическую роль среди армян, разделяя все политические упования армянских высших сословий, была поставлена под контроль государственных органов, лишаясь самостоятельности даже в своих духовных делах.

Уже в 20-х годах царские государственные деятели Паскевич и Канкрин ясно представляли себе значение Закавказья как колонии. Их взгляды ясно сформулированы в первом томе «Обзрения российских владений за Кавказом». В введении, под заглавием «Общий взгляд на Закавказье, как на колонию России», сказано: «Не без основания закавказские провинции могут быть названы нашею колонию, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов». Далее следует объяснение значения этой новой «принципиальной установки»: «Название Закавказья колонию России, впервые проявленное, открывает все виды на тамошние владения: это есть именно та точка, с которой должно смотреть на них и давать направление системе всех действий».²

¹ В. Парсамян, Колониальная политика царизма в Армении, ч. 1, изд. Армфана, Ереван, 1940 г., стр. 144 (на армянском языке).

² Обозрение российских владений за Кавказом, ч. 1, стр. 12 ж 13, 1836.

Уже то положение, что «край сей ныне доставляет пользу только в стратегическом смысле», считалось нетерпимым и предполагалось «сделать край сей полезным для России», «онный связать с Россиею гражданскими и политическими узами в единое тело и заставить жителей тамошних говорить, мыслить и чувствовать по-русски» («Предположения об устройстве Закавказского края», разработанные Паскевичем и сенаторами Мечниковым и Кутансовым).¹

Эти «предположения» не были проведены в жизнь, но в начале 40-х годов временно было введено в жизнь «Учреждение для управления Закавказским краем», разработанное комиссией сенатора Гана. «Учреждение» по существу не отличалось от «Предположений», но в нем феодально-крепостническая централизация и русификаторская политика была доведена до крайности: русские законы, русское управление, русские чиновники, полное игнорирование местных особенностей края и недооценка значения местных «высших сословий» в деле управления и колониальной эксплуатации края.

Но все же основная цель: «сделать край сей полезным для России», — не была достигнута, и по всему краю пропелась волна негодования, даже вспыхнули крупные крестьянские восстания в Южной Осетии (1840 г.) и в Гурии (1841 г.).²

С назначением князя М. С. Воронцова наместником Кавказа отношение к Закавказью, как к колонии царской России, является уже официально признанным фактом, и Закавказье сравнивается с Алжиром — французской колонией. В докладе председателя Кавказского комитета Николаю I так и сказано: «Алжир составляет колонию Франции. На Закавказский край у нас некоторое время смотрели, как на колонию в одном только отношении — финансовом. В настоящее время взгляд сей изменился совершенно». Из дальнейших рассуждений председателя Кавказского Комитета выясняется, что Закавказье во всех отношениях является колонией, что «мест-

¹ Колониальная политика..., ч. I, стр. 19—21.

² Ф. Е. Махарадзе и Г. В. Жачапуридзе, Очерки..., стр. 36—40 и 45—46.

ное управление разными частями Закавказского края и применение того к правам и образу понятий жителей требует еще многих преобразований, обрабатываемых ныне главным управлением Закавказского края».¹

В годы наместничества Воронцова среди «многих преобразований» важнейшим является то, что царизм в своей колониальной политике начал твердо опираться на туземные землевладельческие сословия в Азербайджане и в Армении, расширяя и укрепляя их помещичьи привилегии, приближая их к привилегиям, которыми пользовались русские и грузинские дворяне, предоставляя им почти крепостнические права над азербайджанским и армянским крестьянством.

Известно также, что в годы наместничества Воронцова (1845—1854) в колониальной политике царизма в Закавказье становится более или менее заметным влияние промышленной буржуазии, хотя крепостники в этой политике продолжают играть руководящую роль. Объяснение этого явления не представит трудности, если будем иметь в виду указание Ленина, что текстильная индустрия в начале пореформенной эпохи, «будучи довольно высоко развитой в капиталистическом отношении (мануфактура, начинающая переходить в фабрику)..., вполне овладела рынком Центральной России. Но крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынка дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Заvolжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.».²

Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. также указывает на то, что Россия восприняла много «элементов промышленности», и отмечает большое развитие «в ней буржуазных элементов». «А в письме от 23 сентября 1851 г. он говорит о развитии

¹ Колон. политика российского царизма в Азербайджане, ч. 1, стр. 30 и ч. II, стр. 288—289.

² В. И. Ленин, Соч., т. III, 2-е изд., Развитие капитализма в России, стр. 462.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

хлопчатобумажной промышленности: «Николай, очевидно, начинает бояться этой индустрии. Но... в этом деле заинтересованы все его богатое дворянство и вся буржуазия».¹

Вдумываясь в эти высказывания, можно понять и ярко крепостническую политику царизма в Закавказье во время наместничества Воронцова и, одновременно, те мероприятия, которые направлены были к развитию определенных отраслей промышленности в этой колонии русских крепостников, торговцев и развивавшейся промышленной буржуазии.

В следующие десятилетия, в шестидесятых и семидесятых годах, т. е. в годы «крестьянской реформы» в Грузии, в Азербайджане и в Армении, колониальная политика царизма все больше приобретает буржуазный характер. Закавказье, как колония, начинает превращаться в капиталистическую колонию, но понятно, что темпы этого процесса обусловлены всеми теми особенностями развития капитализма, которые свойственны царской России после проведения крестьянской реформы «сверху».

Ленин, по Марксу, так определяет основные признаки капиталистической колонии: «1) наличие незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличие сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, которые, при других обстоятельствах, им пришлось бы изготавливать самим». В отношении же Кавказа Ленин особо подчеркивает: «Еще более приложимо это понятие колонии к другим окраинам, например, к Кавказу. Экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а именно это экономическое завоевание не закончено и поныне» (т. е. в конце XIX и в начале XX в.—В. Р.).²

Так как нас особенно интересуют 60—70-ые годы, то нам не-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том XXI, стр. 274.

² В. И. Ленин, Соч., т. III, 2-е изд., Развитие капитализма в России, стр. 463.

обходимо помнить, что все указанные явления, свойственные капиталистической колонии, уже в эти годы имелись в Закавказье и без учета этого обстоятельства нельзя правильно подойти к анализу всех условий, предшествовавших реформе и к пониманию самой реформы как во всем Закавказье, так и, в частности, в Армении.

Еще один существенный момент должен обратить на себя наше внимание: царизм и в дореформенный и в пореформенный периоды своего господства вообще, и, в частности, по отношению к закавказским народам, с жестокой эксплуатацией и политическим террором соединял не менее жестокую политику преследования национальной культуры. «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам,—говорит тов. Сталин,—состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики—перозвитость и политическая отсталость этих народов».¹

Руководствуясь этим указанием тов. Сталина, многое можно уяснить себе в политике царизма по отношению к Закавказью.

3. Социально-экономическая обстановка и классовая борьба в Закавказье накануне и в годы крестьянской реформы

В Закавказье ко времени крестьянской реформы были достаточно развиты «капитал ростовщический вместе со своим близнецом, купеческим капиталом».² Так как «развитие ростовщического капитала находится в связи с развитием купеческого капитала и, в частности, с развитием капитала торговцев деньгами (денежно-торгового капитала)»,³ то понятно, что и в Закавказье первый из этих «близнецов» в момент своего развития должен был существовать «в двух характерных для него формах»: «во-первых, ростов-

¹ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 69—70, М., 1934.

² Капитал, т. III, ч. II, стр. 133, изд. 1923 г.

³ Там же, стр. 133.

ничество при помощи денежных ссуд знатым расточителям, преимущественно землевладельцам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, по в особенности крестьянин...».¹ В Закавказье, в частности в Грузии, «знатные расточители» еще с сороковых годов оказались в руках ростовщиков и припуждены бывали часто продавать свои имения для покрытия своих долгов. Еще Воронцов главное назначение учрежденного в 1849 году Закавказского Приказа Общественного Призрения, как кредитного учреждения, видит в том, что оно помогает обанкротившимся помещикам спасать свои имения от продажи для покрытия долгов.² Это «разорение богатых земельных собственников ростовщиками» (Маркс) продолжает усиливаться в следующие десятилетия, несмотря ни на какие предупредительные меры царизма по охране собственности помещиков, и со своей стороны значительно ухудшает положение крепостных крестьян.

Усиление эксплуатации ростовщиками городских ремесленников в дореформенные два десятилетия тоже несомненный факт и все то, что нам известно о недовольстве и движении городских ремесленников, можно хорошо объяснить, имея в виду постоянное увеличение давления на них со стороны ростовщического и купеческого капиталов и ухудшение жизненного уровня ремесленников.

«Но, в особенности, крестьянин» (Маркс) испытывал на своих плечах не только тяжесть помещичьих и государственных податей и повинностей, но и тяжесть ростовщического ярма. Особенно ярко это явление распространилось с 60-х годов прошлого столетия. Им занимаются даже официальные издания. Оно находит свое яркое отражение в армянской художественной литературе. Невозможно привести цифровые данные об этой «деятельности» ростовщичества в деревне, но одно несомненно, что ко времени ре-

¹ Капитал, том III, ч. II, изд. 1923 г., стр. 134.

² Акты, т. X, стр. 877.

³ См., например, статью Кучаева: Ростовщичество в среде крестьянского населения в «Своде материалов», т. V, ч. 2-я.

формы в Закавказье ростовщик уже становится одной из значительных фигур в деревне, наряду с помещиком и чиновником, и нередко являлся их пособником.

Известно также, что «разорение богатых земельных собственников ростовщиками и эксплуатация ими мелких производителей в одинаковой мере приводят к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Но в какой мере этот прогресс уничтожает старый способ производства, как это имело место в современной Европе, и ставит ли на его место капиталистический способ производства,—это зависит всецело от степени исторического развития и связанных с этим обстоятельств».¹

Степень исторического развития Закавказья и связанные с этим обстоятельства как раз и не способствовали тому, чтобы процесс уничтожения старого, феодального и развитие нового, капиталистического способа производства шел быстрым темпом. Так было не только до реформы, но в значительной мере и после проведения ее. Главным препятствием являлось колониальное положение Закавказья; царизм вначале своей крепостнической, а потом буржуазно-крепостнической колониальной политикой задерживал процесс развития капиталистического производства и старался сохранить старые социально-экономические отношения.

Вот что говорит по этому вопросу товарищ Сталин, имея в виду вообще окраины царской России, находящиеся в колониальном положении: «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве».²

Говоря об этом же вопросе, Ленин указывает и на следующее обстоятельство: «Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил, источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация «иностранцев»».³

¹ Капитал, т. III, ч. II, стр. 134—135, изд. 1923 г.

² И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 81, 1939.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 198—199.

А «экономический застой» в известной мере был необходим для царизма не только в дореформенный, но и в пореформенный период, для того, чтобы крепостнические, а затем и полукрепостнические помещичьи элементы оставались во главе власти. Поэтому закавказские народы наряду с другими «инородцами» как до реформы, так и частично после реформы должны были оставаться в тисках феодальной, а потом полуфеодальной эксплуатации.

Новый, капиталистический способ производства с трудом прокладывая себе путь в колоншальном Закавказье, особенно в бывшей Армянской области или в Эриванской губернии, т. е. в генеральной Советской Армении, как это и будет видно из дальнейшего изложения. Все-таки царизм в силах был только задерживать, но не останавливать капиталистическое развитие своей колонии, да это после реформы и не было в интересах царизма. Развитие торговли, внешней и внутренней, вовлечение в денежные отношения и в торговый оборот деревни, привели к медленному, но неизбежному развитию капитализма и в этой колонии царизма, правда, с достаточным опозданием и неравномерно во всех частях края.

Однако, все это, в основном, относится к пореформенному периоду, а до крестьянской реформы о капиталистическом производстве в Закавказье почти не приходится говорить ни в области промышленности, ни в области сельского хозяйства. Отметим только некоторые отдельные попытки в этом направлении.

Еще в 1827 г. Канкрин писал Паскевичу о предоставлении «иностраницу Кастелла» до 2.000 десятин земель, чтобы «устроить образцовую ферму для разведения тутовых деревьев, хлопчатой бумаги, шафрану, табуку, крапу и других красивых и врачевных растений».¹ Из ответа Паскевича в 1828 г., между прочим, видно, что уже отпущена названному капиталисту ссуда в 22,405 руб. 42 коп. серебром.² Немало такой черенщины было и в последующие годы. Например, Розен в отношении от 20 января. 1838 г. сообщает, что Амиран и Артем Шахвердовы «устроили в Сигпакх для

¹ Акты, т. VII, стр. 155.

² Там же, стр. 161—162.

пряжи хлопчатой бумаги большую европейскую фабрику, употребляя на нее более 40 тыс. рублей серебром, которая пущена уже в действие». Он ходатайствует «о награждении их чинами 14-го класса».¹

Мероприятия Воронцова в отношении развития промышленности известны. Напомним о выписке из Америки высокосортных семян хлопка, ручных хлопкоочистительных машин;² о попытках разведения американских сортов табака в Эриванской губернии, в Абхазии;³ о мерах «поощрения местной выподельной промышленности».⁴ Кстати там же указаны цели этих мероприятий: «увеличение акцизных доходов». Из отчета Воронцова за 1846—1848 г.г. узнаем о проведении новых или возобновлении старых каналов и в Эриванском, и Александропольском уездах и в других районах Закавказья.⁵ Известны заботы Воронцова об учреждении в деревне Дрэ Тифлисской губернии суконной фабрики для производства солдатского сукна; большое внимание было обращено им на тифлисский чугунный завод.⁶ Но все эти и им подобные попытки и мероприятия были незначительны. Они интересны, пожалуй, лишь как показатели стремления царизма использовать экономические возможности новой колонии, но не по своим положительным результатам.⁷

Уже в годы крестьянской реформы попытки создания капиталистических предприятий в Закавказье учащаются. В отчете Наместника за 1863—1871 г. г. читаем: «В последнее время явились некоторые лица и компании, выразившие желание, при условии многолетней аренды, провести воду на доселе безводные пространства...». Далее в отчете отмечается, что «это в особенности жела-

¹ Акты, т. VIII, стр. 969.

² Акты, т. X, стр. 159—160.

³ Там же, стр. 161—162.

⁴ Там же, стр. 26—27.

⁵ Акты, т. X, стр. 869.

⁶ Акты, т. XI, стр. 768—773.

⁷ Ср. Махарадзе и Жачадурядзе, Очерки по истории рабочего и кр. движ. в Грузии, стр. 14—15 и 101; также Махарадзе, Грузия в XIX столетии, стр. 84.

только в южной части Закавказского края, в губернии Эриванской и в долине Куры и Аракса, где орошение дало бы возможность производить значительные посевы хлопчатника и тем самым освободить промышленность русскую от иностранной зависимости». Осуществление всего этого наталкивается на отсутствие местных капиталов, русские же капиталы находят применение в России. Привлечение же на Кавказ иностранного капитала могло бы помочь делу, но «представляло бы опасность подчинения промышленности края влиянию иностранному».

Поэтому наместник, приветствуя первую крупную попытку армянского капиталиста «коллежского секретаря» Мирзоева, который в начале 1871 года открыл в Тифлисе первую хлопчатобумажную фабрику, дает следующую оценку новому мероприятию: «Эта отрасль мануфактурной промышленности в крае, в котором произрастает хлопок, обещает значительные выгоды, а вместе с тем, со временем может создать весьма прибыльное для отечественной торговли на персидском рынке соперничество с английскими бумажными изделиями...».¹

Так представлял глава кавказской власти перспективы капиталистической колониальной эксплуатации закавказского сельского хозяйства и промышленности.

Капиталистические предприятия начинают появляться в Закавказье после проведения реформы в 70-х годах и еще больше в 80-х годах. Этому росту в значительной мере способствует железная дорога (открытие линии Поти—Тифлис в 1871 г. и Баку--Батуми—в 1883 г.).

Орган армянской либеральной буржуазии «Мшак» («Работник») в своей передовице «Промышленность на Кавказе» отмечает: «Последние три года в экономической истории Кавказа были очень удачными годами: за это время в Тифлисе были основаны две фабрики и три банка»; там же выражается уверенность в том, что «на эти некоторые опыты мы можем смотреть как на первые

¹ ЛОЦИА, дело № 124 Кавказского комитета. По отчету наместника кавказского за 1863—1871 гг.

звенья одной длинной цепи экономических предприятий».¹ В следующем году в «Мшак» же Меликзаде (известный армянский писатель Раффи) ставит вопрос о необходимости открытия в Тифлисе биржи: «Тифлис можно считать центром всей торговой деятельности Закавказья»,—говорит Меликзаде. Поэтому благодаря тифлисской бирже и биржевым маклерам станет возможным вывести торговлю Закавказья из ее «темного, патриархального» состояния, и она «получит регулярное развитие»².

Итак, «Мшак» выявляет чуткую заботу о промышленном развитии Закавказья, об учреждении банков и бирж непосредственно после крестьянской реформы в Закавказье.

А в год крестьянской реформы в Азербайджане и Армении в журнале «Айкакан ашхар» («Армянский мир») будущий редактор «Мшака», Гр. Арцруни писал об условиях и о характере развития промышленности на Кавказе следующее: «Долгое время Кавказ представлял военное поле. Армяне богатели как могли, т. е. или служба, или становясь подрядчиками по снабжению войска». При настоящих мирных условиях «похвально желание заниматься промышленностью, но более похвально ясное понятие о пользе той или другой отрасли промышленности или о преждевременности того или иного занятия». Автор заканчивает свою мысль следующим категорическим утверждением: «Пойдем, наконец, что еще долгое время роль Кавказа и Армении должна заключаться в производстве сырьевых продуктов» (подчеркнуто автором).³ Будущий идеолог армянской промышленной буржуазии в начале же своей деятельности защищает такие установки, против которых руководители царской колониальной политики не могут иметь возражений. По этим установкам выходило, что армянская буржуазия, до этого разбогатевшая на торговых операциях (военные подряды и т. д.), должна была в будущем еще больше нажиться на обработке для русской промышленности сырьевых продуктов богатого Закавказья.

¹ «Мшак», 1872 г., № 34.

² «Мшак», 1873 г., № 36, Меликзаде, «Важность биржи».

³ Г. Арцруни, «Пойдем, наконец», в журнале «Айкакан ашхар», 1870 г., № 6, стр. 127, 127—128 и 130.

Если промышленность в Закавказье находилась в зачаточном состоянии, то до крестьянской реформы не приходится почти говорить о промышленных рабочих и особенно о их роли в общественной жизни страны. Они начали появляться во второй половине XIX века из экономически разлагавшихся слоев городских ремесленников в связи с развитием среди них капиталистических элементов¹ и в основном под влиянием того, что на Кавказе: «шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, издающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов».²

Другим источником, из которого черпались промышленные рабочие, было крестьянство. О нем поговорим ниже.

О настроениях ремесленников в эти переломные годы их жизни и о их борьбе в разных городах Закавказья мало что известно, только имеются кое-какие сведения о демонстрации ремесленников и мелких торговцев в Тифлисе.

Наступление на организации ремесленников, на их цехи началось в Тифлисе давно.

Еще во время наместничества Воронцова «в европейской части общества заговорили о необходимости уничтожить амкарства», т. е. цехи.³ Не трудно понять, что это за «европейская часть общества» и почему ярый защитник феодально-крепостнических элементов Закавказья Воронцов панерекор этому «обществу», т. е. буржуазным элементам, сохранил амкарства, делая только некоторую уступку, разрешая и вне амкарств занятие ремеслом и мелкой торговлей.

Преемник Воронцова, Барятинский в конце 50-х годов уже ясно представлял себе связь амкарств с существовавшими общественно-экономическими отношениями и их уничтожение связывал с развитием капитализма. Сохранение цехов он мотивировал следу-

¹ Махарадзе и Жачапуридзе, Очерки..., стр. 111—112.

² В. И. Ленин, Соч., т. III. Развитие капитализма в России, стр. 463.

³ Иваненко, Гражданское управление Закавказьем, стр. 458.

ющим образом: так как амкарства «образуют собою превосходную внутреннюю полицию», «то я решился вовсе не касаться до сего многовещного учреждения; торговая же монополия этих общин должна пасть сама собою, с улучшением путей сообщения и развитием торговли и промышленности».¹

Форменный разгром цехов последовал позже, после демонстрации ремесленников и мелких торговцев Тифлиса в 1865 г., «по уже по соображениям совершенно иного свойства».² Дело в том, что тифлисским ремесленникам и мелким торговцам и без того трудно жилось в условиях торгово-капиталистического окружения, а городские власти еще обложили их новыми непосильными налогами. Это и послужило непосредственным поводом к стихийному возмущению 10.000-ой массы ремесленников и мелких торговцев 26 июня 1865 г. Они отказались открыть лавки до тех пор, пока не будет отменен налог (60.000 рублей), и несмотря на угрозы властей, что они прибегнут к оружию для подавления «бунта», лавки не были открыты до 29-го числа. Правительство прибегло к оружию, были и убитые, но оно все-таки было вынуждено отменить новый налог; чего единственно и добивались «бунтовщики».

В правительственных кругах поносились слухи о том, что «бунтовщики» хотели все городское управление, в частности назначения и взимание налогов передать выборным лицам от народа, заговорили о заговоре против царизма и чуть было не представляли дело так, что якобы готовится отделение Закавказья от России.

Словом, экономическое требование мелко-буржуазной массы было принято как политическое высказывание, вокруг которого был поднят большой шум и «по соображениям совершенно иного свойства» были разгромлены амкарские организации.³

В 1869 году 5-го апреля были изданы новые правила для тифлиских цехов. Приблизительно из 80-ти цехов были оставлены 17 и подчинены ремесленному управлению, которое входило в со-

¹ Акты, т. XII, стр. 1318.

² Иваненко, указ. соч., стр. 460.

³ Ф. Махарадзе, Грузия в XIX столетии, стр. 59—64.

став городского управления; в цехи были допущены только ремесленники, мелким торговцам входить в них не разрешалось. Внутренняя жизнь, порядок выборов в цехах и вообще вся их деятельность была взята под контроль полиции. Словом, мелкобуржуазная масса города за свое стихийное возмущение получила соответствующую кару, так как посмела использовать цеховую организацию не только как «внутреннюю полицию», но и как средство массового протеста против податного гнета царизма.

По архивным материалам, изданным профессором Л. Меликсет-Бекем в 1938 году, выясняются некоторые новые обстоятельства участия армянской интеллигенции в этой демонстрации; так, представители армянского консервативного течения были обвинены царизмом в сочувствии и в подстрекательстве демонстрации 1865 г. В связи с этим делом упоминаются имена видных деятелей этого течения: Петроса Шашияна, Петроса Симоняна и др. и, между прочим, имя известного армянского драматурга Г. Сундукяна. Армянские консерваторы были более или менее критически настроены к царизму и выявляли отрицательные черты царских порядков. Они полемизировали с армянскими клерикалами-реакционерами, которые были заняты рабским восхвалением царского режима.

Во время демонстрации тифлисским городским головой выступил клерикал Галуст Шермазап-Вардапян, который и ввел новый налог и против которого направлено было возмущение масс. Ничего невероятного нет в том, что армянские консерваторы сочувственно отнеслись к протесту амкаров, выступавших против податного гнета и рабского проводника царской политики. Но все они были люди чрезвычайно умеренных буржуазных взглядов и сторонники только легальных форм деятельности. Это было понятие правительством и они, как благонадежные, скоро были освобождены от преследований.¹

Сочувственно отзываясь об амкарах в своих интересных воспоминаниях и консервативно-демократический армянский писатель

¹ Ср. газету «Советская Грузия», 1938 г., № № 19 и 20. Проф. Л. Меликсет-Бек. Выступление амкаров в Тифлисе в 1865 г., Г. Сундукян и армянская интеллигенция.

П. Прошян, он даже оправдывает разгром дома городского головы амкарами: «Чисто было сердце народа, он руководствовался справедливым оружием божественной справедливой мести и пошел пощипать счета со своим врагом».¹

Перейдем к неложению крестьянства, к его борьбе против колониального гнета царизма и усилившейся помещичьей эксплуатации.

Развитие внешней торговли, имеющей до 60-х годов первенствующее значение в торговых оборотах, медленное, но постоянное увеличение торговли с Россией,—дают толчок к развитию и внутренней торговли в самом Закавказье и втягиванию в нее деревни с 40-х годов. К этому же времени происходит введение царским правительством денежной подати взамен натуральной, что со своей стороны также способствует оживлению обмена. Указание Ленина: «Несомненно, что денежные оброки и подати были в свое время важным фактором развития обмена»,² вполне применимо к Закавказью того времени.

Присутствие в Закавказье огромной царской армии и все чозраставшей армия чиновников, трудность снабжения их исключительно провизантом и товарами, привозимыми из России, особенно до проведения железной дороги, не только толкали к развитию внешней торговли, но и способствовали привлечению во внутреннюю торговлю крестьянства, связывая его с расширившимся рынком.³ Развитие торгово-денежных отношений ухудшает положение в частности помещичьих крестьян, в связи с увеличением на них нажима помещика, все более и более нуждавшегося в деньгах для удовлетворения своих новых потребностей.

Именно в этих новых условиях, особенно с 40-х годов, в Гру-

¹ Арм. журн. «Театр», 1899 г., № 2, П. Прошян, Один неизвестный театральный деятель, стр. 67—68.

² Ленин, Соч., т. III, стр. 111.

³ Махарадзе и Хачапуридзе, Очерки..., стр. 20.

зии крепостное крестьянство судебным порядком упорно пыталось добиться свободы, защищая свои права даже в тесных рамках царского правосудия. Грузинское дворянство испустило вой по этому поводу, и з уписан с ним главноуправлявший Закавказским краем Головин настаивал на том, что «для обеспечения помещиков и спокойствия края» полезно «привести в исполнение предлагаемые дворянством меры» о «бесповоротном укреплении за помещиками крестьян». Военный министр и председатель Кавказского Комитета Чернышев находил необходимым «удержать помещичьих крестьян в повиновении и не дозволить ничего, могущего поощрять крестьян к жалобам и тягбам». Все-таки крестьянство продолжало свою борьбу против помещичьей кабалы.

Воронцов дал приказ выяснить причины «малого успеха правительственных мер против стремления крестьян к свободе». Было сделано следующее «открытие»: «что это происходит наиболее от того, что чиновники, за пороки лишены мест по службе, списывают себе содержание сочинением просьб, подстрекая и научая в особенности неопытных крестьян отыскивать себе свободы».¹

Несмотря на всевозможные меры правительства и махинации дворян «против стремления крестьян к свободе», эта борьба грузинского крестьянства продолжалась, принимая все новые и новые формы. Когда Воронцов запретил неким крестьян о свободе, «многие из них стали предпочитать своему крепостному состоянию плен у горцев, рассчитывая, по возвращении из плена на родину, на получение по обычаям страны свободы». Но крепостники нашли выход и из этого положения: «В устраниении эго зла также последовало законодательное распоряжение о том, что приобретение крепостными крестьянами, по выходе из плена, свободы обуславливалось десятилетним нахождением крепостного в плену».²

Но царское правительство имело и несравненно более внуши-

¹ С. Эсадзе, Историческая записка об управлении Кавказом, т. 1, Тифлис, 1907 г., стр. 301—302.

² «Русский вестник», 1893 г., март, М. Н. Кучаев, Феодализм и закрепощение в Закавказье, стр. 94; см. также. Акты, т. VIII, стр. 60—61.

тельные причины, чтобы серьезно относиться к «урегулированию положения» крепостной массы; гурийское восстание крестьян в 1841 году, частые выступления крестьян Южной Осетии и особенно длительное и упорное восстание 1840 г., восстание в Мегрелии в 1857 году и многие другие более мелкие вооруженные выступления крестьян почти во всех районах Грузии (например, в 1858 г. в Кутанеской губернии, в 1862 г. в Гурии, в 1863 г. в Сенакском округе Мегрелии), направленные не только против помещиков, но и против полицейского, податного и пр. гнета, были серьезными предупреждениями для властей, которые особенно с того времени, как Воронцов стал наместником, ни в чем не отказывали закавказским «высшим слоям» в их крепостнических пожеланиях во имя создания опоры царизма.

Не так ярко и решительно, как в Грузии, по все же достаточно чувствительно было возмущение крестьянских масс против царского колониального гнета, полицейского произвола, помещичьей эксплуатации среди трудящихся масс деревни в Азербайджане и в Армении. Мы постараемся это показать на последующих страницах нашей работы в отношении Армении.

Пока можем констатировать тот несомненный факт, что вслед за крестьянскими восстаниями и движениями в Грузии, борьба, протесты и выступления крестьянских масс Азербайджана и Армении являлись немаловажными факторами, толкавшими царизм взяться за дело реформы и в Закавказье.

Другим решающим фактором крестьянской реформы является, во выражению Ленина, «сила экономического развития», которая экономикой Закавказья вывела на путь капиталистического развития и поставила в противоречие с феодально-крепостническими отношениями.

Ленин по отношению к России говорит: «Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, но могли удержать старых, рухнувших форм хозяйства».¹ Помещи-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XV, 2-е изд., «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 143.

ки-крепостники Грузии, землевладельческое «высшее сословие» Азербайджана и Армении также «не могли удержать старых, рухнувших форм хозяйства», но более низкий уровень капиталистического развития Закавказья значительно уменьшал давление на царизм для скорого проведения крестьянской реформы, и он в согласии с интересами и желаниями местных помещиков оттянул ее осуществление в Закавказье до 1870 г. Но более откладывать крестьянскую реформу в Закавказье было невозможно, так как после проведения ее в метрополии, после того, как царизм уже стал на путь превращения в помещичью-буржуазную монархию, перед ним возник вопрос приспособить экономику Закавказья к задачам новой полукрепостнической-полубуржуазной колониальной эксплуатации.

Наряду с двумя первыми факторами, толкавшими царское правительство на проведение крестьянской реформы в Закавказье, нельзя упускать из виду и значение этого третьего фактора, следствием осуществления крестьянской реформы неотложным.

И царизм, опираясь на местные помещичьи элементы, проводил «крестьянскую» реформу, которая, как и в России, «была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники».¹

Результаты крестьянской реформы в Закавказье в общем были хуже, чем в России; достаточно сказать, что временно-обязанные и зависящие отношения крестьян к помещикам здесь были ликвидированы в 1912 году, а выкупные платежи—в 1917 г.

Но все же, как говорит Ленин, «Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг на пути превращения России в буржуазную монархию».² Все это, конечно, относится и к крестьянской реформе в Закавказье, в том числе и в Армении.

Следовательно, перед нами стоит задача в конкретно-исторических условиях Армении выяснить значение и удельный вес кре-

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 143.

² Там же.

постного хозяйства, изучить предпосылки и условия проведения реформы, выявить ее крепостнические черты, задерживавшие капиталистическое развитие страны, и буржуазные элементы, открывавшие возможность для нарождавшегося капитала втягивать в сферу своего влияния крестьянское хозяйство. При этом, принимая во внимание то, что «...после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, заглявшие в некоторых старых странах Европы целые века»,¹ нам следует выяснить размеры конкретного осуществления указанного Лениным явления в далеком уголке царской колонии—в бывшей Эриванской губернии или в теперешней Советской Армении.

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 143.

1. АРМЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1. Положение крестьянства до 1846 года

А. Феодалные отношения в Армении

Эриванское и Нахичеванское ханства, из которых Паскевич образовал в 1827 году Армянскую область, достались России в разоренном и обезлюденном виде.

Разбежавшееся во время войны население после заключения мира стало постепенно возвращаться обратно. В Армянскую область переселилось много армян из персидских и турецких владений. Но все-таки, по свидетельству Шопена, из 1.111 селений Армянской области населены были только 752 (в Эриванской провинции—521, в Нахичеванской провинции—179, в Ордубатском округе—52), а остальные 359 селений были опустошены (из них 310 в Эриванской провинции, 43 селения—в Нахичеванской провинции и 6 селений—в Ордубатском округе). Шопен указывает и на то, что многие опустошенные деревни уже заселены, но как это происходило, не дает конкретных данных.¹

Эти сведения относятся к началу 30-х годов прошлого века. Интересны данные о числе и социальном составе населения этого же периода по камеральному описанию 1829—1832 годов.

Население трех городов Армянской области было следующее:

Эривань	2751 дымов или 11 463 душ о. п.
Нахичевань	1330 " " 5.470 " " "
Ордубат	803 " " 3.444 " " "
Всего	4881 " " 20.377 душ о. п.

¹ Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения к Российской империи, стр. 484—519, СПб, 1859.

В городах армяне составляли меньшинство: в Эривани—4.132 души о. п., Нахичевани—1.829 душ о. п. и в Ордубате—182 д. о. п., всего 6.149 душ о. п.

Все население Армянской области:

Эриванская провинция	20.927 дымов или 115.155 д. о. п.
Нахичеванская провинция	6.538 30.507 "
Ордубатская провинция	2.329 " 10.975 "
Кочующие народы (во всей области)	1.411 " 7.813 "
Всего	31.201 дымов или 164.450 д. о. п.

Во всей Армянской области армяне составляли чуть больше половины всего населения, а среди них переселенцы армяне из Персии и из Турции составляли больше ² ¹.

Степень точности данных камеральных описаний давно известна, но они являются единственными, ими приходится пользоваться, но с особой осторожностью.

Перейдем к вопросу о социальном составе населения.

Число высшего сословия в Армянской области было следующее (по провинциям и по национальностям):

	У мусульман		у армян		вместе	
	семейств	ч. душ	сем.	ч. душ	сем.	ч. душ
В Эриванской провинции	215	1.573	22	205		
В Нахичеванской провинции	135	867	15	109		
В Ордубатской провинции	42	299	11	120		
Всего	392	2.739	48	434	440	3.173

Приведенная таблица составлена нами по данным Шопена.² Ниже приводим в процентах соотношение высшего сословия к об-

¹ Шопен, указ. соч., стр. 540—642.

² Шопен, указ соч., стр. 688—691.

щему числу жителей с учетом их национальности, включая сюда и кочующие народы (все это тоже составлено нами по тем же данным):

Общее число мусульман—81.749, из коих на высшее сословие приходится 2.739 или 3,3%.

Общее число армян—82.377, из коих на высшее сословие приходится 434 или 0,5%.

В общее число мусульман и армян не включены 324 езиды.

Общее число жителей—164.450, из коих на высшее сословие приходится 3.173 или 1,9%.

Армянское и мусульманское духовенство составляло вместе 5.290 человек или 3,2% общего числа населения и вместе с высшим сословием не входило в податное сословие.

По камеральному описанию во всей Армянской области было 895 купцов и 9.229 ремесленников или в процентах (к общему числу жителей): 6,1.¹

Купцы и ремесленники вместе с государственными и помещичьими крестьянами составляли почти 95% всего населения и являлись податным сословием.

Итак, в Армянской области социальный состав населения, по имеющимся данным, представляется в следующем виде (в процентах):

Высшее сословие (местное дворянство)	1.9%
Духовенство (армянское и мусульм.)	3.2%
Торговцы и ремесленники	6.1%
Крестьянство (и кочевые народы)	88.8%

Социальный состав населения, конечно, отражал существовавшие социальные, феодальные отношения в Армянской области.

Постараемся, следовательно, по имеющимся данным, выяснить отношения основных классов Армянской области—землевладельцев и крестьян.

По Шопену в Армянской области при персидском правительстве владельцы земли не являлись ее собственниками. Земля бы-

¹ Шопен, указ. соч., стр. 635—642 и 691—705.

ла государственной и владельца, «имевшие в своем пользовании земли населенные, были не что иное, как простые участники в доходах» государства, в данном случае Эриванского сардара и Пахичеванского хана. Но Шопен одновременно отмечает, что происхождение этих землевладельцев «совершенно однообразное с происхождением феодальных владельцев в Европе».¹ Здесь важно и правильно то, что владельцы земель в Армянской области те же феодалы, важно то, что правильно отмечен феодальный характер землевладения. Это особенно нужно подчеркнуть, потому что сам Шопен и вслед за ним многие официальные историки без конца твердили.—такова же была и официальная точка зрения,—что и Восточном Закавказье, т. е. в Армении и в Азербайджане феодального землевладения не было, или оно не развернулось, о крепостничестве нечего и говорить, будто здесь «все зависело от воли и произвола» высших правителей.² Прав И. П. Петрушевский, связывая возникновение этого взгляда с подготовкой царизма к введению русского управления в Закавказье и с временным отказом от ориентации на туземных землевладельцев (правда, ненадолго) в связи с проектами усиления в стране русского землевладельческого элемента.³

В Армянской области землевладельцами являлись мюлькадары и тиулисты.

По Шопену мюлькадары (т. е. владеющие мюльком, имением, или имеющие право получать ренту), когда-то получили право на мюльк как чиновники местного управления—взамен жалованья,—но это право давно стало наследственным и они еще до русского владычества получали от крестьян своих селений ¹/₁₀ пш. как тогда считали, ³/₂₀ части урожая всех земных произведений. При общественных разделах (если они жили в своих мюлькадарских се-

¹ Шопен, указ. соч., стр. 926.

² Шопен, стр. 926; см. также: Иваненко, стр. 225—226, С. Эсадзе, т. I, стр. 547.

³ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. ч. I, стр. 25.

денях) они наделялись наравне с крестьянами душевым участком; мюлькадары, желавшие вести собственное хозяйство, получили разрешение от сардара на обработку какого-либо участка земли и обработку вели наемным трудом. За это мюлькадары платили сардару багру (казенный сбор) в следующем размере: в багракерных селениях, т. е. в таких, где казенный сбор составлял $\frac{1}{3}$ или $\frac{10}{30}$ всех земных произведений, они оставляли себе не только $\frac{2}{3}$ или $\frac{20}{30}$, но и $\frac{3}{30}$, т. е. мюлькадарскую часть, а $\frac{7}{30}$ поступали в багру; в ярикерных же селениях, т. е. таких, где багра составляла $\frac{1}{2}$ или $\frac{15}{30}$, мюлькадары оставляли себе $\frac{15}{30} + \frac{3}{30} = \frac{18}{30}$, а $\frac{12}{30}$ поступало в багру.¹

Тиулы, говорит Шопен, были предназначены «взамен пожалованной и наград за особые отличия и подвиги», и правильно указывает на то, что «тиулы основаны на общей феодальной системе... и, вероятно, имеют с ленами (fiefs) одно и то же происхождение».

Тиулист или пользовавшийся тиулом получал право распоряжаться в пожалованной деревне. Все государственные сборы и повинности обращались в его пользу. Обыкновенно тиулом награждали мюлькадаров и таким образом мюльк и тиул одной и той же деревни переходили к одному лицу, но бывали и случаи, когда разные лица в одной и той же деревне состояли мюлькадарами, или тиулистами. Такие тиулы Шопен называет наградными или пожалованными тиулами. Эти тиулы «переходили от отца к сыну в таком только случае, когда сын наследовал должность отца, или же, когда он умел приобрести расположение сардара; в противном случае тиул уничтожался». Иногда мюлькадарам взамен их нескольких деревень предоставляли одно или два селения в тиул, стараясь таким путем уменьшить их влияние среди крестьян. Эти тиулы Шопен называет заменными тиулами и по отношению к ним замечает, что такие тиулы «по справедливости, тогда толь-

¹ Шопен, указ. соч., стр. 925—926.

ко могут быть отобраны, когда будут возвращены владельцам те поместья, взамен которых учреждены сии тиулы». В таких случаях тиулисты старались разными средствами превращать свои тиулы в наследственные. По словам Шопена, хотя «тиулы нельзя было ни продавать, ни закладывать», по тиулисты иногда находили средство обходить это постановление».

В Эриванской провинции были и другого рода тиулы, так называемые тиулы-аршалики (на ячмень). Такие тиулы временно предоставлялись, так сказать, политическим эмигрантам из соседних государств, как, например, «весь Даралагезский магал отдан был грузинскому царевичу Александру в тиул-аршалик».

В Нахичеванском ханстве при персидском правительстве тиулов не было, они появлялись после русского завоевания.

Тиульными правами пользовался и Эчмиадзинский монастырь, но за свои деревни ежегодно платил сардару по 400 туманов¹ (туман равен 4 р. на русские деньги серебром).

Вот все основное, что относится к феодальным землевладельцам к началу русского владычества.

О владельческих крестьянах Шопен вскользь говорит, что «жители (речь идет о тиульных крестьянах.—В. Р.), будучи не крепки земле»², при тяжелых сборах и повинностях могли переселяться в другое место, потому и тиулист с них брал столько, сколько обычно платили крестьяне в других селениях.³ Шопен проводил ту точку зрения, что в Армянской области во время персидского правительства не существовало крепостнических отношений и разрешался свободный переход крестьян в тиульных поместьях. О мюлькадарских крестьянах Шопен говорит, что «всякое непосредственное влияние на поселая ему (мюлькадару.—В. Р.) строго воспрещалось, а все право его ограничивалось тем», что он получал с них мюльк.⁴

¹ Шопен, стр. 928—932.

² Ср. также Акты, т. VII, стр. 430.

³ Шопен, стр. 329.

⁴ Шопен, стр. 927.

Едва ли Шопен прав, утверждая это так безоговорочно, так как элементы крепостничества, личной зависимости имели место и здесь.¹ Но об этом позже.

Кроме вышеприведенных утверждений, о владельческих крестьянах у Шопена ничего нет.

Но к сказанному о положении крестьянства можно еще кое-что прибавить, если обратимся к казенным (ханским), вернее, к сардарским крестьянам. Шопен прав, когда в одном месте говорит о том, что и «Эриванское ханство было не что иное, как огромный тул».²

О казенных (ханских) крестьянах Шопен говорит в связи с вопросом о податях, но на основании его данных можно догадаться еще кое о чем.

Мы уже выше упоминали о багракерных и ярикерных крестьянах.

Багракерные крестьяне, кроме натуральной подати по $\frac{1}{3}$ всех земных произведений платили сардару или туулисту (если они были туульские) денежную подать по 10 туманов с бипача (т. е. с тягла; при сардаре все селения в податном отношении были разделены на определенное число бипачей, на податные единицы). Ярикерные крестьяне (половинщики), кроме натуральной подати в $\frac{1}{2}$ всех земных произведений (за исключением семян, откладываемых на посев следующего года), платили денежную подать по 3 тумана с бипача.³

Об образовании ярикерных селений Шопен сообщает следующее: чтобы заселять свое ханство, разоренное и опустошенное вследствие войны, сардар охотно принимал беглецов и бродяг всякого рода и переманивал многих жителей из соседних провинций.

¹ Критику взглядов Шопена см., например, в работе Б. М. Арутюняна: Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII в. в., стр. 29—40, изд. Армфана, Ереван, 1940.

² Шопен, стр. 929.

³ Шопен, стр. 972.

Этим новым поселенцам он раздавал земли, помогал в первом хозяйственном обустройстве и снабжал их скотом, плугом и всякими семенами.¹ И вот они в силу всего этого оказывались в положении половинщиков или половитков, фактически мало чем отличаюсь от крепостных крестьян.

Что это так, показывает и следующее обстоятельство: ярякерные и багракерные крестьяне, кроме денежных и натуральных повинностей, для сардара несли и повинность, называемую паракяр. Сущность этой повинности, по словам члена Областного Управления майора Меддокса, состояла в следующем: «... почти все селения отбывали паракяр, род барщины», т. е. должны были «посеять для сардаря сверх платимой оным подати»; «почти каждое селение, хотя малую часть, но засевали в паракяр для сардаря тех произведений земли, каких было приказано, для чего и делалась ежегодно раскладка какому селению сколько чего должно посеять в паракяр; тиулы от сего избавлялись...».²

Об этой же повинности Шопен сообщает, что «жители селений, изобилующих землею и водою, обязаны были сеять для сардаря некоторое количество различных произведений и после уборки возвращать ему пшеницы и ячменя виатеро, чалтика всемеро, а хлопчатой бумаги, за каждый халвар (30 пудов.—В. Р.) семян по 60 батманов совершенно отпущенной бумаги» (батман=12 фунтам.—В. Р.).³

Таким образом, получается, что в этом «огромном тиуле»—в Эриванском ханстве—перед русским владычеством для названных категорий крестьян существовала и крепостная барщина.

Кроме этих двух категорий крестьян, следует обратить внимание на рашпаров; рашпары будто-бы находились в положении сельских рабочих (с них взыскивалось ²/₃ общего урожая всех земных произведений, иногда и больше). О них Шопен говорит, что «сардарь содержал их.—В. Р.) не как поселенцев, а как работни-

¹ Шопен, стр. 988.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. 133, д. № 1-а, стр. 142--155.

³ Шопен, стр. 1119—1120.

ков с лайма, которых снабжал всеми потребностями жизни».¹ Интересно отметить, что определенное число селений целиком находилось в раншпарном положении. О них, к сожалению, ничего больше не находим у Шопена.

О раншпарах более толково говорят майор Меддокса; от него узнаем, что «некоторые селения Эриванского ханства были па барщине, называемой раншпар, более прочих тяжелых, которая состояла в том, что сардарь давал поселянам свои семена, скот для работы и земледельческие орудия и со всего урожая оставлял в их пользу только пятую часть, а прочее все брал себе; по таких селений было мало...».² В близости фактического положения раншпаров к состоянию крепостных крестьян едва ли приходится сомневаться.

Из ведомости о сборах и податях, составленной в 1829 году, видно, что в Эриванской провинции в раншпарном положении находились 6 селений, из коих два принадлежали мечети, 2 были казенные и 2—мюлькадарские.

По данным той же ведомости в Эриванской провинции число мюлькадарских селений доходило до 88, а казенно-мюлькадарских (т. е. селений, частью принадлежащих казне, а частью мюлькадарам) до 16.

В той же провинции при персидском правительстве число тнупных селений было 42, в Нахичеванской провинции их совсем не было. Заметим кстати, что по камеральному описанию 1829—1832 г.г. число тнупных деревень уже составляло 66 в Эриванской провинции и 17 в Нахичеванской.³

Удельный вес частновладельческих селений в Эриванской провинции станет ясным, если будем иметь в виду то, что там при последнем сардаре число населенных селений было всего 275.⁴

¹ Шопен, стр. 989.

² Центр. Гос. архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 1-а, стр. 142—155.

³ Шопен, стр. 993—1118 и 931—941.

⁴ Шопен, стр. 1123.

крепостническими чертами. Вышеизложенное в общем кажется нам правильным и для нашей цели достаточным. А цель наша состоит в том, чтобы в общих чертах показать феодальное лицо социальных отношений Армянской области в тот момент, когда она перешла в руки царизма.

Укажем еще на тот факт, что в Эриванском ханстве в первой четверти XIX века при последнем сардаре особенно усилилось податное бремя крестьянства и вообще всего населения.

По отношению к крестьянству имеем, например, свидетельство уже упомянутого нами майора Меддокса. Он сообщает, что «с тех селений, которые платили половину с урожая (т. е. яркерные крестьяне.—В. Р.), во всех магалах прежде сардарь денежной подати не брал, но положил оную в последний год перед войною»¹. Об увеличении податей говорится и в обращении представителей армянского населения города Эривань и разных уездов и селений к Эчмиадзинскому монастырю по поводу того, чтобы он ходатайствовал перед Правлением Армянской области о взимании с них податей «в той мере, в какой взимается с армян, живущих в Росии».

Представители армянского населения далее указывают, что вопреки их надежде Правление Армянской области уже сделало распоряжение о взимании налогов через саркяров (сборщиков податей) во $\frac{1}{2}$ от всех произведений земли по установленным правилам Гусейн-хана сардаря. Им указывается на то обстоятельство, что такие тяжелые подати были назначены «со стороны Гусейн-хана сардаря и не существовали во время его предшественников...»².

Вероятно отмеченное выше явление, т. е. увеличение феодального гнета, объясняется между прочим и оживленным предпринимательской деятельностью Эриванского последнего сардаря в связи с развитием торговли и торгового оборота.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 1-а, лл. 142—155.

² Лео, История эриванского армянского духовного епархиального училища, 1837—1912, Тифлис, 1914 г., стр. 103—104 (на армянском языке).

Об этом сардаре Шопен отзывался, как об «отличном хозяине» и о его хозяйственной деятельности сообщает такие сведения: «Он заселил пустопорожние места, развел сады, рощи, прорыл новые каналы и привлек из разных мест во вверенное ему ханство множество жителей. Кроме того, он принимал деятельное участие во всяком промышленном предприятии, во всяком торговом обороте: снабжал землевладельцев скотом, плугами, семенами, купцов деньгами и товарами...»¹

По словам Шопена «сардар обыкновенно присваивал себе монополию на все произведения земли, приказывая продавать себе одному весь имеющийся в ханстве избыток хлопчатой бумаги и чалтыка по установленным... им ценам». «Эти произведения... присоединялись к податным и поручались купцам для отправления в Грузию, Персию или Турцию...». Далее: «Другие халы, по примеру сардаря, также снабжали купцов деньгами и покровительствовали им своим влиянием»².

Так сотрудничала феодальная верхушка во главе с сардаром с верхами купцов в ограблении крестьян.

Не удивительно, что именно при таком феодальном «отличном хозяине» феодально-крепостнические подати и повинности крестьян и палог горожан шли в гору и вызвали вышеупомянутое обращение армянского населения.

На все это нужно обратить внимание, чтобы яснее представить колониальную, в частности, податную политику царизма в Армянской области и понять крестьянские протесты и волнения.

* * *

Необходимо остановиться еще на других районах, входящих теперь в Советскую Армению: на Бамбако-Шурагелъской дистанции, на армянских участках Шамшадильской и Казахской дистан-

¹ Шопен, указан. соч., стр. 450.

² Шопен, стр. 873—874.

ций, входивших тогда в Грузию, и на армянских участках Карабахской провинции.

Начнем с Карабахской провинции. По свидетельству современника, своим сословными отношениями Эриванская провинция «совершенно сходствует с Карабагскою»¹.

По сведениям того же источника «дворянство», т. е. ханы, аги, бек-заде, беки и приобретенные русские военные чины и ордена, составляет «до 1.190 семейств».² В 1827 году число семейств казенных крестьян составляло 7.592, а бекских—6.754.³

По сведениям 1839 г. «в частном владении по Карабахской провинции состоит 9.855 дымов» жителей.⁴

По данным «Записки» капитана Генерального штаба Пружковского в 1845 г. население Карабаха состояло из 25.986 дымов или 73.273 душ мужского пола, из коих:

армянских дворян, примерно	600	душ	муж.	пола
" крестьян и горожан до 30.000	"	"	"	"
мусульманских беков	2 000	"	"	"
" крестьян и горожан 40 000	"	"	"	"

Автор «Записки» предполагает, что это «весьма неверно: в Карабахе население гораздо большее; можно прибавить еще 10.000 дымов».⁵

Другой официальный источник дает следующий перечень «дворянских» слоев Карабахской провинции; кроме хана, упоминаются: беки, агалары (аги), люди ханской фамилии, мелики, мипбаши и султаны;⁶ или: хан и его родственники, беки коренные—«потомки

¹ Обзорение российских владений за Кавказом, ч. IV, стр. 271.

² «Обозрение...», ч. III, стр. 268.

³ ЛОЦИА, фонд Мин. фин., Особ. канц., по секр. ч., 1833 г., дело № 16, лл. 12—17, «Сведения о казенных доходах и имуществе по Карабахской провинции», составленные коллежским советником Калиновским.

⁴ Колон. политика..., ч. I, стр. 110.

⁵ Колон. политика..., ч. II, стр. 19—20.

⁶ Акты, т. VIII, стр. 469.

бывших малых владетелей» и наряду с ними мелики и султаны; боки второго разряда—«пожалованные этим достоинством последними ханами из людей простого звания в вознаграждение оказанных заслуг» и т. д.¹

За исключением беков второго разряда все остальные беки, аги, мелики и т. д. пользовались одинаковыми правами. Они наследственно управляли деревнями и магалами. Некоторые из них (даже из беков второго разряда) «владеют еще наследственно именьями вроде собственности, известными под названием халиса». Следовательно,—они «имели право продавать, завещать и дарить оные (имения.—В. Р.) по произволу, т. е. пользовались вполне правом собственности».

Так как автор этого документа придерживается того официального мнения, что «крепостного владения поселянам в мусульманских провинциях... не существует», то он и утверждает, «что право это относилось только к земле, а не к поселянам..., которые... не подвергались укреплению... хотя многие беки силились удерживать над ними право крепостного владения» (курсив наш. — В. Р.). Существующие в действительности «некоторые примеры такого присвоения» права крепостного владения объясняются введенным в «заблуждение» правительством Закавказского края.

Но там же приводится «еще один способ приобретения имений», когда «ласками» или в нужном случае утребляя и «принуждение», ханы и беки заставляли «поселян продать собственные их сады и земли», после чего «сделали продавцов своими речбарам и работниками, определив им за обработку земель и садов ничтожные части урожая».² Спрашивается, какое значение имеет для таких безземельных крестьян право свободного перехода от одного владения в другое и чем они или крестьяне имений халиса отличаются от крепостных крестьян?

Вот некоторые черты из жизни этих «свободных» крестьян: «Весьма многие беки... поступали с подвластными им крестьянами

¹ Колониальная политика..., ч. I, стр. 102—103.

² Колониальная политика..., ч. I, стр. 103—104.

совершенно по произволу жалаей», вводя для крестьянства телесные наказания, «некоторые из них, а особенно аги ханской фамилии, уполномочены были правом смертной над оными казни».¹

В другом документе (вспомогательный доклад Ермолова от 1824—1827) по интересующему нас вопросу, по поводу возврата армянским меликам Бегларовым их имений—20 селений,—говорится следующее: предками меликов Бегларовых часть деревень приобретена «покупкою и что на подобные земли допускался и при хане не только раздел, но и всякое как собственностью крепостною распоряжение». Но несмотря на это, Ермолов только ходатайствует о том, чтобы деревни были отданы Бегларовым лишь «в вечное и потомственное владение... с тем, что все... поселяне, оставаясь попрежнему свободными, находиться только будут у мелика, подобно как и у всех беков, в управлении, которых не могут они никогда включать в раздел, если бы стали делать между собой и земли». Получается, что мелики все так же имеют право делить землю, но куда денутся тогда крестьяне без земли, как они будут пользоваться своей «свободой», и как возможно разделить землю, не трогая живущих на ней крестьян,—на эти вопросы ответа не следует.

Но интереснее заключение ходатайства Ермолова, которое бьет по официальным установкам, утверждающим отсутствие личной зависимости крестьян в мусульманских и армянских частях Закавказья. Вот это заключение: «Впрочем, если-бы владельцы сии заселили впоследствии земли те купленными крестьянами, то само собой разумеется, что последние принадлежать им будут, не на положении теперь состоящих, а на полном крепостном праве».

Как видно из этого же документа, «крепостное право» Ермоловым допускается не только в будущем, но и в то время, когда он писал свое ходатайство. Об одном из 20-ти селений, о Кара-Чинаре, он пишет, что крестьяне этого селения «переселены Фридоном Бегларовым из выведенных из Грузии и которые потому предостав-

¹ Акты, т. VIII, стр. 470.

лены детям его в собственность и раздел».¹ Значит, делить можно было не только землю, но и крестьян, собственностью можно было иметь не только землю, но и людей.

В Карабахской провинции кроме ханских или казенных имений существовали также наследственные бекские имения и имения, находившиеся во временном управлении беков, которые или пользовались всеми доходами полученных деревень, или часть доходов вносили в казну.

Вот перечень податей и повинностей всех бекских крестьян: 1) малджегат, или $\frac{1}{10}$ с урожая хлеба, чалтыка и других злаков, а с шелка—ниятая часть урожая; 2) сбор ячменя с каждой деревни, или ат-арпаси, т. е. для корма бекских лошадей; 3) по 60 к. сер. с каждой сохи; 4) за каждую свадьбу по 3 р. сер.; 5) денежную подать с садов; 6) даргалык² со всех видов сельскохозяйственной продукции; 7) обязанность пахать авразом или мирской сходкой известный участок бекских посевов, собирать урожай и косить сено; 8) поставлять с каждого двора по одному выюку дров 9) выделять речбаров (работников.—В. Р.); 10) давать деньги на угощение приезжающих, подать коврами и разными мелочами и т. д.³

Но это еще не все; бекские и вообще помещичьи крестьяне несли подати и повинности также казне, т. е. хану; каждое семейство платило по два рубля в год, наравне с казенными крестьянами вносило определенную денежную сумму взамен почтовых и дровяных повинностей, отбывало и другие повинности «натуральным способом с платою и без оной».⁴

Кроме казенных и помещичьих крестьян в Карабахе были и церковные крестьяне, принадлежавшие армянским монастырям (Гаяндзасарскому, Татевскому и т. д.), но число их было ограничено, всего до 76 дымов. «...Татевский монастырь получает с селений: Шенгер, Хот и Халидзур половину следуемого в казну малдже-

¹ Акты, т. VI, ч. I, стр. 863—865.

² Сбор в пользу сборщиков податей или управляющего селением (см. Колониальная политика..., ч. II, стр. 429).

³ Колониальная политика..., ч. I, стр. 110.

⁴ Акты, т. VIII, стр. 471.

гата, т. е. 10-ой части урожая пшеницы, ячменя и винограда.¹ О других повинностях крестьян в этом источнике ничего не находим.

О помещичьих, в частности о церковных крестьянах армянский буржуазный историк Лео, на основании архивных данных Карабахской армянской духовной консистории, сообщает следующее: в Карабахе «крепостниками являлись не только светские дворяне, но и монастыри, духовные князья».

Так, например, «в 1841 г. митрополит Багдасар Асап-Джалалян... подарил Гандзасарскому монастырю 27 семейств своих крепостных, живших в деревне Гандзасар. Дарение было утверждено императором Николаем, и эти 27 семейств были занесены в книгу недвижимых имуществ монастыря, как его собственность».

По тем же архивным данным до получения этого подарка «Гандзасарский монастырь имел 14 семейств крепостных, а монастырь св. Якова—2 семейства».²

Эти данные, как не трудно убедиться, подтверждают и дополняют то, с чем мы познакомились выше при разборе «райорта» Ермолова. Несомненно существование крепостных крестьян в Карабахе у светских и духовных помещиков и у монастырей.

Особенно следует отметить категорию крестьян, так называемых речбаров или работников, о которых в другой связи уже упоминалось выше. Эти безземельные крестьяне имелись и у ханов и у частных владельцев (беков и т. п.); ханы, передавая деревни во временное или в наследственное управление бекам, выделяли им и речбаров «для постоянных работ по хозяйству»; речбары наследственных управителей переходили к их наследникам; в том же положении были и лишившиеся своих земель и таким путем ставшие речбарами крестьяне. Эта категория речбаров не платила хану (также при русских и казне) никаких податей, не отбывала ника-

¹ Обзорение..., ч. III, стр. 270.

² Лео, История Карабахской армянской духовной епархиальной семинарии, 1838—1913, Тифлис, 1915, стр. 76 (на армянском языке).

них повинностей.¹ По другим сведениям, она платила в казну денежные подати по 2р. серебром в год с каждого семейства и деньгами же отбывала почтовые и другие повинности.² Нет возможности по другим данным проверить правильность того или другого сообщения.

Ханские же (будущие казенные) речбары, работавшие в хозяйстве хана (потом казны), как постоянные работники, были свободны от всяких податей и повинностей. В этом случае вышеупомянутые источники не расходятся.

Обе категории речбаров за свою постоянную работу в хозяйстве хана, бека и т. д. получали $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть с урожая или обрабатываемой земли. «Во время работы продовольствие имеют от него, кому служат».³

Без сомнения речбары всех категорий и в экономическом и в правовом отношении представляли самый обездоленный элемент крестьянства и более других подвергались и унижению и эксплуатации со стороны своих владельцев. При таком экономическом положении смелно было думать о фактической возможности сохранения ими своей личной свободы и свободы перехода, не говоря уже о том, что и формально невозможно было для них уйти не только от хана, но и из наследственных имений беков.

По фактическому положению речбаров их можно приравнять к половникам северных губерний России. Половники, главным образом, принадлежали не дворянам, а купцам, монастырям, подьячим и т. д., но фактически были крепостными; речбары могли принадлежать не только «высшему классу», но и «маафам и юзбашам» или «среднему классу», единственная привилегия которого состояла в том, что он был освобожден от податей и прочих повинностей.⁴ Подати и повинности половников и речбаров по отношению к землевладельцам, у которых они работали, формальная возмож-

¹ Колон. политика..., ч. 1, стр. 104.

² Акты, т. VIII, стр. 471.

³ Там же.

⁴ Там же.

ность перехода и фактическая крепостная зависимость и т. п. позволяют провести параллель между этими двумя категориями крестьян.

Таково было положение крестьян в Карабахе. Но именно о Карабахе вот что рассказывает один армянский буржуазный националист: «...беки, аги, мелики и т. д. не родовые дворяне, а государственные чиновники. Они над крестьянами, на их земли никогда не имели владельческих прав; если они стесняли крестьян, последние имели право жаловаться хану или сардару».¹ Дальше от него же узнаем, что «о меликах распространено мнение, что они управляли народом по старому патриархальному способу, как отцы. Может быть когда то это так и было, но имеющиеся сведения показывают, что мелики своими требованиями, правами не очень отставали от грузинских дворян». В оправдание меликов автор прибавляет, что «пока мелики были свободны от чужого влияния, владычества, еще в известной мере чувствовали себя близкими к народу», но их превратило «в эгоистов» персидское владычество.² Так «освещает» этот автор аграрные условия Карабаха, на каждом шагу противореча себе.

* * *

Об армянских районах Казахской и Шамшиадильской дистанций очень мало данных. По камеральному описанию 1831 г. общее число жителей Казахской дистанции было следующее:

татар	12 836 душ м. п.
армян	4 796 „ . . . ³

Высшее сословие составляли татарские агалары и армянские мелики. О них официальные источники говорят, как об управляющих деревнями и за это пользующихся «определенными с них доходами», кроме того они «имеют положенное число прислуги и пра-

¹ А. Мусазян, Аграрные условия Закавказья, Вагаршапат, 1910, стр. 47 (на армянском языке).

² Там же, стр. 55.

³ Обозрение российских владений за Кавказом, ч. II, стр. 227.

во обрабатывать для себя посредством жителей некоторые участки земли».

Как вообще во всех провинциях Закавказья, населенных армянами и мусульманами, так и здесь крестьяне считаются казенными, но даже официальные источники принуждены признать, что «...в некоторых отношениях можно их принять за подвластных агаларам, их родственникам и мелькам».¹

По тому же камеральному описанию 1831 года в Шамшадильской дистанции жило:

татар	8 697 м. п.
армян	2 191 „ „

Ссловия и сословные отношения здесь такие же, как в Казанской дистанции, с той разницей, что здесь армянские крестьяне «за оказанное ими усердие при вторжении в наши пределы персиян» были освобождены от управления татарских агаларов.²

По поводу восстановления Назиб-бека в правах султана Шамшадильской дистанции во время управления Гудовича в 1806 году сообщаются сведения о доходах, получавшихся султаном с крестьян; из этого перечня видно, как разнообразны и многочисленны эти доходы и как они связаны с крепостническими правами султана над подвластным населением. Вот основные из этих доходов: 1) при собирании податей государственных (для грузинских царей) «для султана оставляли 2 000 или 1 500 и 1 000 руб.»; 2) «во время праздника поурюза представляли ему 400 или 300 руб.»; 3) столько же во время поста оруджа; 4) для своих личных нужд султан брал «из деревень рогатую скотину и овец» (количество не указано.—В. Р.); 5) за суд и расправу султан налагал штраф по своему усмотрению; 6) султан назначал и сменял управлявших деревнями, получая от них «подарок от 10 до 300 руб.»; 7) «кому захочет дать достоинство кевхи, за то получает подарок».

Эти достаточно крупные доходы феодального владельца и его

¹ Обзорение..., ч. II, стр. 226—227.

² Обзорение..., ч. II, стр. 257.

³ Акты, т. III, стр. 227.

и прочие бесконтрольные права показались слишком большими, и Гудович, утвердив Шамшиадильского султана в его правах, несколько сократил его денежные и натуральные доходы и ограничил его право суда и расправы, подчиняя его действия в назначении управляющих деревнями и т. п. контролю и утверждению «начальства» через муравов дистанции.¹

Но нужно отметить, что как в свое время грузинские цари, так и русские крепостники не ограничивали основных прав местных владельцев, а только заботились в том, чтобы и казна имела возможность брать свою долю соответственно своей силе. Например, известно, что те же шамшиадильцы во время правления грузинского царя Праклия, т. е. в самом конце XVIII века, платили в год за махту (денежная подать) и за сурсат (поставка для войск натурой) 5.000 руб., из коих 1.000 р. вносили шулаверские армяне, а по «светлым воскресеньям» давали по 200 овец и по 60 коров.² Необходимо помнить, что к этим казенным и султанским податям нужно добавить повинности крестьян по отношению к агаларам и меликам.

Какие повинности были у агаларов по отношению к своим крестьянам, видно из прошения агаларов Казахской дистанции (соседней и по социальным отношениям одинаковой с Шамшиадильской дистанцией) к генералу Торماسову, главнокомандующему Закавказьем, от 15 декабря 1810 года.

Отмечая, что из Казахской дистанции десятки крестьянских семейств бежало в Кахетию, Шамшиадиль, Елисаветполь и в Карабах и что бегство крестьян продолжается, они заявляли, что «мы агалары, останемся бесчестными в незнакомом в полной мере податей. Почему покорнейше просим.. дать нам повеление, на основании грузинских законов (курсив наш.—В. Р.), дабы мы, агалары, с оным могли возвратить своих, из Казахской дистанции ушедших в разные места, жителей»; возвращенные крестьяне будут «подати, надлежащие с них в казну, платить, как и прежде платили»;

¹ Акты, т. III, стр. 227.

² Акты, т. II, стр. 572.

а находясь у новых хозяев, крестьяне не приносят казне никакого дохода, землевладельцы оставляют их у себя «только для своей пользы».

Важно здесь, конечно, не боязнь агаларов остаться «бесчестными» в невзросе податей и не их забота о доходах казны, а то, что они «на основании грузинских законов», т. е. на основании крепостного права Грузии, желают закрепощения своих крестьян, свою власть над крестьянами формально приравнять к правам грузинских крепостников, говоря формально, потому что они фактически имели возможность держать своих крестьян в положении крепостных. Агалары, пользуясь случаем, хотели покончить с свободным переходом крестьян, получить право «возвратить своих» крестьян, «ушедших в разные места».

Интересно и то, что Казахские агалары тоже принимают в себе крестьян, бежавших из других местностей, но к великому их сожалению, перешедшие к ним крестьяне не могут заменить «и одной части с Казахам ушедших», поэтому они и изъявляют готовность в назначенный правительством срок вернуть чужих крестьян их владельцам.¹

Скоро нашелся достойный защитник попранных прав казахских агаларов в лице главноуправляющего Закавказьем Ртищева, который в своем предписании от 6-го февраля 1813 года на имя Мехти-Кули-хана Карабахского предлагает ему немедленно вернуть казахских крестьян по принадлежности: «В противном же случае еще падет на строгую вашу ответственность, ибо своею злое и побег семейств из одного места в другое единственно для уклонения от казенных повинностей или от обязанностей своим владельцам (курсив наш.—В. Р.), есть наибольшее зло, вкоренившееся в здешнем краю повсеместно, которое время уже истребить для пользы как общей, так и частной, иначе для владельцев, управляющих народами».²

Итак, Ртищев решительно собирается искоренить «наибольшее»

¹ Акты, т. IV, стр. 432.

² Акты, т. V, стр. 581.

шее зло» не только в интересах государства, но «нашаче» в интересах владельцев, стремится прикрепить крестьян к определенному владельцу. Крепостная сущность крестьянской полятки царских чиновников выявилась достаточно ясно, и местные помещичьи группы не замедлили воспользоваться тем, что им было выгодно.

* * *

Бывшая Бамбако-Шурагельская дистанция состояла из трех, во многом отличавшихся друг от друга частей: из Лори, Бамбака и Шурагеля. Древнее население этой дистанции «совершенно исчезло». «Новое население прибыло большей частью из Армянской области, Арзерума, Карса и Курдистана».¹ Много переселенцев прибыло после русско-турецкой войны 1828—29 г. г., особенно в Шурагель.

По данным камерального описания 1829 г. социальный состав населения дистанция был следующий:

меликов	3 семейства в 20 душ м. п.
духовенства	214 620 " " "
крестьян (армян)	4684 16000 " " "

Кроме армян указано еще греков—169 человек м. п. и татар—546 человек м. п. без указания их сословной принадлежности.² В четвертой части того же сочинения приведены на странице 360 несколько иные цифры. Несомненно они весьма неточны, но только в одном они как будто правильно отмечают истинное положение вещей: все население Шурагеля и Бамбака почти целиком состоит из крестьян; «высшее сословие» в этих частях дистанции почти отсутствует, а городских элементов пока что нет (село Гумри преобразовано в город под названием Александрополь в 1840 г.).

О Лори же нужно сказать, что при его заселении, по крайней мере после 1813 года, там усиленно насаждалось «высшее сословие»—помещичий элемент. До этого заселение Лори и соседних районов шло туго, привлечение из-за границы разбежавшихся вследствие постоянных войн крестьян шло очень медленно и это, по

¹ Обзорение..., ч. II, стр. 293—294 и 393.

² Обзорение..., ч. II, стр. 303—304.

словам Ермолова, местные дворяне объясняли тем, что рескриптом от 22 марта 1808 года переселенцев крестьян «повелево признавать свободными или собственно казенными», поэтому помещики не были заинтересованы в привлечении бежавших крестьян.

О Ермолове один официальный историк с горечью говорит, что «он поколебал права собственности высшего мусульманского сословия», забывая, какую «незаменимую услугу правительству оказали те же ханы и владельцы».¹ Другой историк из того же лагеря, наоборот, восхваляет Ермолова за то, что он будто бы считал «непростительной слабостью» «допускать дальнейшее угнетение многих тысяч народа в интересах нескольких десятков господ».²

В действительности же Ермолов своими мероприятиями, направленными к заселению Лори, доказал, что он одинаково неповиновен как в игнорировании интересов «высших классов» грузин, мусульман или армян, так и в защите интересов «многих тысяч народа». В своем рапорте от 24 марта 1817 г. он ходатайствовал об утверждении правил для заселения Лори, Сомхетии и Цалки. Представленный им проект правил создает широкие возможности для дворянства закрепить новые и новые слои крестьян. И как будто в целях издевательства над переселенцами, в этом же проекте правил не раз декларируется, что «личная свобода поселенцев должна остаться неприкосновенной».

Вот характерные места этого крепостнического документа: «не только дозволить помещикам на будущее время вывозить из-за границы семейства и поселять их на своих землях, но и казенные пустопорожние земли для сего же употребления раздавать частным помещикам»....

В утешение переселенцам сказано: «помещикам... предоставить власть над ними и получение доходов на одних правах арендных»; дальше: «поставить непременно правилом, дабы помещики не имели права таковых на своей земле поселенцев ни прода-

¹ С. Эсадзе, Историческая записка..., т. I, стр. 34—35.

² Иваненко, Гражданское управление Закавказьем, стр. 120.

вать, ни дарить, ни в приданое отдавать без того участка земли, который отведется им при переселении...».

Ермолов даже заботится о том, чтобы «переселенцам предоставить свободу...переходить к другому (помещику.— В. Р.) или поселяться на казенной земле; но в сем случае каждый выходец... обязан оставить в пользу его (помещика.—В. Р.) все заведения свои, сделанные на его земле; если же оных нет, или заведения сии недостаточны были бы вознаграждать действительные издержки помещика... то (выходец.—В. Р.) должен пополнить оные из своей собственности». Замечательная забота об обеспечении свободного перехода крестьянина!

Но как будто боясь, что этот источник снабжения помещиков крепостными крестьянами может со временем иссякнуть, Ермолов дальновидно предусматривает и другой источник: «в военное время с какою либо державой из соседних Грузии позволить помещикам выводить и поселять на своих землях подданных той державы, с правом владеть ими на том же самом основании...», т. е. на основании вышеизложенных правил.¹

Не забудем прибавить, что ходатайство Ермолова было уважено и представленный им проект правил был в основном утвержден 22-го октября 1819 г.²

К сожалению, невозможно привести цифровые данные о результатах этой политики Ермолова в Лори, нет отдельных данных и о размерах частного землевладения в Лори в первой половине XIX века.

О тяжелых повинностях крепостных крестьян Грузии, в том числе и Лори, достаточно написано. Напомним только, что царизм стал интересоваться вопросом о повинностях крестьян и собирать сведения об этом после ииеретинского движения 1819—20 г. г. и

¹ Акты, т. VI, ч. I, Восподаниейший рапорт ген. Ермолова от 24-го марта 1817 г., стр. 5—7.

² Центр. гос. архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 3, «Положение о принятии помещиками в Грузии поселенцев, выходящих из-за границы по водворении их на собственных землях», лл. 1—5.

гурийского восстания 1841 г., но и в том, и в другом случае довольствовались только собиранием сведений и утверждением существовавших повинностей и отношений потому, что—объясняет царский историк,—«эта область считалась как бы неприкосновенной и всякое вмешательство в нее признавалось нарушением прав частной собственности»; тот же историк указывает, что число крестьянских повинностей по официальным сведениям 1825 г. доходило до 35.¹

Другой историк того же лагеря, говоря о 1841 году, приводя список повинностей и податей крепостных крестьян, перечисляя трудовые повинности (бегара), натуральные подати (галу или подать с посева, кулухи или подать с виноградных садов), денежную подать, весьма разнообразные случайные приношения и т. п., — констатирует, что и после 1841 года «отбывание крестьянами в пользу помещиков податей и повинностей»² сохранило на прежних основаниях.

Такова картина феодальных отношений, таковы немалочисленные элементы крепостничества в Армении до и в первые годы присоединения к России.

Б. Социально-экономическая политика царизма

Постараемся теперь, обрисовав социальные и экономические мероприятия в Армении до 1846 г., выявить конкретную сущность колониальной политики царизма по отношению к Армении в связи с общим курсом этой политики в Закавказье, в частности, в Восточном Закавказье.

Царские высшие чиновники еще в 1827 г. в Петербурге, составляя «проект правил» об управлении Эриванской провинцией, решили оставить неприкосновенными права «высшего класса» в отношении крестьянских масс: «Те селения, которые принадлежат всегдашнему или временному владению мусульманских ханов, беков

¹ Иваненко, указ. соч., стр. 111—112.

² Эсадзе, указ. соч., т. I, стр. 289—293.

и чиновников, оставить при них...»; при этом для армян «Проект» допускает «привилегию», выразившуюся в том, чтобы живущие в селениях армяне избрали для внутреннего своего управления старейшину, кои наблюдали бы за исполнением законных повинностей армян к владельцам, заступали первых в случае надобности и имели над ними внутреннее управление и расправу».¹

Обратим внимание по этой связи на следующие два характерных факта:

Еще в 1807 г. в Шамшадильской провинции возник вопрос о том, могут ли армяне крестьяне принадлежать татарским султанам и агаларам, на что последовал следующий ответ Гудовича: «хотя по всей Российской Империи того нет, чтобы христиане были в крестьянстве у татар и сил бы быть таковыми не должны, но до времени оставить еще на прежнем положении».²

Этот на первый взгляд непонятный ответ, в те годы, когда царизм применял политику «обласкания» армян, легко находит свое объяснение в указании другого высшего чиновника, генерала Вельяминова, по поводу вышеприведенного пункта «Проекта» об управлении Эриванской провинцией. Вельяминов возражает против такового «установления», т. к. «оно, в самом основании, потрясает владельческое право хана, бека и прочих мусульманских чиновников», и прибавляет, что «...армяне, как народ хитрый, пронырливый и коварный», используя это «установление», «...будут стараться выйти совершенно у них из зависимости...». Вельяминов затем указывает на внушительную численность мусульман Закавказья и Кавказа и находит, что из-за армян опасно подобными мерами вызывать в них враждебные чувства к царизму.³

Как видно из приведенных цитат, царский чиновник, не считаясь ни с чем, последовательно защищает «владельческое право» местных высших классов согласно своей крепостнической совести и согласно интересам своего крепостнического государства.

¹ Акты, т. VII, стр. 483.

² Акты, т. III, стр. 227.

³ Акты, т. VII, стр. 484.

Но вернемся к «Проекту», 4-й пункт которого относится к армянам селений «казенного ведомства». Если эти селения «управляются мусульманскими паибами (управителями)», то «вместе того поручать управление бекам из армян или другим почетным людям из оных». О кочующих народах говорится, что они «должны остаться в управлении своих родоначальников».¹

Когда царское правительство перешло к осуществлению «Проекта» в Армянской области, то ему пришлось иметь дело с конкретными формами землевладения: тиульной и мелькадарской.

Правление Армянской области в своем рапорте Паскевичу от 26/IV 1828 г. придерживается того мнения, что тиулы бывают временные (пожизненные) и наследственные. Пожизненных тиулистов государство награждает за те или иные заслуги или за государственную службу, предоставляя им доходы казны с одного казенного селения или с нескольких казенных селений, а наследственным тиулистам оставляется и казенная часть дохода с владельческих деревень.²

Вопрос о формах тиульного владения возник в связи с обращением мусульманских духовных и светских владетелей к Паскевичу. Они просили, чтобы им были оставлены все тиулы, отданные им сардаром. В результате рассмотрения вопроса на месте последовало «Предписание» Паскевича (от 19/III 1829 г.), в котором о тиулах сказано: «предоставить пожизненное пользование тиулами тем, кои их прежде получили», а далее добавлено, чтоб в тиульных деревнях «сборы с жителей были делаемы не свыше того, что будут платить поселяне по новому положению».³

Для разрешения вопроса о том, что «духовные лица, ханы и помещики Эриванской провинции» будто-бы имели «...от Персидского государства участки в полном их распоряжении, но ныне последовало от меня приказание, чтобы они заводывали поместьями их, как арендаторы»,—Паскевич предписывает Армянскому Областному

¹ Акты, т. VII, стр. 483.

² Акты, т. VII, стр. 491.

³ Акты, т. VII, стр. 494.

Правлению «немедленно войти в рассмотрение законных прав их на оные и потребовать от них нужные доказательства...».¹

О том, что вышло из этого предписания, рассказывает царский чиновник М. Н. Кучаев, знаток крестьянского вопроса в Закавказье. Сначала был объявлен четырехмесячный срок для представления документов в Армянское Областное Правление о праве владения именьями; потом этот срок был продлен до одного года. У многих представителей «высшего сословия» не оказалось никаких документов, многие не представили их в назначенные сроки и все же Областное Правление на основании присяжных свидетельств населения (т. е. представителей тех же высших сословий) «выдавало свидетельства на владение именьями» или же после истечения срока утверждало представленные документы. При таких условиях, увеличилось число тшулистов в Эриванской провинции и появились тшулисты в Нахичеванской провинции.²

Не забыло правительство и о мюлькадарах, считая, что получаемые ими от своих крестьян при сардарях $\frac{3}{20}$ части всех земных произведений недостаточны, Паскевич в вышеупомянутом «Предписании» от 19/III 1829 года указывает: «по распоряжению же моему.... еще прибавлена владельцам от казны одна лишняя часть подати», т. е. мюлькадары получили право взыскивать с крестьян $\frac{4}{20}$ части земных произведений.³

Свою милость к высшим классам Закавказья, в том числе и Армении, царское правительство завершило рескриптом Николая I от 13-го июня 1830 года. Повелено было всех сосланных из Закавказья «за измену, неблагонаморенность... и по политическим видам, возвратить на прежнее жительство... и возвратить им отобранные у них именья... предоставляя им право пользоваться оны-

¹ Акты, т. VII, стр. 495.

² Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. I, ч. II, Тифлис, 1897 г., М. Н. Кучаев, Посемьское устройство государственных крестьян, водворенных на владельческих землях в Закавказских губерниях, стр. 6.

³ Акты, т. VII, стр. 494.

ип в прежнем основании...». Дальше: «пленных, поступившие в казну после бежавших за границу и после изменников, казненных смертью или умерших в ссылке, возвратит оставшимся после них семействам или ближайшим наследникам...».¹

Таким образом, царь «великодушно» прощает не только наследников, но и самих провинившихся перед ним членов высшего сословия» Армении, с которыми после победоносных русско-персидской и русско-турецкой войн незачем было продолжать спор, и надо было приручить его и превратить в местную опору царизма.

Мало сказать, что феодальные группы Армении в первые же годы после присоединения к России сохранили все свои права, они численно значительно увеличились, с благословения царизма, они стали членами «высшего сословия», их привилегии при взыскании доходов (молька) с крестьян увеличились и несмотря на то, что царизм формально не признавал за ними крепостнических прав над их крестьянами, в действительности элементы этого права были и продолжали развиваться, как об этом свидетельствует официальный источник по отношению к Эриванской провинции: «При русском правительстве беки пользуясь примером Карабахской и других мусульманских провинций, начинают присваивать себе право русских помещиков».²

Обратим внимание и на то обстоятельство, что в приведенной цитате констатируется как несомненный факт присвоение прав русских помещиков местным землевладельческим группам в Карабахской и в других мусульманских провинциях Закавказья.

* * *

В том, что тулуисты и молькадары Армянской области старались присвоить себе права русских помещиков, можно не только убедиться на основании приведенного утверждения официальных лиц, но и на основании действительных фактов, на основании протестов владельческих крестьян.

Крестьяне, например, Шарурского округа в 1834 году жа-

¹ Акты, т. VII, стр. 44.

² Акты, т. VII, стр. 430. Рапорт Комитета об устройстве мусульманских провинций г.-а. Стрелькову, от 15-го января 1831 г.

зуются окружному начальнику на своих владельцев-тиулистов за то, что они кроме следуемой им багры «требуют с них (с крестьян. — В. Р.) и все починности, которые одной только казне обывать им следует»; требуют кур, масла и съестных припасов, угощения для себя и своих людей, произвольно засевают землю, «стесняя тем жителей в землях».

Управление по доходам и казенным имуществам Армянской области придерживается того мнения, что мюлькадары и тиулисты «не должны иметь права отнимать от жителей земли произвольно, ежели же допускать их к посевам», то только наравне с поселянами «по числу душ в семействе».¹

Но все же для выяснения вопроса в целом в 1834/V—14 Управление циркулярно требует сведений от начальников округов.

В архивном деле имеются сведения из Сурмалинского округа (1834/VIII—24), из Ордубадского (1834/VIII—31), из Сардар-Абадского (1835/II—22), от Ереванского окружного начальника (1837/III—2), из Нахичеванского полицейского управления (1837/IV—6) и от Шарурского окружного начальника (1834/III—28 и 1834/IX—7).²

Вот сущность этих ответов относительно тиулистов и мюлькадаров.

Тиулисты, если были одновременно и мюлькадарами, при сардаре получали $\frac{7}{30}$ всех земных произведений; для получения с поселян кур, масла, дров, рабочих, а также о выполнении ими повинностей никакого положения не существовало, «но всякий из помещиков, пользуясь правом сильного, брал с жителей столько, сколько мог, что делается и теперь», —отмечается в сведениях Сурмалинского округа.

Тиулист получает от своих крестьян столько, сколько платят казенные крестьяне казне, кроме того, он получает денежную подать с каждого семейства в размере 3 р. 60 к. серебром (Ордубатский округ, тиул пожалован Паскевичем 1832/VI—24).

¹ Центральный Государственный Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 32, лл. 4, 2, 5, также 17—18, 41.

² Там же, лл. 23—24, 44—45, 48, 50, 17—18, 41.

В тшульных деревнях теперь, как и при персидском владычестве, тшулисты получали землю для собственной запашки столько, сколько получала большая семья. Вероятно здесь речь идет об амше, т. е. о семье в 16 душ, что по амша-чаречному способу переделов земли в Армянской области составляла основную единицу в сельской общине.¹ Если же оставалась свободная земля, то тшулист «употребляет оную в свою пользу без ограничения» (Сардарабадский округ).

Тшулисты обычно нанут «пустопорожные земли собственными плугами», а крестьяне добровольно оказывают им помощь; тшулисты не получают с крестьян кур, масла и т. п., а на основании предписаний Армянского Областного Правления и начальника области с 1835 г. тшулисты «не пользовались, кроме багрюю, ничем» и ограничены в обрабатывании земли, «дабы не стеснить жителей» (Эриванский округ).

Тшулисты получают со своих крестьян столько же, сколько казенные крестьяне платят податей казне (Нахичеванское полицейское управление). Здесь говорится о тшулистах «при персидском правительстве», что, очевидно, является неправильным; по Шопену, как нам уже известно, тшулы в Нахичеванском ханстве появились во время русского владычества).

Если обратим внимание на эти данные, то окажется, что, во первых, во всех трех округах (Сурмалинском, Сардарабадском и Эриванском), где тшулы существовали и до русского завоевания, тшулисты не «ограничивали» себя только полагавшейся нормой багры ($\frac{3}{10}$ части всех земных произведений), а по откровенному выражению сурмалинского окружного начальника, «пользуясь правом сильного», брали (и продолжают брать) столько, сколько могли (и могут) по чисто крепостнической привычке всех помещиков. Во-вторых, что фактически тшулисты имеют свои посеы («без ограничения» на свободных землях или на «пустопорожных», как выражаются окружные начальники) и крестьяне «добровольно» оба-

¹ Свод матаеариллов, т. I, ч. I, С. А. Егиазаров, Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии, стр. 17, также 20—23, 26, 31.

зывают им помощь в этом, т. е., выражаясь на русский лад, просто идут к ним на барщину. Нет возможности определить точное число «добровольных» барщинных дней.

Так обстоит дело с тнульстами. Посмотрим данные тех же округов о мюлькадарах.

Мюлькадары получали со своих крестьян $\frac{1}{30}$ всех земных произведений (вернее получали $\frac{2}{30}$ и, как уже указано нами, при русском правительстве им была прибавлена еще $\frac{1}{30}$ часть). Только живущие в деревнях мюлькадары имели право «пахать землю наравне с прочими жителями, но отнюдь не больше» (Сурмалинский округ). Мюлькадары разделялись на два разряда, но в получении мюлька между ними не существовало различия, они все получали со своих крестьян мюлык в размере 1,5 частей с 10 частей урожая, но в пользовании землей между ними была существенная разница: мюлькадары первого разряда имели право занять под свои посевы любое количество земли, а мюлькадары второго разряда, подобно Сурмалинским, занимали под свои посевы землю наравне с прочими жителями (Ордубатский округ). В ряде селений по приказу сардара мюлькадары имели особую «хлебонахотную землю», но по размеру не больше чем крестьяне, иные мюлькадары особой земли не имеют, а «запахивают наравне с жителями». Мюлькадары от своих крестьян не получают съестных припасов, но во время жатвы, по установившемуся обычаю, каждая семья дает мюлькадару по два работника (Сардар-Абадский округ). По Эрванскому и Нахичеванскому округам сведений о мюлькадарах нет.

Если оставить в стороне особенности Ордубатского округа (права мюлькадаров первого разряда), то окажется, что мюлькадары в общем имеют землю наравне с крестьянами, и непонятно, как они используют двух работников, выделяемых им во время жатвы от каждой крестьянской семьи. Дело выясняется, если иметь в виду, что у мюлькадаров было право в своих селениях пользоваться с каждой ахчи или данга (земли каждой деревни в Армянской области разделялись на шесть ахчей или дангов) 1—2 халварами земли (или пространством земли, вмещающей 30—60 пудов зерна во время

посева),¹ и они могли использовать выделенных крестьянами работников на своих пашнях; выходит, что и у мюлькадаров были возможности присваивать привычки русских помещиков, т. е. пользоваться даровой рабочей силой крестьянина.

Об этом же вопросе есть заключение главноуправляющего Грузией и Совета Главного Управления Закавказского Края от 14-го июня 1839 года. Там говорится: «Относительно производства мюлькадарами собственных посевов своих, Совет, принимая во внимание, что... сим правом пользовались они прежде, считает справедливым не стеснять их и теперь в праве производить посевы на землях, составляющих их собственность...»² Здесь уже вопрос ставится совсем иначе: мюлькадару, как собственнику земли, как помещику, не может быть отказано в обработке «собственных своих посевов».

Решение Совета расширяет и укрепляет право мюлькадаров, как землевладельцев, приближая их к правам русских помещиков. Соответственно с этим иначе решается вопрос о праве иметь собственные посевы без ограничения. Для утешения крестьян сказано, что на этих посевах их труд мюлькадары должны употреблять только «по добровольному найму».³

Мы уже указали, что у мюлькадаров была возможность обходить это решение.

Рассмотрим мероприятия царизма по отношению к другой группе высшего сословия—к татарским агаларам и армянским меликам Казахской, Шамнадильской и Борчалинской дистанций.

По «Положению», изданному в 1818 году Ермоловым, дистанции эти управлялись главным приставом, и под его непосредственным начальством находились агалары, получившие в свое

¹ Свод материалов..., т. 1, ч. II, стр. 5.

² АОЦИА, Комитет об устройстве Закавказского края, 1839 г. VII—14, д. № 103, лл. 1—7.

³ АОЦИА, Комитет об устройстве Закавказского края, 1839—VII. 14, д. № 103, лл. 1—7.

управление одну или несколько деревень «по уважению» усердию и заслугам, оказанным ими царизму.

«...В пользу агаларов предоставляется от управляемых ими деревень следующее»: крестьяне обязаны помочь им построить новый дом или поправить старый; «каждый... двор должен для своего агалара пахать один день в году всеми плугами или сохами... должен хлеб убирать с полей, обмолачивать и доставлять к ямам»; и армяне и татары «обязаны дать для агаларов прислугу»; крестьяне в нужных случаях обязаны давать агалару «нужное число лошадей»; обязаны также «помогать и во время переездов на кочевье и при возвращении их с оного, как сие доселе водилось»; обязаны десятую часть военной добычи давать агалару, «взамен всех выгод, получаемых прежде агаларами в пользу свою от жителей», после издания настоящего «Положения», крестьяне «обязаны при раскладке денежной и хлебной подати, сверх следующего в казну количества,—определять десятую долю против того часть хлеба и денег агаларам».

Определяя все эти повинности, «Положение» заканчивается очень характерным предупреждением, лишний раз подчеркивающим, что царизм в то время систематически укреплял феодальные права местных помещиков.

Приведем это предупреждающее заключение: «во время женьтыбы или праздника байрама» сделать «агалару подарок... не только не запрещается, но..., напротив, те, кои... по существующим издревле обычаям не сделают агалару подарка, останутся в худом у начальства замечании».¹

Вот основные пункты этого крепостнического творчества генерала Ермолова, того Ермолова, который сам себя рекомендовал в качестве совершенного типа истинно-русского человека (читай истинно-русского крепостника): «Смотрите на меня, кавказцы, и ведайте: вот каков истинно-русский и несть ему подобного в мире».²

¹ Акты, т. VI, ч. I, стр. 696—698.

² Акты, т. VI, ч. I, стр. XIII.

Последствия этих мероприятий Ермолова не замедлили проявиться: поставленные во главе дистанций русские приставы вкупе с агаларами и меликами создали для народа такое положение, о котором через 10 лет, в 1828—1829 г.г., с ужасом говорит чиновник особых поручений Зубарев: «Главный пристав... управляет всей дистанцией не как чиновник, определяемый правительством, но как помещик своим поместьем». «Злоупотребления,—продолжает он,—действуют сильнее при взыскании податей... Пристав с агаларами имеют полную возможность взыскивать с жителей втрое больше определенного...», так как крестьянам известно только общее количество натуральных и денежных податей всей дистанции, а количество податей каждой деревни и каждого семейства определяет пристав с агаларами.

Говоря специально об агаларах, царский чиновник заявляет: «вычислить все притеснения, которые терпит простой народ от агаларов, было бы слишком долго»,—и замечательно, что эти «притеснения» все связаны с правилами, установленными «Положением» Ермолова. И несчастный чиновник, не винкая в тайны, или непосвященный в тайны крепостной колониальной политики царизма, в заключении своего описания с удивлением констатирует следующие факты: «Крестьяне в Казахской и всех других дистанциях по паружности суть свободные, но, рассматривая внимательно, видеть можно, что они находятся в жестоком рабстве у агаларов и меликов. Особенно заслуживает удивления, что армяне, истинно преданные правительству..., находятся в рабстве у мятежных агаларов, грабящих и разоряющих их до основанья...».¹

Это было написано накануне издания рескрипта Николая I от 13 июня 1830 года. Откуда мог предвидеть чиновник особых поручений, что по логике классовой политики своего же правительства допускается грабеж и разорение народа не только со стороны находящихся на службе или просто оставшихся в стране представителей «высшего сословия», но и предполагается чопелнить ряды «мятежных агаларов» новыми, разрешив им вернуться

¹ Акты, т. VII, стр. 33—35.

из Сибири и из-за границы, для грабежа и разорения народа «до основания».

* * *

Как шли грабеж и разорение народа в Карабахе и как «умножались», будто из рога изобилия, помещичьи группы и как большинство крестьян Карабаха оказалось под властью беков, меликов и т. п.,—покажут несколько фактов.

Одним из ярких фактов грабежа крестьянских земель и создания крупных помещичьих имений является удачная попытка князя Мадатова, осуществленная при помощи Ермолова. Управляющий мусульманскими провинциями,—рассказывается в одном документе 1820 г.,—ген. кн. Мадатов убедил хана (Мехти-Кули-хана Карабахского.—В. Р.) подарить ему и его родственникам Петрос-беку и майору Мадатову до 1.500 дымов или 12.000 душ татар и армян обоего пола.¹

После бегства в 1822 г. Мехти-Кули-хана в Персию, когда хотели выяснить доходы хана и определить принадлежавшие ему селения, оказалось, что прежние чиновники со слов беков, без документальных доказательств, записали за ними многие селения и эти бумаги теперь стали в их руках документами «прав их на недвижимые имения».

Многие имения образовались следующим способом: военпо-окружные начальники Карабаха и коменданты «раздавали селения... своим любимцам, не только бекам, но даже переводчикам, есаулам, купцам и другим простолюдиным...»; и в результате всего этого оказалось, что «ныне в Карабахе находится весьма незначительное число казенных селений».²

О положении частновладельческих крестьян в том же документе говорится: «татарские беки поступают жестоко со своими крестьянами, особенно с армянами: наказывают их телесно со

¹ Акты, т. VII, стр. 460—461. См. также Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, ч. I, стр. 51—67.

² Акты, т. VII, стр. 460—461.

всем азиатским зверством, иногда даже убивают до смерти, лишают всего имущества, берут непомерные штрафы».¹

Местные власти не уступают бекам в эксплуатации народа: «сбор податей деньгами и натурой есть образец беспорядка и злоупотреблений».²

Таким образом, кратко рассматривая социальную политику царизма во всех районах Армении, можем констатировать несомненный факт усиления, расширения и укрепления прав феодально-крепостнических групп и ухудшение в правовом и экономическом отношении положения помещичьих крестьян.

Перейдем к экономической политике, в частности, к податной политике царизма, чтобы иметь возможность на общем фоне экономического положения армянского крестьянства понять его протесты и выступления против царской власти в первой половине XIX века.

Еще до завоевания Эриванского и Пахичеванского ханств, руководителя торговой политики царизма—министра финансов интересовал вопрос об использовании персидских армян в интересах торговой связи России с Персией и с другими странами Азии. «Нужно знать,—отмечает министр,—какую могла бы Россия приобрести пользу, имея их (персидских армян.—В. Р.) на нашей стороне, и какие для всего можно употребить удобнейшие средства».³ В годы же завоевания этих ханств создается возможность использовать в интересах царской России не только связи армянских купцов, но и труд армянского крестьянства, основные продукты, производившиеся армянским крестьянством.

Паскевич в 1827 году указывает Управлению Эриванской областью: «Озаботиться выгоднейшей продажей доставившихся нам в Эривани и Сардарабате запасов хлопчатой бумаги»; и далее:

1. Акты, т. VII, стр. 461.

2 Там же, стр. 462.

3 Акты, т. VI, ч. II, Записка о торговле с Персией, с замечаниями министра финансов, стр. 119. Дата не отмечена, приблизительно в 1813—1816 г.г.

«стараться поддержать промысел обрабатывания и торговлю сего продукта и впредь взимать по установленным прежде обычаям часть урожая в подать от жителей бумагою».¹

Нам уже известно, что среди царских деятелей Паскевич один из первых поставил вопрос о колониальной эксплуатации Закавказья. Приведенные строки могут служить конкретной иллюстрацией проведения в жизнь этой политики пока что в виде содействия производству означенного выше сырья для торговли. Требованье же промышленного использования хлопка для русских текстильных фабрик возникло значительно позже, ко времени крестьянской реформы в Закавказье.

Паскевичем не были забыты и Кульпинские соляные промысла; он рекомендовал поощрять добычу соли, «взимать от жителей положенную часть добываемой соли, но без отягощения, дабы стараться восстановить торговлю соли в Грузии». Вообще же «возобновление торговых сношений и промыслов особенно в Грузии» обращают на себя его внимание и он эту задачу тоже ставит перед Управлением Эриванской области.²

Но для интересующего нас периода феодально-крепостническая эксплуатация более ярко выявлена в податной политике, к рассмотрению которой и перейдем.

В 80-х годах автор книги о налогах в Закавказье, Бахтадзе, не касаясь, конечно, основ податной политики царизма, старается тягости податей (неравномерность, разница в окладах и т. д.) объяснить не только системой их, но и тем «хаосом», который в этом деле существовал до русского владычества: мешало улучшению будто-бы и «исключительное положение края, более чем полвека заставлявшего напрягать все силы государства для своего замкновения».³ Но после этого отпущения грехов царизма автор все же признает, что «в самой России» с начала XIX века до 60-х годов сделанные незначительные изменения и «нововведения...

¹ Акты, т. VII, стр. 481.

² Акты, т. VII, стр. 481.

³ Свод материалов..., т. I, ч. III, И. А. Бахтадзе, Податное положение государственных крестьян Закавказского края, стр. 2—3.

«отнюдь не способствовали уменьшению или уравнению народных тягостей», наоборот, эти тягости постоянно увеличивались.

Так было в период более или менее «чисто» крепостнической политики царизма, а в 60-х годах «поток новых веяний коснулся и податного вопроса, но, к сожалению, лишь затем, чтобы еще рельефнее выставить его недостатки, и только». Значит и после «бковых веяний» (читай буржуазных веяний) податная система царизма в основном осталась неизменной. Свои размышления автор заканчивает следующим заключением: «Если такова была участь податного дела в России, понятно, она не могла быть лучше на нашей окраине»...¹ Правильнее было бы сказать: она не могла быть хуже.

Нами уже сказано, что перед присоединением к России подати в Эриванском ханстве были увеличены и вызывали жалобы и протесты. Указано также, что Армянская область, Бамбак, Лори и Шурагелъ вследствие постоянных войн были странно разорены и в значительной мере обезлюдены и постепенно были заселены к 30-м годам XIX века новыми переселенцами. Положение казахских, шамшидильских и борчалинских крестьян тоже известно нам. Помнить эти факты необходимо, потому что податная политика царизма проводилась в разоренной стране, и, помня эти факты, можно по достоинству оценить то утверждение, что будто бы податное бремя в Армянской области было облегчено распоряжением Паскевича.

С начала 1829 года до половины 1836 года в Армянской области податная система была оставлена старая—персидская; оставлены были и сержиры (сборщики налогов при сардаре). Как указывает Бахтадзе в упомянутой выше работе,² злоупотребления со стороны чиновников и сержиров, и многочисленные жалобы и протесты крестьян, добавим мы со своей стороны, заставляли начальника армянской области кн. Бебутова составить проект новой Податной системы, утвержденный в половине 1836 года. О деятельности самого Бебутова, «как худшего грабителя» крестьянских

¹ Там же, стр. 4.

² Свод материалов..., т. I, ч. III, стр. 75.

масс Армянской области и покровителя всех безобразий местных властей, рассказывает в своей работе еще в 1848 г. немецкий путешественник Мориц Вагнер.¹

Но уменьшило ли количество податей этой новой системой обложения?

Вот официальные данные: при сардаре казенные крестьяне со всех произведений земли давали—ярикеры $\frac{1}{2}$, багракерды $\frac{1}{3}$; при русском правительстве первые дают $\frac{1}{3}$, а вторые $\frac{1}{6}$; при сардаре мюлькадарские крестьяне со всех произведений земли давали—ярикеры $\frac{1}{2}$ (поступавшую к сардарю), багракерды $\frac{10}{30}$; из них сардарю $\frac{6}{30}$, мюлькадарам $\frac{4}{30}$; при русском правительстве первые дают $\frac{10}{30}$, из коих казне и мюлькадарам по $\frac{5}{30}$, вторые $\frac{8}{30}$, из них казне $\frac{3}{30}$, мюлькадарам $\frac{5}{30}$.

Все крестьяне из посевов хлопка и табака сдавали $\frac{1}{6}$ часть урожая.²

Но там же указывается на рост палогового дохода в Армянской области:

До 1831 года	120.000 р. (ежегодно)
в 1834 году	157.000 р.
в 1836 году	215.000 р. ³

Нет данных о числе населения в Армянской области за эти годы, но если взять данные камерального описания 1829—1832 годов, то число дымов насчитывалось 31.201, вычтя 4.000 дымов армянских переселенцев, освобожденных на шесть лет от податей, получим 27.201 дым. Таким образом, на дым приходится налогов (приблизительно):

в 1831 г.	4,4 руб. сер.
в 1834 г.	5,7 руб. сер.
в 1836 г.	7,9 руб. сер.

Темпы повышения налогового дохода за эти годы таковы, что

¹ Ерв. Шахазиз, Старый Ереван, 1931, Ереван, стр. 240—241 (на армянском языке).

² Акты, т. VIII, стр. 516.

³ Там же, стр. 515.

их польза обьяснить, даже учитывая естественный рост облагаемого населения.

А в экономическом положении населения Армянской области в отмеченные годы неизвестны какие-либо изменения, которые при указанном выше уменьшении размера налогов дали бы разумное объяснение указанному росту налогового дохода. Или придется взять под сомнение официальные сведения об уменьшении налогов, или, более вероятно, предположить, что уменьшение налогов по вышеприведенным статьям с лихвой компенсировалось другими статьями или другими податями.

Сущность же новой податной системы Бебутова состоит в следующем:

Во всей Армянской области были введены «окладные подати с произведений земли», которые взыскивались в следующем порядке:

С 462-х деревень (16.878 дымов) натурой, что в переводе на деньги составляло 124.028 руб. серебром.

С 41 деревни (Эриванского и Ордубатского округов) по их желанию, вместо произведений земли, деньгами, что составляло 7.505 руб. серебром.

С кочующих народов (42 общества, 1.813 дымов) по 5 руб. сер. с дыма, всего 9.065 руб. серебром.

С 1393 дымов этих же кочующих народов, одновременно занимающихся хлебопашеством—по одной четверти пшеницы с дыма, что в переводе на деньги составляло 2.786 руб. серебром.

С 62 деревень (597 дымов) Даракенд-Парчинского магала — деньгами всего 2.490 руб. серебром.

Итого 145.870 руб. серебром, а с 1837 года 165.000 руб. серебром, так как 4.000 семейств переселенцев с этого года должны были быть обложены в общем порядке.

По новой системе обложения был внесен еще особый денежный сбор (подымная подать) в следующих размерах: с казенных крестьян с дыма—по 2 р. 50 к., а с мюлькардарских—по 2 р. Этот сбор не палагался на кочевые народы, жителей Даракенд-Парчинского магала и тиульных крестьян.

С жителей городов (Эривань, Нахичевань, Ордубат) Армянской области подымная денежная подать взималась в размере 3 руб. серебром с дыма, кроме уже существовавших сборов с лавок, каравансараяв и пр.

По поводу размера подымной подати горожан дается такое объяснение (председателю Кавказского Комитета князю Чернышеву): «подать эта не покажется незначительною, если взять в соображение младенческое состояние их торговли и промышленности и то, что они платят таможенные и рахдарные—внутренние пошлины, равно и по многим другим статьям разные сборы, отбывая при этом весьма значительную в Закавказском крае земскую повинность натурой и деньгами».

Если будем иметь в виду это «объяснение» также по отношению к крестьянам и учтем, что кроме официально установленных налогов с крестьян взималась еще и целый ряд других—все будет ясно без комментариев.

Официально, по назначенным окладам, весь денежный сбор по Армянской области составлял 50.000 руб. серебром, а с обложением с 1837 года и переселенцев—60.000 руб. серебром. Таким образом по новой системе обложения все прямые подати и сборы в денежном выражении составляли:

в 1836 году	195.870 руб. сер.,
а в 1837 году	225.000 руб. сер.

Следовательно, в 1836 году приходилось на дым 7.2 руб. сер. (опять не считая 4.000 дымов переселенцев), а в 1837 году приходилось на дым 8 руб. сер., считая и крестьян-переселенцев, но не считая 4884 дымов горожан, которые с этого года были обложены подымною денежною податью по 3 руб. сер. с дыма; или 7.2 руб., считая и горожан, как сделано за предыдущие годы, за исключением отдельных данных для крестьян и горожан.

О количестве косвенных налогов цифровых данных не имеется; в официальном документе только упоминается, что «сверх того в государственное казначейство поступают по Армянской области

разные сборы, как-то: таможенные, акцизные, за чины, гербовую бумагу и пр.»¹

«Новая» система обложения как будто-бы должна была покончить со «злоупотреблениями», связанными со старой персидской системой, на деле же они продолжали беспрепятственно расти и расширяться, и тяжести от податей и сборов новым обложением только усилились. Начальник Армянской области имел от главного управляющего Розена от 1834 г. 16 октября «предписание» действовать так, чтобы «никто не имел права сказать, что образ взимания податей и самые подати в совокупности с земскими повинностями (каковых при персиянах не существовало) отяготительнее прежнего как это случилось в текущем году...»² А в «текущем году» (т. е. в 1834 году) подати, по данным самого Розена, составляли 157.000 руб. сер., предполагали в 1837 году собрать 225.000 руб. сер. и, кроме того, наложить неизвестное количество земских повинностей. Это, по Розену, означало «облегчить» положение разоренного войнами населения и никому не давать права утверждать, что теперь подати «отяготительнее прежнего».

Приведем еще некоторые факты, показывающие конкретно, как старались «облегчить» положение населения в самые трудные и трагические моменты его жизни.

В «Записке» ген. майора Скалона упоминается по Армянской области в 1839—1840 г.г. «необыкновенный скотский падеж», пало 341.043 головы скота, на сумму 1.082.355 руб., в те же годы был и плохой урожай, а в 1840 г. 20 июня произошло «ужасное землетрясение»; в Эриванском и Нахичеванском уездах разрушились 9.685 строений на сумму 311.000 р. серебром. В таких условиях население «вместо участия и сострадания к своему положению, встречая только притеснения, вымогательства и строгую взыскательность», не находя другого выхода, переселялось в Персию сотнями семейств.

¹ Акты, т. VIII, стр. 517—518; см. также Свод материалов., т. I, ч. III, стр. 75—77.

² Акты, т. VIII, стр. 514.

Вообще все описано в «Записке» в очень мрачных тонах: и тяжелые натуральные подати, и их поставка за незначительную плату в отдаленные места, даже в Грузию, и продажа части натуральной подати откупщикам, которые «как волки непасытные, падали на свою добычу, на беззащитный народ», и произвол мюлькадаров во взимании податей со своих крестьян с разрешения бывшего главноуправляющего, и «непомерные натуральные повинности» (проведение и ремонт дорог, постройка и исправление почтовых станций, кордонных и казачьих постов и т. д. и т. п.), и «множество других гласных и безгласных нарядов» и т. п. И вдобавок ко всему этому «алчное местное начальство», о котором автор «Записки» не считает нужным распространяться, а довольствуется только патетическим восклицанием: «Что сказать о злоупотреблениях лиц местного управления? Они необъятны!».

Вот характерный пример этих злоупотреблений. По исследованию автора «Записки», за жителями Эриванского и Нахичеванского уездов причитываются недоимки в 182.014 руб. сер.; на самом же деле большая часть их давно уплачена и жители «представляют в удостоверение выданные им начальством русские записки, которые вместо настоящего дела заключают в себе всякий вздор, в посмеяние беззащитных, обманутых жителей».¹

Все это писалось в 1841 году, т. е. тогда, когда во всем Закавказье, в том числе и Армении, вводились русское правление, русские учреждения и по проекту бывшего начальника казенной палаты Безака натуральные палогии заменялись денежными. Что из себя представлял этот проект Безака, можно заключить хотя бы из следующей характеристики, данной ему журналом «Комитета по делам Закавказского края, высочайше утвержденного в 26-й день января 1843 года»:

«Сущность предложений статского советника Безака заключается в том, чтобы, не вдаваясь в новые изыскания, обратиться к официальным сведениям о бывших при прежних правительствах ва-

¹ Акты, т. IX, ч. I, стр. 152—154.

логах, и сообразно с оными устроить податные и земские сборы с дьма, приняв за основание различие произведений земли, степени и свойства плодородия и способов обработки оной».¹

Только нужно отметить, что действительно «не взираясь в новые изыскания» и все основывая на «бывших при прежних правительствах налогах», этот «новый» проект Безака во время своего практического применения совсем не преследовал цели принять «за основание различие произведения земли, степени и свойства плодородия и способов обработки оной» и вызвал многочисленные протесты крестьян, как увидим дальше.

Небезынтересно и следующее обстоятельство: Николай I «высочайше повелеть соизволил», «чтобы составление положений о податях и повинностях в Закавказском крае делалось без всякой преждевременной огласки, могущей возбудить неосновательные в народе толки и породить опасения», — т. е. предполагалось по духу времени все сделать в тиши царских канцелярий; совершенно основательно Николай от гласности дел ничего хорошего не ждал со стороны народных масс.

Николай I не забыл обратить внимание закавказских чиновников и на то обстоятельство, чтобы они во время проведения своей податной системы исходили не только из интересов данного момента эксплуатации этой царской колонии, но и имели в виду перспективы будущего, поэтому он повелевает, «чтобы определение податей и повинностей не только не подавляло различных отраслей промышленности, но способствуя ей, увеличивало таким образом самые источники доходов».²

Безак сам находил, что податную систему 1836 г. «опорочивать нет причины», поэтому и неудивительно, что по его системе

¹ ЛОЦИА, фонд Мин. Особ. канц. по секр. части № 5/458. 1844 г., часть II, 1 разд. «По предложению бывшего председ. Грузино-императорской Палаты статского советника Безака об устройстве финансовой части в Закавказском крае», лл. 52—61.

² Там же.

денежного обложения «правительство отяготило область (Армянскую.—В. Р.) против прежнего на 65.000 рублей». Все таки податная система, разработанная Безаком, была рассмотрена как «улучшение старой системы и проведена в жизнь в 1843 году», несмотря на жалобы некоторых селений Армянской области на «обременительность новых податей», о чем, между прочим, упоминает Бахтадзе.¹

По новой податной системе крестьяне Армении были признаны государственными поселянами и разделены на две категории: 1) поселяне, живущие на казенной земле и 2) поселяне, живущие на мюлькардарской земле. Денежный сбор, взимаемый с крестьян обеих категорий с 1836 г., был оставлен под названием подымной подати в тех же размерах, т. е. 2 р. 50 к. для крестьян первой категории и 2 р.—для второй. Оклады новой поземельной подати составлялись «из переложения на деньги существовавшего до того сбора земными произведениями». Такой порядок обложения был введен во всех уездах, кроме Александропольского и Новобаязетского; в этих последних уездах и для кочевых народов была утверждена только подымная подать с более высокими окладами.²

Конечно, новая податная система не касалась доходов мюлькардаров. Совет главного управления Закавказского края в 1839 г. объясняет, что «воспрещение взыскивать подати с урожая сена, поджи и самана и со всего, что сеется при огородах, относится к одним только податям казенным..., что распространять его на мюлькардаров... было бы несправедливо и для них стеснительно».³

А в «объявлении» по поводу введения новой системы обложения дополнительно даются еще следующие объяснения: «Мюлькардары получают от поселян принадлежащую им часть произведений по прежнему положению в натуре, а за землю, собственными их посевами занимаемую, обязаны следующую от них правительству

¹ Свод материалов..., т. I, ч. III, стр. 91 и 93—94.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 114, л. 15.

³ ЛОЦИА, Комитет об устройстве Закавказского края, 1839—VII—14, д. № 103, лл. 1—7.

часть произведений отдавать беспрекословно старшинам селений дельгами..., от платы же за мелкие произведения (т. е. за исключенном пшеницы, ячменя, проса, чалтыка и хлопчатой бумаги.— В. Р.) и за доставку мюлькадары освобождаются. Тулуисты получают принадлежащий им доход на прежнем основании».¹

Об удаче проведения в жизнь новой податной системы было положено даже Николаю I (относительно Эриванского, Шахчеванского и Ахалцихского уездов) и как на несомненный признак удачи указывается на то, что к началу 1844 г. остается несобранной только $\frac{1}{10}$ часть податей, тогда как до введения новой системы к этому сроку вся подать оставалась еще «в недонжке».

Заметим кстати, что новая система Безака «отяготила», конечно, и Закавказье в целом. Увеличением «податного сбора по Грузино-Имеретинской губернии на 119.356 руб. 86 коп. серебром» и «по Каспийской области... на 103.089 руб. 70 коп.» серебром покрыли разницу в доходах и расходах Закавказья.²

С новой системой обложения был учрежден в деревнях институт выборных сборщиков налогов, которые весной в уездию по окладным листам взымали подати, а сельские старшины вносили их в казначейство. С этим новым порядком взимания податей была введена круговая порука в оплате податей. За недонжку несло ответственность перед законом все общество, живя под вечной угрозой недоборов.³

Так обеспечивая царизм своими, давно испытанными, крепкими средствами поступление увеличенных податей с крестьянских масс.

Рассматривая податную политику царизма в Армянской области и связанные с ней вопросы, мы не коснемся отдельно других

¹ ЛОЦИА, фонд Мин. Фин. Особ. канц. секр. часть № 24/421, 1 разд. «По предложению пред. грузино-имеретинской казенной Палаты Безака, об устройстве фин. части в Закавказском крае», лл. 148—155.

² ЛОЦИА, Дело временного отделения собственной его императорского величества канцелярии № 540, 1844 г., лл. 17—25.

³ Свод материалов..., т. 1, ч. III, стр. 241—242.

районов Армении; нового там очень мало, а общая картина одна и та же.

Заключение о податной политике царизма по отношению к Армении (конечно, и всего Закавказья) ясно и сводится к одному: несмотря ни на что, царизм в первой половине XIX века со дня завоевания Армянской области неуклонно увеличивал податное бремя народных масс, не только не ограничивал, но даже поощрял произвол помещичьих групп при взимании податей со своих крестьян по способу, практиковавшемуся с персидских времен. С каждой новой системой обложения не только росло податное бремя, но и умножались злоупотребления и произвол местной власти.

В. Борьба крестьянских масс против феодально-крепостнического гнета в первой половине XIX века

Рассмотренная нами выше социально-экономическая политика царизма вызвала и не могла не вызвать многочисленные жалобы, протесты, выступления крестьянских масс Армении. Но, в большинстве своем, армянское крестьянство состояло из персидских и турецких переселенцев и за переселение в русские области смотрело как на спасение своей жизни и обеспечение своего имущества. Хотя это крестьянство достаточно было разочаровано в своих ожиданиях, но еще не дошло до сознания необходимости открытой борьбы против царской власти за свои права.

Помещичьи группы же в Армении, как мы видели, с помощью царизма только что начинали укреплять и расширять свои права и позиции в крепостническом направлении, и против них не успела еще развернуться крестьянская борьба в высшей своей форме, в форме вооруженных выступлений, как это часто имело место в крепостнической Грузии. Большое значение имело также и то обстоятельство, что помещичьи крестьяне в Армении были более малочисленны, чем, скажем, в той же Грузии. Их удельный вес по отношению ко всей массе крестьянства Армении был сравнительно невелик.

Но все же, хотя и не в такой яркой форме, как в Грузии,

сти массы часто и в различных формах выявляли свое недовольство и возмущение против колониально-крепостнического гнета паризма и крепостнических попятных помещиков.

Одна из форм выявления крестьянского недовольства царским режимом нам уже знакома. О ней часто пишут царские же чиновники. Живя в невыносимых условиях бесправия и эксплуатации, крестьяне решаются на новый отчаянный шаг: снова уходят в турецкие и персидские владения. Это бегство иногда принимало довольно крупные размеры и охватывало не десятки, а даже сотни семейств. Это, конечно, пассивный протест, но в тогдашних условиях нередко единственно возможный для новых переселенцев, задавленных бедностью, темнотой и неспособных к борьбе.

Другая форма выявления недовольства и протеста крестьянства—это массовые письменные или устные жалобы, не говоря о многочисленных индивидуальных жалобах и протестах против чиновничьего и помещичьего гнета и произвола к Николаю I во время его путешествия по Армении в 1837 г.

Вот примеры жалоб крестьян различных районов Армении на представителей местной власти и на землевладельцев.

Жители деревни Паркандот Зангезурского магала в своей жалобе от 26 ноября 1837 года, между прочим, пишут: «Начальники наши, подобно волкам, нашедшим на стадо, раздирают наше благоденствие разными притеснениями... Комендант, пребывающий постоянно в крепости Шуше в своем доме, за стол свой ежедневно взимает 1 руб. серебром. Через каждые 6 месяцев напбы у нас сменяются. На каждый обед панба (начальника магала, участка.— В. Р.) требуется 1 баран, 1 литр сарачинского шена, пол-литра масла, повару застряпаше 5 руб. серебром, слуге 4 руб. серебром, мирзе 12 руб. и самому панбу 50 руб. серебром. У панба бывает 10 пукеров или слуг, которые на наших лошадях ездят и при возвращении берут по 1 руб. серебром».¹

¹ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, 1936, ч. I, стр. 368.

В Зангезурском магале не только писали жалобы но иногда и «толпами жаловались на притеснения и поборы», производимые наибом и его окружающими, хотя это было и не безопасно, как пишет один из членов Комиссии сенатора Гана.¹

О «предупредительных» мерах местной администрации против всяких жалоб тот же автор пишет и из Эривани (от 7/XI 1837 г.): «...Жители страшась всего, боятся, кажется, сказать лишнее слово. Многие из них потерпели уже за то, что обращались с просьбами к государю императору».²

К Николаю I обратились, между прочим, представители 10 армянских селений Казахской дистанции с просьбой освободить их от зависимости «татарских агаларов, которые при нашествии персиян грабили армян, а теперь ими управляют: в особенности же жаловались на притеснения подполковника Гасак-аги, который отягощает их разными поборами и не выдает им денег за поставленный в казну в 1826 и 1827 годах провиант».³

Жители тиульных селений Корадиза и Алмалу, Даралагезского магала в 1837 г. жалуются, что они «со дня переселения из Персии претерпевают нищету и бедность единственно чрез притеснение... Мамед Садых-бека (сына тиульного владельца этих армянских селений.—В. Р.), который берет с них, кроме податей, разные денежные сборы, почему просят о дозволении им переселиться куда-либо, дабы избавиться от ига неверного».⁴

Но интереснее всего то, что крестьянские массы Армении в 1837—1838 г.г. прибегли также в выражении своего недовольства к форме явного и упорного сопротивления начальству Армянской области. Дело дошло до высшей власти Закавказья, которая регулярно информировала о происшедшем и о принятых мерах предсе-

¹ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, 1936, ч. I, стр. 351—352.

² АОЦИА, дело № 37 «По поручению члену со стороны Мин. юстиции обозреть Армянскую область и Карабахскую провинцию», за 1837 г., лл. 6—20.

³ АОЦИА, Комитет об устройстве Закавказского края, № 31, лит. 9, № 139, лл. 24—25, 1841 г.

⁴ Колониальная политика..., ч. 1, стр. 348.

дателя Закавказского Комитета военного министра Чернышева для доклада Николаю I.¹

Переселенцы армяне Гокчай (теперешнего Ново-Баязетского района) «по окончании дарованной им льготы, обложены с 1837 г. податью, соответственно состоянию их и окладам, назначенных на коренных жителей».

Они просили об уменьшении подати в апреле 1837 года, но в этом «просителям тогда же отказано». Баязетские переселенцы, «именуемые городскими» (Новый Баязет тогда еще не был городом, официально он считается городом с 1850 г.—В. Р.), в октябре 1837 года обратились к властям с новыми просьбами: «1-е, об утверждении их городскими жителями; 2-е, об избавлении навсегда от платежа податей за произведения земли и 3-е, об учреждении уездного училища, с содержанием от казны». Во втором пункте им отказано, а остальные оставлены для изучения.

В конце 1837 года, после уборки урожая, жители отказывались платить подати, говоря, что они не в состоянии платить, пока подати не будут уменьшены. Окружной начальник после «приличного... внушения» послал к ним есаулов, «но они их выгнали, а потом оказали явное непослушание ему самому».

Крестьяне послали депутатов в Тифлис, где в то время по делам службы находился начальник Армянской области Бебутов. Там высшие власти «кроме закоренелого в них невежества и намерения уклониться, под каким-либо предлогом, от взноса подати, никаких других причин к неповиновению» не заметили.

С крестьян, кроме податей, требовали и пособия, выданные им во время переселения из Турции в Гокчай. Даже закавказские власти принуждены были признать, что «уплата теперь значительной денежной суммы, хотя и по срокам, будет для них истинно стязгительна и послужит главным препятствием ко взносу сполна податей», и находили, что «...полезнее первым сложить часть,

¹ ЦГВИА, ф. № 38, д. № 93-а, «По отношению г.-а. барона Розена об оказании турецкими переселенцами, водворенными в Армянской области на Гокчае, непослушания при взносе подати, которою они обложены с 1837 г...»; на 46 листах. лл. 1—31 об.

или все количество оказанного им пособия», по не уменьшать назначенные подати, «чтобы не подать повода другим домогаться подобного снисхождения».

Бебутов в своем рапорте главноуправляющему Закавказьем Розену от 19 февраля 1838 года сообщает о результатах своего пребывания в Каваре (Нор-Баязете): «паставления мои и увещевания», говорит он, — «не только не имели на них никакого влияния, но напротив, смелые их выражения показывали готовность их к дерзостям», а собравшийся народ произвел на него такое впечатление, что он готов «почти к произведению явного возмущения». Больше того: собравшиеся с деревень крестьяне вместе с каварцами «составили одну толпу буйную и казалось искали повода к произведению беспорядков». К своему великому удивлению Бебутов узнал, «что буйной чернью некоторые из меликов и старшин удалены уже от всякого над ними влияния, и что народ совершенно их не слушает..., некоторые старшины, более неблагонамеренные... совсем ко мне не явились... будто быт народ не пускает, а даже бьет их».

Бебутов составляет «объявление», в котором предоставляя крестьянам срок для внесения податей, одновременно предупреждает, что «за неисполнение сего, они будут сочтены противниками правительства и с ними поступлено будет, как с возмутителями и нарушителями общего спокойствия».

В «объявлении» Бебутова, направленном к переселенцам деревень Кавар, Кулалп и Мамад-агалу и к «переселенцам, живущим на Гокче в 27 деревнях», сказано: «я назначаю вам срок до 16-го числа наступающего марта» (1838 г.—В. Р.).

В день его выезда из Кавара толпа, как передает Бебутов, «наполняла воздух ужасным криком, из какого шума я мог только понять слова: «Мы не хотим меликов, старшин, окружного начальника и, кажется, также и правительства». Свой рапорт Бебутов заканчивает следующим заключением: так как «приказы, посылаемые к ним от окружного начальника, разрываются и посланные выгоняются с нобоями», то «справедливость требует подвергнуть их строжайшему наказанию силою оружия...».

Главноуправляющий Закавказьем барон Розен 3-го марта того же года уведомляет Чернышева—для доклада Николаю I,—что он распорядился для подавления гокчинских крестьян «направить две роты в распоряжение» Бебутова, «собрать, если нужно, для того и конную милицию; с двумя же ротами командуются и два горные орудия».

Из его сообщения от 7-го апреля узнаем, что гокчайские крестьяне подати не вносят и «послужили примером к подобному же действию, как Эриванских городских, так и прочих округов некоторых жителей» (курсив наш.—В. Р.).

Бебутов «командировал на Гокчай командующего одиннадцатым Донским казачьим полком подполковника Процыкова» с двумя ротами егерей и сотнею казаков.

Крестьяне «решительно объявили ему, что не внесут подати до тех пор, пока не уплатят гумринские и ахалцыхские переселенцы». Представители власти указывали, что эта ссылка неправомерна, что по окончании льготы они обложены в общем порядке.

Процыков 24-го марта арестовал «главных зачинщиков» и отправил их в Эривань, потом, «увидя явное их сопротивление, решился употребить строгость и наказал из них при бывшем собрании народа шесть человек более дерзких розгами». Далее в сообщении сказано, что «мера сия возымела на жителей сильное влияние и они... просили... дать им отсрочку на несколько часов, и потом... объявили согласно народа внести в казну подати...».

В заключение торжествуя отмечаясь, что «решительные меры по взысканию с гокчинских поселенцев податей послужили поводом к совершенному покаянию и прочих жителей области...». (Курсив наш.—В. Р.).

Так было «ликвидировано» широкое народное возмущение, возникшее как протест против тягостных и непосильных податей.

Даже Бебутов принужден признать, что экономическое положение гокчинских крестьян тяжелое, «по случаю значительного упадка цен на шпеллицу и ячмень, единственные произведения земли на Гокчае произрастаемые, и по причине весьма частого истребления там градом посевов...». Но все же, как сам Бебутов, так и выс-

шая закавказская власть придерживаются той линии, что можно допустить «соображение об уменьшении подати в надлежащей мере с тех, по положению которых будет это нужно», только в том случае, если крестьяне изъявят совершенное повиновение и начнут сбор назначенных податей.

О правильности мероприятий закавказской высшей власти в установлении податей и повинностей возникают сомнения даже у самого Николая I и по его повелению военный министр Чернышев 28-го марта секретно сообщает командиру кавказского особого корпуса следующее:

«Государь император, хотя и изволил находить, что возникшее между баязетскими переселенцами неповиновение должно быть прекращено без послабления и всякой уступчивости, могущей иметь вредное влияние на общее население того края, не менее того его императорскому величеству благоугодно, чтобы выше превосходительство вошли в подробное рассмотрение оснований, принятых ген.-ад. бароном Розеном к определению подати с баязетских переселенцев, дабы провести подать сию в справедливую соразмерность с теми способами, которые они имеют от земледелия и свойственной им промышленности».

Оказывается, что были все основания недоверчиво относиться к податной политике барона Розена.

Сенатор Ган 21-го июня сообщает военному министру Чернышеву для доклада царю, «что поселенцы гокчинские обложены податью по глазомерному исчислению урожая 1836 г. и по существовавшим в том году ценам на хлеб, между тем, как в прочих местах Армянской области налог сделан по соображению урожая трех лет, но цены на хлеб с того времени понизились...», затем указывая на неблагоприятные почвенные и климатические условия, в которых находятся переселенцы, упоминая и о том, что «деревни их отстоят на 45 верст от большой дороги и на 60 верст от леса и в течение 6-ти месяцев лишены сообщения по причине снега», — сенатор Ган продолжает: «каждое семейство, кроме повинностей, обложено по 10 руб. серебром, тогда как соседи их, азербайджанские переселенцы, на коих наложена подать по соображению не

столе хорошего урожая 1835 г., платят только по 8 руб. серебром с семейства, несмотря на то, что деревни лежат при большой дороге и вблизи от леса».

Игнорируя все эти конкретные причины недовольства и волнений переселенцев-крестьян, представители власти утверждали, что гокчинские крестьяне «решились на столь упорное неповиновение, имея в виду происшествие в Бамбакско-Шурагельской дистанции, возникшее между тамошними переселенцами и коренными жителями по подстрекательствам неблагонамеренных людей...».

Основательность этого указания и самую суть «происшествия в Бамбакско-Шурагельской дистанции» нам не удалось выяснить, но оно для нас все же интересно в том отношении, что свидетельствует о существовании крестьянских волнений в разных районах Армении в те же годы.

В поисках более конкретного виновника они же выявили, что «начало этого зла зародилось у городских... переселенцев», которые «стараясь подобное неповиновение распространить и между прочими жителями, даже осмеливаются предлагать мусульманам, в Гокчайском же магале обитающим, пристать к ним и не платить податей». (Курев паш.—В. Р.).

Замечательный факт! К сожалению, из архивного дела больше ничего не удалось выяснить об этом «смелом предложении» объединить силы армянских и татарских крестьян в борьбе против податного гнета царизма.

Но не менее замечателен и тот факт, что выступление норбазетских крестьян, их сопротивление властям и отказ уплатить подати не ограничилось 30-ю деревнями их округа, а нашло отклик и в других округах Армянской области. Но о размерах его распространения и о формах его выявления также ничего не известно нам.

Заслуживает особого внимания и другой момент, хотя архивное дело не дает достаточного материала для окончательного суждения о нем. Выше нами приведено уже сообщение Бобутова о том, что толпа вслед ему, между прочим, кричала «мы не хотим меликов, старшин...». Нам известно также, что «некоторые из меликов и

старшин удалены от всякого пача пми влияния». Это дает основание думать, что народное возмущение приобрело достаточно четкую классовую направленность, что всем делом этого выступления яли, вернее, сопротивляния властям руководила сама масса без меликов и старшин, даже удалив и совершенно не слушая их.

Но, по словам Бебутова же, были и «неблагонамеренные» старшины, которые совсем не явились к нему, «будте-бы парод не пускает и даже бьет их». Выходит, что «некоторые старшины» все же участвовали в народном возмущении. Больше того, когда главноуправляющий Головин 7-го октября 1838 года сообщил Чернышеву о том, что после ликвидации неповиновения крестьян приказано было 13 человек «предать военному суду», то среди них оказались крупнейший торговец Парсег Арцрули, и мелик Калуст Шагумянцев. И дальше: «виновные получили уже... достойное возыскание, из коих одиннадцать человек наказаны телесно и подвергнуты выдержанию под стражею, по мере вины, одни по старости лет только двухпедельному аресту, а Парсег Арцрули, мелик Калуст Шагумянцев и Нагапет Будаков, сверх ареста, лишены «медалей и военных орденов».

Таким образом, на основании материалов архивного дела возможно выяснить степень и характер участия старшин, меликов, торговцев Кавара (будущего Нор-Баязета) в движении; это тем более интересно, что по официальному утверждению «пачало этого зла зародилось у городских переселенцев...».

Но и то, что мы старались выяснить по скудным данным казенных сообщений, с несомненностью показывает всю важность массового протеста и возмущения крестьян Армении против податного гнета даризма. Среди нам известных крестьянских выступлений в Армении первой половины XIX века это—самое крупное по охвату масс и самое продолжительное: оно пачинается в конце 1837 года и кончается в конце марта 1838 года.

2. Положения 1847 г. и пределы их применения в Армении. Положение 1851 г

А. Перемены в курсе колониального управления Закавказьем (от Гана к Воронцову)

Нами уже упомянуто, что в конце 30-х и в начале 40-х годов была проведена в жизнь новая система управления Закавказьем, т. е. были введены русские законы, русские учреждения, и русское чиновничество взяло все в свои руки; местные особенности и обычаи были почти целиком игнорированы, местные «высшие сословия» уже как ненужные в управлении и не соответствующие задачам царизма были отстранены, даже частично лишены своих земель. Словом, по проекту комиссии сенатора Гана, было проведено в жизнь более решительно то, о чем писали еще десять лет тому назад Паскевич и другие. Чувствуя себя достаточно окрепнувшим, царизм пробовал по-новому осуществить свою основную цель в деле превращения Закавказья в колышку и базу для продвижения на Ближний Восток.¹

Во время подготовки к проведению в жизнь новой системы управления в Закавказье в секретной записке генерал-майора Скалона на имя шефа жандармов графа Бенкендорфа вся прежняя система управления в Закавказье получает следующую оценку:

«Таким образом, весь состав Закавказского управления являет произволом и злоупотреблениями, — между тем как казна государственная остается пустой, а народ угнетен и оклеветан».²

Нечего возражать против этой характеристики, кроме утверждения, что «казна государственная остается пустой», хотя можно в известной мере согласиться с тем, что довольно значительная часть доходов и прямого грабежа народа поступала в карманы русских и местных чиновников. Нужно еще прибавить, что эту

¹ Ср. Колониальная политика..., т. I, стр. 23—24.

² ЦГИА (быв. ЦАР), III 0, I экс., № 81, 1840 г. По записке генерал-майора Скалона насчет предпринятого преобразования управления на Кавказе, лл. 1—8.

характеристику через года два-три пришлось царскому правительству повторить и по отношению к новой системе управления.

Применение новой системы и ее полная неудача скоро убедили, что палка была очень резко перегнута в противоположную сторону. что без создания для царизма опоры в местных высших классах, царская колониальная политика не могла рассчитывать на удачу. Вчерашние покровители и сторонники Гана начали критиковать его бюрократическую стряпню, выявлять ее многочисленные недостатки и произвол, созданный им во всем Закавказье. Одновременно начали искать пути примирения с закавказскими феодальными слоями, отдельные группы которых были не на шутку обижены в гановские дни.

Соответственно общему духу гановских «реформ» агалары были удалены от управления деревнями, их помещичьи права не были признаны и они лишились своих доходов, получаемых с крестьян. Однако, им была обещана пожизненная пенсия в размере их прежних доходов. Подобная же угроза нависла и над беками, но смола вех в 1842 г. царской политики спасла их от участи агаларов.¹ Только мюлькаферы были признаны Ганом наследственными землевладельцами. В Армении небольшая группа гюкчюских агаларов, вместе с агаларами Казахской, Шамшадильской и Борчалинской бывших дистанций подверглись действию гановских положений.

В иной связи нами упомянуто о жалобе представителей 10 армянских деревень Казахской дистанции Николаю I об освобождении их от власти агаларов. Их освобождение по разным мотивам откладывалось² и было осуществлено только в связи с новой политикой. В 1841 году было утверждено отстранение от управления 11-ью армянскими деревнями агаларов и меликов без всякого вознаграждения (в Казахской дистанции—9 деревень, в Шамшадильской—1 деревня и Борчалинской—1 деревня). При отстранении же агаларов от управления татарскими деревнями было решено вознаградить их за счет крестьян. Вознаграждение их мотивирова-

¹ Колониальная политика..., т. I, стр. 25—26.

² Иваненко, стр. 338—340.

лось тем, «чтобы отвратить могущие возникнуть от сих лиц беспокойства и жалобы». Агаларам и их родственникам предполагалось дать всего 26.889 рублей 20 коп. серебром; эта сумма должна была образоваться за счет повышения податных окладов бывших агаларских крестьян.¹

С некоторым опозданием в 1843 г. местные власти Армении общее распоряжение 1841 г. об агаларах распространили и на агаларов деревень Зод, Чахирлу (она же Кизиль Булаг) и Бейю Мазра (она же Улия) Ново-Баязетского уезда; их лишили всех прав на крестьянство, отстранили от сбора податей.

В своем обращении к главноуправляющему Закавказским краем в 1843 году эти агалары писали, что участковый заседатель «... неизвестно почему, взял с них подписи, чтобы они не осмелились более распоряжаться на прежнем основании крестьянами и никаких от них услуг не требовали».

Выясняется, что агалары были отстранены от управления деревнями по распоряжению Эриванского уездного начальника, согласно требованию управляющего Тифлисской Палатой государственных имуществ. По приказу наместника в 1845 году права гокчпнских агаларов восстанавливаются по мотивировке, что «высочайшее повеление в 1841 году состоявшееся» будто-бы «неправильно принято по Эриванскому уезду в руководство, ибо относилось собственно до агаларов Елисаветпольского и Тифлисского уездов».²

Конечно, недовольство землевладельческих групп Закавказья повлияло на правительство и подготовило почву для того, чтобы царизм, отказываясь от крайностей гановских реформ, искал новые пути, которые намечаются уже с 1842 года и завершаются назначением Воронцова наместником Кавказа. Были и другие причины, но среди них особенно следует подчеркнуть значение крестьянских движений, крестьянской борьбы против произвола царского

¹ АОЦИА. Комитет об устройстве Закавказского края, № 31/лит., д. № 139, 1841 г.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, фонд 133, Дело № 206, л. 1; см. также дело № 265, лл. 35—37.

государственного аппарата и введения новых податей, а также борьбы против помещичьего гнета. Обострение крестьянской борьбы, особенно в Грузии, в Гурии (1841 г.), в Южной Осетии (1840 г.), да вообще крестьянского недовольства во всем Закавказье, не могло не действовать отрезвляюще на царизм, который, учитывая достаточно опасного «внутреннего врага», снова протянул руку к своему естественному союзнику—помещику—для эксплуатации и подавления масс.

Николай I командировал на Кавказ Позена, потом с большими полномочиями военного министра Чернышева, который на месте же удовлетворил многие жалобы грузинских дворян и мусульманских беков. Позен же послал обширный доклад о положении дел на Кавказе после реформ Гапа. Николай I написал на нем: «Цельзя без сожаления читать: так искажаются все благие намерения (!?) правительства теми лицами, на мнение и опытность которых, казалось, положиться можно было». Хотя главным покровителем Гапа был сам Николай, а активными участниками реформ Гапа—Чернышев и Позен, все же приняв невинную позу, Николай I и его ближайшие помощники взялись за то, чтобы укрепить пошатнувшееся было положение царизма на Кавказе, создав для него крепкую опору в местном «высшем сословии».

К чести Николая I нужно сказать, что на этот раз выбор был сделан удачный. Назначенный им новый наместник Кавказа Воронцов в течение своей девятилетней деятельности в пользу русских крепостников и торгово-промышленных групп, своей ультракрепостнической политикой в Закавказье вполне оправдал надежды Николая и резкую характеристику, которую дал ему Пушкин: «Полумилорд, полукупец, полумудрец, полуневежда, полуподлец, но есть надежда, что будет полным наконец».

Другой главный деятель, особенно в области «примирения» царизма с местными землевладельческими слоями, начальник гражданского управления Закавказского края Ладинский также принадлежал к группе «полных подлецов», но выражением Пушкина, но только местного масштаба. Он своей работой давно заслужил доверие закавказских помещиков: еще в 1810 году Шамшадильский

«султан Насиб-бек и два агалара обратились к главноуправляющему генералу Торماسову с просьбой, чтобы в моуравы дистанции взамен грузинских князей был назначен русский чиновник и просили «по хотению всего шамшадильского народа определенем в моуравы 17-го Егерского полка шт.-к. Ладинского», который будто бы знаком с народом, «применяясь к образу мыслей оного, обычаям и выучась совершенно языку».¹

Вот кстати его мнение об этом народе: «...грубые понятия мусульманской черни, привыкшей смотреть на вещи только наглядно, могут быть руководимы не иначе, как сильным и ближайшим влиянием своего высшего сословия».²

В действительности, чем Ладинский тогда заслужил это лестное внимание агаларов, показывает между прочим его ретивая работа с Воронцовым в 1845—1847 г.г. в пользу «высших сословий» мусульман и армян.

О характере его работ и о его личности даже «истинно русский» Ермолов выражался весьма лестно в письме к Воронцову после удаления от дел Ладинского: «Не думаю, чтобы можно было жалеть об удалении Ладинского, который знал хорошо дела, по только один плутовские. Я хорошо знаю эту личность, весьма способную быть шпионом».³

Еще в 1844 году Николаем I было изъявлено желание «изыскать верные способы к обеспечению существования агаларов и к возможному уравниванию... сословия агаларов с сословием беков, равных им по происхождению и политическому значению в народе». Ладинский, основываясь на этом, резко выступил против Гана, стараясь доказать, что удалением агаларов от управления «...правительство не только ничего не приобрело, но даже разстроило, если можно так выразиться, свой нравственный капитал, привязанность действующего в народе сословия, а капитал сей, смею думать, далеко драгоценнее состоящего в звонкой монете». Его трогало и

¹ Акты, т. IV, стр. 484.

² Колониальная политика..., ч. II, стр. 49.

³ Акты, т. X, стр. VII.

то, что «агалары каждый просительский день являются во множестве... и воиют о своем несчастном положении».¹ Он являлся сторонником того, чтобы имущественные права агаларов были урегулированы на тех же основаниях, что и беков, как он пишет Воронцову в феврале 1846 года.

В том же духе был настроен, конечно, и Воронцов, по мнению которого отобрание земель у агаларов совершено «в несчастную минуту», и он уверяет Николая, «что лучшее утверждение состояния беков и агаларов—укрепление за ними земель их и успокоение их на будущее время—более утвердят владычество наше в здешнем крае, нежели какой-либо случайный, хотя и сильный успех в горах против самого Шамля».² И это по той причине, что «только одно аристократическое начало может побороть то направление демократическое, которое развилось и так глубоко пустило корни свои в Дагестане и против которого, к сожалению, доселе, кроме оружия, никакого оплота противопоставлено не было».³

Так ясно понимая интересы крепостной России на Кавказе, Воронцов и его соратники взяли под свою защиту землевладельческие права мусульманских и армянских «высших сословий».

Царским рескриптом 1846 г. 6-го декабря передавались в потомственное владение ханам, бекам и армянским меликам все земли, которыми владели их роды до русского завоевания и собственниками которых они теперь стали. На этих же основаниях возвращались все населенные и ненаселенные земли тем владельцам, от которых они были отобраны в административном порядке в 1840 г. (п. 2).

На этих же основаниях, как особая милость, даровались агаларам и их наследникам все земли, находившиеся в их пользовании и отобранные от них в 1841 г. (п. 3).

Пожизненно или временно пожалованные земли бекам или меликам со стороны русского правительства по ходатайству наместника могут быть утверждены или в наследственную собственность, или

¹ Колониальная политика..., ч. II, стр. 50.

² Колониальная политика..., ч. II, стр. 67 и 69.

³ Свод материалов..., т. I, ч. II, стр. 14.

во временное владение, но те из этих земель, которые уже перешли к наследникам и об отобрании которых до издания рескрипта никакого распоряжения не сделано, «оставить в их потомственном владении» (п. 6).

На вышеназложенных основаниях ставшие полной собственностью владельца земли могут быть переданы в наследство, подарены, проданы или иначе отчуждены. Во всех этих случаях положение крестьян остается без перемен (п. 9).

Все крестьяне этих землевладельцев перечисляются в разряд государственных поселян под общим названием мюлькадар-табити (подвластные мюлькадарам), взамен прежних различных наименований—райят, ранджбар, халисе, пукер и т. п. (п. 7).

Наконец, 8-й пункт рескрипта устанавливает, что поселяне, живя на землях этих владельцев, обязаны отправлять в их пользу «разного рода повинности», как вознаграждение за пользование их землей. «Сверх того, владельцу земли предоставляется надзор за порядком и благочинием между поселянами и полицейское ими управление».

Разрешая, таким образом, земельные права всех групп местных землевладельцев в духе прав крепостников-помещиков в России, Николай I в заключение поручил наместнику «заняться определением их личных прав, применяясь в сем отношении, по мере возможности, к правам, благородному дворянству российскому присвоенным».

У правящих кругов царизма в тот момент было такое построение, как будто они хотели стереть все различия, существовавшие между землевладельческими группами Восточного Закавказья и русскими дворянами. Для осуществления этого пункта рескрипта была создана комиссия в Тифлисе, Эривани, Шуше и в Баку; по инструкции, данной комиссии, «наиболее решающим признаком причисления к бекскому роду признавалось поземельное владение, а все лица, за коими утверждены были населенные имения на бекском праве, признаются... принадлежащими со своими семействами к высшему сословию, без всяких дальнейших исследований».¹

¹ Свод материалов..., т. I, ч. II, стр. 43.

Но все же для мусульманских ханов, беков и агаларов и для армянских меликов вопрос об уравнивании в правах с русским дворянством никогда не получил своего разрешения, хотя неоднократно возбуждался и рассматривался и на месте и в центральных правительственных органах; этот вопрос получил свое положительное разрешение только по отношению к грузинским помещикам, наиболее тесно связанным с царизмом.

Даже в вопросе о землевладельческих правах «высшего сословия» Армении и Азербайджана явно крепостническая политика Воронцова—Ладинского встретила известное сопротивление. Министры внутренних дел, юстиции и государственных имуществ, Блудов, Панин и Киселев, возражали против представленных в Кавказский Комитет положений Воронцова. Эти возражения, конечно, не носят принципиального характера, а просто выражают мнение той части правящей верхушки царизма, которая сомневалась в правильности и разумности тех мер, которыми Воронцов и его сторонники думали умиротворить Кавказ и укрепить там российское владычество.

Например, министр государственных имуществ Киселев, справедливо указывая на то, что по проекту Воронцова—Ладинского утверждается право беков, агаларов, меликов и пр. не только на землю, но и на «самые лица поселян», благодушно рассуждая о том, что согласно русским законам христианин не может быть в личной зависимости от мусульманина-землевладельца и т. п., он предостерегающе отмечает, что нельзя «успокаивая землевладельцев, возбуждать крестьян». Необходимо вспомнить, что в самом деле «возбуждение крестьян» на Кавказе было достаточно опасно для царизма. Киселев считает, что не следует играть с огнем, из-за малочисленного слоя местных помещиков еще более обострять отношения с крестьянством.

В том же духе высказывается и министр юстиции Панин. Он тоже возражает против многих повинностей крестьян, потому что чем их будет больше, «тем более будет повода к злоупотреблениям и тем более будет возбуждено ропота в народе». «Следовательно,—указывает он,—привлекая к себе одно сословие, важное по влиянию своему на народ, правительство обратит себе это влияние во

вред, если не ограничит, по возможности, и справедливости личных повинностей и размера денежного оклада». Значит, у царских министров речь шла не об уничтожении крестьянской заимности, а о том, что не следует злоупотреблять ею, имея в виду в первую голову интересы царизма.

Но все эти разговоры внутри Кавказского Комитета и в высших кругах кончились тем, что в результате всех проводимых мер, по свидетельству царского же крупного чиновника, члена Совета главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от Министерства внутренних дел, Кучаева, «все выгоды положения были исключительно на стороне одних только беков».¹

Б. Крепостническая сущность Положений 1847 и 1851 г. г.

На основании рескрипта 6-го декабря были определены взаимоотношения крестьян и землевладельцев в Положениях 20-го апреля 1847 г., 28 декабря 1847 г. и 8-го июня 1851 г.

Первое или бежское Положение относится к Шемахинской и Дербентской губерниям (или по административному делению начала 70-х г. г. к Бакинской губернии и части Елисаветпольской губернии).

Второе из них или агаларское Положение относится к бывшим Борчалинской, Казахской и Шамшадильской дистанциям Грузии (или по административному делению начала 70-х годов: к Борчалинскому уезду Тифлисской губернии, Казахскому уезду Елисаветпольской губернии и к части Елисаветпольского уезда).

Третье Положение, утвержденное 8-го июня 1851 г. для Эриванской губернии и Ахалцихского уезда Тифлисской губернии, не было проведено в жизнь.

Рассмотрим, как по этим «Положениям» определяются взаимоотношения собственников земли и живущих на их землях крестьян. Начнем с надела.

¹ Свод материалов..., т. I, ч. II, стр. 44.

По бекскому Положению «владелец земли обязан каждой душе мужского пола, от 15-летнего возраста, на земле его живущей, дать не менее 5-ти десятин удобной земли» (§ 1). Агаларское Положение помимо иначе определяет эту обязанность собственника земли: у агаларов поселяне «остаются при том количестве земли и всех угодьях, коими каждый отдельно пользовался до 28-го декабря 1847 г.», агалары только не имеют права уменьшать земли поселян, и, имея «свободную» землю, обязаны отдать поселянам, доведя ее количество до вышеприведенной нормы (§ 1). Это то, что называется жди у моря погоды...

Перейдем к повинностям, установленными для крестьян бекским и агаларским Положениями за пользование владельческими землями.

По бекскому Положению повинности эти следующие (в ходе изложения параллельно отметим особенности агаларского Положения):

1) малджегат или $\frac{1}{10}$ часть урожая всех земных произведений; в том случае, если владелец земли даст крестьянину скот, земледельческие орудия и семена—размер малджегата равен $\frac{1}{2}$ части урожая; за сады, огороды, чалтычные посевы и шелковичные заведения взимается $\frac{1}{3}$ урожая (§§ 6 и 7). Малджегат доставляется крестьянами владельцу земли, если он находится на расстоянии до 50 верст (§ 9).

2) Мужскую прислугу (одного человека) с каждых 10 семейств по требованию владельца для домашних и полевых работ (требование выделить женскую прислугу (§ 11) не было осуществлено). Семья прислуги не отбывает в пользу владельца других повинностей (§ 17) и казенные подати за эту семью платит владелец земли (§ 18). Последний параграф в агаларском положении «редактирован» с характерной оговоркой: владелец земли платит за прислугу казенные подати «в уменьшенном размере, т. е. 3 р. серебром в подать и 2 рубля серебром в земскую повинность» (§ 17).

3) От каждой семьи одного рабстника со скотом и сельскохозяйственными орудиями на 18 дней в году (§ 19), или, по желанию владельца, денежная плата за каждый рабочий день по 20 коп.

(§ 21). По агаларскому положению (§ 18) число рабочих дней определено 8, а денежная плата за каждый рабочий день 10 коп. (§ 20).

4) Эврез или вспоможение владельцу земли мирскою сходкою в хозяйственных работах—два дня в году (§ 22). По агаларскому положению эврез «производится только в пользу агалара, управляющего селением» (§ 21).

5) Чопбаши или плата за пользование эйлагами и кишлагами (летними и зимними пастбищами) по местным обычаям.

6) За право кочевья кочующие на владельческой земле поселение платят по 4 рубля серебром в год с семьи.

Одно только это краткое изложение содержания агаларского и бековского Положений говорит за них. Так ясно и определенно выступает крепостническая суть их, что особых объяснений не требуется: здесь и натуральная повинность (малджегат), и барщина (обязанность дать работника с сельскохозяйственными орудиями, эврез), и дворовые люди (прислуга), и денежная подать, напоминающая оброк (чопбаши и денежная плата за право кочевья). И все эти повинности за то, что крестьяне пользуются наделом из владельческой земли.

Но это не все. Крепостническая картина станет более ясной, если рассмотрим полицейские и судебные права владельцев и вопрос о праве перехода крестьян.

В бековом Положении это полицейско-судебное право беков формулировано так: «владелец наблюдает за спокойствием, благочином и нравственностью живущих на его земле поселян». Все споры, претензии, мелкие проступки подлежат разбору выборных из поселян, «но под надзором владельца и не иначе, как с его утверждения» (§ 32).

В агаларском Положении сделано к этому пункту следующее добавление: «в вознаграждение за труды по сей обязанности» крестьяне отбывают агалару «работы эврезом два дня в году» (§ § 25 и 26).

Старшины деревень и кочевьев, избранные обществом, утверждаются уездным начальством, но обязательно предварительное

согласие владельца земли относительно выдвигаемого кандидата (§ 39).

Таким образом, утверждается над крестьянами крепостническая полицейская, а в известных рамках и судебная власть владельцев. К экономическому гнету крестьянина присоединяется и правовой гнет со стороны владельца земли.

Все это завершается фактическим запретом свободы перехода крестьян или обставлением разрешения на переселение такой сложной и долгой процедурой и такими тяжелыми условиями, что фактически оно становится почти невозможным.

Вот этот параграф бекского Положения: «Право переселения с владельческой земли в течение трех лет по введении Положения остается на существующем ныне основании; по истечении же сих трех лет оно будет дозволено на точном основании вновь объявленных по сему предмету правил, но не иначе, как с разрешения г. наместника кавказского» (§ 40).

Соответствующий пункт (§ 34) агаларского Положения гласит: «поселянам... дозволяется переселяться на все другие земли, но... по истечению каждого рабочего года и по отбытию владельцу земли всех повинностей...» и с объявлением об этом владельцу за два месяца. Но это не все. «Такое переселение совершается всегда с разрешения начальника губернии, по представлению уездных начальников.

Вспомним, что все официальные учреждения и лица, со времен русского завоевания Закавказья, не исключая и авторов этих крепостнических документов—Воронцова и Ладинского—твердили в один голос о том, что в армянских и азербайджанских провинциях крепостного права не было и нет. Конечно, из этого вытекало и то, что существовал и свободный переход крестьян, об этом тоже часто официально писалось. Крепостнические элементы, как мы видели, можно было наблюдать и до русского владычества, но особенно они усилились благодаря социально-экономической политике царизма, как это показано нами в своем месте, свое же завершение они получили в рескрипте Николая I и в Положениях 1846—1847 г.г.

* * *

Если обратимся к непроведенному в жизнь Положению 1851 г., то увидим ту же картину.

По этому Положению в Эриванской губернии (бывшей Армянской области) владельцами земли считались: а) мюлькадары, б) тшулситы потомственные («Право потомственного тшулсита сливается с правом мюлькадара, а за сим тшул, отдельно от мюлька, признается несуществующим» (§ 4), в) тшулситы пожизненные (они свои доходы получают от местного казначейства; право пожизненного тшула превращается со смертью тшулсита и его доходы переходят к казне (§ 5), г) агалары, управляющие, на одинаковых правах с агаларами бывших татарских дистанций Грузии, деревнями в Гокчинском участке Эриванского уезда (по § 6 «Агалары Гокчинского участка... подчиняются одинаковым по владению землею правилам с мюлькадарами...»).

У всех категорий этих землевладельцев крестьяне наделяются землей, применяясь к правилам Положений 1847 г., т. е. следующим образом: «...у поселян преимущественно остаются участки, состоящие в их пользовании», а в будущем, при естественном росте крестьянских семей землевладельцы обязаны из своих свободных земель выделять «на каждую прибыльную душу 15-летнего возраста нормальную пропорцию», т. е. 5 десятины (§ 3).

В Положении 1851 г. предполагается родовых старшин кочующих курдских племен также превратить в помещиков; так, во 2-ом примечании к § 19 сказано: «...те из них, которые водворят свои общества на прочную оседлость на казенных землях, могут быть сравнены в правах с мюлькадарами...».

Нессыкаема была энергия Воронцова—Ладинского, с благословения Николая I, насаждать везде и всюду крепостничество!

Повинности крестьян в пользу этих землевладельцев следующие:

1) Мюльк т. е. $\frac{4}{30}$ урожая всех произведений земли (§ 10), когда же владелец дает крестьянину скот, сельскохозяйственные

орудия и семена, мюльк устанавливается в $\frac{1}{3}$ часть урожая (§ 11). Доставка мюлька не далее, чем за 10 верст (§ 12).

2) Выделение работника из каждой семьи и производство зв-реза для мюлькадаров и гокчипских агаларов устанавливается (§ 17) в порядке агаларского Положения (см. выше, §§ 18, 20, 21).

3) Денежную повинность в пользу мюлькадара с садов, огородов и боставов с каждого пространства земли на 10 батманов или на 3 пуда посева пшеницы в год—80 коп. серебром, в пользу же пожизненного тнулиста—2 р. 50 к. в год с дыма (§ 18).

4) Денежную повинность отбывают кочующие куртинцы (курды) родоначальникам своих обществ или потомственным старшинам по 4 рубля серебром с семьи (§ 19).

Сразу же видно, что с незначительными изменениями и здесь, в приведенных пунктах, повторяются все принципы бекского и агаларского Положений, а в остальном, по отношению к чопбаши, т. е. к денежной повинности за право кочевья, к полицейскому и судебному праву владельцев над крестьянами просто повторяются соответствующие статьи первых Положений.

Несмотря на то, что сначала подготавливающаяся война с Турцией, а потом, ставший на очередь вопрос о крестьянской реформе не дали возможности осуществить намеченные меры в Эриванской губернии, все же это Положение не теряет своего значения как один из документов в общей цепи тех крепостнических мер, осуществлением которых закончил свою колониальную политику царизм в Закавказье в первой половине XIX в. и многие пункты которого были введены в Положение 1870 года.

В. Результаты проведения в жизнь Положений 1847 года

Нет возможности цифровыми данными показать результаты проведения Положений 1847 г. Одно несомненно: они служили мощным толчком для увеличения численности, так называемого высшего сословия в Азербайджане и частично в Армении и новым орудием в его руках для захвата крестьянских земель, новым ору-

дием для закрепления своей власти над крестьянами в крепостническом духе русских и грузинских помещиков.

Немало бывших конюхов и придворных слуг ханов, пропихнув в среду российского дворянства, обнаружили стремление сделаться также ленд-лордами, как выражается один исследователь.¹

Да не только они: у армянской буржуазии также разыгрался аппетит, она тоже старалась пролезть в дворяне с таким рвением, что благосклонный к ней Воронцов, как сам сообщает, этому ее стремлению «всегда имел за правило сколько можно... мешать, ибо владение или крепостными людьми вообще отяготительно для сих последних и крайне невыгодно для настоящего здесь древнего дворянства...».

Смешно, конечно, Воронцову рядиться в мантию защитника крестьянства. Суть же дела заключается в его, подчеркнутых нами, словах. Воронцов, по выражению Пушкина, этот «полукупед», для купцов предусматривал другую привилегию—«почетное гражданство», что лучше «и для них, и для края, ибо, хотя дает им все главные права дворянства, не позволяет, однако, владеть заселенными землями и крестьянами».² Таким образом, Воронцов, верный крепостным принципам русского дворянства, не допускал «сколько можно» классово-чуждых в ряды дворянства, набирая их в кругах, стоявших на самых различных ступенях компетельного или настоящего «родства» с русским дворянством.

Обратимся к имеющимся сведениям о проведении Положений.

«Хотя Положение 1847 г. считалось своевременно проведенным в действие, но это только было в исполнительных донесениях ислитци, а не на фактах».³—пишет официальный историк крестьянской реформы в Азербайджане М. Н. Кучасев. Он же сообщает, что с разрешения властей, владельцы на своих «ненаселенных или свободных» землях, поселяя крестьян и выделяя им соответствующие

¹ С. А. Егиазаров, Сельская община в Елисаветпольской и Бакинской губерниях, стр. 6.

² Акты, т. X, стр. 97.

³ Материалы..., т. I, М. Н. Кучасев, Крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии, стр. 454—455.

наделы, взимали с них повинности не по правилам Положений 1847 г., а на основе взаимного соглашения с ними.¹

Нарушение Положений было общим явлением, так как государственные органы не вмешивались в это дело и не контролировали его проведения. Представлено было «бекам и агаларам распоряжаться в своих имениях самовластно». В таких условиях не удивительно, как указывает Кучаев, что сплошь и рядом имели место многочисленные злоупотребления. Беки и агалары «распоряжались крестьянской землей произвольно, а повинности взыскивали в увеличенных размерах». Некому было защищать крестьян от произвола владельцев, они сами являлись толкователями закона и исполнителями его в качестве управляющих деревнями.²

В то время, когда ряд официальных авторов критически относились к Положениям 1847 г. еще в 80-х годах прошлого столетия, ученый исследователь, автор четырехтомной работы о крестьянском вопросе в Закавказье, С. Л. Авалиани в 1914 г. находит, что «Положение 1847 г. имеет одну бесспорную положительную сторону... (оно) внесло порядок, определенность... придало отношениям поселян к владельцам характер незыблемости, устойчивости».³

Не удивительно, что после такой «оценки» Положений 28 XII 1847 года Авалиани делает следующее заявление: «новое Положение исправило безусловно серьезную ошибку, возвратив агаларам земли...».⁴

О том, что по Положениям 1847 г. крестьяне не были наделены установленной нормой земли, говорят и «донесения» губернаторов.

В них они признают, что Положение 1847 года «нигде не

¹ Материалы..., т. I, М. Н. Кучаев, Крестьянская реформа в Елизаветпольской губернии, стр. 454—455.

² Свод материалов..., т. I, ч. II, М. Н. Кучаев, Поземельное устройство гос. крестьян..., стр. 34.

³ С. Л. Авалиани, Крестьянский вопрос в Закавказье, т. III, Одесса, 1914, стр. 13—14.

⁴ Там же, стр. 11.

коснулось поселянских наделов», хотя эти наделы «редко где превышают» установленную норму, «тогда как в других местностях... большей частью гораздо ниже оной».

И перед лицом этого явного нарушения Положений, замалчивая о протестах крестьян, удивительно проникательные губернаторы приходят к такому заключению: крестьяне «не чувствуют никакого от того стеснения и не требуют увеличения своего надела, из чего и видно, что существующие наделы... вполне отвечают силам, средствам и потребностям поселянского хозяйства...».

По данным губернаторов средний размер крестьянского надела по губерниям следующий:

В агаларских имениях Тифлисской губернии не больше 7 десятин на дым; в агаларских имениях Елизаветпольской губернии у меньшинства—15 десятин, а у большинства—меньше 10 десятин на дым; в мюлькарарских имениях Эриванской губернии, в Эриванском уезде—2 десятины 600 кв. саж. на дым; в Нахичеванском уезде в многоземельных имениях—от 1,5—2,5 десятин, а в малоземельных имениях—на половину меньше на дым; в Эмигадзиском уезде—до 13,5 десятин на дым; в Ново-Баязетском уезде—до 10,5 десятин на дым.²

*

У нас есть сведения и об упорных сопротивлениях со стороны крестьян проведению в жизнь агаларского Положения. Одно такое сведение относится ко времени предоставления Шулаверским армянским меликам, подобно мусульманским агаларам, владельческих прав над крестьянами.

Как видно из воспоминаний члена комиссии Борчалинского участка по наделению агаларов землей, в Больших Шулаверах в марте 1852 г., разыгрались довольно серьезные события.

Оказывается, что когда названная комиссия под председательством члена совета наместника Кавказского Ф. Е. Коцебу прибыла в Большие Шулаверы и хотела приступить к делу, т. е. «объявить

¹ Свод материалов..., т. I, ч. II, стр. 54—55.

шулаверским жителям высочайшую волю о всемилостивейшем пожаловании шулаверским меликам Калаптаровым и Саркисовым земель сел. Шулаверы», то встретила решительное сопротивление со стороны крестьян: «жители крайне возбуждены и волнуются, но хотят повиноваться никаким распоряжениям комиссии, покушаются даже на жизнь мелика Калаптарова...». «Народ чрезвычайно волнуется против меликов и я боюсь, чтоб не случилось кровопролитие»,—говорит Коцебу.¹

Крестьяне и крестьянки твердили, что они всегда были казенными, что мелики никогда не были их помещиками, а теперь угрожают им тяжелыми податями и повинностями.

Особенно были возмущены женщины, которые с негодованием спрашивали: «Неужели нас хотят сделать «чурть», т. е. крепостными?»

Для успокоения крестьян местная власть прибегает к хитрости, вызывает меликов и в присутствии возмущенного народа упрекает их, в особенности одного из них, Ахверди Калаптарова, который своим наглым поведением вызвал против себя общее возмущение крестьян.

На следующий день Коцебу объявляет—«...высочайшее повеление о всемилостивейшем пожаловании шулаверским меликам Калаптаровым и Саркисовым земель в Шулаверы и о взаимоотношениях поселян, живущих на этих землях, к меликам». Крестьяне просят Коцебу разрешить им обратиться к князю Воронцову.

«Казалось бы, что все кончилось благополучно, чему был рад Коцебу. Но не тут то было. На другой день, 12 марта, еще до рассвета толпа шулаверских жителей мужчины и женщины направилась в Тифлис для подачи жалобы князю Воронцову. Другая масса шла вслед за первой». Местная власть пробует уговорить толпу

¹ Армянский журнал «Нор Уги» («Новый путь») 1931 г., книга шестая, Л. И. «Волнение 1852 г. в Шулаверах» (воспоминание очевидца). Цитаты привожу по русскому тексту этого документа, любезно предоставленному в наше распоряжение тов. Н. Туманян, издательницей его на армянском языке в названном журнале.

вернуться и послать только доверенных, указывая на то, что «это будет неприятно начальству». «Но никакие убеждения и внушения без строгих мер и военной команды не могли остановить шулаверцев, большая часть коих находилась далеко на пути к Тифлису».

В Тифлисе Воронцов «обнадежил шулаверских поверенных, что он лично рассмотрит дело, и чтоб они успокоились и пошли к своим объявить об ответе князя; затем он со свитой вышел на балкон, поклонился массе шулаверцев». Автор воспоминаний со слов одного очевидца сообщает, «что большую суматоху наделали шулаверцы у князя наместника, что князь очень озабочен».

Стараниями местной власти, в частности, автора воспоминаний, удастся успокоить крестьян, с одной стороны, уговаривая мелшков сделать им кое-какие уступки, с другой, убедив крестьян подчиниться, которые будто бы сами уже сомневались в том, что «когда скоро состоялось высочайшее повеление им объявленное с такой торжественностью, то трудно было его отметить».

На основании этого документа трудно, конечно, составить правильное понятие о действительно происшедшем событии и об истинном ходе волнения и протеста крестьян сел. Б. Шулаверы, так как сообщения автора этого документа, весьма тенденциозны, он выступает все время в роли посредника, питая крестьян живыми надеждами, имея задание от наместника: «постараться свести миролюбно поселян с меликами».

Что не все было благополучно, видно из последних слов этого же чиновника. Его стараниями между меликами и крестьянами составляется письменное соглашение, текст которого он представляет Воронцову и получает его одобрение. «Таким образом, волнение шулаверских жителей, чуть было не доведшее их до несчастий, кончилось тогда миролюбно спокойно: по впоследствии это соглашение, как рассказывали, расстроилось, но тогда меня уже не было в уезде».

Последние слова дают нам основание предполагать, что отношения крестьян и мелшков оставались весьма натянутыми и борьба продолжалась.

Закавказская высшая власть очень заботливо отнеслась к вопросу об определении имущественных прав беков и агаларов и об утверждении за ними земель, предусмотренных в «Положениях». Созданная в Тифлисе агаларская комиссия по этим вопросам приняла следующие постановления и провела их в жизнь: все количество земли агаларских деревень было разделено на 14 частей, из коих 10 частей были отданы агаларам, управлявшим деревнями, 3 части — их родственникам и 1 часть — офицерам и чиновникам из простого звания. А по отношению к бекам, после обсуждения вопроса в комиссиях, вмешался в дело сам наместник и своим распоряжением утвердил за беками все земли, фактически находившиеся под их владением, и им были даны соответствующие документы.¹

Другие «затруднения», возникшие при проведении Положений по отношению к бекам и агаларам, тоже благополучно были разрешены в соответствии с их интересами. Например, многие беки Бакинской губернии, которые не имели земли, но у которых были в личной зависимости крестьяне, жившие или кочевавшие на казенных или владельческих землях и отбывавшие для этих беков натуральные и денежные повинности (как все это похоже на отсутствие в Восточном Закавказье крепостничества!), хотя и лишались этих доходов, но по ходатайству Воронцова и его преемников были удовлетворены денежными пособиями от казны, получая в течение 25 лет по 5-ти рублей за каждую семью. Для них и им подобных были предприняты и другие меры, обеспечивавшие их жизнь.²

Другим слоям беков, тоже не получивших земли, немного позже (начало 60-х годов) были также назначены пособия в разных уездах на вышеприведенных основаниях. А когда в конце 1861 года царскому правительству надобно было снова удалить агаларов от управления деревнями, устранить еще одно из «неудобств»,

¹ Свод материалов..., т. I, ч. II, стр. 34—35 и 42—43.

² АОЦИА, Дело Кавказского Комитета № 75, 1870—1871 г. г.

созданных Положениями, те уже не касались их владельческих прав на землю.¹ Они твердо стали в ряды землевладельцев.

Несколько слов о последнем вопросе этой главы, о пределах применения бекского и агаларского «Положений» 1847 г. в Армении. Оба Положения в той или иной мере прямо касаются Армении: бекское в большем, а агаларское в меньшем размерах.

Во время издания бекского Положения юговосточные районы Армении или значительная часть бывшего Зангезурского уезда (западная часть бывшей Карабахской провинции) входили в Шемахинскую губернию, следовательно, непосредственно подвергались действию этого «Положения». Имеющиеся более или менее полные данные о землевладельцах и владельческих крестьянах этих районов относятся к первым десятилетиям второй половины XIX века и мы на них остановимся в связи с «реформой» 1870 года. Тесная же связь этих двух «реформ» — общеизвестный факт.

Агаларское «Положение» относится, наряду с агаларами бывших трех татарских дистанций Грузии, и к армянским меликам этих же дистанций, а северные районы Армении образованы из южных участков этих дистанций, следовательно для понимания «реформы» 1870 г. в этих районах нельзя не считаться с фактом применения агаларского Положения в них.

Таким образом, изучение этих двух «Положений» интересует нас не только в общей связи с крестьянской политикой, проводившейся царизмом в Закавказье, в частности, в восточных его районах, не только для выяснения определенного этапа этой политики, но и для выявления результатов применения этих Положений в некоторых районах Армении.

¹ С. Эсадзе, Историческая записка..., т. I, стр. 534—536.

II. АРМЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1870 г.

1. Условия капиталистического развития в Армении

А. Развитие торговли и промышленности

В то время как царизм в 40-х годах усиленно и последовательно старался в лице «высшего сословия» создавать себе крепостническую опору в Восточном Закавказье, т. е. в Азербайджане и Армении и для этой цели проводил здесь свою ярко-крепостническую политику по отношению к крестьянству,—в самой России и частично в Закавказье в эти же годы в экономике происходили, как уже указано нами во введении этой работы, процессы, шедшие вразрез с этой крепостнической политикой царизма.

Развитие за эти годы капиталистических элементов в России отражалось на экономической колониальной политике царизма в Закавказье даже в годы паместничества Воронцова и начинало окрашивать в крепостническо-буржуазный цвет многие мероприятия царского правительства.

Само Закавказье втягивалось в довольно развитые торгово-денежные отношения; особенно важно отметить втягивание деревни в эти отношения с 40-х же годов. Наряду с довольно развитой внешней торговлей, внутренняя торговля начинала приобретать немаловажное значение. В натурально-хозяйственных отношениях деревни пробивалась брешь.

Именно в эти годы начали развиваться те экономические процессы, благодаря которым уже во время подготовки и проведения крестьянской реформы, т. е. в 60-х годах, Закавказье вплотную подходило к капиталистическому развитию и в промышленности и в сельском хозяйстве.

О Закавказье в целом у нас уже речь была, а теперь предстоит нам изучить эти процессы по отношению к Армении и выяснить, в каком размере развитие капиталистических элементов в

промышленности и сельском хозяйстве вошло в противоречие с феодально-крепостническими отношениями, так усиленно культивировавшимся царизмом в Закавказье, в том числе и в Армении. Это значит, нам предстоит выявить конкретно для Армении «силу экономического развития» (Ленин), под давлением которой царизм принужден был идти на уступки, приступить к проведению крестьянской реформы.

С этим вопросом тесно связан вопрос о значении давления крестьянских масс Армении на царизм, как одного из факторов, заставивших правительство крепостников приступить к реформе. Конкретное изучение положения крестьянства в дореформенный период и условий его жизни и борьбы как против царского колониально-крепостнического гнета, так и помещичьей эксплуатации. — вот другая наша задача.

* * *

Заботы царских чиновников о развитии торговли в Закавказье достаточно известны. Нами уже отмечено временное благосклонное отношение их к армянским кулцам, «так как здесь купечество вообще составляют почти одни армяне», как пишет в 1812 году маркиз Паулуччи. Он в целях поощрения развития торговли в Закавказье даже выдвигает такое предложение, с которым никак не могли согласиться русские крепостники: «По моему мнению нужно было бы по количеству торговли предоставить привилегию, например: производящему самый важный торг позволить пользоваться правом дворянина: за посредственную торговлю дать право тифлисского гражданина или мокалаки, за мелочную же торговлю предоставить право мещанское, а посредством таковых привилегий само собою отброются капиталы здешнего купечества...».¹ С мыслью, выраженной в подчеркнутых нами словах, царские деятели не согласились, но для «открытия» капиталов местного купечества было сделано достаточно много, но только в том направлении, чтобы поставить его на службу интересам царской колониальной политики.

¹ Акты, т. V, стр. 17.

Поэтому, не считаясь с интересами местного купечества, правительство в начале 1832 г. отменило льготный 5%-ый тариф для ввоза иностранных товаров в Закавказье. Хотя для армянского купечества, игравшего видную роль в торговле с границей, этот тариф был выгоден, но он мешал, как на это постоянно с 1825 года указывал министр финансов, распространению товаров русской промышленности в Персии и Турции.¹

В «соображениях г. главноуправляющего Закавказским краем» об организации торговли в Закавказье развиваются такие мысли: «До того времени, покуда в Закавказском крае не образуются частные капиталы, могущие дать движение промышленности и земледелию, край этот останется бесплодным бременем для России; для образования же капиталов лучшее и надежнейшее средство есть торговля».²

Согласно этой установке русские капиталисты взялись за дело для того, чтобы посредством торговли «дать движение промышленности и земледелию» края в желательном для царизма направлении.

В 1847 году крупные московские купцы и фабриканты открыли в Тифлисе «торговое депо» для распространения товаров московских, владимирских фабрик и нижегородской ярмарки. Торговое депо также ставило себе целью вывозить из Закавказья в Россию марену, шелк, хлопок, стеарин и стеариновые свечи, соду и т. д.³

Армянское купечество в том же году обратилось к Воронцову с просьбой о том, чтобы розничная торговля была запрещена депо. Им было не только отказано, но ясно дано было понять о неуместности такой их просьбы.

Но все же армянские торговцы продолжали играть первенствующую роль в Закавказье во внешней и во внутренней торгов-

¹ См. Акты, т. VII «Представление Канкринна от 27-го мая 1827 г.» и Акты, т. X, стр. 186, ср. Ф. Махарадзе, Грузия в XIX столетии, стр. 74—76.

² АОЦИА, Мин. Финансов, Деп. Внешней торговли, отд. I, стол. 2, 18 января 1845 г., № 19, лл. 123—222.

³ Акты, т. X, стр. 188—195.

ле. «...Местные армяне сами непосредственно покупают на фабриках России и сукно и полотняные изделия и привозят сюда для продажи», — пишет современный армянский журнал «Гарун».¹

С первых же дней завоевания Закавказья царизмом армянские купцы сумели приспособиться к требованиям новых властей и использовать имевшиеся возможности для наживы. Об этом свидетельствуют и официальное издание 30-х годов, и сам Воронцов; об этом говорит и армянский буржуазный историк второй половины XIX века Ал. Ерицян и т. д.

Армянские торговцы «овладели торговлею Тифлиса и всего Закавказья», они «исполняют всякого рода поручения, содержат почти все откупы; принимают все подряды».²

По словам Воронцова «армяне ...суть главные здесь (в Закавказье, — В. Р.) орудия правительства для откупов и подрядов».³

А Ерицян рассказывает, как еще в 1827—1831 г.г. Паскевич предоставлял снабжение войск провиантом и другие хозяйственные работы частным подрядчикам, состоявшим исключительно из армян. Все это открывало путь к быстрой наживе и положило начало накоплению капиталов многих армянских купцов».⁴

Одновременно нужно иметь в виду то общезвестное явление, что дальнейшее развитие армянского торгового капитала, а позднее и промышленного капитала, произошло почти исключительно вне пределов Эриванской губернии, т. е. вне Армении, именно в Грузии (Тифлис, позднее Потти, Батум и т. д.), в Азербайджане (Баку и вообще берега Каспийского моря), на Северном Кавказе, в Астрахани, в России (Москва, Петербург).

Торговля с Персией в основном шла по Каспийскому морю, а

¹ «Гарун» («Весна»), 1866 г., 6-я тетрадь, К. Тер-Давтян, «Торговля армян», стр. 380—381.

² Обзорение российских владений за Кавказом, СПб, 1836 г., ч. 1, стр. 199.

³ Акты, т. X, Письмо Воронцова к Николаю I от 1-го марта 1851 г., к письму приложена инструкция своему преемнику ген. Реаду, стр. 97.

⁴ А. Д. Ерицян, Католичество всех армян и кавказские армяне в XIX в., ч. 1, стр. 443—444 (на арм. языке).

с Турцией—по Черному морю, и, таким образом, Армения оказалась вне главных торговых путей.

Падение торгового значения Эривани и вообще уменьшение торговых оборотов в Армянской области после русского завоевания отмечено еще Шопеном.¹ По его словам общий торговый оборот Армянской области по очень приблизительным подсчетам в 30-х годах составлял около 4 миллионов руб. серебром. Интересно отметить, что в торговом обороте участие крестьянства было ничтожно, несмотря на то, что после чумной заразы 1829 г., «похитившей около десятой части всего населения области», и после холеры 1830 г. «сельские жители... в короткое время значительно поправили свое состояние, но... еще без пользы для торговых оборотов».² Но что в последующие годы, примерно с 40-х годов, и крестьянское хозяйство начинало втягиваться в торговый оборот, видно хотя бы из перечня тех продуктов сельского хозяйства, которые вывозились из Армянской области в Грузию и в Россию; к сожалению о количестве вывоза у Шопена никаких данных нет, есть только простой перечень предметов вывоза; вот главные из них: хлопок, чалтык (рис), кожи, кукурузное масло, шерсть, сушеные фрукты; из Ордубата вывозился шелк-сырец на Нижегородскую ярмарку и в Тавриз.³

О дальнейшем развитии товарно-денежных отношений в середине XIX века в Эриванской губернии имеются кое-какие цифровые данные: Речь идет о торговле с Турцией. Сведения, относящиеся к предметам торговли, ясно показывают, что в торговом обороте большую роль играли именно продукты сельского хозяйства. Так, главными товарами вывоза были: хлопок, сырые кожи, рис (на половину всей суммы вывоза), табак и т. д.

Ввозимые главные товары (строеной лес, скот, хлеб, шелковые изделия, масло коровье, фрукты, рыба соленая, бумажные изделия), повидимому, в значительной мере удовлетворяли и сельского

¹ См. Шопен, Исторический памятник..., стр. 875—876.

² Шопен, стр. 874—875.

³ Шопен, стр. 875—876.

потребителя, но трудно определить его долю в общей сумме ввоза.

В торговле с Персией Эриванская губерния почти не принимала участия, и ввозимые из Персии товары шли почти исключительно в Россию и в другие губернии Закавказья. Эта транзитная торговля с Персией проходила через Нахичевань, где находилось карантинно-таможенное правление. Торговля же Эриванской губернии с Турцией проходила через Орговскую карантинно-таможенную заставу и через Александропольское карантинно-таможенное правление. О размерах этой торговли говорят следующие данные:

Через Орговскую заставу за 5 лет (с 1845 по 1850 г.) было ввезено из Турции в Эриванскую губернию товаров на 140,608 руб. серебром.

Через ту же заставу за те же годы было экспортировано из Эриванской губернии в Турцию товаров всего на 103.712 руб. серебром.

Значит: в среднем годичный импорт

равнялся 28121 р. сер.

в среднем годичный экспорт

равнялся 21742 р. сер.¹

Импорт товаров из Турции в Эриванскую губернию через Александропольское карантинно-таможенное правление составлял:

в 1845 г.	• 139524 руб. сер.
„ 1846 г.	• 149327 „ „
„ 1847 г.	• 14-716 „ „
„ 1848 г.	• 119130 „ „
„ 1849 г.	• 151483 „ „

709180

и европейские и колониальные товары 1432 „ „²

¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. VI, Эриванская губерния, 1853 г., стр. 240—241.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. VI, Эриванская губерния, 1853 г., таблица № 3.

Экспорт товаров в Турцию из Эриванской губернии через то же правление составлял:

в 1845 г.	198985 руб. сер.
„ 1846 г.	144153 „ „
„ 1847 г.	120841 „ „
„ 1848 г.	119741 „ „
„ 1849 г.	92955 „ „
	676675 „ „ ¹

Таким образом, за эти годы из Эриванской губернии было вывезено товаров всего на 789387 руб. сер., а было ввезено из Турции для местного потребления товаров на 849783 руб. сер. плюс европейские и колониальные товары на 1432 руб. серебром. Кроме того, что ввоз больше чем на 60.000 руб. сер. превышает вывоз, заметна и другая тенденция; ввоз, в общем, медленно увеличивается, а, наоборот, вывоз довольно быстро и неуклонно уменьшается: Это, вероятно, объясняется тем, что до 1850 г. включительно запретительные таможенные пошлины не касались ввоза из Турции (также из Персии), а только ввоза из европейских стран. С начала 1851 г. они распространились и на ввоз из Турции (и Персии) и, конечно, не могли в сильной мере не отразиться на уменьшении торговых оборотов Эривани с заграницей (с Турцией).

О развитии и размерах внутреннего товарооборота за 40-е и 50-е годы сведений нет. У нас есть кое-какие данные за 60-ые годы, на основании которых можно судить о состоянии и о темпах развития городов, торговли, о положении ремесленного и промышленного производства, следовательно, и о втягивании деревни, в известной мере, в круговорот денежного хозяйства.

Рассмотрим сначала кратко изменения в количестве населения городов. Характерно такое явление. За 30 с лишним лет рост трех городов представляется в таком виде:

¹ Там же, таблица № 4.

Число жителей городов Арм. обл. по камеральн. описанию 1829—1832 г.г.	Число жителей городов Эриванск. губернии в 1865 г.	Рост в %
В Эривани 11,463	14,070	23
„ Нахичевани 5.70	5,966	0)
„ Ордубате 3,444	4,360	26
Всего 20,377	24396	19

Не трудно убедиться в том, что темп роста старых городов Армянской области и Эриванской губернии весьма медленный. Но еще следует принять во внимание то, что в Эриванской губернии с начала 50-х годов фигурируют два новых города: Александрополь и Ново-Баязет; число жителей первого в 1865 г. составляло 16,814, а второго—4,518, а всего в 5 городах—45,728. Интересно отметить, что население городов Армянской области в 1829—1832 г. г. составляло 12,4% всего населения (20.377 к 164,450), а в 1865 г. в Эриванской губернии—10,4% (45.728 к 437.719). Таким образом, за 30 с лишним лет процент городского населения по отношению к общему числу населения даже снизился, хотя в абсолютных цифрах городское население увеличилось в 2,5 раза.

Такой темп роста городского населения, конечно, не является большим стимулом для развития торгово-денежных отношений с деревней, особенно если будем иметь в виду то, что само городское население широко занималось земледелием (Ново-Баязет), огородничеством (Александрополь), земледелием и садоводством (Эривань).¹

Соразмерно с медленным темпом развития городов медленно развиваются и торговые обороты 5 городов Эриванской губернии в 60-х годах. По имеющимся данным можно установить следующие факты.

Торговля с Турцией только через Александрополь за 1863 г. составляла 350.000 руб. сер., т. е. по сравнению с средним го-

¹ Сборник статистических сведений о Кавказе; т. I, под ред. Н. И. Воронова, Тифлис, 1869 г. отд. II, Г., стр. 63.

дичным оборотом за 1845—1850 г. г. (приблизительно 280.000 руб. сер.) выросла на 70.000 руб. или 25%.

В других городах, в том числе и в Александрополе, преобладает торговля в рамках городов, более скромную роль играет торговля вне пределов городов и губернии; на основании имеющихся данных, к сожалению, нельзя определить размеры торговли городов с деревней и с другими губерниями Закавказья, главным образом, с Тифлисом. Однако, можно с уверенностью утверждать, что главными предметами торговли городов как в пределах губернии, так и вне пределов ее, т. е. с остальным Закавказьем были продукты сельского хозяйства. Так как, как увидим ниже, продукты ремесленного и промышленного производства городов почти исключительно потреблялись в пределах самих городов.

О темпе роста торговли за период с половины 40-х годов до половины 60-х годов невозможно судить за отсутствием сведений за 40-е годы, следовательно, нет возможности цифровыми данными иллюстрировать темп развития торгово-денежных отношений в интересующий нас период.

Приводим имеющиеся данные о торговле за 1863 г. отдельно для всех 5-ти городов Эриванской губернии с некоторыми подробностями, характерными для каждого из них.

В Эривани преобладает торговля в рамках города на сумму 437.000 руб. серебром; торговля (вне пределов города и губернии) достигает 280.000 руб. серебром. Предметы торговли: хлопок, пшеница, купажное масло, рис, кожа и водка; кроме двух последних все вывозится в Тифлис. В заграничной торговле Персии с Закавказьем Эривань не принимает никакого участия. Вся годовая торговля Эривани достигает 717.000 руб. серебром.

В Александрополе торговля в рамках города достигает в год 420.000 руб. серебром. Торговля с Турцией—350.000 руб. (вывозятся: шелковые, бумажные и шерстяные изделия, табак, строевой лес, деревянные изделия, сухие фрукты; вывозятся: пшеница, хлопок, рис, сырые кожи, шерсть и рогатый скот). Торговля вне пределов губернии (между прочим, с Тифлисом)—150.000 руб. серебром. Всего—920.000 руб. в год.

В Нахичевани—торговля исключительно в рамках города с годичным оборотом приблизительно на сумму 50.000 руб. серебром.

В Ордубате торговля в рамках города—до 50.000 руб. серебром, а вне пределов города, с Эриванью, Александрополем и Пухой от 60.000 до 70.000 руб. серебром (предметы торговли: персидские бумажные и частью шелковые ткани, шелк сырец, фрукты свежие и сушеные и т. п.), значит, всего до 120.000 руб. серебром.

В Ново-Баязете только торговля в рамках города на сумму 12.000 руб. серебром.

Таким образом, в начале 60-х годов прошлого века вся торговля 5-ти городов Эриванской губернии достигает следующей скромной суммы:

В рамках городов	969.000	руб. сер.
Вне пределов города и губернии	500.000	" "
Заграничная (с Турцией)	350.000	" "
Итого	1.819.000	" "

* * *

Темпы развития ремесленного производства в городах Армении также очень медленные. У нас есть возможность сравнить рост населения в трех городах Армянской области и Эриванской губернии за период времени с 1829—32 г.г. по 1865 г. с ростом числа ремесленников в тех же городах. Получается такая картина:

Число ремесленников в 30-х г. XIX столетия	Число ремесленников в 1865 г.	Рост их в %/о	рост населения городов в %/о
Эривань 2.849	3.238	33	23
Нахичевань 717	840	17	0,9
Ордубат 608	740	29	26
Всего . 3.672	4.818	31	19

¹ Сборник статистических сведений..., т. I, 1869 г., отдел I, III (гл.), стр. 28—59.

Итак, рост числа ремесленников за 30 лет в среднем только на 12% обогнал рост населения этих городов.

В 1865 г. в двух новых городах Эриванской губернии в Александрополе и Ново-Баязете было всего 3.086 ремесленников, в первом—2.695, а во втором—391, значит, всего в 5-ти городах — 7.994, из коих мастеров—3.663, рабочих (подмастерьев)—2.117, учеников—2.215.¹

На основании этих данных можно судить также об уровне развития ремесленного производства городов Армении. На одного мастера приходится в среднем $1\frac{1}{5}$ подмастерьев и учеников вместе; значит, в общем это было мелкое ремесло.

О ремесленном производстве нет более или менее полных данных.

Об Эривани сообщается только, что ремесленное производство удовлетворяло местные потребности.

В Александрополе ремесло было развито больше, чем в Эривани и обслуживало не только местный рынок; например, в Тифлисе и в Турцию вывозились башмачные изделия на сумму 8.000—10.000 руб. серебром, а общее годовое производство ремесленных изделий доходило до 160.000 руб. серебром.

В остальных городах ремесленное производство было незначительным.

Ремесленники Эривани и Александрополя были организованы в цехи, в Эривани были ремесленники и вне цехов.²

Определенные отрасли ремесленного производства не только не развивались, хотя бы очень медленными темпами, но почти приходили в полный упадок, благодаря притоку фабричных товаров из России, начиная с 40-х годов. Это, в частности, относится к ткачеству Эриванской губернии. Так, по данным Шопена, ко времени русского владычества в Армянской области насчитывалось до 4.206

¹ Сборник статистических сведений о Кавказе, т. 1, 1869 г., Отдел II, Д. табл. после стр. 116.

² Сборник статистических сведений..., т. I, 1869 г., отд. 1, гл. III, стр., 12 и 30—59.

ткачей. Они имеют, говорит Шопен, по одному станку и «заготавливают домашнюю пропорцию бязи из ниток, выпряденных жепцинами из домашней хлопчатой бумаги». В год выделялось этим способом более 500.000 аршин бязи.¹ Большинство тканей работало вне городов; в деревнях—3.779, а в городах только 427 человек.

По сведениям 1865 г. ткачество исчезло не только в городах, но почти и в деревнях. Ввозимые изделия капиталистических фабрик России вытесняли ремесленное производство городских ткачей и сельских кустарей.

На это указывает еще Шопен, в иной связи говоря о том, как «ныне красивые видимо упадают», так как народ «предпочитает европейские изделия здешнему синему бурмету, делающемуся, по грубости своей... уделом беднейшего лишь класса жителей».²

* * *

Так пазываемая «заводская промышленность» Армении представляет довольно жалкую картину. Хотя о размерах ее и о ее развитии у нас имеются очень скудные сведения, но даже на основании их ясно видны черепашьи шаги роста этой промышленности.

О «кожевенных заводах» Эривани начала 30-х годов Шопен сообщает, что «общество кожевников расположило чаны свои в 32 лавках», и во всех этих «заводах», как предполагает Шопен, «в год выделяется... до 4.000 больших и до 25.000 мелких штук» не только местных, но и привозных.³

О промышленных предприятиях («фабриках и заводах») Эривани в 1865 году говорится, что они «не больше как рабочие мастерские, устроенные при жилых помещениях».⁴

По городам промышленные предприятия Армении распределя-

¹ Шопен, Исторический памятник..., стр. 851—852.

² Шопен, Указан. соч., стр. 860.

³ Шопен, стр. 856—857.

⁴ Сборник статистических сведений..., т. 1, 1869 г., отд. 1, III (гл.), стр. 33.

лись так: в Эривани—60, в Александрополе—41, в Нахичевани—5, в Ордубате—18, в Ново-Баязете—2.

По отраслям производства они распределялись следующим образом: кожевенных заводов—40, мыловаренных—10, салотопенных—6, красильных—4, винокуренных—13, маслобойных—3, гончарных—11, мыловаренных—11, известковых—9, свечных фабрик — 14, всего — 126.

О размере производства и о числе рабочих этих предприятий никаких сведений нет.

В другом источнике вообще о промышленных предприятиях Эриванской губернии того же года говорится:

«Кроме медеплавильных заводов, в Эриванской губернии есть незначительные заведения, устроенные при обывательских домах, именно: для ткацкой бязи, маслобойные, гончарные, красильные, мыловаренные».¹

Ясно, что так называемые «фабрики и заводы» Эриванской губернии представляют собою незначительные мануфактурные мастерские. Применения в них машин нет и в помине.

* * *

В смысле более тесной связи с деревней, более заметного влияния на быт помещичьих и государственных крестьян большую роль играла в дореформенной Армении горная промышленность, к рассмотрению которой мы переходим.

У нас сравнительно много сведений об этой промышленности Армении, так как ею царизм больше всего и интересовался с самого же начала завоевания Закавказья.

Еще при Паскевиче было составлено «Описание Дарачичагских рудников» гаттен фервальтером Воеводейниковым. В нем говорится о существовавшем в Армении до русского завоевания медеплавильном производстве, о Дарачичагском свинцовом руднике, о медном руднике в Ордубатском магале, возле деревни Агарах, где «греки

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, фонд № 133, д. № 676.

добывали за 10 лет пред сим медные руды», о коях мышьяка в 5-ти верстах от деревни Яйджи (около Ордубата) и т. д.¹

Из «Записки» того же Воскобойникова получаем сведения и о Кульпинском и Нахичеванском месторождениях каменной соли: «Каждый пуд соли продается: в кульпинском промысле в Грузию при аробной покупке по $7\frac{1}{4}$ и при выючной $14\frac{1}{2}$ коп. серебром, а в нахичеванском промысле по $12\frac{1}{2}$ коп. серебром; за добычу же оного причитывается рабочим в Кульпе: при аробной продаже $1\frac{3}{4}$ коп. сер., а при выючной— $2\frac{2}{3}$ коп. серебром, в последнем же промысле— $2\frac{1}{2}$ коп. серебром».²

О развитии добычи соли в кульпинском промысле и о торговле ею Паскевич еще в 1827 году в своих «Правилах» об управлении Армянской областью предписывал: «Поощрять соляные ломки кульпинские, взимать от жителей положенную часть добываемой соли в пользу казны, но без отягощения, дабы стараться восстановить торговлю соли в Грузию».³

Эта забота царского сатрапа не была напрасной: кульпинский соляной промысел в последующие годы, будучи отдаваем в откуп или находясь в ведении правительства, приносил «в пользу казны» крупные доходы.

Общая сумма дохода за 1829—1869 г.г. составляла 1.742.887 рублей.⁴

Нахичеванский соляной промысел давал казне в год 20.334 рубля.⁵

О барышах откупщиков, о размерах соляной торговли и о степени участия купцов Армении в этой торговле и откупе ничего неизвестно.

О медеплавильных заводах Алавердском (Алавердском) и Шамлугском узнаем из «Описания», составленного при Паскевиче, где

¹ Акты, т. VII, стр. 80—85.

Акты, т. VII, стр. 95—96.

² Акты, т. VII, стр. 481.

³ Сборник сведений о Кавказе, т. II, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1872 г., «О Кульпинском соляном промысле», стр. 21—22.

⁴ Акты, т. XII, стр. 1345.

говорится, что промышленники готовую медь представляют в горное казначейство, где взимается в пользу казны десятая и двухпроцентная подать и ставятся клейма. Таковая медь уже поступает в продажу по вольным ценам...», т. е. за пуд—7—8 руб. и более.¹ О размерах же производства ничего не сообщается.

О тех же заводах из «Отчета» за 1857—1859 г. г. Барятинского узнаем, что эти, уже казенные, заводы (на казенных же землях, уступленных правительству помещиками князьями Аргутинскими-Долгорукими и Лорис-Меликовым) увеличивают производство меди. Вот данные о добыче меди:

В 1857 г.	в 1858 г.	1859 г.	Всего
4690 пуд.	7906 п.	8360 пудов	20.956 пудов

Перспективы роста производства этих заводов представляются наместнику очень радужными, так как «есть полная надежда», что «от принятия капиталистами участия в действии их... (заводы) должны в скором времени значительно улучшить свое производство».² Характерен восторг наместника крепостной России перед сотрудничеством своего государства с закавказскими капиталистами в государственных предприятиях. Ведь «реформа» 19-го февраля 1861 г., воспетая буржуазией, была у дверей.

Кроме этих казенных заводов, существовали в те годы и три частновладельческие медеплавильные заводы, работавшие с 1849 года (Сидимаданский в Бамбакском ущелье и Агбабинский в Ордубатском уезде) и с 1852 г. (Кавартский в Ордубатском же уезде).

Производство этих трех заводов составляло:

в 1857 г.	870 пудов меди
в 1853 г.	1910 " "
в 1850 г.	3380 " "
Всего	6160 пудов

¹ Акты, т. VII, стр. 96—99.

Акты, т. XII, стр. 1346.

Или в 5-ти заводах вместе:

в 1857 г.	5560 пуд. меди
в 1858 г.	9816 " "
в 1859 г.	11740 " "

Всего 27116 пудов¹

В 5-ти действовавших заводах за 1865 г. выплавлено всего 7830 пудов меди, т. е. почти на 4000 пудов меньше, чем в 1859 г.²

Число рабочих за тот же год всего 290 человек.

В шести медеплавильных заводах Армении за 1866 г. выплавлено всего 15.555 пудов меди.³

Таким образом, выплавка меди в 6-ти заводах Армении по сравнению с 1859 г. (пять заводов) увеличилась на 132%, или за 1866 г. составляла 57% всей выплавки меди за 1857—1859 г.г. Сдвиг есть, но не за счет увеличения производительности заводов, а за счет расширения производства (открытие нового завода); больше того, Алавердский и Шамлугский заводы значительно уменьшили выплавку меди даже по сравнению с 1858 годом, только Кавартский завод по сравнению с 1859 годом выплавил меди в 1866 г. почти в 3 раза больше.

Число рабочих в 1866 году на 7-ми заводах (считая и Сицимаданский, не бывший в этом году выплавки), составляло всего 1208 человек, из которых на Алавердском работало 250, на Шамлугском—48, на Сицимаданском—43, на Кавартском—547, на Агаракском—70, на Катарском—180 и на Гализурском—70.

За 1870 год выплавлено на 8-ми заводах 9904 пуда меди, почти на 1/3 меньше, чем в 1866 году. Число рабочих—1017, т. е. почти на 100 человек меньше, чем в 1866 году. Новое в техническом отношении то, что в 1870 году на этих заводах, правда не на всех, применяются движущие машины (на 5-ти заводах всего 8 парных колес по две силы).⁴

¹ Акты, т. XII, стр. 1346.

² Центр. Гос. Архив Армянской ССР, фонд № 133, дело № 676, л. л. 1—2, 4—5, 7—8.

³ Сборник статистических сведений..., 1869 г., т. I, стр. 82—87.

⁴ Сборник сведений о Кавказе, т. II, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1872 г., см. отдел: Статистические сведения.

Как не трудно заметить, по имеющимся неполным данным, рост производства медеплавильных заводов Армении дает значительные колебания, изменчиво и число действующих заводов, одни из них не действуют, другие открываются и работают короткий срок. Иногда отмечается, что за долгое бездействие и для экономии казенных издержек данный завод «назначен к публичной продаже».¹

По сведениям середины 80-х годов на Зангезурских медных заводах государство с каждого пуда меди получило 75 коп. (только в Галдзурском—50 к.), а владельцы земли получали $\frac{1}{10}$ часть меди.²

Несколько слов о рабочих этих заводов. Нам известно, как пабирались рабочие на Алавердский и Шамлугский заводы: в «Проекте» положения для грузинского горного производства (1812 г.) говорится, что из Лорийских крестьян «приписано для работ заводских 282 армянина, которые сверх общих повинностей, должны заниматься теми работами 8 месяцев в году. Они в 1806 году должны были заработать на 12.814 рубля, но заработали только на 3.658 рублей 77 коп., а в прошлые годы еще менее».

Причиной такой низкой производительности труда является малая оплата и «неисключение их из общих повинностей, не допускающих между заводскими работами нектися о хозяйстве, в котором терпят расстройство».³

Значит, на этих казенных заводах приписанные лорийские крестьяне были заняты обязательным трудом «за малую плату»: не освобождаясь и от своих крестьянских повинностей, они являлись крепостными рабочими, и промышленность эта была крепостнической промышленностью.

Из «Отчета» Воронцова за 1846—1848 г.г. узнаем, что в эти годы «приписанные к работе» на Алавердском и Шамлугском заво-

¹ Сборник статистических сведений..., 1869 г., т. I, стр. 82—87.

² Материалы по изучению экономического быта гос. кр. Закавказского края, т. IV, часть 1, стр. 103—106.

³ Акты, т. V, стр. 287.

дах крестьяне освобождаются от обязательных работ на заводах, и казна эти заводы отдает «в оброчное содержание»¹.

О том же говорит и Барятинский в своем «Отчете» от 1857—1859 г.г.; из него узнаем, что при Воронцове приписанные к Алавердекому и Шамдугскому заводам крестьяне 34-х деревень были освобождены от обязательных работ и что Воронцов «вполне сознавал идею о свободе горного промысла» и «весьма заботился об умягчении обязательного труда казенных горных рабочих».²

Нечего удивляться тому, что вдохновитель и проводник ярко крепостнической политики в Закавказье Воронцов выступает одновременно в роли защитника «свободного труда» в горной промышленности именно в тот момент, когда казенные заводы находились «в посессионном владении отчасти греков рудсиромышленников и отчасти местных мелких капиталистов»,—как говорится в «Отчете» наместника Михаила Николаевича за 1863—1871 г. г.³

Непроизводительность крепостного труда была слишком очевидной, и наместнику царского правительства приходилось прибегать к помощи капиталистов и к сотрудничеству с ними, сделав уступки той системе производства в промышленности, для развития которой в сельском хозяйстве были им созданы всевозможные препятствия.

Итак, с середины XIX века на казенных заводах Алавердеком и Шамдугском обязательный труд приписанных к ним крестьян отменяется, капиталисты, получающие эти заводы «в откупное содержание» во время Воронцова, должны были применять свободный труд, но так как собственником земель и заводов являлось крепостное государство в лице царизма, то едва ли крепостнические традиции и пережитки быстро были изжиты на этих заводах.

О наборе рабочей силы заводами, находившимися на помещичьей земле, ничего неизвестно, но так как они все основаны после вышеупомянутой меры Воронцова по отношению к рабочим казен-

¹ Акты, т. X, стр. 863.

² Акты, т. XII, стр. 1344.

³ АОЦИА, дело № 124 Кавказского Комитета, лл. 47—56.

ных заводов, то естественно предполагать, что у них тоже применялся свободный наемный труд. По крайней мере в тех подробно разработанных условиях, по которым разрешалось греку Давиду Блевтерову построить Мисханский завод, нет ни слова о рабочей силе, хотя подробно говорится об отведении из казенных дач определенного количества земли для рудника, для поселения предпринимателя, постройки завода и содержания скота, об отведении леса на обжиг угля для нужд завода и т. д. и устанавливаются правила пользования всеми этими благами.¹

Наем рабочей силы, повидимому, предоставлялся предпринимателю, считался его личным делом и никакими правилами не регулировался. Отсюда напрашивается заключение, что эти заводы являлись капиталистическими предприятиями по своему социально-экономическому характеру, при отсутствии обязательного труда и при вероятном существовании в них свободного наемного труда.

Основываясь на казенной и владельческой земле, находясь в зависимости от собственников земли и ограничиваясь разными правилами с их стороны соответственно общей крепостной обстановке — эти предприятия также, как и казенные заводы после освобождения приписанных к ним крестьян, не могли не иметь на себе печати феодального времени. Что это так, что «освобождение» и «свободный труд» можно понимать весьма условно, между прочим, доказывает тот факт, что только в 1868 году «состоялось освобождение жителей селений Кульп и Шахмахуд от обязательных работ на кульпических и нахчеванских соляных промыслах».² Эти промысла ведь тоже были государственными.

Почти ничего неизвестно об условиях работы и о заработной плате рабочих этих заводов, кроме того, что уже нами приведено насчет рабочих Алавердского и Шамлугского заводов.

Даже царские чиновники принуждены констатировать, что малая оплата и государственные повинности приводят к расстройству хозяйства крестьян, приписанных к заводам и промыслам.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 326, л. л. 2—4.

² См. Свод материалов..., т. 1, ч. III, Вахгадзе, Податное обложение..., стр. 127.

В кульпинском и пахичеванском соляных промыслах существовала сделная оплата труда рабочих. Так, в кульпинском промысле пуд соли стоил $7\frac{1}{4}$ коп. серебром, а за добычу его рабочий получал 1¹/₂ коп. серебром, в пахичеванском промысле пуд стоил $12\frac{1}{2}$ коп. серебром, а рабочий получал за него $2\frac{1}{2}$ коп. серебром.

О размерах заводов дает понятие число их рабочих и количество выплавленной ими меди. Отсутствие в них до 1870 года машин или незначительное количество их на некоторых из этих заводов ясно говорит о том, что эти, так называемые, заводы являлись по существу мануфактурными предприятиями.

Отметим еще то, что в 1866 году из 5.435 пудов меди, выплавленной Алавердским заводом, 2.000 пудов ушло «на переделку посуды», на которой были заняты 75 ремесленников, они же развозили готовую посуду по деревням.¹

В 1870 году из 4.572 пудов меди, выплавленной тем же заводом, на «переделку посуды» ушло 1.100 пудов.

Значит, этот завод довольно значительной частью своей продукции обслуживал потребности сельского населения.

Такое же сведение имеется и о Сицимадалском заводе, о котором говорится, что выплавленная им медь «сбывается на месте приезжающим покупателям».²

О других же заводах сообщается: «Сбыт произведений производится частью в Эриванской, Тифлисской и Бакинской губерниях и частью в Персии».³

Некоторые из медеплавильных заводов Армении, например, Гализурекский завод в Ордубатском уезде Эриванской губернии, Кавартский завод, Ньювалский и Пирдоуданский заводы того же уезда и т. д. находились на частновладельческих землях. Несомненно, что благодаря этому помещики не только получали определенную часть меди, например, $\frac{1}{10}$ часть, как указано нами выше, но и имели возможность извлекать лишний доход со своих крестьян за

¹ Сборник статистических сведений о Кавказе, 1869 г., т. I, отдел II, стр. 73—79.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 676.

³ Там же.

работу в этих заводах, так как нечего сомневаться в том, что рабочую силу в основном промышленники набирали из окрестных помещичьих крестьян.

Таким образом помещичьи крестьяне, вероятно, и государственные крестьяне, в районе медеплавильных заводов оказывались под двойным гнетом помещиков и капиталистических предпринимателей, начиная с конца 1840-х годов, когда появляются частновладельческие заводы. То же самое относится и к крестьянам тех районов, где находились казенные заводы.

Казна с предпринимателей получала свою долю мели, а крестьяне этих районов попадали под ярмо капиталистической эксплуатации, не освобождаясь, конечно, от помещичьего и царского гнета.

О степени развития в Армении в дореформенные годы денежно-хозяйственных отношений, об оживлении торговли и обмена и о проектах и попытках развить капиталистическое производство можно судить и по сведениям тогдашней армянской прессы; эти сведения тем более ценны, что могут в известной мере дополнить скудные и отрывочные статистические данные о состоянии экономической жизни изучаемого периода.

Перейдем к этим сведениям.

Настроения, например, дореформенных закавказских героев капиталистического наклонения находят такое выражение в издававшейся в Тифлисе армянской торговой газете «Купец», которая в поэтическом восторге воспекает культ золотого тельца:

«Кто не любит денег? Мы все любим деньги, золото, серебро. Какое влияние оказывают на нас полные золотом и серебром сумки, не становимся ли мы перед ними на колени, не готовы ли даже поклониться им? Для нас золото—это идея богатства, власти, славы и счастья; для купца и владельца денег—средство для жизни, ума и торговли»¹.

Другой армянский буржуазный журнал «Айкакан Ашхар» («Ар-

¹ «Вачаракан» («Купец»), 1866 г. № 7.

мянский Мир»), издававшийся в 1864—1871 г. г. в Тифлисе; под редакцией Хорена Степане, уже не довольствовался тем, что армяно в Закавказье являлись главной силой в торговле, главными владельцами золота и устами будущего редактора «Мшака», Григора Арцруни, в 1868 г. ставил перед «нацией» новые задачи:

«О нас говорят, что мы торговая нация, но это неправильно. «Разве такую нацию, которая только покупает и продает, а сама ничего не производит, можно назвать торговой нацией?». Он указывает путь, идя по которому можно превратиться в «торговую нацию», т. е. ставит вопрос об организации промышленности.¹ «Из всех богатств Кавказа мы извлекаем очень мало пользы», — указывает он. А это в новых условиях было уже нетерпимо для идеолога буржуазии.

Интересно, что призыв Арцруни находит отклик в армянской провинции. Из богатой торговой деревни Эриванской губернии Акулисы (недалеко от Ордубата) получается и печатается в журнале в начале 1869 г. целая «программа» развития промышленности в деревне и городе.

По этой программе акулисского корреспондента (обратим внимание: местного попа) нужно учредить акционерное общество «Шаабер» («Польза»), которое с первого же года своей деятельности должно «арендовать плодородные земли для обработки хлопка, марены, свеклы, риса и т. д.», во втором году начать развивать скотоводство, потом шелководство, в пятом году «построить полотняную фабрику», выписать для фабрики из Европы машины, рабочих, специалиста для подготовки кадров из армянской молодежи и т. п.²

О мелких торговых товариществах, организовывавшихся или организуемых в Александрополе, в «Айкакан Ашхаре» появляется еще с 1865 года ряд корреспонденций. Об одном из них корреспондент пишет: «Главная цель этого общества заработать деньги».³

¹ «Айкакан ашхар», 1868 г., № 11, Г. Арцруни, Почему не учреждаем, стр. 359—360.

² «Айкакан Ашхар», 1869 г., № № 1—2, стр. 34.

³ «Айкакан Ашхар», 1865 г., № № 8—9, стр. 352.

Экономическая деятельность этих элементов достаточно была оживлена ко времени крестьянской реформы. Арцруни в 1870 году в том же «Айкакал Ашхаре» писал: «В характере армян есть одно значительное свойство—тяга к богатству.... это одно из достоинств армян. Многие обвиняют армян в том, что они для достижения богатства часто применяют непростительные меры... Но неужели среди других наций источники богатства всегда безукоризненны...»¹ Таким образом, дав отпущение грехам армянской буржуазии, Арцруни призывал ее к обогащению.

В новых экономических условиях 60-х годов Арцруни и другие более или менее сознательные люди армянской буржуазии, по существу, своей работой и публицистикой служили одной цели: организовать силы своего класса в тот момент, когда важнейшие вопросы будущего экономического развития Закавказья получали свое разрешение в капиталистическом направлении.

Б. Развитие сельского хозяйства

Нет данных для более или менее полного показа хода экономического развития армянской деревни накануне крестьянской реформы в течение 50-х и 60-х годов. Имеющиеся отрывочные сведения не дают возможности анализировать процессы, происходившие в особенности в хозяйстве помещичьих крестьян; эти данные относятся вообще к сельскому хозяйству, включая не только хозяйство государственных крестьян, составляющих в Армении преобладающую категорию сельского населения, но и помещичье хозяйство.

Но все же по ним можно установить тот несомненный факт, что армянская дореформенная деревня медленно, но последовательно включалась в рыночные отношения и что эти рыночные связи деревни охватывали не только тогдашнюю Эриванскую губернию, но выходили и за ее пределы, связывая ее, скажем, с Тифлисом, даже с Россией и с границей (с Турцией). Можно установить и

¹ Сочинения Григора Арцруни, 1865—1871 г.г. Тифлис, 1904 г., стр. 274 (на армянском языке).

тот факт, что на основе развития торговли и рыночных отношений деревни среди крестьянства расширяется выделение буржуазных слоев, связанных с торговлей и городом постоянными связями.

Не трудно понять, как эти процессы неминуемо должны были готовить противоречия между буржуазным экономическим развитием деревни и зависимостью крестьянского хозяйства от помещиков и помещичье-феодалового землевладения, а также от колониальной, полукрепостнической эксплуатации царизма.

У нас есть сведения о том, что уже с начала 50-х годов денежные отношения довольно заметно давали себя чувствовать в деревне, вызвали даже продажу земель государственных и помещичьих крестьян, обезземеление крестьянства, переход крестьянских земель в руки не крестьян. Так, например, среди крестьянства, особенно в Загубасарском участке Эриванского уезда, в Нахичеванском уезде и т. д. было распространено и в государственных (казенных) и в молькадарских деревнях следующее явление: крестьяне «продают право распахки своих участков земли в вечное и потомственное владение не только лицам своего сословия, но даже лицам другого сословия».

Безземельный крестьянин, говорится далее, «должен подчиниться богатым людям, бороться с бедностью»; не только им, но и их потомству, как указывается в официальном архивном деле, становилось все более трудно «по давности» (прибавим от себя, конечно, не только по давности) получить обратно свои земли. Безвыходное положение приводило таких безземельных крестьян «к законопротивным действиям, нередко даже воровству и грабежам для улучшения своего состояния».

Какие размеры приняла «продажа» земель и обезземеление крестьян, показывает тот факт, что экспедиция Государственных Имуществ с согласия наместника в 1850 г. 15-го декабря принимает следующее постановление, распространяя его на все Закавказье: «Всякую продажу общественной казенной земли в посторонние руки на будущее время строжайше воспретить поселянам». Относительно проданных земель выносится постановление отобрать их, если на них не построены дома, не разведены сады и т. п., в

лок, кунжутное и льняное масла выходили за пределы губернии на рынок и, вероятно, первые два даже за пределы Эриванской губернии. Эти предположения не покажутся голословными, если примем во внимание имеющиеся данные о торговле указанными продуктами сельского хозяйства за последующие годы. Перейдем к этим данным.

Об урожаях сельскохозяйственных главных культур за 1870 г. по пяти уездам Эриванской губернии имеются такие данные (урожай подсчитан со всех земель—и крестьянских и помещичьих):

пшеница	1.186.000	четвертей
ячмень	481.830	"
чалтык (рис)	200.390	"
кунжут	111.375	"
л е н	191.323	" ¹

По сведениям того же автора из вышеприведенного количества пшеницы «для внешнего сбыта.. имелось 55.012 четвертей», из ячменя для продажи назначалось до 55.000 четвертей; чалтык сбывался не только на месте, но и в Тифлисе и даже вывозился в Турцию; добытое кунжутное масло (37.125 пудов) и льняное масло (31.887 пудов) находили сбыт и в губернии и вне ее, особенно в Тифлисе.²

К сожалению, по этим данным нельзя выяснить долю урожая разных культур для помещичьих и казенных крестьян, долю урожая помещичьих собственных хозяйств и т. д. Но все же они дают нам кое-какой материал для понимания процессов, происходивших в крестьянском хозяйстве.

Эти данные показывают, что по трем главным зерновым культурам урожай не только удовлетворял внутренний спрос, но и вывозился за пределы губернии, даже в Турцию (рис). Значит, главные продукты крестьянского хозяйства выходили на довольно ши-

¹ Сборник сведений о Кавказе, т. II, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1872, статья агронома Н. Спасского, Сельско-хозяйственно-статистические сведения об Эриванской губернии за 1870 г., стр. 172—173.

² Там же, стр. 177—178.

ровой рынок. Для пшеницы эта доля составляла 4,6% всего урожая, а для ячменя—10%; по рису данных нет, но несомненно, процент доли вывоза здесь еще выше. Нет данных и о количестве вывоза кунжутного и льняного масла.

О размере сбыта этих культур внутри губернии тоже ничего неизвестно, что также важно для выяснения степени рыночных связей крестьянского хозяйства.

Перейдем к другим культурам.

В Эриванском, Эчмиадзинском и Нахичеванском уездах в 1870 году под хлопком находилось 23.073 десятины.

Общий сбор очищенного хлопка был 276.876 пудов.

До 1862—1863 г.г., т. е. в годы гражданской войны в США, посев хлопка в Эриванской губернии производился в ничтожном размере семенами местного невысокого сорта и только для местных нужд. С сокращением импорта из США русская текстильная промышленность проявляет интерес к хлопку Эриванской губернии. Расширяются посевы, вводятся высшие иностранные сорта семян. Для очистки хлопка начинают ввозить европейские машины, а с 1868 г. около Эривани открывается фабрика для очистки и «пресовой утюковки хлопка» посредством 30-ти действующих водяным приводом коттон-джиннов.¹

О росте производства хлопка в Эриванской губернии за 60-е годы можно судить по следующим данным:

В 1861 г.	30 000 пудов
в 1862 г.	60 000 „
в 1863 г.	150.000 „
в 1870 г.	273.000 „ ²

По словам другого исследователя «производство хлопка в Эриванской губернии в 1860-х годах достигло 600.000 пудов волокна».

¹ Сборник сведений о Кавказе, т. II, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1871 г., статья агронома Н. Спасского, Сельскохозяйственно-статистические сведения об Эриванской губернии за 1870 г., стр. 173—177.

² С. Гулишамбаров, Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии, Тифлис 1888 г. стр. 80.

Цены тогда были высокие, за пуд платили до 20-ти рублей и больше.¹

Хлопководством занимались в большинстве случаев мюлькадарские крестьяне тех имений, где казна являлась собственником известной части земли.

Из других районов Армении позже, в 80-х годах, хлопководством занимались и в Загезурском уезде, но о размерах его никаких данных нет.²

Факт преимущественного занятия хлопководством мюлькадарских крестьян, вероятно, объясняется тем, что лучшие и удобные для этой цели земли находились у мюлькадаров; то, что казна поощряла на этих землях разведение хлопка, этого важного промышленного сырья, вполне понятно с точки зрения колониальной политики царизма; нам известно, что об этом позаботился еще Паскевич при завоевании Эриванского ханства.

Продукты садоводства также в значительной мере выходили на местный рынок, а вино находило сбыт и в Тифлисе. К сожалению, все данные о садах и виноградниках суммарно относятся ко всему населению Эриванской губернии, и никак невозможно выяснить не только долю разных групп крестьянства, помещиков, но даже долю деревни и города; поэтому не представляется возможным по этим данным судить о размерах рыночных связей крестьянского хозяйства в этой области производства, но что продукты крестьянских садов тоже выходили на рынок, в этом не приходится сомневаться.

Вот некоторые данные о садоводстве Эриванской губернии:

Все фруктовые сады и виноградники в 1870 году занимали пространство в 8.458 десятин.

По уездам картина такая:

¹ Свод материалов..., т. IV, ч. II, И. С. Хатисов, Хлопководство в Закавказье, стр. 279.

² Свод материалов..., т. IV, ч. II, И. С. Хатисов, Хлопководство в Закавказье, стр. 277 и 301.

в Эриванском уезде	4.334	десятины,
в Эчмиадзинском уезде	1.859	"
в Александропольском уезде	85	"
(только фруктовые сады).		
в Нахичеванском уезде	2.180	"

Урожай свежих фруктов приблизительно равнялся в 1870 г. 1.000.000 пудам, из коих $\frac{1}{3}$ шла на потребление самих производителей, $\frac{2}{3}$ на продажу в городах и селах, а остальные $\frac{2}{5}$ подвергались сушке и шли для потребления самих производителей и для продажи.

Сбор винограда в 1870 г. составлял 984.172 пуда, из коих $\frac{1}{3}$ потреблялась или продавалась в свежем виде, из остального получалось 479.585 ведер вина.

В 1870 году урожай винограда был плохой по сравнению с предшествующими годами; кроме того, по наблюдению автора этих сведений, разведение виноградных садов росло непропорционально росту населения в губернии.¹

О садах и виноградниках государственных и государственно-мюлькардарских крестьян имеются данные за начало 1880-х годов:

В Эриванском уезде	2.558	десятин,
„ Эчмиадзинском уезде	1.506	„
„ Нахичеванском уезде	870	„
„ Александропольском уезде	38	„
всего	4.972	десятины

А в тех же уездах Эриванской губернии в 1870 г. все сады и виноградники составляли 8.458 десятин. Значит, сады и виноградники названных групп крестьянства составляли около 60% всего количества, не считая изменений, происходивших в общем количестве садов и виноградников в течение 10 лет.²

¹ Сборник сведений о Кавказе, т. II, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1872 г., статья агронома Н. Спасского, Сельско-хозяйственно-статистические сведения об Эриванской губернии за 1870 г., стр. 181—183.

² Свод материалов..., т. IV, ч. II, С. П. Зелинский, Садоводство в Закавказском крае, стр. 24—27.

Нет возможности хотя бы приблизительно определить роль садоводства в хозяйстве помещичьих крестьян и количество их садов.

Скотоводство в Эриванской губернии играло значительную роль в хозяйстве крестьянства, в частности, для курдов и определенных групп татар оно являлось основным занятием. Продукты скотоводства выходили на рынок, особенно на городской, еще с 30—40-х годов, как уже указано нами раньше; то же самое происходило, конечно, во все расширяющемся масштабе и в 50—60-х годах, об этом есть кое-какие сведения, как увидим ниже, но следить за этим процессом и показать рост выходящей на рынок продукции скотоводства цифровыми данными нет возможности.

Косвенным показателем этого процесса могут служить имеющиеся данные о росте поголовья скота в Эриванской губернии с 1865 г. по 1870 г.

Число скота в 1865 г.	Число скота в 1870 г.	Рост в % %
Лошадей 33041	40626	23
Рогатого скота 226780	274759	21
Овец и коз 575142	688338	20
Свиней 1663	3162	90
Верблюдов 10940	16724	53
Ослов и мулов 17018	16218	5
		(уменьшение)
Всего 864584	1.038.837	20% ¹

По этим данным можно только в среднем определить, сколько приходится скота на душу всего населения, но нет возможности выяснить распределение скота среди разных групп крестьянства (помещичьих и казенных), выяснить число не имеющих рабочего скота и т. д., что и важно для выявления экономических и социальных отношений в деревне.

¹ Таблицы составлены нами на основании данных следующих источников: Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, Приложения, стр. 95 и Сборник сведений о Кавказе, т. II, стр. 95.

Что крестьянство вовлекалось в торгово-денежные отношения и среди него появлялись торговцы-кулаки, которые не только в деревне, но и в городах имели регулярные торговые операции, видно, между прочим, из следующего. Крестьяне-торговцы в 1865 году взяли в городах 305 торговых свидетельств, из коих по 1-му разряду—6, по 2-му—10, по 3-му—289. В Эривани выдано 105 свидетельств, в Александрополе—116, в Нахичевани—60, в Ордубате—12 и в Ново-Баязете—12. Свидетельства эти даны на право продажи хлопка (Эривань и Нахичевань), фруктов (Эривань и Ордубат), рогатого скота, кожи, мыла, водки (Александрополь), шелка (Ордубат), соли (Нахичевань) и продуктов садоводства, земледелия, огородничества (Ново-Баязет).¹

Из всех вышеприведенных данных достаточно ясно, что почти все продукты крестьянского хозяйства выходят на рынок в пределах губернии, частью вне пределов губернии, например в Тифлис (хлопок, вино, ячмень, льняное масло, рис), вне пределов Закавказья—в Россию (хлопок), вне пределов государства—в Турцию (рис). Как организаторы этой торговли, между прочим, выступают крестьяне-торговцы и в городах. Все это свидетельствует о том, что ко времени крестьянской реформы торгово-денежные отношения в деревне—уже такой факт, с которым нельзя не считаться.

О нуждах деревенской торговли и о ее правильной организации заговорила даже местная власть сравнительно глухих уголков Армении в 50-х годах прошлого столетия. Укажем, например, на такой факт. Начальник Даралагезского участка Шаруро-Даралагезского уезда Эриванской губернии в 1857 г. возбуждая ходатайство перед кавказским наместником о том, что он считает «весьма полезным назначить в центре участка, а именно в селенки Малышке базар (ярмарку), куда бы могли еженедельно в субботу собираться с разных сторон жители для покупки и продажи необходимых предметов». Он даже находит необходимым «посредством

¹ Сборник статистических сведений о Кавказе, 1869 г., т. 1, отдел 1, III (гл.), стр. 12.

публикации» об открытии ярмарки оповестить «жителей уездов, если не целого Закавказского края, то по крайней мере Эриванской и Шемахинской губерний».

Необходимость ярмарки мотивируется тем, что зимою сообщение между Нахичеванью и Даралагезским участком прерывается, а летом «грабеж кочующих жителей» мешает «сбыту своего достояния... и приобретению жизненных потребностей» местному населению.

В архивном деле есть и описание торжественного открытия ярмарки в том же году.¹

В связи с оживлением деревенской торговли появляются среди крестьян герон «малых дел» с аппетитом легкой наживы. Приведем факт, характерный не только для представителей первых таких «предпринимателей» из крестьян, но и для представителей уездных и губернских чиновников, усердие которых в области создания для правительства новых «оброчных статей» не имеет предела.

В январе 1869 г. управляющий Эчмиадзинским уездом сообщает Эриванскому губернатору о желании трех жителей деревни Гечерлу в водах уезда «взять на откуп ловлю пиявок с обязательством платить ежегодно в казну... сто руб. серебром»; он находит «плату ими предложенную» «выгодною для казны» и просит «дозволения» заключить «с откупщиками контракт».

В марте того же года управляющий государственными имуществами Эриванской губернии пишет главе того же ведомства при Главном управлении заместника кавказского, что признает «полезным для казны учредить эту оброчную статью Эчмиадзинского уезда и отдать ее в откупное содержание с публичных торгов» и просит разрешения заместника.

Вся эта затея усердных эриванских чиновников из управления государственных имуществ откладывается, так как из Тифлиса по-

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 444, лл. 2-3, 6, 7-8.

лучается ответ, что «Барон Николан приказал предположенке это до времени отложить».¹

Начальник Эриванского губернского жандармского управления в 1872 году в своем донесении шефу жандармов характеризует эту алчную деятельность вышеназванного учреждения следующим образом:

«...Управление государственных имуществ... старается более чинить оброчных статей с участков казенной земли и тем выставлять свои заслуги, а между тем жители имеют крайний недостаток в земле».²

У нас есть сведения и о предпринимательских проектах несравненно более крупного масштаба, исходивших уже не от крестьян, а от помещиков. Эти проекты интересны в том отношении, что являются косвенным свидетельством процессов, происходивших в сельском хозяйстве в направлении развития в нем капиталистических элементов.

В 1866 г. землевладелец (мюлькадар) и чиновник Эчмеадзинского уездного управления Александр Мелик Вартанесов выдвигает вопрос о проведении канавы длиной в шесть верст с тремя рукавами, каждый по 40 верст, из реки Арпачай в Сардарабалекскую степь для орошения пространства «примерно до 700, если не более, квадратных верст».

Предлагая для этого свои услуги и условия и обизываясь в течение трех лет провести канаву с тремя рукавами, он, между прочим, обращает внимание губернских властей на пользу правительства в этом предприятии: «Через эти местности ныне со всего Закавказского края большими партиями следуют караваны и арбы в селение Кульпы за солью и обратно».

Создание в этой степи благоприятных условий жизни и хозяйства «без сомнения увеличило бы намного сбыт из Кульпы соли, а, следовательно, и откушную плату». Ему же за это предприятие должно быть предоставлено «в вечное потомственное владение» от

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 944, л. л. 1, 14 — 15, 16.

² ЦГИА (быв. ЦАР), III 0, 4 эксп. № 191, 1872 г., л. л. 200—202.

10.000 до 15.000 десятин земли, или на 30 лет даны в пользование и распоряжение все земли орошаемой степи, в зачетности от того, какой вариант его предложений будет принят и в какой мере правительством будет кредитировано его предприятие.

В обеспечение получаемого от правительства долга он готов закладывать свои жилые дома, населенные деревни, мельницы, леса и сады в городе Эривани и в Эчмиадзинском уезде, в бывшем Сурмалинском участке. Все это предприятие, по представленной им смете, требовало крупную сумму расходов—240.000 руб. серебром.

Ему было отказано, так как Ереванский губернатор нашел его «условия невыгодными для казны».¹

Но этот помещик-предприниматель не унывал и через три года, в 1869 г. выдвигает новое предложение о взятии на откуп в Эчмиадзинском уезде добывание материалов для мылобарения, а именно: «крязи-бора (добываемая около Крач-Баг), аг-бора и кайла-даши (добывается в разных местах); обязывалось платить казне ежегодно по сто двадцать рублей серебром на двенадцать лет».²

Перед самой крестьянской реформой в Армении царское правительство проявляет особо поощрительно-благоклонное отношение к предпринимательской инициативе в области сельского хозяйства со стороны русских крупных чиновников, вероятно, рассматривая такие шаги, как отдельные звенья для осуществления цели внедрения русского землевладения в Закавказье, в том числе и в Армении.

Начальник Закавказского почтового округа генерал-майор Каханов возбудил ходатайство об отдаче ему в оброчное арендное содержание для сельскохозяйственных и промышленных целей казенной земли около 10.000 десятин в Эриванском уезде, между деревнями Давалау и Садарак. Дело было рассмотрено в Главном управлении, после чего наместник нашел «условия, предложенные

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 900, л. л. 4—5, 8—9 и 10.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 943, л. 40.

г. Кахановым выгодными для казны и полезными в видах распространения в Эриванской губернии сельскохозяйственной промышленности».

В конце 1870 года, т. е. во время проведения крестьянской реформы, Кавказский Комитет сообщает о согласии императора на отдачу вышеупомянутой земли генерал-майору Каханову в аренду на 46 лет.

Чего стоила эта щедрость правительства проживающим на этих землях курдам и окружающим крестьянам, увидим в дальнейшем, а пока важно отметить факт создания довольно крупного помещичье-капиталистического хозяйства в Армении.¹

Имея в виду все вышеизложенное о развитии промышленности и сельского хозяйства в Армении в дореформенные два десятилетия, можно убедиться в том, что «сила экономического развития» хотя медленно, но достаточно заметно меняла феодальное лицо экономики страны, постепенно придавая ему буржуазные черты.

В этих условиях столкновение старых, феодальных и новых, буржуазных, элементов обострялось и крестнически-колониальной политикой царизма, к рассмотрению которой перейдем на следующих страницах. Но до этого остановимся на вопросе о социальном составе населения Армении накануне крестьянской реформы.

2. Крестьянство и «высшее сословие»

Нам знаком социальный состав населения Армянской области начала 30-х годов прошлого столетия. Мы познакомились в основных чертах с ходом экономического развития Армении за последние годы, в особенности за 50—60-е годы. Теперь постараемся на основе происшедших изменений в жизни и экономике страны установить социальный состав населения Армении перед крестьянской реформой, в частности определить количество помещичьих крестьян.

¹ Центр. Гсс. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 904, л. л. 145—148.

О числе и социальном составе крестьянства Эриванской губернии (уезды: Эчмиадзинский, Нахичеванский, Александропольский, Ордубатский и Эриванский) имеются данные за 1854 и 1859 годы; разница в них ничтожная, приводим данные 1859 года:

Казенных крестьян	25.934	дыма
Бекских "	1.160	"
(находившихся в управлении беков)		
Мюлькардарских крестьян	9.165	"
Тюльных	945	"
Тюльных		"
(пожизненных тюлистов у Эчмиадзинского монастыря, который являлся тюлистом)		
	752	"
Всего		
	37.957	дымов

Значит, приблизительно 30% дымов составляют владельческие крестьяне.¹

Данные, приводимые нами в несколько измененном виде, хотя и очень неполны, но все-таки дают приблизительное представление о составе крестьянства; заслуживает внимания факт, что полукочевые и кочевые пароды составляют среди крестьян около 20%.² Более подробные сведения имеются относительно 60-х годов. Приведем важнейшие из них, относящиеся к 1865 г.

Распределение жителей по сословиям дается в следующей путаной таблице, из которой все-таки можно сделать кое-какие заключения о социальном составе населения (проценты вычислены исходя из общего числа населения—437.719):

Дворянства	4.261	чел.	0,97%
Духовенства	4.839	"	1,11%
Городского сословия	42.082	"	9,61%
Сельского	362.884	"	82,91%
Воезних	4.275	"	0,98%
Иностранцев	19.377	"	4,42% ³

¹ Акты, т. XII, стр. 1350; ср. Акты, т. X, стр. 105—106.

² См. Акты, т. X, стр. 105—106.

³ Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I под ред. Н. И. Воронова, Тифлис, 1869 г., Отдел I, III (гл.), стр. 8.

Под рубрику дворянства входит: потомственные дворяне—130 душ, личные дворяне—614 душ, ханы—123 души, беки—3064 души, мелики—248 душ, агалары—40 душ, имеющие военные чины курды—41 душа, а всего 4260 человек.¹

По национальному составу «дворянство» или привилегированное сословие разделяется так:

Русские и проч.	Армяне	Татары и пр.
Потомственных дворян 101	41	
Личных дворян 177	421	
Ханов —	—	123
Беков —	—	3.064
Агаларов —	—	40
Меликов —	248	—
Имеющих военные чины и беков —	5	36 (курды)
Всего . . 278	713	3.263
Итого . .	4.254	

Из них в городах жила 1.222 человека, а в деревнях—3.035 человек.²

Из вышеприведенных групп «дворянства» местными землевладельческими слоями являются: мюлькадары, наследственные и пожизненные титулисты и агалары, т. е. ханы, беки, мелики и агалары.

Нет возможности, на основании имеющихся данных, с точностью выяснить вопрос землевладения потомственных дворян, но относительно русских можно определенно сказать, что они (101 человек) не являлись землевладельцами, а были только государственными чиновниками; вопрос остается открытым для армян (41 че-

¹ Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, под ред. Н. И. Воронова, Тифлис, 1869 г., Отдел I. III (гл.), стр. 9.

Там же, стр. 10.

людей); что же касается личных дворян, как русских (177 человек), так и армян (421 человек), то можно с уверенностью сказать, что они (может быть за редкими исключениями из армян) не принадлежали к землевладельческим группам, а составляли только местное чиновничество: о курдах нечего и говорить—они не являлись владельцами недвижимых имуществ.

Таким образом, вычитывая из общего числа дворян (4.260) эти поземлевладельческие дворянские группы (784), получим 3.476 человек. Это и составляет вероятное число землевладельческих помещичьих групп Эриванской губернии, т. е. 0,79% всего населения.

Нет точных данных о числе и поездном распределении казенных и помещичьих крестьян и о национальном составе их, только указывается, что по очень приблизительным подсчетам ²/₃ из них жили на казенных землях и ¹/₃ на владельческих. О размерах владельческих земель, о размере крестьянского надела в казенных и владельческих землях и т. п. никаких сведений нет.¹ Отметим также, что приведенный выше процент сельского населения (82,91%) увеличится, если примем во внимание, что «инородцы» (4,42%) почти исключительно те же крестьяне.

По данным Н. Спасского² в конце 1870 г. общее число населения Эриванской губернии нужно считать до 453.985 человек, а только земледельческое крестьянское население до 375.988. Других данных о крестьянстве у него нет. Принимая число владельческих крестьян приблизительно за ¹/₃ общего числа крестьянского населения, как сделано выше, получим, что в год «реформы» в Эриванской губернии владельческих крестьян было примерно до 120.000 человек, не считая юго-восточные районы Армении: Мегри.

¹ Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, под ред. Н. И. Воронова, Тифлис, 1869 г., Отдел I, III (гл.), стр. 14—15.

² Сборник сведений о Кавказе, т. II, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1872 г., статья агронома Н. Спасского, Сельско-хозяйственно-статистические сведения об Эриванск. губ. за 1870 г., стр. 168—169.

Кафан, Сисиан, Загезур и северные районы: Лори, Дилижан, Ичеван и т. д., о которых отдельных данных нет.

Сопоставив вышеприведенные данные с теми, которые раньше (см. стр. 40—42) приведены нами для Армянской области (Эриванская губерния без Александропольского уезда), получим следующую картину:

В Армянск. области по камеральному описанию 1829—1832 г.г.	В Эриванск. губ. (без Александропольского уезда) в 1865 г. ¹	Рост в %/о
Число населения 164.450 душ	356.780 душ	17
Число дворянства 3.173 .	4.260 .	34
Число армянского дворянства 434 .	713 .	64
Число татарского дворянства 2.739 .	3.263 .	19

Из этих данных видно, что за означенный период общий рост населения Армении больше чем в три раза превышал рост ее «высшего сословия», поэтому не удивительно, что несмотря на абсолютный рост его числа, его процент по отношению ко всему населению за эти годы даже снизился: вместо 1,9% в начале 30-х годов 1,2% в 1865 году.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что, хотя за это же время рост армянского «высшего сословия» больше чем в три раза превышал рост татарского, по все же абсолютно преобладающим продолжало оставаться в стране мусульманское «высшее сословие»; оно являлось основным помещичьим классом в Армении и в начале утверждения русского владычества, и накануне крестьянской реформы.

Русские дворяне не приняты в счет, так как они не были

¹ В Александропольском уезде, как увидим, почти не было дворянства.

помещиками и почти все без исключения находились на военной или гражданской службе, как уже указано нами выше.

Невозможно, хотя бы в очень приблизительных данных, показать количественное движение владельческих крестьян за это же время. Имеются только следующие данные о числе мюлькадаров, мюлькадарских деревень и крестьян перед реформой 1870 г. в Эриванской губернии:

Число мюлькадаров	385
„ мюлькадарских деревень	302
„ дымов мюлькадарских крестьян	12310
„ душ мужского пола	45241

В том же году число мюлькадаров Эриванской губернии, не принадлежавших к «вышнему сословию», составляло—102, из коих в Эриванском уезде—23, в Эчмиадзинском уезде—47 и т. д.

Аваллани, не указывая источника, исчисляет туземцев, агаларов, беков в Эриванской губернии в 1852 семейства или 12.159 душ обоего пола.¹

Вышеприведенные 302 мюлькадарские деревни по уездам распределялись так: в Эчмиадзинском уезде—103, в Эриванском уезде—69, в Нахичеванском уезде—119, Ново-Баязетском уезде—11.

В мюлькадарских деревнях имелось много безземельных крестьян, о числе которых есть только приблизительные данные: например, в Эриванском уезде¹, мюлькадарских крестьян не была разделена землей, а только имела усадьбную оседлость. В Эчмиадзинском уезде крестьяне, имевшие только усадьбную оседлость, находились почти во всех деревнях, общее число их доходило до 800. В Нахичеванском уезде число таких крестьян доходило до 400 дымов.

Безземельных мюлькадарских крестьян не было в Ново-Баязетском уезде.²

Таковы скудные сведения о помещичьих крестьянах в Эриванской губернии перед реформой.

¹ С. А. Аваллани, Крестьянский вопрос..., т. III, стр. 180.

² С. Эсадзе, Историческая записка..., т. I, стр. 558—559 и 561.

3. Режим «произвола и поборов»

В 1861 году в Закавказье агалары и беки были устранены от управления деревнями, а в 1865 году наместник кавказский издал Положение о самоуправлении сельских обществ.

Тифлиссский армянский журнал «Купец» в 1866 году, в связи с этим рисуя целую идиллическую картину, читал наставления членам сельского самоуправления насчет их новых обязанностей перед властью и народом: «Пусть старшины и судьи наших деревень хорошо подумают об этом и пусть стараются законным ведением своих дел и своей добросовестностью выразить свою благодарность той власти, от которой они получили это право для оспастливления народа».¹

В действительности же в деревнях ничего не изменилось, агаларов и беков заменили пристава, обыкновенно назначавшиеся из местных же беков, а сельские старшины и судьи, хотя считались выборными, но фактически являлись «низшими агентами полицейской власти». «Следовательно.—нишет царский крупный чиновник из Главного управления наместника кавказского Кучаев в конце 80-х годов, спустя 20 лет после введения так называемого сельского самоуправления,—преобразование сельского общественного управления ни в чем не изменило обычного строя вещей, и ханский режим управления крестьянскими обществами остается и поныне во всей своей неприкосновенности. Режим этот характеризуется двумя словами «произвол и поборы» (Курсив автора).²

Автор все это называет «ханским режимом», который «остается и поныне во всей своей неприкосновенности». Остатки ханского режима, конечно, были в изобилии, но в основном это был режим, созданный именно в духе царского крепостнического полицейско-бюрократического государства.

Вот некоторые черты этого режима «произвола и поборов»

¹ «Купец», № 13, 1866 год, от 5-го июня, Об учреждении в Тифлиссском уезде сельских самоуправлений.

² Свод материалов..., т. V, ч. II, М. Н. Кучаев, Ростовщичество в среде крестьянского населения, стр. 44.

по данным жандармского капитана Золотовского, исполнявшего должность начальника Эриванского губернского жандармского управления.

В 1872 г. 8-го ноября он пишет шефу жандармов: «...Имею честь доложить, что ропот жителей на старшин и судей безграничен». Их бесчинства объясняются тем, что «старшин и судей поддерживают уездные начальники».

«Я много раз,—продолжает он,—доводил до сведения начальника губернии о злоупотреблениях общественных голов, старшин и сельских судей. Начальник губернии ограничивается спросом о том лишь уездных начальников, которые всему тому виновны, ибо они безучастно относятся к бедным жителям».¹

Можно представить положение трудовых масс деревни, когда даже начальник жандармского управления пахочит нужным взять их под сьюо защиту!

Далее он разоблачает атмосферу, в которой происходят выборы общественного самоуправления деревни: «Я уже имел честь докладывать... насколько пристрастно бывает участие уездных начальников при выборах должностных сельских лиц...».

А после выборов, конечно, эти должностные лица не оставались в долгу у своих благодетелей—у «начальства» и, например, в их пользу налагали на крестьян натуральные повинности даже после крестьянской реформы.

«Общественные головы»,—рассказывает начальник Эриванского жандармского управления, опираясь на поддержку уездных начальников, осмеливаются «отдавать приказы, прилагая к оным казенную печать, коими они требуют сбора масла; таковые же приказы рассылаются для сбора круп и других продуктов и все это, как объявляют головы, для начальства...».²

Не меньшим злом являются для населения всадники или земская стража; так, например, крестьяне деревни Гезал-Дара Ново-Баязетского уезда жалуются, что «они более разоряют, чем защи-

¹ ЦГИА (быв. ЦАР), III О, 4 эксп., № 191, 1872, лл. 200—202.

² ЦГИА (быв. ЦАР), III О, 4 эксп., № 191, 1872, лл. 200—202.

щают, именно требованием от них кур, яиц, сена и баранков. Недавно у жителей угнали четырех быков и двух индюков...; четыремя командами земской стражи в Мазринском магале заведует поручик Кули-Ага..., сын его за укрывательство разбойников арестован в Эриванской тюрьме... Два его родственника... по убийству... находятся в бегах». А сам Кули-Ага, конечно, и не думает преследовать разбойников.¹

В донесениях пачальника жандармского управления можно найти истинные примеры ханского режима. Вот один из таких фактов.

В деревне Басар-Кечар, Ново-Баязетского уезда в 1872 г. мировой судья Амиров «потребовал к себе десятского Петроса Будоева, которому приказал отправиться в дом... Гарагеца Микиртичева и привести к нему его жену». Дважды получая резкий отпор со стороны крестьянки, судья «приказал старшине немедленно арестовать ее мужа и свекра». К вечеру судья со своим переводчиком пошел в дом Микиртичева, где «кроме жены никого не было», и они там «пробыли слишком час». Десятник оставался во дворе, «откуда слышал голос жены Микиртичева, которая громко кричала, что скорее убьет своего ребенка, но не сдастся».

А муж и свекор несчастной крестьянки «на четвертый день были освобождены из-под ареста».²

Все вышеприведенное отнесется ко времени проведения крестьянской реформы в Армении, но едва ли приходится доказывать, что все это одинаково и, может быть, еще в большей мере отражает режим произвола и поборов дореформенной Армении.

Положение не изменилось в деревне и позже, в 80-х годах, о чем рассказывает, например, армянский консервативный историк А. Ерицяц, имея в виду конкретно деревню Казахского уезда; то можно не сомневаться в том, что описанная им картина в равной

¹ ЦГИА (быв. ЦАР), III О, 4 эксп., № 158, 1872 г., лл. 137—146. Донесение капитана Золотовского начальнику губернии от 31 июля за № 73.

² Там же.

мере относится и к другим уездам Закавказья, в частности и к Армении. Вот образец из деяний героев режима «произвола и поборов»: «Процесс взимания податей и повинностей сопровождается рядом печальных сцен. Здесь сборщики ведут перебранку с раскричавшимся стариком, уличающим их в переборе; там поднимает вой вдова, у которой старшина отбирает для продажи медный котел; тут быют мужика, отговаривающегосяпейменнем денег, а рядом выводят из хлева секвестрованную корову. То раздаются проклятия сборщикам за несправедливое распределение сборов, то громко уличают их в злоупотреблениях, то, наконец, умоляют их о пощаде или просят об отсрочке. Отсутствие каких-либо квитанционных книг и счетоводства при неграмотности населения, без сомнения, легко дают повод к злоупотреблениям со стороны тех выборных мироедов и воротил, для которых время сбора податей составляет некоторый праздник».¹

Но, конечно, дело не только в отсутствии «квитанционных книг» и «счетоводства», а во всей системе государственного управления царизма, преследовавшей единственную цель ограбления населения своей колонии по всем правилам «счетоводства».

Вот пример этого грабежа уже не в одной деревне Казахского уезда, а по всему Закавказью.

Местные доходы, говорится в отчете наместника. «с 1863 по 1870 г. г. возрасли с 3081837 руб. до 5200000, т. е. на 70%; действительное же поступление в течение этого периода превысило сметные исчисления почти на два миллиона рублей».

А источники? Увеличились таможенные пошлины до 800000 рублей в год, другие косвенные налоги до 300000 рублей, податные доходы на 540000 рублей, доходы с государственных имуществ на 180000 рублей.

Все это, вероятно, при условиях развития сельского хозяйства? Нет, отвечает нам наместник: «Почти в продолжение всего этого периода... свирепствовали болезни виноградаря и шелкович-

¹ Материалы..., т. II, ч. II. А. Д. Ерицов, Экономический быт государственного крестьянства Казахского уезда Елисаветпольской губернии, стр. 212—213.

ного червя». Хотя это немаловажное явление для хозяйства крестьянских масс Закавказья, но все же, как мы узнаем, годовые оклады налогов поступили сплошн, недоимки уменьшились (в 1864 г. их было 566.000 рублей).

Увеличился и земский сбор: до 1863 года он составлял 1.100.000 руб. с 280.000 дымов, а в 1871 г. 1½ миллиона рублей с 363.000 дымов.

Дальше наместник объясняет: «Самые же доходы земства и расходы из оных, произведенные в 9 лет до моего назначения, выразились в общей цифре 6½ миллиона рублей, а с 1863 г. по 1871 г. в цифре до 13 млн. руб., т. е. вдвое». И так как эти налоги поступали «почти бездоимочно» и население «без затруднения» (!?) «несит бремя прямых и косвенных налогов», то это значит, по мнению наместника, что «благосостояние населения постепенно возрастает».¹

Да, отдавая деревенскую массу на съедение «мироедов и ворюг», старшин и приставов, увеличивая и удваивая разные прямые и косвенные налоги и сборы и на собранные деньги «преобразовывая» административные учреждения, тратя на это дело 540000 рублей, уделяя на введение судебной реформы 600000 руб., создавая мировые по крестьянским (читай по помещичьим) делам учреждения, отпуская для этого 180000 рублей, другими словами, расширяя и усовершенствуя механизм угнетения масс, царские чиновники в Закавказье по-своему заботились о «благосостоянии» населения.

Об этой «заботе» достаточно красноречиво рассказывают сами чиновники из Главного управления наместника кавказского. Когда возник вопрос об уравнении Закавказья в отбывании земских повинностей с метрополлей, против этого выдвигались такие возражения: «...не взирая на очевидную тяжесть земских по краю денежных повинностей, доходящих по некоторым местностям до

¹ ЛОЦИА, Дело № 124 Кавказского Комитета по Вспод. отчету Наместника Кавказск. по гражданскому управл. Кавказом и Закавказским краем за 1863—1871 г.г., лл. 64—68.

7 руб. 13 коп. в год с дыма, все потребности земства безостановочно удовлетворяются его доходами...», поэтому нежелательно распространение «на Закавказский край действующих в империи общих постановлений о порядке утверждения смет и раскладок земского сбора»; так как, говорится далее, «эта мера давала бы здешнему земству повод ходатайствовать не только об уравнивании его в отбывании земских повинностей на государственные надобности с прочим населением империи, но и о причислении к числу опытных существующих здесь... особых потребностей, не принадлежащих по общему уставу к разряду местных, а также всех числящихся на нем долгов, и просить об оказании на сии надобности пособия».¹

Итак, сохраняя в неприкосновенности очевидные тяжелые земские повинности в этой царской колонии и предупреждая всякую возможность с ее стороны ходатайствовать об уравнивании «в отбывании земских повинностей... с прочим населением империи» и т. д., царские чиновники поднимали «благосостояние» народных масс Закавказья, в том числе Армении.

Но это не все. Были и особо усердные чиновники, которые не довольствовались уже достигнутыми удачами в области увеличения доходов и намечали новые пути. Так, один из этих поборников увеличения доходов кавказского наместничества в своем «исследовании», отмечая, что доходы эти (без военного ведомства) достигли с 5.661.533 руб. (в 1870 г.) 7.791.311 руб. (1879 г.), замечает: «что доходы здесь не только не достигли крайнего предела, но далеко еще не приблизились к нормальной величине, какая существует в большинстве внутренних губерний, более бедно одаренных природою, а следовательно, с постепенным водворением гражданственности на Кавказе, размер их должен прогрессивно и весьма значительно увеличиться...»².

А последствия «водворения гражданственности» во внутренних

¹ Центр. Гос. Архив Грузии, Дело Земской части департамента Главного Управления Наместника Кавказского. № 241.

² Н. Шавров, Обзор производительных сил Кавказского наместничества за 1879 г., Тифлис, 1880 г., стр. 306 и 311.

губерниях Энгельс рисует следующим образом: «...Со времени введения местного управления присоединены еще губернские и уездные сборы. Существеннейшим следствием этой «реформы» были новые податные тяготы для крестьян. Государство целиком сохранило свои сборы, но значительную часть расходов оно свалило на губернии и уезды, которые ввели для их покрытия новые налоги, а в России является правилом, что высшие сословия почти свободны от налогов, а крестьянин платит почти все»¹.

Кроме «водворения гражданственности», Шавров рекомендует и экономическое завоевание этой колонии царизма, чтобы ускорить увеличение доходов: «увеличение доходов может быть ускорено, если устранятся главные препятствия к развитию благосостояния края и торгово-промышленной его связи с Россией, что может быть достигнуто благоустройством морских и сухопутных сообщений с Россией, которые сделали бы Кавказ более доступным для русской народной деятельности»²; проще говоря, для колониальной эксплуатации русских крепостников и буржуазии.

4. Переселенческая политика царизма

Был и другой способ сделать «Кавказ более доступным для русской народной деятельности». О нем очень коротко, но-военному четко говорит начальник главного штаба Кавказской Армии генерал-майор Милютин в 1857 г.

«Завоевание края производится одним из двух способов: 1) покорением местных жителей с оставлением их на занимаемых землях, или 2) отнятием у жителей земель и водворением на них победителей. В покорении Кавказа Россия действует тем и другим способом». Милютин указывает, что правительство не комбинирует этих двух способов: например, организуя переселение русских на Кавказ на земли туземцев и оставляя в распоряжении последних определенную часть занимаемых ими земель.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, Эмигрантская литература, V, стр. 255.

² Н. Шавров, Обзор..., стр. 311—312.

Честь постановки этой проблемы не принадлежит Милютину, до него не только об этом писали, но и проводили это в жизни, применяя ту комбинацию, какую предлагал он. Но ясное формулирование колоннальных мероприятий царизма на Кавказе, резкое выражение идеи бесцеремонного грабежа крестьян, изъятие у них земель для переселенцев из России,—это можно считать «заслугой» Милютина.

Как известно, переселение началось еще во времена Ермолова: в 1818 г. и позже из Виртемберга были переселены в Закавказье, в Грузию и в Азербайджан немецкие колонисты, на это дело были потрачены огромные суммы.¹

Потом явились проекты создания военных поселений на Кавказе. Граф Дибич пишет Паскевичу в 1827 г.: «по предмету переселения 80.000 малороссийских казаков на границу Персии» с наделением их удобной землей по 25 десятин на каждую душу, т. е. «всем—2 миллиона десятин».² Из ответа Паскевича от 22 мая 1830 г. видно, что кавказская высшая власть занята изучением местности заселения военных поселенцев и немедленно готова принять семь тысяч военных поселенцев.³

Известно, что из этой затеи ничего не получилось и что учрежденные на Кавказе в 1837 г. военные поселения, как пишет Барятинский, «не выполняют цели их учреждения», поэтому военные поселенцы по его предложению обращены в государственных крестьян.⁴

Но известно также, что эта неудача с военными поселениями не помешала тому, чтобы начавшееся с 1836 года «водворение в Закавказском крае русских переселенцев» продолжалось, и, подводя итоги 20-летней работы царских чиновников в этой области, в 1857 г. тот же Барятинский сообщал своему правительству, что

¹ См. Материалы..., т. I, Н. К. Никифоров, Эконом. быт немецких колонистов в Закавказском крае, стр. 99—102.

² Акты, т. VII, стр. 322.

³ Акты, т. VII, стр. 339—340.

⁴ Акты, т. XII, стр., 1349.

«их ныне находится в здешнем крае в 50-ти деревнях 3479 семейств и 22.392 души обоего пола».¹

Руководитель переселенческого дела, председатель комитета по устройству поселений в Закавказском крае, Фадеев в 1849 г., возражая против мнения некоторых административных лиц, которые опасались, что переселение русских в Закавказье вызовет недовольство среди туземного населения, будет рассматриваться, как давление на них,—обосновывает необходимость переселения русских крестьян и отмечает способ удовлетворения претензий туземцев.

«Русские переселенцы,—говорит он,—в Закавказском крае... вносят... пример благоустроенных селений, способствуют почтовому и торговому сообщению, завозят новые роды посевов... имеют между собою много ремесленников, в крае недостававших, и, вообще, предприимчивее и деятельнее поселян туземных...».

Словом, царизм через них старался как можно быстрее способствовать тому, чтобы завоеванная богатая страна вышла из прозябания в состояние натурального хозяйства и через развитие торговли, сельского хозяйства, ремесленного производства, стала полезней для целей колониальной эксплуатации со стороны помещичье-капиталистических классов России.

Не забудем, что переселение русских крестьян в Закавказье усилилось в 40-х годах прошлого века, т. е. в годы введения русского управления, которое всеми средствами старалось добиться обрусения края. Ниже увидим, что проектировались и другие средства для усиления русского влияния, так как русские крестьяне-переселенцы большей частью были раскольниками и особого доверия царизма в этой области не заслуживали, более того, за свои религиозные понятия даже были под подозрением, но для колониальных целей они годились, и царизм старался использовать их.

Фадеев рекомендует не церемониться с претензиями туземцев, а руководствоваться следующим единственным правилом: «туземных жителей не стеснять лишением земель» и, если они дей-

¹ Акты, т. XII, стр. 12.

ствительно нуждаются в землях, то «предоставлять им... таковые в других местах», оплачивая расходы, связанные с их переездом. И, как наставление для сомневающихся, указывает на то, что в последние три года с согласия самого наместника в Тифлисской губернии «учредились русские поселения... во многих местах».

О том, как проводились в жизнь «правила» Фадеева, рассказывает он сам.

В Эриванской губернии к 1849 г. были учреждены следующие русские селения: Еленовка, Константиновка и Семеновка, затем две деревни на почтовом тракте из Дилиджана в Александрополь на государственной земле и еще две большие деревни в Бамбакском участке в Лорийской степи на спорных землях.

Он предлагает учредить еще четыре русские деревни на побережьях Севанского озера между деревней Еленовкой и Ново-Баязетом. А туземцы? У Фадеева ответ готов: «По уверенно уездного начальника» это «нисколько не стеснит» местных жителей, так как крестьяне «сами сознаются, что они имеют земли в близости своих деревень в избытке» и, следовательно, не нуждаются в землях, которые будут предоставлены русским переселенцам; или более уважительная причина: «уездный начальник находит весьма полезным занять эти участки русским поселением в отвращение укрывательства в этих местах людей неблагонадежных и даже разбойников»; или еще другая, не менее интересная мотивировка: местные крестьяне, татары будто бы раньше сами изъявили желание переселиться в другие места, хотя они теперь этого не желают, «но уездный начальник полагает, что отказ их неоснователен и не заслуживает никакого уважения».

И вот, таким образом, для четырех русских деревень «свободные» земли готовы. Оказывается, что в тех местностях и климат здоровый, и земли плодородные, и лес близок, и вода в изобилии. В заключение рисуются перспективы экономического развития: основание этих 4-х деревень «оживило бы дикие, пустынные места и развило бы промышленность на озере Гокча, как умножением рыболовства, так и, особенно, заведением судоходства по озеру и облегчением тем самым перевозки земледельческих произ-

ведений с восточного берега к Еленовке и Чпбухлах, где бы могли устроиться торговые пристани».¹

Вот для этих целей пужны были царизму русские поселения. Для этих же целей их ставили в привилегированное положение, наделяя несравненно большими наделами на дым, давая льготы при платеже податей и т. п. И этим разжигали национальную рознь между туземцами и переселенцами, среди кулаческих элементов последних старались создавать опору для власти в ее русификаторской политике.

Как бесцеремонно проводилась эта политика царизмом и как массы армянского крестьянства подвергались произволу всяких крупных и мелких чиновников, можно судить, например, из следующего факта.

По поручению Экспедиции государственных имуществ при главном управлении наместника кавказского землемер Полухтович в 1850 г. должен был «отмежевать деревню Еленовку и прибавить к ней столько земли, сколько от армянских деревень Черчер, Каравац-Сарай и Радамал возможно отделить, с тем, чтобы русские и армяне имели земли в равном и достаточном количестве...».

Но вот что пишет землемеру по этому поводу уездный начальник Ново-Баязетского уезда: «Вы, сверх возложенных на вас поручений, коснулись до земель деревни Ордакля, вовсе в предписании (Эриванского губернатора на имя уездного начальника.— В. Р.) не значущейся и отрезали от оной к деревне Еленовке большое количество распаханной земли и поставили уже железные знаки; кроме того предполагаете также поступить и с деревнями: Шагриз, Тутмашен, Янджи, Верхние и Нижние Ахты».

Перед лицом этого явного произвола и захвата земель крестьянских масс названных деревень уездный начальник в своем отношении к землемеру «утивно» довольствуется тем, что желает узнать, «на каком именно основании производится Вами обмежевание

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. 133, д. № 359, лл. 1 — 10, 1849 г.

земель, для соображения моего и доведя о том до сведения... Эриванского губернатора».¹

Что вышло конкретно из этой истории, нельзя выяснить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, но какие вообще результаты получались вследствие аналогичных мероприятий царизма в области «землеустройства» русских и армянских деревень—это достаточно известно. Вот один из многих примеров.

Крестьяне армянской деревни Чибухли в 1882 г. два раза обращаются к Эриванскому губернатору с просьбой, чтобы их заделали «из громадного излишка Семеновской земли, оставив семеповцам законный надел». При этом они приводят данные о числе дымов и о количестве земли своей деревни и Семеновки. У них приходится «на каждый дым земельного надела не более 15 десятин», а «у соседей же наших семеновцев... на каждый дым приходится по 86³/₄ десятин», т. е. почти в шесть раз больше, и это «при одинаковом географическом условии местности».²

При таких условиях естественно возникали жалобы и протесты среди армянского крестьянства против переселенческой политики правительства. Познакомимся с некоторыми из них и с характерным отношением к ним со стороны Эриванской губернской власти.

Армянские крестьяне Нижних Ахтов в 1866 году обратились к наместнику со следующей просьбой: их положение с 1851 г. стало тяжелым, так как их «плодородные и ближайшие к деревне... пахотные земли отрезаны» для молочан, а им «оставлены лишь гористые, отдаленные земли... за 10 верст» от деревни. Говоря затем о том, что они лишены топлива из-за тяжелых пошлин, крестьяне просят: «1) о переселении упомянутых молочан в другое место и предоставлении нам, попрежнему, их земель, 2) о дозволении нам пользоваться лесом для собственного топлива беспошлинно; в противном случае переселить нас в другое место...».

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 359, лл. 71—72.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 1507, лл. 2—3.

Отмечается и тот факт, что молочан насчитывается только 35 семейств, а туземцев—95.

С такой же просьбой обращаются к наместнику жители деревни Махравани, у которых отняли земли Дарачичага (Константиновки), находящиеся в их пользовании, и передали молочанам. Они платят подати за 37 дымов, тогда как у них земли имеется на 15 дымов. Далее отмечается, что «у молочан деревни Константиновки столько земли, что они не в состоянии засеять все, а поэтому отдают нам на откуп за весьма выгодную цену».

Интересно, как крестьяне обращают внимание наместника на национальную свою униженность, на различное отношение правительства к русским и туземцам; прося об улучшении своего быта, они восклицают: «ведь и мы верноподданные великого государя!» Бедные крестьяне, им тогда еще не ясно было, что вся беда была именно в этом верноподданстве. Хотя к чести их нужно отметить, что они уже понимали и писали наместнику, что «к сожалению и к нашему прискорбию просьбы бедных людей у нас очень редко принимаются в уважение».

Обратим внимание по этой связи на ответ, полученный крестьянами деревни Няжные Ахты. Военный губернатор Эриванской губернии Астафьев в 1868 г. приходит к такому заключению: «Домогательства просителей... как неосновательные, полагаю оставить без последствий». Губернатор разоблачает их преступные замыслы: «им хочется располагать бывшим количеством земли и они жалуется на стеснение, домогаются переселения из их соседства русских поселян».¹

Характерно, что против фактов, приведенных крестьянами, он не возражает по существу, значит, верность их вне сомнения, но это такие факты, против которых не мог не идти ни один представитель власти, как агент проведения в колонии политики паризма.

Даже в самом начале 1906 года, когда Воронцов-Данков под

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 800, лл. 220—223, 219.

вливанием угроз революционных событий на Кавказе выдвинул, между прочим, предложение предоставить свободные государственные земли и часть лесов в распоряжение безземельных и малоземельных крестьян Закавказья, министр финансов Шипов возражал против такого предложения; по его мнению разрешение вопроса «правильнее было бы предоставить Государственной Думе, которая может признать необходимым использовать означенный земельный фонд в интересах не только местного населения, но и русской колонизации края». (Курсив наш.—В. Р.).¹

Таким образом, Шипов продолжал защищать старую колониальную политику царизма в Закавказье даже в условиях 1906 г.

5. Царизм и «Высшее сословие» Армении

Именно в том году (1868), когда крестьянские «домогательства» встретили резкий отпор со стороны Эриванского губернатора, был составлен доклад Главному управлению наместника кавказского с интересным проектом о способах создания в Эриванской губернии помещиков из местных русских чиновников. О судьбе этого проекта у нас нет данных. Но какова бы ни была судьба его, он сам по себе не лишенный интереса документ.

Доклад начинается с того, что отмечает благотворное влияние русских деревень на туземное население, несмотря на их малочисленность и на то, что эти деревни находятся только в Ново-Баязетском и Александропольском уездах.

Факты этого «благотворного» влияния нам уже известны.

Русское население городов, говорится далее, составляют чиновники, которые были призваны сюда с введением русского управления. Туземцы свободного состояния тоже получили право вступить на государственную службу, и вот эти туземцы-чиновники, кроме жалования, имея собственные хозяйства, в материальном отношении находятся в лучшем положении, следовательно, имеют в об-

¹ Цитирую по архивным материалам Института Истории АН Арм. ССР.—«Выписки из земельных дел 1828—1917 г.г.», папка II. Отношение Министра Финансов Шипова, лл. 4—5.

иестве и большее влияние, чем русские чиновники. Благодаря этому экономическому положению русского чиновника «теряется общественное значение его в окружающей среде и уважение населения к имени русскому за счет возрастающего влияния представителей туземных. Такие условия помешали выгодному для государства водворению здесь русского элемента (курсив наш.—В. Р.) в среднем и высшем городских сословиях, и в продолжение 40 лет не устроилось в губернии ни одной сколько нибудь зажиточной русской фамилии».

И вот для усиления этого «русского элемента» нужно создать условия, связать их с определенным местом, дать им возможность приобретать капиталы или, короче говоря, дать им «надел земли для устройства хозяйства».

Далее делаются разоблачения, быющие не в бровь, а в глаз не только колонизаторам типа Фадеева, но и верингтелям судеб крестьянского населения Эриванской губернии: «Как ни бедна Эриванская губерния свободною землею, удобною для разработки, особенно теперь, когда многие своевольные захваты сделались собственностью захватчиков, по праву давности, однакож для осуществления выраженной цели можно бы было еще кое-что представить в пользу этой цели».

Ведь этот грабеж совершался или под покровительством или с молчаливого согласия представителей центральной и местной власти, но о нем вспомнили тогда, когда нужно было устроить русских чиновников.

Перед наместником выдвигается следующее предложение: из свободных неразработанных земель дать надел русским чиновникам, и они, «не имея капиталов, позаботятся, конечно, войти в сделки с капиталистами из туземцев и дело мало по малу устроится в пользу владельцев и правительства». Отдать землю русским чиновникам нужно с одним условием, заключающимся в том, что если они или их потомство захотят продать полученную землю, то должны продавать только русским.¹

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, дело № 643, лл. 26—33.

Так проектировали в Эривани и вообще в городах Армении усилить русский элемент, создать из русских чиновников новых помещиков и, с помощью туземных же капиталистов, их «благотворное» влияние укрепить в стране согласно «выгодным для государства» целям. Характерно, что превращение русских чиновников в помещиков предполагалось производить не с материальной помощью казны, а при помощи туземных капиталистов, которые должны были выступить в роли укрепителей помещичьих основ царизма в колонии, и, конечно, за сотрудничество и за услуги получить свою долю.

Разъединение крестьянских масс, создание между ними национального антагонизма на основе предоставления экономических преимуществ крестьянству (переселенцам) господствующей нации и перспективы экономического сотрудничества с местными капиталистами—таковы установки и цели губернских властей Эривани перед 1870 годом.

Политика, проведенная по отношению к помещичьим элементам, к тем захватчикам, о которых шла речь в докладе эриванских чиновников, характеризуется такими фактами, как нижеприведенные.

Еще в 1830 г. один из эриванских молькадаров предъявил иск правительству по поводу того, что казенные деревни: Норагавит, Арапкерлу, Молла-Агмед и Сарвапляр принадлежат ему. Эриванский суд от 15 июля 1840 г. нашел, что все его документы подложные, и постановил: Мехти-беку в иске его о названных деревнях отказать и, кроме того, «находящиеся во владении его по фальшивым документам деревни Каратапа и Карадагла отобрать от него в казну, с взысканием всех полученных им с сих деревень за время владения его оными доходов, по приведении таковых в положительную известность».

Провинциальный суд, таким образом, решительно стал на защиту казенных интересов, против туземного захватчика—молькадара. Как будто пойманный с поличным молькадар должен был не-

сти ответственность. Но не тут то было. По распоряжению императора дело было рассмотрено Сенатом в 1851 г. и решение суда будто бы утверждено, но... «с тем только, чтобы Мехти-бека Гаджи Беклинского... оставить без преследования за сомнительные (читай фальшивые.—В. Р.) документы и не делать никакого распоряжения о состоящих в его владении деревнях Каратана и Карадагла».¹

В условиях именно такой политики по отношению к землевладельцам расцветал захват крестьянских земель помещиками.

Интересна история другого претендента в «ленд-лорды». Гусейн-хан Талинский оказал услуги русским войскам во время войны 1853—1856 г-г. у Карса, а после войны пожелал переселиться «на прежнее место жительства» в Эриванскую губернию и получить во владение 3 татарских селения и 8 армянских на правах мюлькадара, мотивируя, конечно, свое желание тем, что эти армянские селения когда то принадлежали его роду. Из переписки Эриванского губернатора и заместника кавказского по этому поводу заслуживают внимания следующие моменты.

Выясняется, что у Гусейн-хана никаких документов относительно его владения 8-ю армянскими деревнями не было. Но кроме юридической стороны дела, эриванский губернатор обращает внимание заместника на другое явление, более интересное и для нас: «обращая значительное пространства казенной земли в частную собственность, мы можем только умножить затруднения, возникающие ежедневно из отношений между землевладельцами и их крестьянами». Из этого свидетельства губернатора не трудно предположить, что существовали достаточно острые отношения между названными классами и губернской властью не легко было уладить уже существующие «затруднения, возникающие ежедневно». Вне всякого сомнения, что среди крестьянских масс, в частности, среди помещичьих крестьян было такое настроение, что ежедневно создавало «затруднения» для властей. Об этом речь у нас будет ниже.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 407, лл. 4—5. 8.

Губернатор обращает внимание помещика и на национальный момент: отдавая армянские деревни во власть мусульманского мюлькадара, «мы можем в пользу частного интереса повергнуть в глубокое унижение ту значительную часть населения, которая нам предана...», поэтому «...я считал бы крайне неосторожным и крайне предосудительным как для будущности этого края, так и для высших интересов России, умножить сословие мусульманских владельцев, которое здесь, и даже за пределами Эриванской губернии, увлекается более праждебными нам сочувствиями религиозными, чем благодарностью к правительству, даровавшему ему огромные права гражданские».

Таким образом, Колубякин, эриванский губернатор, из-за «высших интересов» России берет под свою защиту свободу армянских крестьян 8-ми деревень от покушений на них мюлькадара, так как преданность мусульманских владельцев к «России вызывает у него явное сомнение».

Но такое понимание интересов царизма в Закавказье, в том числе в Армении, не было общепринятым мнением руководителей правительственной политики; они, как нам известно, и «умножили» и продолжали умножать число мусульманских владельцев. Гусейн хан все-таки в 1858 г. по повелению императора получает 3 татарские селения на мюлькадарских правах и производится «в чин прапорщика милиции, с назначением пожалованного содержания в 250 руб. серебром в год».¹

Приведенные примеры достаточно ясно показывают, что царизм после крепостнического рескрипта 6 декабря 1846 г. и Положений 1847 г. по отношению к Эриванской губернии, хотя официально и не провел в жизнь составленное в том же духе Положение 8 июня 1851 г., но с его ведома и благословения местные помещичьи элементы успели уже захватить все свободные земли, о чем задним числом тужали русские чиновники, которых тоже соблазнил такой легкий захват земли, а царизм все еще продолжал

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 409, лл. 13-30, 60-63, 108-114.

создавать новых мюлькадаров за их сомнительные заслуги и за уголовные дела удастанвал царской милости, оставляя в их распоряжении крестьян.

Даже в конце 1870 года, т. е. во время проведения крестьянской реформы, царизм не переставал за счет закавказского крестьянства раздавать новые имения местным дворянам помещикам, или создавать новых помещиков из русских чиновников «в награду отличию усердной службы их». И как будто для издевательства над нуждой крестьянства упоминалось о том, что это можно было сделать «без стеснения крестьян».

В ноябре 1870 г. Главное управление наместника кавказского уведомляло эриванского военного губернатора, что император пожаловал сенатору, тайному советнику князю Багратиону-Мухранскому, тайному советнику Чилиеву и председателю Кавказского цензурного комитета действительному статскому советнику Максимовичу «в вечное и потомственное владение участки свободной казенной земли в Закавказском крае: князю Багратиону-Мухранскому 2.500 дес., Чилиеву 2.000 дес. и Максимовичу 1.000 десятин».

Внимание губернатора обращалось на то, что необходимо «доставить, в возможно непродолжительном времени, сведения: есть ли в Эриванской губернии участки свободной, удобной казенной земли, где именно, в каком количестве, для какого хозяйства земли эти пригодны и могут ли участки эти быть отведены г. князю Мухранскому, Чилиеву и Максимовичу... в числе всемирно-стивейные пожалованной им земли».¹

Так устраивал царизм дела «высшего сословия» Закавказья в год «крестьянской реформы».

В такой обстановке не удивительно, что землевладельцы с помощью местных представителей власти творили всякий произвол не только в области захватов земель, но и в области увеличения и расширения поземельных повинностей, налагаемых на крестьян.

В 1862 г., вследствие протеста крестьян Чахирлю, Ново-Балзетского уезда, выяснилось, что какой-то прапорщик Мустафа-ага

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 993, л. 3.

присвоил агаларские права над крестьянами этого селения, не имея никаких на это документов. В 1844 г. Гокчинский участковый заседатель Тарханов сообщая в Эривань сведения об агаларах, пишет, что Мустафа-ага имеет документы на агаларское право, данные ему будто бы генералом Лисаневичем, который был убит в 1825 г., т. е. до присоединения Эриванского и Нахичеванского ханств к России. На основании этого ложного свидетельства Мустафа-ага сохранил агаларские права, даже за «попеченные убытки» в 1843—1844 г.г., когда у агаларов отпеты были их земли, был вознагражден за счет казны. Неоднократные протесты крестьян оставались без последствий. Агалары же даже использовали в своих интересах временное удаление их от управления деревнями. Представляя властям свои «убытки» за 1843—1844 г.г., они внесли в список повинностей никогда не существовавшие повинности. Получив вознаграждение, они затем на основании этих фальшивых списков стали требовать выполнения повинностей от крестьян. Так, например: по два человека чернорабочих с дыма, по одной арбе сена с дыма, по одной сохе с дыма и т. п.¹

Это, конечно, не единственный факт, а только один из характерных примеров того, что в эти годы творилось в уездах и селениях Армении, да и не только в Армении.

6. Борьба крестьянства против помещичьего и колониального гнета накануне реформы 1870 г.

Неудивительно, поэтому, что крестьяне, в частности, помещичьи крестьяне, оказались в весьма тяжелых условиях, и на этой почве развернулась в достаточно широком размере борьба крестьян против помещичьей эксплуатации и колониального гнета царизма.

Познакомимся с характерными проявлениями этой борьбы крестьян в разных районах Армении.

Протесты и выступления возникают в половине 40-х годов среди агаларских крестьян Гокчинского участка Эриванского уезда.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 502, лл. 7—11.

Крестьяне селений Зод, Большая Мазра, Малая Мазра, Чахирлю и Коша Булаг, как пишет уездный начальник, «отказываются от тех услуг, которыми они им (агаларам.—В. Р.) прежде были обязаны». Свой отказ крестьяне мотивировали тем, что до 1843 г. они, отбывая повинности агаларам, «платили казне подати только по 7 руб. 30 коп., а по новому обложению обязаны платить по 11 руб. сер. с семейства».¹

Крестьяне селений Зод и Большая Мазра с жалобой на своих агаларов обращаются к наместнику Воронцову, указывая не только на их притеснения, но и на то, что их агаларские права основаны на фальшивых документах. В начале 1840 г. Воронцов приказывает «объявить обществам упомянутых селений, чтобы они бесприкословно отбывали (агаларам.—В. Р.)... повинности и на прежнем основании, до определения взаимных отношений поселян, живущих на владельческой земле и владельцев тех земель в Эриванском уезде...».² Но и этот приказ не успокаивает крестьян; в рапорте Эриванского уездного начальника от 15 июля 1848 г. Тифлисскому военному губернатору Управляющему гражданской частью Ермолову сообщается, что после объявления крестьянам приказа наместника, некоторые из крестьян селений Зод и Большая Мазра «по подстрекательству и наущению некоторых людей, решительно уклоняясь от отбывания агаларских повинностей..., отправились на-днях... в Тифлис подать жалобу князю наместнику».³

Несмотря на отказ со стороны высшей власти, агаларские крестьяне упорно и долго продолжали свою борьбу за освобождение от помещичьей зависимости, но об этом поговорим особо.

Бурный массовый характер приняли в 1849 году протест и выступление крестьян селения Тех Зангезурского уезда против помещика Асад-бек Рустамбекова. Закавказская высшая власть принуждена была послать особую комиссию для разбора спора крестьян и помещика, для выяснения размера и границ бекекских и

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 206, л. 43.

² Там же, л. 93.

³ Там же, л. 100.

крестьянских земель. С доводами крестьян, что земля общинная, а не бекская, комиссия не соглашается и отказывает им в жалобе. Неудовлетворенные крестьяне большими массами направляются за комиссией в соседние деревни Кориндзор и Ханацах и настаивают на правоте своих требований, но все-таки безуспешно.

Крестьяне обращаются к помощи Эчмиадзина, и по его ходатайству Воронцов посылает новую комиссию для расследования дела. Крестьяне доказывают ложность и фальшивость документа, на основании которого Асад-бек владеет их селением. Они в своей жалобе перечисляют 19 разных повинностей (натуральные повинности, барщина, денежные повинности), отмечая, что «Асад-бек причиняет нашему обществу разные притеснения, которым не подвергаются другие бекские и казенные райты». Далее они указывают, что Асад-бек увеличил и количество обыкновенных повинностей; так, например, прежде с крестьян он взимал 200 или самое большее 350 четвертей пшеницы и ячменя, а с 1849 г. взыскивает 600 четвертей. Прежде денежная подать казенная и бекская вместе составляли 798 руб. сер., рассказывают крестьяне, «когда же казенная подать была отделена от бекской, мы платим беку 686 руб. сер., а казне—780 руб. сер.». С урожая садов бек берет почти половину, продолжают крестьяне, «не по местному обычаю, а силой и без всякой совести».¹

Но ничего не помогло. Крестьян заставили подчиниться и кести все повинности. Это было время яркой крепостнической политики Воронцова в угоду владельческим группам Армении и Азербайджана.

Упорный и продолжительный характер приняла борьба крестьян тшульской деревни Бжни Гокчинского участка Ново-Баязетского уезда против тшулиста Арсена Султана Кегамова в 1850 году, продолжаясь с марта по ноябрь месяц. В 1840 г., после смерти отца этого тшулиста решением Эриванского суда определено было «прекратить тшульное право сына его Арсена Султана». Но по-

¹ Лео, История Карабахского армянского епархиального духовного училища, 1838—1913 г.г., Тифлис, 1915 г., стр. 79—84 (на армянском языке).

леднему удастся восстановить свои тиульские права, Совет Главного Управления Закавказья в мае 1846 г. постановляет, на основании утверждения наместника Воронцова, что до окончательного решения вопроса о правах помещиков Восточного Закавказья (Азербайджана и Армении.—В. Р.) «доходы с тиульских деревень (Бжни, Гек-Килиса, Блгован.—В. Р.) должны оставаться в свободном пользовании Кегамовых».¹

В марте и апреле 1850 года крестьяне деревни Бжни в своих обращениях к эриванскому губернатору жалуются на Арсена Султана, что он в последние шесть лет удвоил их повинности, они просят проверить факты «и по удостоверении в правде избавить... (их.—В. Р.) от рабства и жестокостей Арсена Султана», разрешив им «из селения Бжни выселиться на казенную землю в разоренное селение того же участка Кури-Калавер». Крестьяне просят и о том, «чтобы Арсен Султан не препятствовал нам в этом и не отнимал бы нашей собственности, как это им делалось доньше, а довольствовался бы тем, что останутся ему наши дома».

Они решительно заявляют губернатору, что «оставаться на земле чиновника Арсена Султана ни на каких условиях далее не можем, зная столько лет характер (его) и все, что для нас им было сделано».²

По объяснению самого Арсена Султана и по официальным данным выясняется, что этот тиулист требует «от поселян: а) одного караульного в Эривань, б) лошадей для разных его посылок, в) распашки ему земли и уборки с оной хлеба, г) рабочих для разных надобностей, д) кур, цыплят, масло, яиц, баранков, дров, кошеной травы и прислуги во время летнего пребывания его в селении». Крестьяне к этому списку прибавляют еще список других, не менее тяжелых повинностей, насильно налагаемых на них тиулистом, но последний отрицает утверждения крестьян, приняв пассивную позу, он пишет младшему чиновнику особых поручений эриванского губернатора: «(я) ...не только не чинил жителям моим

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 338, лл. 125—148.

² Там же, лл. 42—43.

высших жестокостей, но даже не показывал им вида сурового, не только не довел их до бедности, а напротив... сам обеднел, а им предоставил тучность...», что и «заставило этих грубых и неблагодарных райтов моих восстать против меня и не только слушаться меня, но даже возвести на меня несправедливые жалобы...».

«Если же,—продолжает разъяренный тиулист,—притеснениями считают они вышеизложенные работы, то они все свые обязаны иести на основании неоспоримых документов...».

Арсен Султан приводит один такой «неоспоримый документ». С ним следует нам познакомиться; этот документ «неоспоримо» разоблачает его хищнические аппетиты и азиатски-жестокое понозновение по отношению к крестьянам.

В 1825 г. эриванский сардар Гусейн-хан дает приказ на имя отца Арсена Султана «высокостепенного, преданного отличного от других господ Барсега Юзбани» о том, что деревни Бяни и Гек-Кялиса более чем сто лет тому назад «отданы предкам вашим и нисходящему от них потомству в тиулы за благородное их происхождение и услуги».

Далее в этом приказе говорится:

«Приказываю жителям упомянутых деревень не уклоняться от выполнения воли упомянутого высокостепенства и его наследников, заключающейся в словах: делай и не делай».

«Но если кто из вас будет уклоняться от выполнения воли и приказания упомянутого высокостепенного, тот по получении тяжелого наказания насагом (отрезания носа, уха, руки, выкалывания глаз и т. н.), будет предан тому же высокостепенному на его волю».¹

Так вот, Арсен Султан, в утверждении своих тиудных прав ссылаясь на этот «исторический документ», заключает, что согласно ему «райты мои должны свято исполнять всякого рода требования владельца своего без всякого прекословия под опасением в противном случае казни по усмотрению его».

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 338, л. 105.

Далее напоминая о том, что его титульные права признаны и русским правительством «впредь до общего положения об определении прав всех титулистов и мюлькадаров в Эриванской губернии», Арсеп Султан обращает внимание «начальства» на то, что его крестьяне «по невежеству своему, полагая, что с преобразованием этого края, преобразовались и обязанности их к своим помещикам титулистам, вновь обеспокоили начальство ложными жалобами своими, думая этим выйти из-под власти моей, в которую поставлены были предки их и они сами в течение нескольких столетий»¹.

Имея в виду все вышеизложенное, нечего удивляться тому, что крестьяне решительно поставили вопрос об освобождении их от этого жестокого титулиста-помещика, продолжающего обращаться со своими крестьянами со всеми привычками феодала времен персидского владычества. Так же решительно они отказывались подчиняться «внушениям» уездных властей.

В своем рапорте эриванскому губернатору уездный пачальник пишет:

«Я и мой помощник... лично на месте неоднократно внушал жителям деревни Бжиш..., чтобы они непременно занялись хозяйственными работами и всем тем, чем они до ныне обязаны были помещику своему Кегамову...».

Согласно вторичному приказу губернатора уездный пачальник «вновь внушал им своим благоразумием быть в повиновении у своего владельца...», угрожал крестьянам, что «заслушание приказаний начальства они будут строго наказаны, но и это на них несколько не подействовало, и они решительно и единогласно отозвались, что они никаких работ и повинностей помещику своему отбывать не обязаны и не будут и что они всякое наказание готовы перенести, лишь бы не быть подвластными Кегамову».²

«Видя столь азартное объяснение жалобщиков и неповиновение местным властям», — как выражается уездный начальник, — он ре-

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 338, лл. 49—47.

² Там же, лл. 19—20.

шает прибегнуть к насилию и, арестовав трех главарей,—Азата Брыкорова, Огала Арутюнова и Халила Ахмед-оглы,—отправляет их в Эривань «для содержания под стражею».

Об аресте главарей крестьян просил еще Кегамов, называя трех армян и двух татар, «которые из одного только злонамерения в течение двух лет, волнуя жителей моих противу меня, видят меня в убытки, а начальству наносят напрасное беспокойство».

Как средство против этой дружной борьбы армянских и татарских крестьян, уездный начальник находит необходимым «... в пример прочим жителям тчульных и мюлькадарских деревень удалить заарестованных... из места их жительства на несколько лет на Кавказ или во внутренние Российские губернии на жительство, чем прекратятся все беспорядки, происходящие в этой деревне»; эта мера, по мнению властей, является предостережением и для других крестьян.¹

Но оказалось, что средство, предложенное уездным начальником, не помогло, и крестьяне продолжали сопротивляться не только требованиям уездных властей, но и эриванскому военному губернатору.

Из доклада Эриванского Губернского Правления от 30 ноября 1850 г. начальнику Гражданского Управления Закавказья выясняется, что крестьяне деревни Бжни прибегли к следующему средству массового протеста: они, «прибыв к г. военному губернатору в сопровождении жен и детей, изуекою жалобой, не объясняя ничего нового, требующего по важности неотложного удовлетворения, выразили только неукротимое упрямство и желание возмутительным своим движением вынудить освобождение их от обязанностей тчулисту, ибо после личных троекратных его превосходительства внушений исполнить повинности тчулисту и не уклоняться от распахивки земель..., жалобщики, оставаясь непреклонными, отказались притом исполнить приказание его превосходительства возвратиться в свои дома».

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. 338, лл. 19—20.

Как выясняется из дальнейших объяснений доклада, «неукротимое упрямство и желание» крестьян «возмутительным своим движением вынудить освобождение их от обязанностей тшулисту» имели то последствие, что эриванский военный губернатор прибег к помощи грубого насилия и военной силы против дружного и упорного сопротивления крестьян; он приказал «...более строптивых из толпы наказать тут же телесно и затем под прикрытием воинского конвоя выслать непокорных в деревню...».

В докладе отмечается необходимость выслать из пределов Закавказья вышеупомянутых трех крестьян, так как они возбуждали крестьян «к явному неповиновению местной и высшей в губернии властям».¹

Но, даже прибегнув к жестокости и к помощи военной силы, губернатор не мог восстановить прежнее положение, и пришлось идти на определенную уступку крестьянам.

Решительность и упорство крестьян заставили Арсена Султана забыть о своих «неоспоримых документах», идти на понятную и в письме к военному губернатору выразить «желание уступить одну часть из семи с земных произведений, а с сена и самана получить уменьшенное противу следуемого количество».

Эта «уступка» тшулиста-мюлькадара утверждается наместником, и крестьян обязывают отбывать ему повинность из земных произведений в размере $\frac{6}{100}$ частей урожая, вместо существующей $\frac{7}{30}$ с сена и самана в уменьшенном количестве и еще денежную подать с дыма по 2 руб. 50 коп. серебром.

Таким образом, борьба тшульских крестьян деревни Бяжи за освобождение от помещичьей зависимости и произвола привела только к маленькой уступке со стороны помещика, так как и губернская и закавказские власти решительно встали на защиту существующих тшульских прав Арсена Султана «до утверждения новых положительных правил» об отношениях помещиков и крестьян.

О том, что крестьянские протесты и выступления против по-

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 338, лл. 111—116.

мещицей эксплуатации и произвола и против колониально-полицейского гнета местных и губернских властей пригнали широкие размеры в 50-х годах, можно узнать из официального сообщения самого эриванского губернатора.

В 1860 г. эриванский военный губернатор обращается к начальнику главного управления наместника кавказского с таким отношением: «В 1857 году при ревизии г. действительным статским советником Коцебу Эриванской губернии многие из жителей ждали просьбы: на недостаток земли и воды, на стеснения молькадаров, на поборы старшин и по другим предметам».

О судьбе этих «просьб» от губернатора узнаем, что «из этих жалоб те, которые... были вынужены нуждою..., а не рабскою покорностью и сутяжничеству и ябедо..., получили надлежащий исход в порядке обыкновенного разбирательства, остальные же в значительном числе... остались без последствий».

Губернатор, считая «задачи» ревизии с избытком разрешенными, сообщает начальнику главного управления о своем новом распоряжении по этому делу: «Я предписываю не делать новых производств по жалобам, оставшимся доселе без последствий», так как, разъясняет он, это «пробудило бы только едва успокаивающийся дух ябеды, столь сильно живший в этом крае».¹

Но наперекор упованиям губернатора «дух ябеды» выявляется у крестьян и в 60-х годах. Приведем пару фактов.

В 1863 году 17 семейств из деревни Ак-кенд Даралагезского участка Нахичеванского уезда обращаются с просьбой к эриванскому губернатору о разрешении им переселиться в Ново-Баязетский уезд в разоренное селение Хартлаук.

Так как вопрос о переселении этих молькадарских крестьян, конечно, не получает быстрого разрешения со стороны губернской власти, то для них создается безвыходное положение, о чем они почти через год, в марте 1864 г. в своем новом прошении пишут эриванскому же губернатору.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 457, лл. 119—120.

Доло в том, что мюлькадар старается освободиться от этих непокорных и неплатежеспособных крестьян, не дожидаясь разрешения их переселения со стороны губернской власти.

«Между тем,—пишут крестьяне,—настоящий мюлькадар нашей деревни, Джалил хан, отобрав от нас все наши хлебопахотные земли, принуждает нас к переселению в просимую нами разоренную деревню Харглул, однакож поныне на поданную нами просьбу никакого распоряжения не последовало».

Местные власти так объясняют причину такой просьбы. Оказывается, что эти семейства хотят переселиться «по недостатку у них хлебопахотной земли и потому еще более, что деревня их есть мюлькадарская, а платить мюлькадару $\frac{1}{3}$ части всех произведений и отбывать вместе с тем казенные подати и повинности они считают для себя обременительными».¹

Крестьянам приходилось терпеть не только от «светских» владельцев разных мастей: на их имущество покушались и «духовные отцы», например Севанского монастыря.

Крестьяне села Чибухлу, находящегося на берегу Севанского озера, недалеко от монастыря, в обращении к губернатору от 20 января 1866 года так рассказывают о своем положении: «Сеem мы только ячмень да пшеницу, но урожай из-за морозов всегда плохой, мы привуждены покупать наш съестной хлеб». Нуждаются они в земле и для посева и для пастбища. В порядке государственной повинности зимой расчищают от снега дорогу, проходящую по берегу озера, чтобы «прохожие и казенная почта безопасно могли проходить». «По распоряжению помощника Ново-Баязетского уездного начальника, с пятью всадниками сопровождаем почту». Они просят освободить их от этой повинности, и в конце обращают внимание на то, что Севанский монастырь хочет отнять у них участок земли, которым они пользуются с 1829 года, т. е. со дня переселения из Турции. Земля числится казенной, а не монастырской, поэтому крестьяне просят: «не отобрать от нас нашу землю и передать Севанскому монастырю».²

¹ Ц. Г. А. Арм. ССР, фонд 133, дело № 549, л. 14 и л. 4 об.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 656, л. 6.

Среди многих жалоб и протестов крестьян против крепостническо-полицейского гнета заслуживает внимания письменная жалоба представителей 20 деревень Александропольского уезда от 14 июня 1866 года помещику Михаилу Николаевичу на уездного начальника.¹

Крестьяне пользуются посещением помещиком Александрополья, собираются на городском кладбище, составляют и подписывают жалобу и во время торжественной встречи вручают ее помещику, который передает ее на рассмотрение Эриванскому военному губернатору Астафьеву.

По поручению Астафьева старший чиновник особых поручений Рымгайло, на месте расследовав дело, представляет доклад губернатору, на основании которого губернатор оставляет жалобу крестьян без последствий, ввиду ее «неосновательности».

Крестьяне пишут о том, что, по предложению властей, ими за свой счет построен казачий пост, за что им была обещана оплата по 100 рубл. в год, но эту сумму им не платят. Чиновник объясняет, что у уездного начальника никаких сумм не имеется и «ремонт всех вообще постов производится по паряду жителей»... без вознаграждения, затем прибавляет: «Жителям объяснялось, что этот предмет имеет в виду высшее начальство» (Курсыв нац.—В. Р.). Хорошо сказано! Крестьяне, может быть не сознавая, выступили именно против высшего начальства, против источника зла.

По послушаем дальше. «Нас заставили построить в деревне Баявдуре новый казачий пост»,—жалуются крестьяне. Чиновник находит: «Нет сомнения, что постройка образцового поста обходится жителям весьма дорого. Они обязаны доставить весь строевой материал за свой счет, не получая прогонных денег. Они бесплатно доставляют рабочих и почти бесплатно—мастеров» (получал за каждого мастера 30 к., а сами платят им рубль). «Все эти повинности,—заключает чиновник,—как бы не были обременительны, отнюдь не зависят от произвола уездного начальника». Совершенно правильно, но разве от этого легче крестьянам? Но до этого нет

1 Ц. А. У. Грузинской ССР, фонд 16, дело № 487, лл. 1, 5—18.

дела чиповнику, «этот предмет» относится к основам того общественного порядка, на который крестьяне только, к сожалению, жалуются.

Крестьяне обращают внимание наместника на то, что «с 1861 г. каждый дым платит на наем копных (земская стража) по 2 р. 17 к.» будто бы «для защиты нас от грабежа», но они очень малочисленны и «весьма бесполезны». Или они указывают на следующий факт: местные власти требуют с крестьян для ремонта дорог выделение трехсот рабочих, в то время, когда «эти работы вполне под силу 10 рабочим». Против такого факта злоупотребления чиповник, прикидываясь паявным, замечает: «рабочие находились в распоряжении инженера, успех работы был на его же ответственности и жалоба по этому поводу на уездного начальника — непоятна». На жалобу крестьян о том, что за пользование летними кочевками в их же уезде с них берут чопбаш, или сабалах (т. е. за выпас скота с них взималась плата—10 к. с головы крупного рогатого скота и 1 к. с головы мелкого рогатого скота), — готов всегда один и тот же ответ: это не относится к местной власти.

Крестьяне ставят вопрос и о тяжелых условиях пользования государственными лесами, что стало почти невозможно для них, так как, по их выражению, «лучше быть ограбленным, чем ходить в лес за дровами из-за лишений, причиняемых нам лесничим». Чиповник все эти «дерзкие слова» объясняет «строгостью лесничего в преследовании тайной порубки и тем, что за истреблением в значительной степени Караклисской дачи, жители допускаются к порубке в более отдаленных местах». В том, что попытки со стороны крестьян «тайной порубки» могли быть и бывали, можно не сомневаться; в том, что на этой почве могли возникать столкновения с лесничим, в этом тоже нет ничего невероятного.

Но не в этом суть дела, а в том, что до начала сороковых годов прошлого века во всех частях Закавказья по местным обычаям леса считались государственными достоянием и находились в свободном пользовании всех, в том числе и крестьян. В 50-х годах в государственных лесах запрещена была только «рубка для продажи».

Когда Экспедиция Государственных Имуществ предлагала и в помещичьих лесах запретить только «рубку для продажи», против этого предложения решительно выступил Воронцов: «Я ни в коем случае не считаю возможным согласиться на предложение Экспедиции, чтобы частным владельцам делалось было какое-нибудь ограничение в пользовании их лесами по их усмотрению, какие бы ни были предшествовавшие русскому правлению обычаи, ибо таковая мера... потрясла бы право собственности...». Во время наместничества Воронцова крестьяне постепенно лишились права бесплатно пользоваться лесами, как частновладельческими, так и государственными.¹

Если в связи с этим рассмотреть протест крестьян Александропольского уезда, то станет ясно, что он является стражей того общего недовольства новыми тяжелыми условиями платного пользования лесами, которое существовало среди крестьянства Закавказья. Тогда станет понятным, почему крестьяне говорят: «лучше быть ограбленным, чем ходить в лес за дровами к лесничему». Разве есть чтонибудь невероятное в том, что и лесничий по праву всех царских чиновников так обирал приходивших к нему крестьян, что они чувствовали-бы себя лучше, попав в руки разбойника.

Вот, кстати, что пишет в 1872 году начальник эриванского жандармского управления капитан Золотовский о лесничем того же Александропольского уезда, может быть, именно о том, о ком говорили крестьяне:

«Жители Александропольского уезда сетуют на уездного лесничего фон-дер-Полена за его притеснения при получении билетов на рубку леса, а главное, за его беззастенчивую жизнь. Он требует жен, девушек к себе с целью беззастенчивой, через что было убийство».

Далее, рассказывая о случае этого убийства, происшедшего в Караулесе, Золотовский продолжает: «Если это убийство до сего

¹ Свод материалов..., т. III, Я. Медведев, Отношение гос. кр. Закавказского края к казенным лесам, стр. 13 и 23.

времени не совершенно выяснено, то потому, что бояться лесничего, как влиятельного человека, которому ничего никогда не было, что бы он ни делал и какие бы на него жалобы ни приносились».

Конкретно о служебных злоупотреблениях лесничего Золотовский сообщает следующее: «Лесничий лишает права сельских обществ выбирать из среды своей полесовщиков для охраны леса, а назначает таковых сам». «Лесничий собирает с жителей иной губернии, идущих на кочевку в Эриванскую губернию, по одному барану с десятка...».

«Караклисцы говорят, что лесничий из общественного их участка пользуется 30-ью десятинами земли; землю эту обрабатывают полесовщики».

И, наконец:

«Лесничий в выдаваемых на рубку леса билетах не проставляет сумму денег, взысканных с жителей (11 р. 60 к.), как это было в билете за № 594 и в других билетах без № №, которые мне случилось видеть».¹

Кажется все ясно, и крестьяне вполне имели основание бояться таких лесничих больше, чем разбойников.

Интересные вопросы возникают в связи с жалобой крестьян, в которой они указывают на то, что в последние два года, по приказу уездного начальника, в их деревнях передел земли совершается не по старой ампа-чаречной системе, а по душам, «почему и постоянно происходят между нами неудовольствия». Ампа-чаречная система передела общинной земли была распространена почти во всей Армении и стала усиленно вытесняться подушным способом передела с начала 1880-х годов, когда (в 1882 году) эриванским губернатором был дан об этом приказ.²

Сущность ампа-чаречного способа передела земли состоит в том, что крестьянские семьи разделяются на несколько категорий

¹ ЦГИА (быв. ЦАР). III, О, 4 экзп., № 158. 1872 г., лл. 137—146.

² С. Заваров, Опыт исследования сельского хозяйства хлебного района Эриванской губернии и Карсской области, Тифлис, 1899 г., изд. Императорского Кавказского общества сельского хозяйства, стр. 324.

по составу членов семьи и по ее экономической мощи: большая семья с многими работниками и с соответствующими экономическими средствами считалась единицей распределения, одной ампой, которая разделилась на такие части: $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$. Амповый надел получала семья, состоявшая из 16 душ, $\frac{3}{4}$ — из 12 душ, $\frac{1}{2}$ — из 8 душ, $\frac{1}{4}$ — из 4 душ и $\frac{1}{8}$ — из 2 душ, а семьям с нечетным числом прибавляли порцию одной души (семья в три члена получала $\frac{1}{4}$ ампового надела) или же две семьи вместе получали следующий надел: семья из 5-ти членов и семья из 3 человек получали пол ампы и т. д.¹

При этом способе передела земли все подати и повинности распределялись также соответственно полученной земле, так что экономически сильные семьи могли получить земли и больше, чем пол ампы и т. д.¹

Ампа-чаречный способ передела в условиях господства патриархального хозяйства и сравнительно малой заселенности не вызывал в первых десятилетиях русского владычества острых споров и столкновений.

Но приблизительно с середины века торговля сельскохозяйственными продуктами уже начинает приобретать известное значение, денежные отношения начинают играть определенную роль в деревне, вместе с тем перенаселение начинает давать себя чувствовать. Заинтересованность крестьян способами передела земли увеличивается. Сельские богачи, используя существующий способ передела, сохраняют за собой лучшие земли, или стараются постепенно завладеть лучшими землями, большими долями ампы или целой ампой. Вокруг способа передела земли разгорается в деревне острая борьба между зажиточными и бедняцкими семьями, послед-

¹ С. А. Егиазаров — Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской Губернии, в Своде материалов, т. 1, ч. 1, стр. 26—27.

² «Свод материалов» т. 1, ч. III, Бахтадзе, Податное обложение гос. кр. Закавказского края, стр. 253—254.

ние выдвигают взамен старого способа передела подупный. Между этими слоями очень часто дело доходило до вооруженных столкновений.¹

Поэтому вполне естественно, что вопрос старого и нового способа передела земли был возбужден крестьянами в их протесте против уездного начальника в 1866 г.

Чиновник особых поручений правильно указывает, что «старшины и почетные из личных видов пастанвают на этом порядке вещей (т. е. на способе передела ампа-чаречной.—В. Р.) в ущерб беднейшим, которые постоянно обращаются к уездному начальнику с жалобами на притеснения зажиточных крестьян». Но он напрасно старается выставить уездного начальника в роли бескорыстного защитника интересов крестьянской бедноты. Конечно, для начальника в первую голову играли здесь роль соображения чисто полудейского характера: сгладить острые выражения борьбы между двумя слоями крестьянства, не дать разрастись этой борьбе, потому что ничего доброго не предвещала она для царизма.

Обратимся к рассмотрению остальных двух пунктов протеста. В них крестьяне пишут, что они в прежнее время «отбывали разные повинности всегда по раскладке и распоряжению сельских старшин, при бытности нескольких почетных лиц, в настоящее же время делается распоряжение без нашего ведома через рассыльных». И дальше: «старшины не имеют при настоящем начальнике никакого уважения и потому общество наше находится от этого в притеснении».

По повому положению об управлении сельских обществ раскладку податей и повинностей делает сельский сход в присутствии старшины. Ссылаясь на это, чиновник указывает, что ни начальник, ни старшина не должны вмешиваться в это дело, что в этом смысле начальникам сделано соответствующее распоряжение, которое лишает старшину «огромного источника дохода». Должность старшины бесплатна, но он «не даром получил место, он зански-

¹ С. Заваров, указан. соч., стр. 323—324.

вал у влиятельнейших односельцев, с которыми ему очень сподручно производить раскладку».

По заключению чиновника получается, что начальник, согласно новому закону, раскладку податей передал в руки самих крестьян, а вот недовольные старшины и «влиятельнейшие» крестьяне ввели в жалобу этот пункт. Но нам уже известно, что новый порядок сельского управления совсем не лишил старшин их доходов, что в деревне ничего не изменилось, старшины и «почетные» с тем же успехом, что и прежде, продолжали свои подвиги.

«Раскладка казенных повинностей совершается одним судьем и старшиной без участия общества,—пишет, например, эриванскому губернатору начальник жандармского управления в 1872 г. о деревне Таш-Бурии Эчмиадзинского уезда,—и раскладку держат у себя (до) прибытия рассыльного с казаком, тогда и говорить некогда о неправильности раскладки, начнутся штрафы».¹

Такие факты, по всей вероятности, попадались в деревнях сплошь и рядом. Крестьянская масса выступала и против этого зла.

Но не об этом идет речь у крестьян в данном случае, а о том, что о раскладке «распоряжение делается без нашего ведома через рассыльных». Хотя чиновник это утверждение крестьян считает «чистейшей выдумкой», но добавляет: «рассыльные, конечно, посылаются, но для одного только понуждения»; против этого «понуждения», против административно-полицейского произвола сверху как раз и протестуют крестьяне, которые фактически отстранены от участия в распределении раскладки податей.

В заключение чиновник указывает, что им выявлены и зачинщики этого протеста, а именно крестьянские деревни Султанверди Абрам Погосян, который составил эту жалобу, Сако Кароев, старшина деревни Малого Караклуса, и Папик Корхмазов, старшина деревни Казарабат. Из подписавшихся 47 представителей 20-ти деревень 17 человек являются старшинами, а 32 человека просто крестьянами.

¹ ЦГИА (быв. ЦАР), III, О, 4 эксп., № 190, 1872 г., л. 204—212.
741—13

Интерес рассмотренного выше протеста состоит не только в том, что в нем показано, как крестьяне решились на выступление против уездной власти, ее произвола и злоупотреблений и дружно до конца настаивали на своем (только один из подписавшихся при допросе отказался от соучастия в составлении протеста), не только в том, что говоря о своих местных делах и пуждах, они может быть и бессознательно коснулись основ царского режима в деревне, но и в том, что вопросы, возбужденные при протесте, дают нам возможность судить о тех новых экономических и социальных процессах, о той общественной дифференциации, о той борьбе, которые происходили в деревне накануне крестьянской реформы.

7. Крестьянская реформа в России и армянские общественные течения

Крестьянская реформа не вызвала большого отклика в армянской литературе и публицистике. Наоборот, на первый взгляд даже удивляет почти полное молчание многих, современных армянских органов, выражающих идеи разных общественных направлений. Но, присматриваясь ближе, можно понять причины этого явления, различные для разных течений.

Меньше всего уделяло внимания вопросам крестьянской реформы клерикально-реакционно-феодалное течение. Это, как будто странное, явление станет понятным, если будем иметь в виду следующие обстоятельства.

Армянские дворянско-помещичьи элементы ни в Закавказье, ни в Армении, благодаря историческому прошлому нашего народа, в годы крестьянской реформы не представляли более или менее заметную, компактную силу; они были разбросаны по всему Закавказью, а более влиятельные из них даже по всей России. Эти элементы большей частью были слиты с русским дворянством и если в Закавказье что-нибудь и представляли из себя, то только как парские более или менее крупные чиновники, а не как помещики.

Об этих элементах Воронцов справедливо писал в 1854 году своему преемнику генералу Реаду, что «между нами (армянами.—

В. Р.) есть несколько знатных фамилий... князя Бсбутовы и Аргутинские-Долгорукие и некоторые другие, которые, по воспитанию и по службе, сделались русскими...».¹ (Это тем более верно по отношению к Лазаревым, Десяновым и т. п., которые жили в центрах России). Ясно, что у этих элементов во время реформы не могло быть своей особой, так сказать, «национальной» линии. Они как «русские» и как находящиеся на русской службе старались только использовать свое положение для приобретения доходных мест и недвижимого имущества. Факты нам уже известны.

Другая более многочисленная группа армянских помещиков, так называемые мелики (в Карабахе, Зангезуре, Казахе), мюлькадары (в Эриванской губернии) и т. д., хотя вместе с азербайджанскими ханами, беками и агаларами считались «высшим сословием», но, как нам известно, никогда не были уравнены в своих сословных и помещичьих правах с русскими и грузинскими дворянами-помещиками. Царизм, опираясь на них, используя их в интересах утверждения своей власти над народами Закавказья, наделял их в значительной мере помещичьими правами русских дворян над своими крестьянами, как «высочайшею милостью», одновременно держал их в определенных рамках, а во время подготовки и проведения крестьянской реформы в Армении и в Азербайджане даже не допустил их к участию в этой работе, все дела передав в руки русских чиновников. Названная группа армянских помещиков во время крестьянской реформы также не выступила со своим проектом реформы, не выдвинула какие-нибудь предложения, по крайней мере ни в армянской печати и литературе, ни в архивных материалах Армении, Грузии и России нам пока не удалось выявить что-нибудь по этому вопросу.

По-моему это и естественно; едва ли эти армянские помещичьи группы могли выступить с особыми претензиями; их экономическое и политическое сравнительно скромное значение, их зависимость в качестве помещиков от благожелательности царизма, постоянный страх перед крестьянской борьбой за освобождение, с одной сторо-

¹ Акты, т. X, стр. 97.

ны, ставка царизма на помещиков во время подготовки и проведения крестьянской реформы в России и, в особенности, в Грузии, в смысле сохранения их привилегированного положения, с другой стороны, были достаточной порукой для армянских помещичьих группировок, чтобы они не беспокоились за результаты «крестьянской» реформы в Армении.

Рядом с этими элементами стояло армянское высшее духовенство во главе с всеармянским католиком. Оно само являлось довольно крупным землевладельцем и со времени первых дней русского владычества всегда было озабочено укреплением своих землевладельческих прав. По той или иной связи мы уже говорили о владениях армянской церкви, нам, например, известны титульные владения Эчмиадзинского монастыря, о деревнях Татевского монастыря тоже была у нас речь, упоминали и о владениях Севанской пустыни. Ахпатский монастырь в Лори, Агарцинский монастырь в бывшем Казахском уезде (поблизости от Дилижана) тоже имели свои земельные владения и т. д. Особенно во время наместничества Воронцова армянское духовенство старалось создать или обеспечить себе в имущественном отношении привилегированное положение. Известны близкие отношения Воронцова и армянского католика Нерсеса V. Свои связи Нерсес V использовал не только для укрепления землевладельческих прав армянской церкви, но и для того, чтобы после рескрипта 6-го декабря 1846 г. за многими богатыми семьями армян были признаны права наследников старого армянского дворянства и чтоб они были наделены именьями.

Обо всем этом не без основания писал еще в конце XIX века один из армянских буржуазных экономистов А. Арасханян.¹

Старания как Нерсеса V, так и его преемников не оставались без результатов. Во время крестьянской реформы не была обижена и армянская церковь; ее титульные землевладельческие

¹ См. Армянский журнал «Мурч» («Молот»), № 4 за 1893 г., А. Арасханян, «Земельный вопрос в Закавказье», ст. 504—505.

права, как исключение, были сохранены, и ими она пользовалась до 1912 года, т. е. до решения вопроса о выкупе в Закавказье.

Таким образом, положение и права армянских малочисленных и разбросанных помещичьих групп ко времени крестьянской реформы были таковы, что им было не до особых претензий или собственных проектов: они скорее всего были озабочены тем, чтобы как-нибудь сохранить за собой то, что в значительной мере ими было приобретено благодаря крепостнической политике царизма в Закавказье.

Если таковы были армянские клерикально-помещичьи группы, не могла быть иной и их печать. Поэтому понятно ее или почти полное молчание, или случайные высказывания в духе льстивого восхваления всего того, что предпринималось царизмом в области крестьянской реформы. Некоторые из их органов не удосуживались даже упомянуть о крестьянской реформе в России, другие же не обмолвились ни одним словом о крестьянской реформе в Грузии, в Азербайджане и в Армении, а то, что было высказано некоторыми из них вообще о крестьянской реформе, сводится к следующему.

Тифлисская газета «Мегу Айастани» («Пчела Армении») — издавалась под редакцией священника Ст. Мандиняна с 1858 по 1862 год — написала о крестьянской реформе 1861 г. с той единственной целью, чтобы ознакомить своих читателей с официальными распоряжениями и мероприятиями по этому поводу; она напечатала в переводе на грабар (на древне-армянский язык) и манифест 19 февраля. Все это сопровождалось сообщением о том, что «государь император 19-го февраля 1861 года благоволил подписать всеимпостивейший манифест о пожаловании помещичьим крепостным состояния свободных сельских жителей и соизволил утвердить все положения и правила, относящиеся к этому предмету, по которым установлено, как крепостные должны постепенно получить данные им права, и какие у них будут отношения с владельцами тех земель, на которых они водворены».¹

¹ «Мегу Айастани», № 15, 1861 г., «Правительственные распоряжения».

По другой связи «Мегу Айастани» еще раз упомянул о реформе с целью ознакомить своих читателей с тем, какой восторг вызвал за границей манифест 19-го февраля: «Венская газета с восторгом приветствует манифест императора Александра II об освобождении крепостных и говорит, что это деяние напишет имя этого царя в книге благодетелей человечества».¹

Круг интересов «Мегу Айастани» к вопросам крестьянской реформы этим и замыкается...

Издававшийся в Москве в 1861—1864 г.г. под редакцией М. и З. Мсерианов журнал «Амбавабер Русно» («Вестник России») в первом же номере справедливо замечает, что «среди задач наиболее привлекающих внимание русских общественных кругов, продолжает занимать первое место (как и должно быть) освобождение крепостных». Журнал обещает периодически информировать своих читателей об этом. Но в первый и последний раз «Амбавабер Русно» сообщает о крестьянской реформе своим читателям следующее: крестьянские «беспорядки», «возникшие в разных уездах», еще «продолжаются и теперь, хотя не заслуживают большого внимания, так как они представляют из себя не что иное, как ничтожные случаи, когда слуги иногда оказывают неподчинение своим помещикам».²

По «Амбаваберу» его читатели должны были иметь такое представление о грандиозных крестьянских движениях 1861 г., развернувшихся против царской реформы.

Другой журнал этого направления, «Парос» («Маяк»), также издававшийся в Москве под редакцией З. Мсериана в 1872—1876 годах, используя случай завоевания царизмом Хивы и восторженно приветствуя удачу царского оружия, объясняет своим читателям, как происходит крестьянская реформа в Хиве. «Парос» указывает, что после завоевания Хивы, когда хивинский хан снова был утвержден царем в своей «ханской должности», он «в своем ханстве объявил манифестом, что в знак любви к государю императору все

¹ «Мегу Айастани», 1861 г., № 17.

² «Амбавабер Русно», 1861 г., № 1.

крепостные крестьяне (большинство которых перем) освобождаются и крепостничество уничтожается навсегда.¹

Кроме этих случайных высказываний по поводу крестьянской реформы, один из органов армянских реакционеров: «Нарос Айастан» («Маяк Армении») в 1880 году, в связи с 25-летием царствования Александра II пускается в такие общие рассуждения: «С 19-го февраля по сей день в России многое изменилось, многое обновилось и многое оживилось...», далее, перечисляя крестьянскую, судебную и цензурную реформы и т. д., оп следующим образом подводит итоги эпохи реформ, характеризуя ее общий дух и направленность: «...Россия изнутри представляет теперь государство, обновленное национальным духом, а извне является защитницей христианства и освободительницей славянских наций».²

«Нарос Айастан» не забывает тут же прибавить, что «прекрасное будущее» армянского народа также может создаться «благодаря России». Конечно, речь идет о царской, помещичьей России, против всех внутренних и внешних врагов которой в революционную эпоху крестьянской реформы не за страх, а за совесть боролись органы армянских реакционеров.

Удивительно разве, что при таком отношении к царизму, армянские помещичьи элементы и их идеологи не только ни слова не сказали против царской реформы, но и являлись ее убежденными приверженцами, имея все основания ожидать от нее и свою долю добычи за счет крестьянских масс.

* * *

В период подготовки и проведения крестьянской реформы в 60—70-х годах,—как уже известно нам, в Закавказье, в частности в Армении, почти отсутствовала капиталистическая промышленность. Промышленная буржуазия, почти исключительно армянская, в те годы в экономическом и политическом отношении представляла ничтожную силу, и в тот момент, когда получал свое разрешение во-

¹ «Нарос», 1873 г., книга Б., «Завоевание Хивы», стр. 47—50.

² «Нарос Айастан», 1880 г., книга Б., стр. 49—50.

прос о путях будущего капиталистического развития Закавказья. Она в целом едва ли ясно представляла себе всю важность момента, не говоря уже о том, что и не в силах была оказывать какое-нибудь влияние на ход разрешения вопроса. Идеологи армянской буржуазии пока довольствовались тем, что отмечали общий буржуазный характер крестьянской и всех остальных реформ для развития «человека и гражданина» и только; но вступить в спор с царизмом насчет конкретного содержания крестьянской реформы они не собирались, да и не имели, пока, повода к этому: ведь известно общее благосклонное отношение царизма к первым шагам промышленной буржуазии в Закавказье.

Армянская торговая буржуазия в годы крестьянской реформы, имея в Закавказье преобладающее положение, продолжала наживаться на царских подрядах и частично на заграничной торговле, одновременно играя главную роль во все возрастающей торговле с Россией, еще меньше имела оснований затеять спор с царизмом в вопросах о крестьянской реформе. Она была недовольна тарифной политикой царизма в области заграничной транзитной торговли, и свое недовольство она выражала более или менее явным критическим отношением к режиму царизма; ее недовольство выражалось и в критическом отношении к последствиям крестьянской реформы в Закавказье, в частности, в Армении. Но в годы подготовки и проведения реформы в России идеологи армянской торговой буржуазии никак не проявили какое-нибудь оппозиционное настроение по отношению к царской крестьянской реформе, вернее сказать, даже и не вникали в значение ее для будущности Закавказья, связывая ее значение исключительно с русской действительностью.

Все вышесказанное, кажется, дает возможность понять ту позицию, которую занимала печать разных буржуазных группировок в вопросе о крестьянской реформе. Нельзя забывать и одно довольно важное обстоятельство.

Армянская буржуазия в значительной мере лишена была возможности в эпоху крестьянской реформы свободно высказывать все свои мысли и упования, выражать свои пожелания. Известно, что всего этого в значительной мере лишена была и русская буржуа-

зия даже в столицах, например, в Москве.¹ Если русские крепостники не допускали вмешательства русской буржуазии в дела крестьянской реформы, тем более для них было бы непереносимо вмешательство колониальной буржуазии в «дворянские» дела царских самодуров-чиновников, проводивших крестьянскую реформу по ухудшенному русскому образцу в Грузии с помощью грузинского дворянства, а в Азербайджане и Армении даже без участия местного «высшего сословия», стоявшего по своему положению в глазах царских сановников ниже «чистокровных» дворян.

Для армянской буржуазии, вероятно, в еще большей мере, чем для русской, было создано такое положение, что ей нужно было «восторгаться» реформой в угоду требовательному начальству.

Отношения разных армянских буржуазных группировок и их всей прессы 60—70-х годов к крестьянской реформе мало чем отличались друг от друга; их разделяли другие вопросы, которые не имеют непосредственной связи с нашей темой. Поэтому о них мы упомянем ниже только в рамках, необходимых для выделения интересующего нас вопроса.

Издававшийся в Тифлисе с 1860 по 1863 год журнал «Крунк Айоц Ашхари» («Журавль Армянской Страны») уделил очень мало внимания крестьянской реформе. В 1861 году «Крунк» напечатал только перевод статьи о крестьянской реформе из реакционно-дворянской газеты «Наше время» под заглавием «День 19-го февраля 1861 года для русских».² О содержании этой статьи можно составить представление, имея в виду то, что газета эта была основана с целью защищать интересы дворянства, «как единственного сословия у нас, в котором сберегается огонь просвещения».³

«Крунк» больше не возвращался к вопросу о крестьянской реформе. Не трудно догадаться, что армянский журнал смотрел на реформу как на постороннее дело, имеющее значение только для России, не вникал в суть дела и не представлял того реша-

¹ См., например, Е. А. Морозовец, Крестьянская реформа 1861 г. Соцгиз, Москва, 1937 г., стр. 82—83.

² «Крунк Айоц Ашхари», 1861 г., стр. 616—627.

³ Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, т. 40, стр. 775

ющего значения, которое она должна была иметь для будущности всех народов России, в том числе и Закавказья. Поэтому, будучи вообще в известной мере критически настроенным по отношению к царизму и к царскому режиму, «Крунк», долго не задумываясь, для ознакомления своих читателей с значением крестьянской реформы не находит ничего лучшего, чем напечатать статью поборников этой же царской реакции.

«Крунк» не блещет политическим мужеством и идеологической последовательностью и тогда, когда перед самой реформой, идя на сделку со своей политической совестью, пишет, что он «считает своим священным долгом... быть выразителем благодарности живущих в России армян по отношению к могущественному августейшему императору Александру II, царствование которого вообще для всех подданных есть век просвещения, прогресса и цивилизации».¹

Выражением этой «благодарности» «Крунк» положил начало в армянской буржуазной прессе той либеральной лести об эпохе крестьянской реформы, которой впоследствии отдала дань в той или иной мере вся армянская буржуазная печать без различия направлений.

Другой орган того же направления: «Мегу Айастан» («Печла Армения»), который с 1863 года перешел к Петросу Симониану, уделяет больше внимания эпохе буржуазных реформ, но специально крестьянской реформой не занимается, даже не упоминает о проведении крестьянской реформы в Грузии. Для «Мегу» цели вообще проводимые в 60-х годах буржуазные реформы, для него дорог тот буржуазный путь, на который стал царизм:

«...Не счтяем лишним сказать несколько слов о внутренней жизни России за эти несколько лет, в которой по сравнению с прошлым происходили многие изменения, ведущие ее к совершенствованию и прогрессу среди человечества».² Перечисляя эти изменения, «Мегу» отмечает в первую голову свободу печати «по крайней мере в двух столицах», потом судебную и военную ре-

¹ «Крунк Айец Ашхари», 1860 г., № 2, стр. 160.

² «Мегу Айастан», 1866 г., № 3, стр. 21.

формы и крестьянские Положения. Все эти реформы так важны для прогресса нации и являются такими твердыми основами для их благоденствия и счастья, что «европейские нации для приобретения всего этого от своих правительств пролили потоки крови, принесли в жертву тысячи честных людей, но приобретенные права стоили понесенных жертв». Далее, он отмечает, что «правительство России большую часть этих прав и свобод пожаловало своим народам, желая их благоденствия. Правда, последствия этих изменений в России еще полностью не видны, но, однако, это не должно отчаивать благоразумных, которые обязаны действовать в пользу народов на основе этих высочайше пожалованных прав».

«Мегу Айастани» сам «благоразумно» не видит или видит, но молчит о том, что народы России «пролили потоки крови, принесли в жертву тысячи честных людей» из-за «этих высочайше пожалованных прав», поэтому ему кажется, что одна из причин неудачных последствий реформы кроется в самих народах России, в их склонности к рутине, в их невежестве; другой же причиной является сопротивление должностных лиц, государственных чиновников, которые естественно являются сторонниками старых форм, будучи лично заинтересованными в них; отсюда делается вывод, что «для принесения зрелого плода новые распоряжения правительства должны иметь еще довольно времени».

Таким образом, выходит, что в отсутствие «зрелого плода» царское правительство не при чем, им все необходимое сделано, а для остального нужно время. Свои рассуждения «Мегу» заканчивает дифирамбом по адресу свободы слова и личной свободы человека: «Человек без свободы слова не имеет никакого значения, как человек..., другая, достойная человека, деятельность без личной свободы непонятна; значит, можно сказать, что пожалованные правительством России в последние годы своим народам права положат начало их новой жизни».¹

Итак, внимание «Мегу» сосредоточено на политической стороне дела; экономическое же содержание крестьянской реформы не

¹ «Мегу Айастани», 1866 г., № 3, стр. 21—22.

только в России, но и в Грузии его не интересует: в понимании глубоко-важного значения этой реформы для народов России «Мегу» идет не дальше своего собрата «Крунка». Основы «новой жизни» у него связываются с отвлеченной буржуазной свободой слова и личной свободой человека, и ему кажется, что «пожалованные правительством России в последние годы своим народам права» разрешат эту проблему, проблему «новой жизни». Легко убедиться, как скромны были в своих требованиях армянские буржуазные публицисты в бурную эпоху крестьянской реформы и как мало беспокойства причинили они царизму в те, поистине, тревожные дни.

Другой орган буржуазного течения, либеральный «Юсисапайл» («Северное Сияние»), издававшийся в Москве под редакцией Ст. Назаряна в 1858—1864 г.г., умудрился ни слова не промолвить о крестьянской реформе. Об отношении журнала к крестьянской реформе можно догадаться только по его высказываниям, относящимся вообще к эпохе реформ, или к другим буржуазным реформам 60-х годов.

«Юсисапайл» особенно восторгается свободой печати в России со времени «царствования августейшего Александра Николаевича»; он надеется, что эта свобода будет расширена, нужно только, «чтобы общество и писатели... свою личность сделали достойной этого императорского пожалования».¹

Он добровольно ставит себя в рамки царской легальности: ««Юсисапайл» будет применять ту меру свободы слова, которая позволена законом».²...

В полемике с армянскими реакционерами «Юсисапайл» их обвиняет в том, что они хотят «армянскую нацию вывести из круга нынешнего просвещенного времени и ввести его в грязь старой средневековой тьмы», они «против того, чтобы по могуществен-

¹ «Юсисапайл», 1862 г., № 4, стр. 190—191.

² «Юсисапайл», 1863 г., декабрь, стр. 7.

ной воле и с разрешения мудрого, свободомыслящего... царя... Александра Николаевича источник европейского просвещения и науки изо дня в день еще обильнее потек и освежил души в России».¹

Не трудно понять, что «Юсисапайл» в этих вычурных фразах курит филиал Александру II за его буржуазные реформы.

Прибавим и то, что в революционную эпоху крестьянской реформы «Юсисапайл» резко выступил против всего, что напоминало о революции, о борьбе наций за самоопределение и т. д.²

Таков «Юсисапайл» и тогда, когда от этих и им подобных многих других проблем, выдвинутых на первый план общей революционной ситуацией, переходит к общей оценке эпохи крестьянской реформы. Редактор «Юсисапайла» Ст. Назарян об условиях проведения крестьянской реформы, и то в форме намека, говорит только в одном из своих писем. Письмо это написано под свежим впечатлением манифеста 19-го февраля, 29-го марта 1861 г.: в нем Назарян говорит: «...в наше время трудно идти против течения; даже царя не в состоянии этого сделать и подчиняются настоянию и требованию жизни».³

Как будто в этом намеке есть некоторое критическое отношение к той либеральной лестнице, согласно которой все в крестьянской реформе связывалось с доброй волей «царя освободителя». Но все же нельзя не отметить того обстоятельства, что в 1861 году, в частном письме по существу Назарян о крестьянской реформе повторяет лишь то, о чем сам царь говорил еще в марте 1856 года московскому дворянству: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно само собою начнет отменяться снизу».

Говоря об отношении «Юсисапайла» к крестьянской реформе, мы не коснулись взглядов революционного демократа Микаэ-

¹ «Юсисапайл», 1861 г., второе полугодие, стр. 247.

² См., например, «Юсисапайл», второе полугодие 1861 г., стр. 487—488.

³ См. армянский журнал «Мурч» («Молот»), 1902 г., № 5, стр. 146.

ла Палбадияна и его единомышленников, о них у нас речь будет особо; их взгляды на крестьянскую реформу выходят за пределы либерально-буржуазной идеологии «Юкссапайла» и выражены не на его страницах.

Вот все существенное, что удалось нам найти в современной армянской буржуазной прессе о крестьянской реформе в годы подготовки и проведения ее в России и в Закавказье.

Как не трудно убедиться из всего вышесказанного, армянская буржуазия царской колонии в лице своей печати отчасти за страх, а отчасти за совесть, как и буржуазия метрополии, не проявляла особой энергии и склонности вмешиваться в «не свое дело», в крестьянскую реформу, а в отношении либеральной лести не отставала от своего старшего собрата, от русской буржуазии, будучи в своих требованиях несравненно скромнее ее.

Так, например, русские либералы восторженно извивались перед «царем-освободителем» и восхваляли его реформы из-за того, что «помещики уступили $\frac{1}{1000}$ своих привилегий нарождающейся буржуазии, а крестьянская масса была осуждена на полвека (1861+50=1911) мучений, бесправия, унижения, медленной голодной смерти, выколачивания податей и пр.»¹

Армянская же буржуазия восхваляла «царя-освободителя» и его реформы только из-за их общего буржуазного духа, из-за предполагаемой свободы печати, из-за воображаемой свободы слова и свободы личности, не выдвигая ни одного конкретного предложения, связанного, скажем, с проведением крестьянской реформы в Закавказье, не прокинув ни слова против царской, помещичьей реформы.

Перейдем к рассмотрению отношения к крестьянской реформе армянского мелко-буржуазного революционно-демократического течения.

¹ Ленин, Соч., т. XVI, 2-е изд., Кадеты и аграрный вопрос, стр. 115.

В годы подготовки и проведения крестьянской реформы это течение подверглось тому же сурово-полицейскому режиму, что и русские и все другие революционно-демократические элементы в России.

Вот что говорил Ленин о тогдашней обстановке в России: «Каторга—тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы «великому освобождению»: реформы (безпредельные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы) тем, кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса».¹

Все же надо полагать, что и армянские революционные демократы, не имея возможности в легальной прессе высказывать свои мысли, предпочитали молчать, «чем извергать тупоумные или лицемерно хвалы» «великому освобождению»; по крайней мере нам не известен какой-либо легальный документ, в котором представители этого течения в той или иной форме коснулись бы вопросов крестьянской реформы или ее результатов. Нам не известен также какой-либо нелегальный документ в виде прокламации и т. п., с которым это течение обращалось бы к крестьянской массе с изложением своих взглядов на царскую реформу: неизвестны и какие-либо другие шаги его, да едва ли что-нибудь в этом направлении им было и предпринято, так как очень уж слабо и неорганизовано было революционно-демократическое течение, и чрезвычайно слабы были его связи с крестьянскими массами в те годы.

Только глава этого течения—Микаэл Налбандиан—оставил нам изложение своих взглядов на крестьянскую реформу в России в своей знаменитой книжке: «Земледелие как правильный путь», вышедшей в середине 1862 г. в Париже. На основании этого единственного документа и можно составить представление о мыслях и взглядах на крестьянскую реформу нашего революционного демократического течения.

Годы подготовки и проведения крестьянской реформы Налбандиана

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV. 2-е изд., Гонимые злостью и Аннибалы либерализма, стр. 126—127.

для большей частью провел вне России, побывав в европейских центрах (Берлин, Париж, Лондон), в Константинополе, в Индии и т. д. К 1862 году его политические связи с Герценом, Огаревым, Бакуниным, или с «лондонскими пронагадистами» были уже оформлены; эти связи и довели его до Петропавловской крепости исылки, которые рано свели в могилу (в 1866 г.) этого пламенного борца за свободу.

К вопросу о крестьянской реформе он подходит со своей общей точки зрения на экономический вопрос, который находится в центре его внимания в вышеозначенной книге. А сущность экономического вопроса у него сводится к аграрному вопросу: «И пока экономический вопрос—этот запутанный гордиев узел—не развязан, общество в своих социальных и семейных отношениях не свободно. Пусть, если хотят, сорок раз переменяют форму правительства, но пока часть общества завладела землей, а другая часть остается в нищенском положении, там будет царить насилие».

Таково положение и в России: «Перед этим же экономическим вопросом стоят сегодня русское правительство и русский дворянин. Этот вопрос является вопросом жизни и смерти: to be, or not to be. Двадцать три миллиона крепостных, которые до сих пор, находясь на отечественной земле, служили и давали подати своему барину, давно, давно были бы освобождены от крепостной зависимости, если бы для правительства, или дворянина было возможно сказать крепостным: «Ребята! С этого дня вы совершенно свободны, и ваши крепостные отношения с вашими господами окончены; идите, куда хотите, и живите, как хотите».

«Но правительство и дворянство ясно видели невозможность такой свободы: куда пойти 23 миллионам народа без земли и без кровли, что ему делать, как ему жить».¹

Этим объясняется тот факт, что так долго вопрос об освобождении крестьян стоял перед правительством, по своего разре-

¹ М. Налбандян, Земледелие как правильный путь, изд. 1930 г., Ереван, стр. 59 (на армянском языке).

шения не получал, так как «правительство видело, что такую свободу нельзя давать: оно предвидело грядущую бурю. Дворянин видел и убедился, что давать такую свободу, значит подписать смертный приговор дворянству. Поэтому, и правительство, и дворянин, боясь поднимать этот роковой занавес, за которым стояло страшнейшее будущее России, молчали, и без разговоров хорошо понимая мысли и положение друг друга решили молчать и растянуть дело, пока можно держаться».¹

Говоря о причинах, побудивших правительство к изданию манифеста 19-го февраля 1861 года, Налбандян указывает на неудачную Восточную войну, на разгром царизма у Севастополя, на финансовые затруднения царизма, на невероятно тяжелое положение народа. «Умер Николай; вместе с ним умерла его система. Что хочешь сделай, но время возьмет свое. Новое правительство увидело все это, поняло, что прошлое продолжать нельзя, струны были очень натянуты, поэтому оно несколько распустило узды народа».

В этих условиях с «невиданной силой» выдвинулся в центр внимания экономический вопрос и обстоятельства потребовали в этот раз его разрешения. И вот правительство, под страхом крестьянского восстания, не решаясь совсем лишнуть крестьян земли, но и не желая поднять против себя дворянство, нашло выход в том, что «дало крепостным умеренное количество земли», с тем, чтобы получившие землю крестьянские общества «до определенного срока, из года в год платили своим господам цену этой земли до окончания платежей».²

Налбандян, отмечая все это, ставит точку и ни слова не говорит против этого помещичьего пути освобождения крестьян, ничего не говорит против выкупа.

Эта позиция, навеянная влиянием Герцена и Огарева, по существу напоминает их позицию во время крестьянской реформы,

¹ М. Налбандян, Земледелие как правильный путь, изд. 1930 г., Ереван, стр. 60 (на арм. языке).

² Там же, стр. 60—61.

это—уступка либерализму, колебание в сторону либерализма, на наличие которого указывал Ленин у Герцена.¹

Вспомним, что говорил Ленин об отношении последовательно-го революционного демократа Чернышевского к крестьянской реформе, и это станет очевидным: «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп—та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывез Россию на дорогу открытой борьбы классов».²

Против реформы с выкупом, против «этой мерзости» во имя «открытой борьбы классов», значит против помещичьего пути реформы, за крестьянский путь, т. е. за революцию,—таков подход Чернышевского. А всего этого нет у Налбандяна.

Взрыв народного гнева по Налбандяну произошел тогда, когда после объявления манифеста 19-го февраля стало известным, что устанавливается двухгодичный срок со дня объявления «свободы», в течение которого «освобожденные» крестьяне останутся в таких же отношениях к своим господам, как и до сих пор. Крепостные об этом и слышать не хотели, чаша народного терпения переполюбилась:

«В разных уездах появлялись разпобразные сопротивления и восстания... если борьбу за свои права высоким стилем можно назвать восстанием. Правительство применило против них оружие, по кровью убитых орошаясь, вырастали ростки сопротивления. И

¹ См. Ленин, Соч., т. XV, Памяти Герцена, стр. 467.

² Ленин, Соч. т. I, изд. 2-с, Что такое «Друзья народа»... стр. 179—180.

сегодня, с каждой минутой все более и более удаляются друг от друга нация и правительство».¹

Разве были они когданибудь близки друг другу! Налбандяну хорошо известно, что нет, но в данном случае, здесь у него тоже выявляется то кратковременное заблуждение, которое политические друзья Налбандяна имели по отношению к царю и царизму в отношении освобождения крестьян сверху, это будто бы и было почвой их сближения в данном вопросе.

Среди дворянства Налбандян отмечает два течения в крестьянском вопросе, «две противоположные партии—**прогрессивную и регрессивную**». «Прогрессивная партия объединена с нацией, т. е. с крепостными. Она действует и против регрессивной партии, и против правительства. И это открыто, письменно и при божьем свете. Конечно, многие улетели в Сибирь, многие изнуряются в тюрьмах и крепостях». Он упоминает об аресте 13 представителей прогрессивной партии из дворян, которые письменно отказывались действовать в духе манифеста 19-го февраля, «так как этот манифест противен существенным интересам нации. Этим не довольствовались дворянство и 2-го февраля послало императору знаменательное прошение».²

Далее Налбандян в примечании целиком приводит прошение тверских дворян Александру II от 2/II—1862 г. о созыве земского собора и отрывки из письма своего друга. От него мы узнаем, что благодаря разъяснительной работе упомянутых дворян среди крестьянства, «народ привязывается к дворянству и произнесит слово «конституция». В связи с тем, что правительство трюих из этих дворян заключает в Петропавловскую крепость, он добавляет: «Но поздно, дворянство и народ привязались друг к другу».³

Конечно, речь идет о «прогрессивной партии» дворянства. Но все-таки «знаменательно» то, что Налбандян и его политический друг так увлечены «конституционностью» либерального дворянства и так тщательно подчеркивают «привязанность» народа к

¹ Налбандян, Земледелие..., стр. 61.

² Там же, стр. 61—62.

³ Там же, стр. 64—65.

нему. Все это то же самое либеральное колебание у Налбандяна в вопросе о крестьянской реформе, что отмечено выше.

Также неправильно представлены борющиеся вокруг реформы силы: «Русская нация, перед глазами которой разыгрывается эта драма, стоит на стороне крепостных и прогрессивной честной партии. В нации тоже вырабатывается единый дух, и сегодня элементы, друг другу ранее противоположные, идут по одной дороге».¹

Так как в этот период политического развития Налбандяна, как известно, у него понятие нации совпадает с понятием трудовые массы народа, то выходит, что вокруг вопроса реформы были объединены русские некрепостные трудовые массы, освобожденная крепостная масса и «прогрессивная честная партия», т. е. либеральное дворянство и шли они все «по одной дороге». Тысячу раз нет! Но послушаем дальше. «Регрессивная партия осталась между нацией и правительством, недовольная обеими же сторонами, враждебная обеим же сторонам; и, желая действовать против нации, действует против прогрессивной партии и подло присоединяется к регрессивной части правительства».² Вот она—вторая сила. «И правительство, своим порядком, осталось между всеми этими» силами.³ Оно является третьей силой.

Здесь, таким образом, интересы нации, т. е. народа и прогрессивной партии неправильно объединены, также неправильно, правда, с известной оговоркой, преувеличена враждебность регрессивной партии к правительству; больше того, неправильно прогрессивная и регрессивная партии—оба крыла дворянства—принципально противопоставлены друг другу и правительству.

Вот что говорил Маркс о позиции либерального дворянства в вопросе об освобождении крестьян еще в конце 1858 г.: «Высказываться против крепостного права, но допускать освобождение только на условиях, при которых оно сводилось бы к простой вы-

¹ Налбандян, Земледелие..., стр. 64.

² Там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 65.

дьямств, — такая позиция является модной даже у либерального русского дворянства».¹

А Ленин о разногласиях и борьбе внутри этих двух групп дворянства пишет следующее: «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой **внутри** господствующих классов, большей частью **внутри помещиков**, борьбой **исключительно** из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об **уничтожении** этой собственности, о **полном свержении** этой власти».²

Значит, во время крестьянской реформы боролись две основные силы: с одной стороны, крепостное крестьянство, а с другой стороны, все дворянство, все помещики (или, по терминологии Налбандяна: регрессивная и прогрессивная партии и правительству). О сущности их борьбы Ленин говорит следующее:

«Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), по первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения».³

Налбандян именно не подчеркивает особой народной самостоя-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, Подготовка кр. реформы в России, стр. 529.

² Ленин, Соч., т. XV, 2-е изд. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 143.

³ Ленин, Соч., 2-е изд., т. XI, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов, стр. 349.

тельной линии в реформе, принципиального различия этой линии от линии помещиков, в том числе от линии «честной прогрессивной партии», революционную сущность народных требований, идущих снизу в противоположность дворянской реформы, идущей сверху.

Даже в своих заключительных словах о том, что «крепостной топором разрешит дело», он говорит это, не призывая народ к топору, как Чернышевский, чтобы этим единственным путем получить себе настоящую свободу, а предупреждает, угрожая правительству, правящим группам, чтобы они своевременно дали вопросу разумное решение, так как создавшееся положение не может долго продолжаться и доведет дело до топора: «Но это лихорадочное и напряженное положение не может продолжаться долго. Если своевременно не будет применено разумное отношение, и крепостные вместе со своей землей не будут признаны вполне свободными, и таким путем не будет разрешен этот сложный вопрос,—крепостной топором разрешит дело».¹

Опять он подходит к вопросу с либеральной позиции Герцена, а не с революционной точки зрения Чернышевского. Вот что писал об этом Маркс еще в 1858 г.: царь открыл, «что подлинное освобождение крепостных несовместимо с его самодержавием».² Маркс в другом месте выражал убеждение, что народ поймет это, разочаруется в царе и восстанет: «А если это произойдет, то пастанет русский 1793 г. Террор этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но он образует второй поворотный пункт в истории России, а в конце концов на место лживой декорации, введенной Петром Великим, поставит настоящую всеобщую цивилизацию».³

Вот такие перспективы открылись бы перед Россией, если бы народ восстал против царя и помещиков, сознавая, что «подлинное освобождение крепостных несовместимо с... самодержавием». Это

¹ Налбандян, Земледелие..., стр. 65.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, «Господин Фогт», VIII, стр. 362.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. 1, «Об освобождении крестьян в России», стр. 345.

совсем другое, чем то, что говорит Налбандян, все еще надеясь, как Герцен, на разрешение вопроса сверху, не понимая и не настаивая на единственно возможном разрешении вопроса только снизу.

Итак, Налбандян подходит к крестьянской реформе с идейных позиций Герцена; все основные вопросы, связанные с нею, у него получают разрешение в духе Герцена, а не в духе последовательного революционного демократа Чернышевского.

Но нельзя забывать одного очень существенного обстоятельства.

Ленин, указывая на отступления Герцена в вопросах крестьянской реформы «от демократизма к либерализму», отмечает: «Однако справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх».¹

Крестьянская реформа интересовала Герцена с точки зрения крестьянства, а не помещиков; этим он принципиально отличался от либералов, защищающих в реформе интересы помещиков.

Как указывает Ленин: «Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю».²

Все это, по Герцену, должно было создать условия для перехода к социализму. Значит, несмотря на отступления от демократизма к либерализму, он все же оставался защитником интересов крестьянства.

Целikom то же самое можно сказать и о Налбандяне, политическая эволюция которого последовательно шла к революционному демократизму, не останавливаясь и после издания «Земледелия».

В «Земледелии» Налбандян часто указывает на то, что земля должна принадлежать народу, что без этого для народа нет настоящей свободы, что без этого «парит насилие».³

¹ Ленин, Соч., 2-е изд., т. XV, «Памяти Герцена», стр. 467.

² Там же, стр. 466.

³ Налбандян, Земледелие..., стр. 59.

«Свобода сама по себе лишь фраза и не может реально осуществиться без разрешения экономического вопроса. Никакое свободное правительство, никакое свободное законодательство не может спасти человека от рабства, пока не будут признаны его права на землю».¹

Отсюда он заключает: «...Если народ находится в рабстве, если у него нет земли и если ему удастся приобрести землю, право и время требуют распорядиться ею так, как требует настоящая надобность, как требует разум, а не так, как до сих пор распоряджались оставшиеся с древних времен, традиционные правительства, отдавая землю в собственность государству или дворянству и лишая простой народ права на землю».²

По Палбандяну «настоящая надобность» и «разум» требуют, чтобы земля была не только народной, но общинной:

«Земля принадлежит обществу, каждый член которого на вечные времена имеет равное право на ее равное количество, и, с одной стороны, не имея права продавать ее, а с другой стороны сохраняя неотъемлемое право беспрепятственной обработки и эксплуатации земли, этот член общества и его поколение основывают свою жизнь на надежной базе и невозможно, чтобы они попали в бедность или в нищету».³

Таким образом, Палбандян, подобно Герцену, с отдачей земли народу связывает перспективу общинного ее пользования, ему не чужд «русский» социализм Герцена.

Стало быть, крестьянская реформа интересует его целиком и единственно с точки зрения интересов народа, и его либеральные отступления от демократизма в духе Герцена никак его не сближают с либералами, а только в данном вопросе делают его непосредственным в защите демократической линии.

Итак, Палбандян и, можно смело сказать, то общественное течение, во главе которого стоял он, в противоположность вышена-

¹ Палбандян, Земледелие..., стр. 65.

² Там же, стр. 103.

³ Там же, стр. 51.

званным армянским общественным течениям, в годы крестьянской реформы в России по существу выступали против царской, помещичьей реформы, против «прусского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве и своим требованием передачи земли народу. Своими проектами общинного землевладения по существу защищали крестьянский или «американский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

III. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В АРМЕНИИ

(1864—1870—1877 г.г.)

1. Положение 14-го мая 1870 г. и пределы его действия

Кавказский Комитет 5-го марта 1861 года «весьма секретно» пишет наместнику кавказскому Бяратинскому, что после Положения 19-го февраля «крепостное состояние остается в одном только Закавказском крае. Признавая необходимым действовать постепенно к освобождению этого состояния и там, но действовать с надлежащею осторожностью», император желает узнать мнение наместника «о том порядке, в котором можно было бы приступить к тому делу и в Закавказском крае».¹

В годы подготовки к проведению царизмом в России крестьянской реформы Бяратинский, ссылаясь на очень запутанное положение землевладельческих отношений в Закавказье, приходит к тому заключению, что «представляется совершенная невозможность ускорить в Закавказском крае решение этого дела». Он предполагал, что после осуществления в Закавказье государственного размежевания (т. е. не меньше чем через десятки лет; ведь известны темпы проведения размежевания в Закавказье, где оно никогда не было закончено.—В. Р.), «имея перед глазами пример России, совершившей уже преобразование, дело это исполнится без особых затруднений».²

О том, почему закавказские власти не хотели «ускорить... решение этого дела», более откровенно пишет в своих воспоминаниях барон Николай (бывший председатель Закавказского Центрального Комитета по устройству помещичьих крестьян). Оказы-

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. т. XII, стр. 196.

² Акты, т. XII, стр. 1318; из «Отчета» Бяратинского за 1857—1859 гг.

вается, закавказские власти медлили с этим вопросом из-за того, что дворянство было «неподготовлено» к реформе и положение дворян было «крайне тяжелым»: «Положение их действительно представлялось крайне тяжелым, и как ни было необходимо распространение (и то безотлагательное) на Закавказский край исторической реформы, правительство не могло мириться с тем, чтобы неподготовленное к оной большинство местного помещичьего сословия обратилось в нищенский пролетариат».¹

С такими настроениями и мыслями закавказская власть приступила к подготовке проведения «крестьянской» реформы.

Все дело подготовки проведения реформы, конечно, было передано в руки дворянства. В начале же 1861 года был организован Закавказский Центральный Комитет по устройству помещичьих крестьян с участием представителя дворянства, во главе же уездных комитетов были поставлены предводители местного дворянства. Тифлисской губернии, где в первую очередь и предполагалось провести реформу. О представителях со стороны крестьянства, конечно, не было и речи. Дворянским желанием оставить за крестьянами только их «души», так как все остальное они считали своим, был положен определенный предел со стороны правительства по той простой причине, что поголовно обезземельное крестьянство «не представляет правильного обеспечения для казны в исправном отбывании крестьянами повинностей».² Значит, правительство озабочено было в первую очередь тем, чтобы обеспечить возможность колониального грабежа для себя, а потом уже дать свободу местному дворянству. Что получилось из всего этого, достаточно известно.

Положение 1864 года 13 октября, по которому были «освобождены» помещичьи крестьяне, относится и к Лори, входившей тогда в Тифлисскую губернию. О результатах реформы в Лори мы поговорим позже. Через год было издано Положение (в 1865 г. 13

¹ «Русский Архив», 1892 г., № 5, Барон Николай, Воспоминания из моей жизни, стр. 122.

² См. Орест Семин, Великая годовщина, Киев, 1911 г., стр. 28.

октября) для Кутаисской губернии, а в следующие годы и для других областей Грузии.

О крестьянской реформе в Грузии даже Воронцов-Дашков в своем «Отчете» от 1905 года говорил, что «в действиях помещиков по отношению к паделной земле крестьян царял полный произвол, местные же власти находились под влиянием помещиков».¹

А в 1914 году исследователь крестьянского вопроса в Закавказье дает такую оценку этой же реформе: «Крестьянская реформа в Тифлисской, Кутаисской губерниях, Сванетии, Сухумском отделе внесла в существовавшие отношения между зависимыми условиями и землевладельцами, помещиками коренные изменения, положила начало новой жизни. При таких обстоятельствах сама жизнь выдвигала необходимость завершения дела путем распространения крестьянской реформы на мусульманские провинции Закавказья».²

Это значит, не видеть, даже того, что при известных обстоятельствах принужден был отметить царский наместник.

Более яркий крепостнический характер крестьянской реформы, сохранение временно-обязанных отношений до 1912 года и выкупных платежей до 1917 года, тяжелые государственные подати и повинности, распространение ростовщичества и т. д. создали для крестьянской массы Грузии безвыходное положение. В этих условиях развивается борьба крестьянства против помещиков, крепостнических остатков и одновременно против национально-колониального гнета царизма.³

¹ Цитирую по копии «Отчета», имеющейся в Центр. Гос. Архиве Арм. ССР, стр. 36.

² С. А. Авалиани, Крестьянский вопрос в Закавказье, т. III, Одесса, 1914 г., стр. 19.

³ Ф. Е. Махарадзе и Г. В. Жачапуридзе — Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии, 1932, стр. 66—69.

В годы же «освободительной» реформы в Грузии встал перед правительством вопрос и о проведении реформы в Восточном Закавказье, в Азербайджане и Армении.

Развитие товарно-денежных отношений и капиталистических элементов в сельском хозяйстве и промышленности с одной стороны, необходимость приспособить экономику Закавказья, как колонии, к помещичье-капиталистической эксплуатации пореформенной России с другой, усиливающийся в этих условиях крестьянский протест против крепостнической кабалы с третьей, реформу сделали неотложной для всех частей Закавказья.

Важное значение этого последнего фактора косвенно признается и Закавказской высшей властью.

В отчете наместника кавказского за 1863—71 г.г. с удовлетворением отмечается, что после отмены крепостного права в 1867 году в Мингрелии, оно «окончательно перестало существовать» в Закавказье. «Но,—продолжает он,—все еще не изгладилась совершенно в крае следы личной зависимости; она продолжала существовать, хотя и в меньшей мере, в мусульманских провинциях, на землях, находящихся во владении лиц высшего сословия».

Далее, напоминая о том, что изданные на основании рескрипта 6-го декабря 1846 г. Положения 1847 года «кроме платы за пользование землею определенной частью урезая, обиживали крестьян и к некоторым личным повинностям рабочими днями, прислугою и общественными работами» в пользу помещиков или так называемого «высшего сословия» в мусульманских провинциях, т. е. в Армении и Азербайджане,—наместник объясняет, почему и в этих частях Закавказья проведение крестьянской реформы стало необходимостью: «...невозможно было,—говорит он,—продлить личные повинности людей свободных, когда прекратились таковые для

¹ ЛОЦИА, дело № 124 Кавказского Комитета. По всеподдан. отчету ЕИВ наместника Кавказского по гражданскому управлению Кавказом и Закавказским краем за 1863—1871 г.г., стр. 10.

бывших крепостных». ¹ Значит, протест «свободных» крестьян сделал свое дело, заставил считаться с ним.

Своим дореформенным положением «недовольствовались» и помещики Армении.

Нам уже известно, что «Положения» 1847 г. коснулись сравнительно малочисленных слоев крестьянских масс Армении. Составленное для Эриванской губернии, т. е. для большей части Армении, «Положение» 8-го июня 1851 г. не было проведено в жизнь. Вполне естественно, что неосуществление этого «Положения» вызвало неудовольствие разных владельческих групп Армении; они начали жаловаться на неопределенность своего положения и в имущественном и в правовом отношениях. Конечно, по-своему они были правы; их собратья из соседних губерний и уездов — агалары, мелики и беки — «Положениями» 1847 г. получили, безусловно, очень многое и имели официальное основание считать свое положение, как собственников земли, не только определенным, но и укрепленным. Об остальном же они сами заботились, как нам уже известно; а эриванские помещичьи группы формально были на время лишены этого преимущества своих соседей, поэтому и были недовольны. Так, в своем прошении на имя заместника, в начале 60-х годов, они писали, что «каждый местный правитель страны или чиновник» их имущественные и личные права «определял с своей точки зрения, не имея в основании никаких фактов», и будто бы «большой частью по применению к наказаниям самих поселен». Но сами же просители отмечают, что «число молькадаров умножилось, не встречая к тому никаких препятствий», хотя стараются дать ложное объяснение этому факту, связывая это с уменьшением прав молькадаров, ¹ что, как уже показано нами, также не соответствует действительности.

Пожелания так называемых родовитых представителей «высшего сословия» были учтены царизмом, и перед проведением крестьянской реформы, по предложению заместника кавказского, эриванский губернатор занялся выяснением прав разных групп земле-

¹ См. Эсадзе, Историческая записка об управлении Кавказом, Тифлис, 1907 г., т. I, стр. 552.

владельцев, что одновременно являлось и подготовкой к проведению реформы.

Созданная с этой целью Эриванская Бекская комиссия открыла свои заседания 23 мая 1866 года и в следующем году закончила свои работы, признав по Эриванскому, Эчмиадзинскому и Ново-Баязетскому уездам «принадлежащими к потомственному бекскому сословию 142 рода, из коих многие заключают в себе по несколько семейств», и отказав в признании 188-ми родам; по Нахичеванскому и Ордубатскому уездам признав это право за 128 родами, личное бекское звание за 12 родами и отказав в том и другом 116-ти родам.¹

Таким образом, по всей Эриванской губернии Бекской комиссией признаны принадлежащими к «высшему сословию» 282 рода и отказано в признании 304 родам. Не забудем отметить, что окончательного утверждения и этой первой категории в дворянском достоинстве со стороны высшей власти никогда не последовало; как нам уже известно, то же самое относится и к «высшему сословию» Азербайджана.

Какие безобразия творились в Эриванской Бекской комиссии, видно из жалоб и протестов крестьян. Вот один из характерных примеров.

Крестьяне деревни Арчазур, Мегринского участка, Ордубатского уезда в своей жалобе помещику на члена бекской комиссии, ловкого дельца Андреаса Степанова и его сподвижников пишут: «...простите смелости и откровенности деревенских обитателей, если мы не можем хладнокровно смотреть на те гнусные поступки, которые совершают перед лицом целого мира эти люди».

Они просят ревизовать дела Бекской комиссии, в которых обнаружатся «вопиющие» факты; между прочим, выяснится роль подкупа в получении звания бека; крестьяне со своей стороны раскрывают тайну следующим образом: «тут Степанов, капиталы богачей, бедность беков», — вот и комбинации готовы.² Сам Степа-

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 26⁸⁹, д. № 3, л. 37.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 26⁸⁹, д. № 2, лл. 44—45.

нов, по письменному свидетельству крестьян пяти деревень, тоже не бекского происхождения, но сумел влезть в комиссию и устраивать свои дела, присвоив себе, например, помещичьи права вместе с Гаджи Мелик Будагом над деревней Арчазур, а вместе с Мелик-Парсадаловыми над деревней Бих Ордубатского же уезда.¹

Так шла «подготовка» к крестьянской реформе в Эриванской губернии...

* * *

В 1866 году по предписанию паместника было поручено Комитету об устройстве крестьян пересмотреть Положение от 28 декабря 1847 года, т. е. агаларское Положение: одновременно Комитету было указано, что пересмотр должен быть сделан в духе Положений о Тифлисской и Кутаисской губерниях. Комитет, рассмотрев результаты проведения Положения 28 декабря 1847 года, пришел к заключению, что агалары, используя свое положение, «часто распоряжались поселянской землей произвольно, повинности же иногда брали в увеличенных размерах». Далее Комитет решил пересмотреть и Положения от 20-го апреля 1847 г. и от 8 июня 1851 г. и рескрипт 6-го декабря 1846 года.²

Главные принципы рескрипта 6-го декабря 1846 года составляли основу Положений 1847 г., т. е. в них признали за владельцами земли право собственности на нее, а за поселянами право постоянного пользования землей за определенные повинности в пользу землевладельца. Комитетом было решено эти принципы положить и в основу нового Положения, допуская некоторые изменения из общих и местных Положений о крестьянах.

Новое Положение во многом было повторением или сужением действия Положений 1847 и 1851 годов, в некоторых отношениях даже ухудшением этих Положений, но были в нем и новые, на-

¹ Там же, д. № 1, лл. 277—280 и д. № 2, лл. 119—121.

² Свод материалов по изучению быта гос. кр. Закавказского края, 1887 г., т. I, ч. II, Кучаев, Поземельное устройство гос. крестьян..., стр. 45—48.

правленные к развитию буржуазных отношений в деревне черты, о которых у нас речь будет ниже.

Оно было составлено без участия представителей азербайджанского и армянского «высшего сословия». Это, пожалуй, тоже одна из его особенностей, но царские чиновники так последовательно защищали интересы этого сословия, что ему нечего было беспокоиться.

В другой связи уже отмечено, что нам не удалось ни в архивных материалах, ни в печатных источниках и литературе, ни в армянской прессе найти хоть намек на то, что лишение возможности участия «высшего сословия» Армении в составлении проектов Положения 1870 года вызвало какое-нибудь недовольство или претензии с его стороны; нет и следа того, чтобы оно выдвинуло письменно свои проекты или чтобы его различные группы выступили с различными проектами. Тут нет ничего удивительного, как указано нами выше; прибавим к сказанному еще следующее: правовое и имущественное положение «высшего сословия» Армении к моменту крестьянской реформы было таково, что решение правительственного Комитета положить в основу реформы упомянутые два главных принципа Положений 1847 г. и вообще пересмотр этих Положений в духе местных Положений Грузии уже означало для «высшего сословия» Армении новые привилегии, фактическое уравнение в помещичьих правах с грузинскими и русскими крепостниками. Что могли иметь против этого помещичьи группы Армении или что могли они придумать для себя лучшее? Поэтому они весьма благоразумно припиали реформу, как новую милость со стороны царизма и не затеяли спора с ним из-за мелочей.

В основном все это относится, как нам кажется, и к помещичьим элементам Азербайджана.

* * *

После утверждения наместником, рассмотрения и редакционных поправок Главного Комитета об Устройстве Сельского Состояния и Кавказского Комитета, проект нового Положения был утвержден Александром II 14 мая 1870 года.

Перейдем к его рассмотрению.

В первой статье говорится о том, что «настоящим Положением определяется поземельное устройство государственных поселенцев, водворенных на землях лиц высшего мусульманского сословия: членов бывших ханских фамилий, беков и агаларов, а равно и меликов из армян, в губерниях Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской и в уездах Тифлисском и Ахалцыхском, губернии Тифлисской». После образования Борчалинского и Ахалкалакского уездов Тифлисской губернии Положение распространяется и на них.

По примечаниям к первой же статье Положения его действие не распространяется на большинство владельческих крестьян. По 1-му примечанию действию Положения подлежат «те государственные поселенцы, которые водворены на землях, пожалованных и утвержденных за лицами мусульманского высшего сословия, а равно меликами из армян в Закавказском крае, высочайшим повелением в декабре 1846 года» (т. е. по Положениям 1847 года). Значит, например, в Эриванской губернии, действию Положения не подлежали поселенцы титульных имений, так как пожизненные титулы не имели права собственности на эти имения.¹

По 2-му примечанию Положение не распространяется на «поселенцев, живущих на землях лиц высшего мусульманского сословия, а равно меликов из армян по добровольным с ним условиям». В этих имениях существующие отношения остаются в силе.

По 3-му примечанию к 1-й статье Положения, оно не распространяется и на «поселенцев, водворенных на землях лиц, не принадлежащих к высшему мусульманскому сословию, а равно и к сословию армянских меликов и не имеющих вообще права владеть населенными имениями». А такие землевладельцы вместе с титулантами в Эриванской губернии, «составляли 20% всех владетельских земель на мюлькардарском праве».²

Больше того, так как личные права членов высшего сословия хотя и были рассмотрены временными комиссиями, но не были

¹ Ср. Эсадзе, Историческая записка, т. 1, стр. 577.

² Там же.

утверждены верховной властью, то «Положение 14 мая могло касаться только непогих лиц, утвержденных в правах дворянства».¹

Исследователь крестьянской реформы в Елисаветпольской губернии утверждает то же самое; по его словам поселянская реформа 1870 года «захватывала собою незначительную часть владельческих имений».²

Впоследствии были изданы объяснения и правила к этим трем примечаниям 1-ой статьи Положения. Его действие было распространено на крестьян, живших на землях, принадлежавших армянской церкви, мусульманским мечетям и другим учреждениям. Для имений землевладельцев, по принадлежавших к привилегированным сословиям, утверждены правила 5-го сентября 1877 года, которые распространяются на Эриванскую губернию и на Ахалцыхский и Ахалкалакский уезды Тифлисской губернии, а с 15-го марта 1883 года на все Закавказье, кроме Кубинского уезда Бакинской губернии. Об этих правилах поговорим ниже.³

Так обстоит дело с пределами действия Положения 14-го мая 1870 года.

2. Наделы крестьян

Перейдем к рассмотрению основных начал Положения.

Крестьяне (или по официальному наименованию: поселяне) сохраняют право на земельный надел в постоянное пользование, а право собственности на отведенные в пользование поселян земли остается за владельцами земель (ст. 2). Поселяне за отведенный им надел обязаны отбывать в пользу владельцев повинности (ст. 3). Поземельные отношения между землевладельцами и поселянами определяются уставными грамотами (ст. 4). Поселяне могут приобрести в собственность свои наделы (ст. 5).

¹ Эсадзе, Историческая записка..., т. 1, стр. 577.

² Материалы по изучению..., т. 1, М. Н. Кучаев, Крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии, стр. 456—457.

³ Положение о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. III, Поселянское Положение, сост. М. Н. Кучаев, стр. 1—3.

Крестьяне Эриванской, Бакинской и Елизаветпольской губерний возбудили вопрос о том, чтобы были признаны их собственностью земли, купленные ими у землевладельцев в порядке частных документов, но в этом им было отказано на том основании, что они не являются крепостными и потому могли при покупке земли придерживаться всех существовавших правил, установленных законом для покупки и продажи недвижимых имуществ.

При определении размера крестьянского надела исходили из того, чтобы основные начала Положений 1847 года были в целом сохранены. Это было сделано еще «с целью возможно меньшего потрясения установившегося фактического состояния».¹

Крепостническая суть рескрипта 1846 года 6-го декабря и Положений 1847 года нам известна, и вот в 1870 году под названием крестьянской «реформы» утверждается в этом основном вопросе принцип крепостного творчества Воронцова—Ладинского: больше того, ведь известно, что землевладельцы использовали эти Положения и во многих случаях захватили крестьянские земли. Эти действия узаконены Положением 1870 года статьей 8-ой: «в постоянном пользовании поселян оставляются: все те усадьбы, фруктовые, виноградные и тутовые сады, полевые (пахотные и сенокосные) земли, коими поселяне пользовались до утверждения настоящего Положения». А по статье 7-ой лишались надела крестьяне, «не приписанные в имениях» по камеральному описанию 1859 года.

Многочисленные ошибки этого камерального описания признавались официально, но составители уставных грамот, мировые посредники руководствовались ими, следуя указанию закона. После многих протестов Эриванское губернское по поселянским делам присутствие дало следующее указание мировым посредникам: «право на надел в каждой имении предоставлено поселянам, приписанным к имению по камеральному описанию, а также и тем поселянам, которые хотя и пропущены в камеральном описании, но по

¹ Свод материалов..., т. 1, ч. II, Кучаев, Поземельное устройство гос. крестьян..., стр. 55.

давности водворения, принадлежат к коренным жителям имения; временно проживающие в имении поселенцы не имеют права на надел, хотя бы они и пользовались оным с разрешения владельца». Таким образом, поправляя ошибку мировых посредников по отношению к одной части крестьян, Губернское присутствие своим указанием лишало надела другую часть их. В Елисаветпольской губернии, например, только в 1876 году было сделано общее распоряжение о том, чтобы при отводе надела не нарушать смысла 8-ой статьи.¹

9-я статья Положения давала право землевладельцу оставить за собой «до одной трети общей совокупности земель при имении». Эта статья, при помощи составителей уставных грамот, мировых посредников была использована землевладельцами тоже для того, чтобы, нарушая 8-ю статью Положения, не оставить за крестьянами даже имеющейся земли. Делалось это очень просто: мировые посредники не исходили из того, что сначала нужно обеспечить крестьян наделами, а потом уже из излишка отводить землевладельцам $\frac{1}{3}$ земель имения, а наоборот, землевладельцу отводилась $\frac{1}{3}$ земель, потом определялся надел крестьян, при этом в многоземельных имениях имевшиеся у крестьян излишки не оставались за ними, а отрезывались в пользу землевладельца сверх $\frac{1}{3}$ имения.

При проведении же статьи 10-й, по которой землевладелец обязывался прирезать для крестьян излишки своих земель сверх $\frac{1}{3}$ части имения,—если крестьянский надел не достигал нормы в дес. на каждую мужскую душу свыше 15-летнего возраста,—поступали так: сначала обеспечивали землевладельца $\frac{1}{3}$ имения и, если излишков не оказывалось, то просто сокращали норму крестьянского надела, не трогая норму землевладельца.²

Таким образом, в вопросе крестьянского надела Положением 1870 года является шагом назад по сравнению с Положениями

¹ Материалы к изучению..., т. 1, Кучаев, Кр. реформа в Елисавет. губ., стр. 462.

² Материалы к изучению..., т. 1, Кучаев, Крестьянская реформа..., стр. 462—465.

1847 и 1851 г.г., по которым крестьяне имели право получать на каждую мужскую душу свинью 15-летнего возраста 5 десятин земли, а о праве землевладельца оставить за собой $\frac{1}{3}$ имения и речки не было.

В состав крестьянского надела были включены: «одни только удобные земли» (ст. 12 и 13); солопчаки (3 дес. за 1 дес. удобной земли, но с тем, чтобы они не составляли значительную часть надела, ст. 14); кустарники, находящиеся на поселянских полях и на их покосах, и «пространства», поросшие камышом и состоявшие в постоянном пользовании поселян (ст. 16). «Леса нигде не включаются в состав поселянского надела». Нам уже известно, что с сороковых годов в Закавказье начала утверждаться, с содействием правительства, точка зрения о частной собственности на леса. Положение 1870 года только окончательно оформляет уже существовавшее фактическое состояние.

Базарные и торговые площади, находящиеся в пределах поселянского надела, остаются в распоряжении землевладельца и доход с них попрежнему идет в его пользу (ст. 21). В состав усадьбы крестьян включены земли, находящиеся под жилищами и хозяйственными строениями (ст. 20). Вопрос о пользовании со стороны крестьян выгонами и местами для пастбы скота, а также вопрос об их разделе между землевладельцем и крестьянами Положением не разрешается. Разрешение этих вопросов предоставляется или местным обычаям, или «добровольному соглашению» сторон (ст. 24), т. е. в конце концов произволу землевладельца.

По 25-й статье кочевым обществам предоставляется право в течение шести лет пользоваться владельческими пастбищами на существующих условиях. До истечения этого срока наместником должны были быть разработаны новые «предложения» об устройстве кочевых обществ.

В 1874 году наместник предписал губернаторам заняться этим вопросом и собирать о них необходимые сведения.

Переписка по этому вопросу в Эриванской губернии продолжалась больше 13 лет, и в 1887 году эриванский губернатор еще только высказывал свое предположение о том, что решение вопро-

са о кочевниках нужно связать с вопросом безземельных крестьян губернии... Кочевники же были за все это время предоставлены на произвол землевладельцев.¹

Отвод надела крестьянам должен был проходить в следующем порядке: в двухгодичный срок происходит первоначальное утверждение за крестьянами «всего того количества угодий, которым они доньше пользовались» в прежних местах и границах (ст. 27 и 28). При этом, на основании статьи 9-ой по требованию землевладельца, может совершаться отрез из излишка крестьянского надела в пользу землевладельца, для оставления за ним $\frac{1}{3}$ земли имения (ст. 29—31) или же, по требованию крестьян, на основании ст. 10, прирез крестьянам земли из владельческих угодий для пополнения нормы крестьянского надела (ст. 32—33). Как это происходило в действительности, нам уже известно.

Разграничение угодий землевладельцев и крестьян по взаимному их соглашению может быть произведено во всякое время (ст. 34), обязательное же разграничение в имениях неразмежеванных земель производится по требованию землевладельца или крестьян во время окончательного размежевания каждого имения (ст. 35) и «не более одного раза по каждому селению» (ст. 38). Обязательное разграничение в уже размежеванных имениях по требованию землевладельца или крестьян производится после двухлетнего срока первоначального утверждения надела, или в течение шести лет через мирового посредника; расходы несет та сторона, которая поставила требование разграничения (ст. 40).

Проходя все эти сложные пути и, в конце концов, получая свой куций надел, крестьянин не только не освобождался от угрозы покушений на его надел, но как раз сталкивался с новыми опасностями.

В 41-й статье говорится: «Земля, утвержденная за поселянами на основании уставной грамоты в надел, остается, за установленные повинности, в постоянном пользовании поселяна», а 42-я статья

¹ Свод материалов... т. III, ч. II, Бахтадзе, Кочевники Закавказского края, стр. 123—124 и 129—133.

Положения гласила: «участки поселенской земли усадебные и полевые, состоящие в наделе отдельных поселенских дымов, остаются в потомственном пользовании сих дымов. Порядок наследования подъемными участками и порядок их разделов определяются местными обычаями».

Иначе говоря, в законодательном порядке отменялась господствующая в Азербайджане и в Армении общинная форма землепользования и вводилась форма подворного наследственного пользования в помещичьих имениях не только усадебной, но и полевой землей: в общинном пользовании оставались выгоны и места для пастбища скота и т. д. Словом, по типу местных Положений тифлисского и украинского (малороссийского) переделана почти вся система землепользования, хотя авторы говорят о том, что «соответственно господствующему характеру пользования землею в мусульманских частях края принята система общинного пользования, установленная великороссийским местным Положением».¹

Царизму тем более легко было сделать этот перелом в системе землепользования помещичьих крестьян, перелом, благоприятный для развития буржуазных отношений в деревне, что государство не было озабочено взиманием выкупных денег с крестьян, как в России, так как здесь принцип выкупа с помощью государства не был применен. Следовательно, с государственной точки зрения колониальных эксплуататоров ни община, ни круговая порука в данном случае не были нужны.

Подворное пользование землею в скором времени дало свои результаты: «обоземелению подверглось значительное число, если не большинство поселян в пользу отдельных богачей и влиятельных лиц».² Значит, благодаря этому мероприятию сравнительно быстро шло расслоение деревни, товарно-денежные отношения находили более благоприятную почву для своего развития, а все это было на руку пореформенному царизму, сделавшему шаг на пути превращения в буржуазную монархию.

¹ Свод материалов..., т. I, ч. II, Кучаев, Поземельное устройство гос. крестьян..., стр. 62.

² Там же, стр. 63.

У нас есть много архивных данных о том, что крестьянская масса не мирилась с этим новым порядком землепользования и неоднократно возбуждала ходатайство перед властью о разрешении ей провести уравнительный передел земли, т. е. пользоваться своим старым общинным правом землепользования, хотя неизменно получала отказ.

Крестьяне указывают и на противников уравнительного передела земли в деревне: на кулаков и богатей.

Так, в начале марта 1877 года крестьяне мюлькардарской деревни Агамзалу обращаются с заявлением к Эриванскому уездному мировому посреднику о том, чтобы он приказал «десяти семействам односельцев наших, как зажиточным влиятельным лицам, не препятствовать разными своими выходками производству нами уравнительного надела общественной земли по числу душ каждого семейства», так как «многие пользуются общественной пахотной землей против других домохозяев в самом меньшем количестве».

25-го марта того же года последовало следующее постановление мирового посредника: «Так как уставная грамота на эту деревню уже составлена и введена в действие, по которой утверждены за каждым дымом поселения свои паделльные земли, не подлежащие более никакому изменению, каждый дым должен пользоваться тем количеством земли, который показан за ним по уставной грамоте,—то просьбу поверенных поселян деревни Агамзалу относительно нового уравнительного надела, как незаслуживающую уважения... оставить без последствий, о чем объявить им...».¹

В марте 1885 года поверенные помещичьих крестьян деревни Сабунчи заявляют мировому посреднику Эриванского уезда, что они уполномочены «произвести измерение пахотных земель и пастбищных мест, пахотных земель в деревне Сабунчи в пользовании поселян и затем сделать новый раздел этих земель между теми же поселянами». Поверенные крестьян просят мирового посредника «утвердить этот приговор общества».

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, д. № 507, лл. 1, 3-4.

В постановлении мирового посредника от 4-го апреля 1885 года почти дословно повторяется то, что приведено нами выше, в подтверждение своего решения он ссылается на статьи 41 и 127 Поселянского Положения 1870 года, и «находя по этим соображениям, что вопрос о новом переделе пахотной земли между поселянами деревни Сабунчи после уставной грамоты не подлежит суждению сельского схода, ... мирской приговор, как незаконный не утверждая», возвращает им обратно.¹

В 1911 году мировой посредник Эриванского 1 отдела по поводу получения крестьянами мюлькадарской деревни Ариндж из Крестьянского Поземельного Банка ссуды для одновременной уплаты суммы выкупа, пишет эриванскому губернатору, что в Банке мало знакомы «с действующим в Эриванской губернии Поселянским Положением 1870 года», что по этому Положению ... «право на отдельный и самостоятельный надел землею сохранили по уставным грамотам все приписанные в имени поселяне и в их постоянном и потомственном пользовании оставлены были все те усадьбы, сады, полевые (пахотные и сенокосные) земли, конми они пользовались до мая 1870 года...».

«Из этого уематривается, — продолжает мировой посредник, — что во владельческих селениях не могут быть совершаемы периодически переделы земель, как это разрешается в казенных селениях через каждые 12 лет».

Отсюда же он делает и следующее заключение насчет порядка получения ссуды и уплаты процентов по ссуде для владельческих крестьян: «Конечно, просимая ссуда будет распределена между всеми домохозяевами по размерам их наделов, и уплата процентов по ссуде с погашением ее будет производиться по тому расчету».²

В 1913 году по этому же вопросу есть предписание эриванского губернатора на имя мирового посредника 1-го отдела Эриванского уезда: «Предлагаю... объявить именующим себя поверенными жителей селения Шорли-Демурчи... в ответ на два прошения о

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, д. № 589, л. 23.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 68/91, д. № 162, лл. 10—12.

разрешении им... совершить передел земель по числу наличных душ, что ходатайство их не может быть удовлетворено ввиду того, что в мюлькадарных селениях существует подворное владение, и указанные в уставной грамоте паделы должны оставаться в пользовании тех поселая, за которыми они записаны».¹

Итак, соответствующие власти Эриванской губернии последовательно и категорически запрещали помещичьим крестьянам периодические переделы нахотной земли и вообще всех участков земли, входящих по уставным грамотам в надел отдельных дымов.

«В мюлькадарных селениях существует подворное владение», — объявляет эриванский губернатор. Выжаясь точнее, мы должны сказать, что в мюлькадарских деревнях Положением 1870 года было принудительно введено подворное владение и деревенская масса была отдана на съедение деревенским кулакам.

Так намечалось осуществить крестьянской реформой 1870 года, при сохранении власти помещиков в деревне, развитие капитализма в сельском хозяйстве в Армении. Что этим царям проводил одностороннюю экономическую политику, показывает и следующее обстоятельство.

Одна из последующих статей Положения также составлена в том духе, чтобы способствовать оживлению перехода земли из рук в руки, втянуть в торгово-промышленную жизнь деревни и «посторонних лиц». Вот эта статья (46): «Каждый поселаянин может уступить свой участок, усадебный и полевой, другому поселаянину, принадлежащему к одному с ним поселаянскому обществу: сады же, а равно всякие промышленные и торговые заведения могут быть им передаваемы и лицам посторонним».

Допускался и раздел подымных участков при переходе по наследству, но с тем, чтобы каждая часть полевого участка была не менее 2 ¹/₂ десятины (статья 43).

Крестьяне обязаны были до введения уставных грамот (официально в течение 2-х лет) отбывать для землевладельца почти все существующие повинности, в том числе с урожая земных

¹ Там же, ф. № 28₉₁, л. № 457, л. 5.

произведений, поэтому, в случае необработки полевых земель крестьянами в размере не менее половины надела «умынленно» или «по нерадению», землевладелец вправе требовать за убытки вознаграждение, которое определяется мировым посредником (стр. 49). Как правило, составление уставных грамот не было закончено в течение двух лет и «освобожденные» крестьяне продолжали отбывать в течение всего этого времени личные повинности. Вдобавок они обязаны были вознаградить «убытки» помещика, не имея возможности не только засеять «не менее половины» наделов, но часто оставаясь и вовсе без хлеба.

Оставляя на разрешение местных обычаев пользование водою для искусственного орошения, что, конечно, не всегда являлось гарантией для крестьян против произвола землевладельцев и для трудовых масс деревни против кулацких элементов, Положение в первом примечании к 51 статье создавало новую возможность для произвола землевладельца по отношению к крестьянам, установив, что «по устройству вновь запруд и водоемов и отведению воды на свои угодья поселяне вступают в соглашение с владельцем».

Положением разрешалось отдельным крестьянским дымам отказать от пользования «всею землею своего надела при переходе в другое общество или сословие» (ст. 57), крестьяне могли отказаться от своих наделов или части их (свыше $\frac{1}{2}$ десятины) «и не выходя из общества (ст. 58). Такой участок общество сдает «в наследственное пользование поселянам надежным к отбыванию повинностей» (ст. 59), хотя в статье 61 говорится, что «ближайшее право на участок предоставляется дымам, непаделенным еще землею, или вновь образующимся», но все-таки и в этом случае подразумевалось то, что надо выбирать хозяина, «на котором не числятся педомки» (ст. 63). Если на такой участок «вообще не явится желающих, или не найдется между явившимися надежного хозяина», то участок за соответствующие повинности остается в распоряжении общества (ст. 64), или право на его пользование может продаваться с публичного торга (ст. 65).

Не трудно заметить во всем этом последовательную заботу закона о получении землевладельцем своих доходов. Обеспечение

освобожденными участками безземельных или нуждающихся в земле крестьян фактически стало невозможным. Преимущество оставлено за «надежными», т. е. за имущими, а при определенных условиях предусмотрена возможность присоединения этих участков к имениям владельцев (той же 65 ст.), та же возможность предусмотрена и в отношении садов, находящихся в таких участках (ст. 66). Все это, конечно, в известных пределах также создает условия перехода крестьянской земли не только к помещику, но и к зажиточным элементам деревни, следовательно, частично также направлено к оживлению в деревне новых буржуазных отношений за счет обезземеления крестьянских трудовых масс, которым индивидуально был облегчен отказ от падеда.

Кроме права индивидуального отказа от пользования землей Положением разрешалось и крестьянскому обществу «по добровольному соглашению с землевладельцем отказаться от части состоящего в его постоянном пользовании общего земельного падеда», но не более 1/4 части (ст. 68). По этому вопросу Комитетом об устройстве крестьян будто бы сделаны «уступки», в связи с особенностями землевладения в Восточном Закавказье, где с официальной точки зрения не было крепостного права. Поэтому для владельческих крестьян не был введен 9-летний обязательный срок пользования падедными землями, как это было принято по отношению к крепостным крестьянам.

По отношению к этим «свободным» крестьянам была придумана мера, которая фактически обязывала крестьян бессроочно пользоваться владельческой землей, почти лишая их возможности перехода. Применение этой меры к сельскому обществу в целом, или, другими словами, введение в Положение 68-й статьи мотивировалось тем, что среди мусульманского населения есть увлечение к переселению в соседние единоверные страны. К этому только нужно добавить, что «увлечение к переселению» в значительной мере связано с помещичьи-чиновничьим и колониально-национальным гнетом, тяготевшим над крестьянскими массами, и было одним из пассивных выражений протеста против существующего режима и что во время «освободительной» реформы царские чинов-

ники ничего не могли придумать против этого «увлечения», кроме почти полного прикрепления крестьян сельскими обществами к земле на основе ненавистного для них крепостного режима. Но ведь у армянских крестьянских масс не было этого «увлечения», а Положение было написано и для них. Далее, ведь возможность отказа от $\frac{1}{6}$ части общественного надела ставилась в связь с добровольным соглашением с землевладельцем, а это «добровольное согласие» его могло последовать только в тех случаях, когда он сам был бы заинтересован освободиться от отказывающихся от земли крестьян, чтобы присоединить их наделы к своему имению, как это установлено 69-ой статьей.

Таким образом, в статье 68-ой в действительности не было никакой уступки в пользу «свободных» государственных поселян Восточного Закавказья, и они сельскими обществами фактически оставались прикрепленными к владельческой земле. Крепостнические принципы рескрипта 6-го декабря и Положений 1847 и 1851 годов в этом важном для крестьян вопросе по существу почти оставлены без перемол.

Значит, в этом отношении между Положением 14 мая 1870 года и Положениями России и Грузии в основном почти нет разницы.

Все это ясно отражено и в тех статьях Положения, которые относятся к определению повинностей крестьян в пользу землевладельцев.

3. Повинности крестьян

Все повинности крестьян до введения в действие уставных грамот (в течение двух лет) сохраняются в прежнем виде и «свободные» крестьяне продолжают отбывать в пользу землевладельцев не только все повинности натурою, всеми произведениями земли, но и личные повинности «прислугою и рабочими днями». Единственное «изменение», внесенное в отбывание повинностей, относится к Ахалцыхскому уезду Тифлисской губернии, где существующие сборы с «предметов» хозяйства крестьян, как то: скота, птиц, мяса, сыра и т. п. были отменены со дня издания Положе-

ния, но как дважды особо отмечается (в ст. ст. 71 и 72), с этого же дня взамен этих сборов устанавливается денежная повинность. С введенным же уставных грамот опять-таки сохраняется существующая натуральная повинность с урожаем всех земных произведений под названием малджегат или багра, а взамен повинности «рабочими днями» вводится денежная повинность (ст. 72).

Интересны мотивы сохранения системы отбывания повинности земными произведениями. «Принципиально» Комитет об устройстве крестьян находил, что эта «система не может считаться состоятельной», ее замену денежной системой и наместник считал весьма желательной. Начальник Елисаветпольской губернии «прямо заявил о пользе и самой возможности переложения в то время существовавших повинностей на деньги», и все-таки это не было проведено в жизнь, в связи с тем, «что внезапное изменение способов отбывания повинностей, веками установившихся и обычаями освященных, могло бы произвести потрясение между населением, недоверчиво относящимся ко всяким переменам в его отношениях к землевладельцам». (Курев паш.—В. Р.). Наместник в отложении на имя Кавказского комитета к этому добавляет следующее: «При крайней подозрительности мусульманского населения, всякое изменение... обычаев может подать повод к ложным толкам и к волнениям». (Курев паш.—В. Р.).¹

Одновременно официальные же сведения губернаторов говорят о том, что во многих местах «по добровольному соглашению землевладельцев с поселянами» натуральные повинности заменялись денежными. Оказывается, что крестьяне против замены натуральных повинностей денежными не только не были враждебно или подозрительно настроены, но сами шли на это в трудных для них условиях «добровольного соглашения» со своими помещиками.

Причине осторожности и боязни правительства во время составления и проведения Положения 1870 года вскрывает много лет спустя наместник Воронцов-Дашков в своем «Отчете» от 22-го

Свод материалов..., т. I ч., II, Кучаев, Поземельное устройство..., стр. 58—59.

ноября 1905 года: «Насколько высокой являлась уплата повинностей долями урожая, доказывается тем, что при переводе этих повинностей—багры и малджегата—на деньги для определения выкупной стоимости земли все работы в этом направлении, начиная с 1873 года, дали такую несообразно высокую стоимость за десятина, что пришлось отказываться от этого способа».

Именно эту высокую уплату повинностей долями урожая правительство не рисковало тогда заменить денежной системой отбывания повинностей и до 1912 года не заменило. Правительство боялось, что «всякие изменения» в этом направлении могут дать повод «к волнениям», и совершенно основательно было убеждено в том, что крестьянские массы вполне заслуженно с недоверием относятся ко всяким исходящим от правительства переменам в их отношениях с землевладельцами. А так как уменьшить повинности крестьян в ущерб интересам землевладельцев для правительства было немыслимым, то выход был найден в том, что натуральные повинности крепостнических времен, малджегат или багра, были оставлены в неприкосновенности: по имениям ханским, бекским, агаларским и меликским в Бакинской и Елисаветпольской губерниях и в Тифлиском уезде Тифлисской губернии и по имениям бекским в Ахалцыхском уезде Тифлисской губернии в количестве $\frac{1}{10}$ части урожая всех земных произведений, по имениям жюмьюкадарским в Эриванской губернии— $\frac{1}{30}$ части урожая.

В Эриванской губернии, кроме того, была сохранена денежная повинность с огородов и бостанов по 80 коп., а с садов по 1 р. 20 коп. за каждые 10 батманов или с 3 пудов посева пшеницы (360 кв. саж.) (ст. 76).

Положением 20 апреля 1847 года для каждой семьи было установлено отработать в пользу землевладельца 20 рабочих дней или за каждый рабочий день уплатить 20 коп. деньгами, что составляет 4 рубля в год. Эта повинность «рабочими днями» была заменена подесятинным обложением крестьянского надела со следующим расчетом: считая каждый дым в 3 души мужского пола свыше 15-летнего возраста, в среднем принято для дыма 15 десятин земли, а за каждую десятину— $400:15=26\frac{2}{3}$ коп. По Положе-

нию же 28-го декабря 1847 года тот же расчет дает следующий результат— $8 \times 10 = 80$, $80 : 15 = 5\frac{1}{3}$ коп. за десятину. Суммы оказались Комитету ничтожными, выведенными из устарелых оценок рабочих дней, и решено было обновить их и округлить: для бежских крестьян была определена подесятинная повинность за крестьянский надел 30 коп. и для агаларских—15 коп.

Много раз цитируемый нами автор, Кучаев между прочими нарушениями отмечает и то, что Комитетом было нарушено основное правило Положения 19 февраля 1861 года, по которому «однажды установленный оброк не может быть возвышаем».¹

Но ведь все Положение явилось «нарушенном» основных прав крестьянских масс в пользу землевладельцев...

Для Эриванской губернии в связи со статьей 72 в 1875 году 14 мая были утверждены новые правила об изменении порядка получения тиульных доходов. В тиульных имениях Эриванского, Эчмиадзинского, Ново-Баязетского и Нахичеванского уездов были отменены повинности крестьян всеми земными произведениями (багра) в размере $\frac{3}{30}$ части урожая и денежный сбор в размере 2 р. 50 коп. с дыма в пользу тиулистов, и вместо этих доходов тиулистам была назначена пожизненная пенсия, равная этим доходам. Способ переложения багры на деньги должен был определять наместник. Пока государство не начало выдавать пожизненную пенсию тиулистам, они продолжают требовать с крестьян установленные ранее повинности; впоследствии же крестьяне освобождались от этих повинностей и подвергались государственному обложению наравне с крестьянами, подчиненными закону 14 мая 1870 года.

Тиульное право признается пожизненным правом, а тиулистами только те лица, которые вошли в свое время в список, представленный наместником кавказским в Кавказский Комитет.²

¹ Свод материалов.... т. 1, ч. II, Кучаев, Поземельное устройство..., стр. 60—61.

² Положения о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. III, стр. 77—78.

О тгуллетах, кроме изданных правил 14 мая 1875 года, Кавказским Комитетом было вынесено постановление: «предоставить наместнику кавказскому» возбудить особое ходатайство в тех случаях, если тгуллет представит «...такие жалованные от прежнего персидского правительства (от самого шаха, наследника персидского престола или от Эриванского хана) грамоты, в которых определенно выражено потомственное пожалование тгула и которые при том были надлежащим образом засвидетельствованы в бывшем Армянском областном правлении»...

Даже в таких случаях не должно быть возбуждено ходатайство о наследственной пенсии, а должен быть указан какой-нибудь другой способ удовлетворения.¹

Иной подход к наследственной тгульской пенсии был во время Николая I. По личному распоряжению Николая I весь доход с пяти тгульских деревень (Джавриж, Арказан, Даллар, Арнич и Бюмши) Мелик Саака Агамалова был назначен его детям в качестве наследственной пенсии.² Предоставление наследственной пенсии детям мотивируется здесь заслугами их отца, оказанными русскому правительству. Вопрос о заслугах снимается в правилах 1875 года, но в них право получения хотя бы пожизненной пенсии признается за теми лицами, которые вошли в список тгуллетов, представленный наместником Кавказскому Комитету.

Постановлением Сената от 23 сентября 1894 года по поводу тгульских прав какого-то Мелик-Каракозова на деревню Итгни вопрос о праве пользования пожизненной тгульской пенсией ставится в другой плоскости. «Из буквального смысла» правил 1875 г. следует «признать тгуллетами не тех лиц, которым это право было предоставлено, и не тех, за которыми оно значилось по ведомости, представленной наместником Кавказским, а лиц действительно пользовавшихся этим правом в день издания тех правил».³

При этом безразлично, как приобретено право тгула, покупкой

¹ ЛОЦИА, Дело Кавказского Комитета, 1874 г. № 170, лл. 1—3.

² ЛОЦИА, Дело канцелярии Кавказского Комитета № 283-а (бывш. 23) 1842—55 гг.

³ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7₇₀, д. № 675, лл. 2—4.

ли, или полученном в дар, не имеет значения и сословная принадлежность тиулиста, лишь бы он фактически пользовался этим правом до издания правил 1875 года.

Таково последнее решение царизма о тиульном праве.

Итак, в период усиленной крепостнической политики по отношению к Закавказью, в 40-х годах, царизм, даже отказывая тиулистам в праве помещиков, иногда находил возможным признавать их права на наследственную пенсию из-за заслуг перед русской властью во время завоевания Армянской области. В эпоху крестьянской реформы царизм уже успел забыть о бывших заслугах местного «высшего» сословия, уже не считался с ними и находил достаточным, в согласии с общим полукрепостническим духом реформы, не обижать «родовитых» представителей тиулистов, обеспечив им только пожизненную пенсию. Когда же к концу века тиулы по тому или иному пути оказались в руках и «неродовитых» помещиков, «обуржуазившемуся» царскому сенату пришлось отказаться от признака «родовитости», т. е. сословности и стать на позицию защиты пожизненных пенсионных прав тиулистов вообще, без различия их происхождения.

По Положению 1870 г. во все вышеприведенные повинности за крестьянский надел не входят: 1) плата за «лесное довольствие», 2) плата и вообще всякие повинности с мельниц, принадлежащих крестьянам, а также с рыбных промыслов и других оброчных статей; если за них крестьянское общество или отдельные лица вносили особую плату (ст. 74), землевладелец продолжает за все это получать особый доход. Значит, не только за надел, но и за разные промысла (и за пользование лесом) крестьяне попрежнему продолжают нести повинности.

Положением разрешается, до общего распоряжения в законодательном порядке, по добровольному соглашению между землевладельцем и крестьянами, замена маджегата или багры денежною повинностью (примечание 2-е к статье 72), разрешается также замена их «работами», но только на три года, с правом удлинить срок еще на три года и с тем, чтобы соглашение было засвидетельствовано мировым посредником (примечание 3-е к ст. 72). По-

видимому, все эти «ограничения» введены в связи с тем, что даже царскому правительству было неловко без них сохранить или рекомендовать трудовые повинности, т. е. по существу крепостническую барщину, или обязательную работу в пользу землевладельца. Но в 76-й статье сказано: «поселянам предоставляется, буде пожелают» денежную повинность заменять малджегатом или багрою. Эта замена через мировых посредников допускается до тех пор, пока малджегат или багра в законном порядке будут переложены на деньги и с тем, чтобы размер всего малджегата или багры не превышал $\frac{1}{8}$ части по имениям ханским, бекеким и меликским в Бакинской и Елисаветпольской (за исключением Казахского уезда) губерниях и $\frac{1}{9}$ части по имениям агаларским и меликским в Казахском уезде Елисаветпольской губернии и в Тифлиском уезде Тифлиской губернии и по бекеким имениям в Ахалцыхском уезде Тифлиской губернии.

Положение, таким образом, «не возражает» против восстановления феодально-крепостнической формы отбывания крестьянами всех повинностей натурою, тогда, когда для Ахалцыхского уезда, как указано выше, одна из ее форм была объявлена отмененной с введением этого же Положения.

Положение устанавливает порядок индивидуального взноса повинностей крестьянами (ст. 82) и для каждого дыма отдельной ответственности за исправный взнос (ст. 85).

Только в тех случаях, когда по разным причинам «упразднившиеся участки» тех или иных крестьян временно переходят в распоряжение сельского общества (ст. 59), за повинности этих участков «отвечает перед землевладельцем все общество, за круговую порукою всех членов» его (ст. 86).

Срок взноса повинностей определяется добровольным соглашением между поселянами и землевладельцами (ст. 79), но «независимо от сего, губернское по поселянским делам присутствие устанавливает общие для взноса повинностей сроки» для применения их в тех случаях, когда нет добровольных соглашений (ст. 80). Порядок взимания малджегата или багры (т. е. из каких произведений земли, в каком виде должны они взиматься и на какие рас-

стоиния должны перевозиться крестьянами), также предоставляется добровольному соглашению, а в случае его отсутствия определяется официальным порядком через мировых посредников, с тем, чтобы этот порядок «не был для поселян образительнее ныне существующего» (83). Об облегчении нет и в помине.

Некоторыми из эриванских землевладельцев был возбужден вопрос о том, чтобы мюльк (доход) с земных произведений относился и к саману. Это обращение было отклонено наместником в 1881 году. А еще до этого Эриванское губернское по поселянским делам присутствие «разъяснило, что поселяне мюлькадарских деревень должны выделять землевладельцам мюльк с хлебных земных произведений снопами с токов перед началом молотбы; при молотбе же ими этих произведений собственными средствами, они могут весь саман оставить за собою, как плату за молотбу».¹

Несмотря на эти постановления, мюльк с самана продолжал взимать и впоследствии: «В мюлькадарских селениях Эриванской губернии в целях успешного взимания мюлька, в каждом селении установлено общественное гумно, куда должен быть свезен весь урожай, и на нем обмолочен, после чего выделяется мюльк в ⁴/₂₀ зерна, соломы и мякины. Никто не имеет права свезти свой хлеб прямо к себе».²

В том же 1881 г. Эриванское губернское по крестьянским делам присутствие обращает внимание мировых посредников на то, что землевладельцами нарушается порядок взимания натуральных повинностей, багра требуется во время увеличения цен на сельскохозяйственные продукты, кроме того, ими нарушается ст. 84 тем, что не выдаются расписки крестьянам о получении с них повинностей.³

Положением 1870 года 14-го мая особое внимание уделяется обеспечению исправного взноса крестьянами повинностей мерами

¹ Положения о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. III, стр. 30.

² И. А. Сегаль, Крестьянское землевладение в Закавказье, Тифлис, 1912 г., стр. 23.

³ Положения..., ч. III, стр. 31.

крепостнического характера. Повинности в пользу землевладельцев «взыскиваются с тою же строгостью, как и государственные податные сборы» (ст. 88), «сельское начальство» обязывается строго наблюдать, чтобы маджегат или багра были доставляемы крестьянами землевладельцу в установленные сроки и «в надлежащем виде и целости» (ст. 89); «в случае послабления со стороны сельского начальства к крестьянам» в исполнении их обязанностей, мировым посредником определяется взыскание с поселян и сельского начальства для удовлетворения землевладельца (ст. 90).

Оставшиеся в недоимке за крестьянами натуральные повинности переводятся в денежную (ст. 91) и вместе с другими денежными недоимками «взыскиваются с наложением пени, по одной копейке в месяц с каждого рубля», (ст. 92).

«Для облегчения поселянам платежа недоимок»,—как говорится в 93-й статье,—землевладельцу предоставляется вступать с поселянами в добровольное соглашение об определении задельной платы (таксы), по которой недоимщики должны, под строгим наблюдением сельского начальства, отрабатывать на работе землевладельца.. накопленные ими недоимки.

Таким образом, под видом «добровольного соглашения» и «облегчения» положения крестьян, фактически сохраняется обязательная работа в пользу землевладельца, т. е. барщина.

Если же между землевладельцем и крестьянами соглашение не состоится, или крестьяне будут уклоняться от работ, тогда сельское начальство обязано с ведома и разрешения мирового посредника принимать следующие меры для исполнения недоимок: взыскивать доход с недвижимого имущества недоимщика для покрытия недоимок; посылать недоимщика или члена его семьи на заработки к односельчанину или самому землевладельцу (в последнем случае с его согласия и не против воли крестьянина); посылать его или члена его семьи на заработки на сторону, в пределах губернии, не лишая, однако, хозяйство единственного работника,— а вне пределов губернии тех, которые «не платят повинностей по упорству, перадеанию или распутству»; определять к недоимщику опекуна, без разрешения которого он не может отчуждать что-ли-

бо из своего имущества или доходов, или, не выселая его из усадьбы, вместо него назначить другого хозяина; «подвергнуть опись и продаже принадлежащее лично ему недвижимое имущество»; «распорядиться о продаже той части движимого имущества и строений недомщика, которая не составляет крайней необходимости в его хозяйстве» (ст. 95).

В довершение ко всему этому, если все вышеизложенные «меры взыскания окажутся недостаточными, а недопмки возрастут до годового оклада повинности», землевладелец может требовать, чтобы недомщик был лишен права постоянного пользования участком и с публичных торгов его участок вместе с усадьбой был передан другому крестьянину (96).

Таким образом, землевладелец и мировой посредник, имея в своем распоряжении «сельское начальство», были облечены всеми правами, чтобы сохранить в деревне отработки, посылать крестьян на заработки для покрытия их недопмок в пределах губернии и вне губернии, подвергнуть его хозяйство опеке, или отстранять его от его хозяйства, продавать не только движимое имущество, но и строения крестьянина, даже в конце концов лишить его и участка земли, т. е. обезземелить его.

4. Уставные грамоты

После утверждения общих принципов о наделе и о повинностях, Положением 1870 года устанавливается применение их к каждому имению, к каждой деревне по уставным грамотам, составление которых не было предоставлено, как в России, или в Грузии, землевладельцам, а было передано в руки мировых посредников, должность которых в связи с крестьянской реформой была учреждена как всюду в России, так и в Армении. Для проведения же в жизнь Положения и для общего руководства всеми работами, связанными с его применением, были созданы губернские по поселянским делам присутствия.

«Уставная грамота, по каждому имению, должна быть составлена и окончательно введена в действие в течение 2-х лет со дня опубликования Положения» (ст. 101).

При составлении мировым посредником уставной грамоты участвуют владелец имения и крестьяне, или их представители (ст. 103). Пишется она на русском языке с переводом на местный язык (1-е примечание к статье 109).

Мировой посредник за 15 дней до составления уставной грамоты посылает повестку к землевладельцу и крестьянам, но если в назначенный срок не останавливает составление грамоты мировым посредником (ст. 111). В уставную грамоту включаются только условия, определяющие постоянные поземельные отношения землевладельца и крестьян, а всякие срочные сделки между ними прилагаются к грамоте как приложения (ст. 110).

Вот, например, «условия» молькадара титулярного советника Агамала Мелик Агамалова, предъявленные в 1872 году мировому посреднику Эриванского отдела для внесения в уставную грамоту «относительно отбывания мне жителями деревни моей Юва молька»: :

1) по окончании жатвы пшеницы и ячменя «жители своими средствами перевозят посеvy на гумно, где и молотят их... собирают в кучу, и в это время назначенный мною саркяр (сборщик), который находится на молотильне и наблюдает за действиями поселян, прикладывает деревянную печать (тадж) вокруг зерновых куч, а на другой день делает он проверку, если печать на месте, то дозволяет поселянину очистку;... затем поселяне платят мне или моему саркяру следующую мне часть зерном. Таким же точно порядком поселяне отбывают мне повинности и из других произведений, как то: из льна, кукиута, проса и проч.».

Все это крестьяне обязаны перевозить «по указанию моего саркяра из гумна в амбар, в деревне же»;

2) при уборке хлопка крестьяне «с согласия моего или моего саркяра делают а з и р, т. е. определяют на месте сколько и в каком количестве они обязаны давать землевладельцу в очищенном виде хлопка», если же «соглашения не последует, тогда жители обязаны перевезти коконы на ток и платить мне следующую часть кокопами»;

3) крестьяне платят «мюльк с самана» деньгами по определению саркяра, если соглашение не последует, он «получает следующую мие (часть) саманом по примеру прежних лет и жители перевозят мюльк из гумна в саманник в деревне же»;

4) «жители деревни моей Юва косят енджу (клевер.—В. Р.) три раза в год и следуемый мие мюльк доставляют в деревню для складывания по указанию саркяра»;

5) далее мюлькадар требует, чтобы «собственные посевы мои и сад постоянно сращались из общей капавы деревни моей Юва»;

6) в уставную грамоту должен быть внесен и такой пункт: «общее количество пахотной земли у поселяи не приведено в известность инструментальным измерением, а только основано... на частном измерении через местного танафчи, а потому,... если при размежевании окажется лишняя земля, то поселяине обязаны также отбивать мие с той земли мюльк с 30-ти четвертую»... (часть);

7) поселяине также обязаны перевозить мюльк из деревни в Эривань.

Об этом он и «особо подал прошение» мировому посреднику, но получил от него отказ. Из архивного дела видно, что сам мюлькадар принужден был в 1874 году отказаться от этого последнего требования.¹

Приведенные пункты «условий» мюлькадара, тон его по отношению к крестьянам «деревни моей Юва» сами говорят за себя; по уставной грамоте для него ничего не должно измениться, а существующее должно получать только законное оформление.

В том случае, если возникает спор между землевладельцем и крестьянами о количестве наделной земли крестьян, мировой посредник «производит приблизительное измерение земли или через землемера», или местными домашними средствами (ст. 116). Мировой посредник по всем другим спорным вопросам выносит свое решение, но недовольная сторона может обжаловать его решение (ст. 117). Если землевладелец не показывает количества наделной крестьянской земли для внесения в уставную грамоту,

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7₇₀, д. № 471, лл. 2—3. 29—30.

то мировой посредник определяет это на основании показаний крестьян, однако, проверяя их показания и другими сведениями (ст. 120).

Особой статьей (119) Положения вменяется в обязанности местной полиции немедленно исполнять все законные требования мирового посредника. Составленные мировым посредником уставные грамоты утверждаются им самим и вводятся в действие (ст. 124), за исключением следующих случаев, требующих утверждения Губернского по поселянским делам присутствия: когда в грамотах предполагается «отрезка» земли от крестьянского надела в пользу землевладельца на основании 9-й статьи; когда предполагается уменьшение надела, установленного этим Положением; когда грамоты касаются имений, падающихся в опекуном управлении (ст. 129).

Для введения в действие утвержденной уставной грамоты мировой посредник прочитывает ее владельцу и крестьянам, объясняет все статьи, затем выдает им копии с грамоты (ст. 126), он обязан и указывать крестьянам их надел (ст. 127).

О том, что из себя представляют уставные грамоты, как мировые посредники использовали свои огромные права при их составлении и проведении, в чьи руки была передана судьба крестьян в момент «освобождения», лучше сказать словами царского историка крестьянской реформы в Закавказье. Оказывается, что «уставные грамоты обратились в томы исписанной бумаги, и за каждую копию с грамоты владельцам и поселянам приходилось расплачиваться несколькими сотнями рублей». Далее: «как справочный документ, уставные грамоты ввиду допущенных преднамеренных и непреднамеренных неправильностей, пропусков и ошибок, мало пригодны». Выясняется, что вследствие «преднамеренных неправильностей» (конечно, не только из-за них и не главным образом из-за них. — В. Р.) «уставные грамоты ни в чем существенном не отражали интересов поселян, а землевладельцам они дали лишь оружие... к захватам казенных земель».¹

¹ Свод материалов..., т 1, ч. II, статья Кучаева, стр. 68—69.

Вышему царскому чиновнику М. И. Кучаеву в колонии своего правительства бросается в глаза захват казенных земель местными помещиками, нас же интересует констатирование его устами того факта, что Положение не только не дало землю крестьянам, но и создало условия для захвата их земель помещиками. Тот же автор более откровенен в разоблачении уставных грамот и их составителей в своем отчете о реформе в Елисаветпольской губернии, где среди мировых посредников фигурируют уже не только люди лично пристрастные «к землевладельческим интересам», но и всякие типы вплоть до уголовных, подкупленных помещиками и прямо заставляющих крестьян отказаться от земли в пользу беков. И все же, «хотя оставлять в настоящем виде уставные грамоты» невозможно, но и исправлять все грамоты «было бы неудобно, так как это могло бы поколебать в населении доверие к распоряжениям правительства», тем более, что «мало существует вероятия надеяться, чтобы вновь не повторились в известной степени прежние ошибки и несообразности».¹

Мягко сказано, но все понятно...

Все это написано в половине 80-х годов прошлого века, 15 лет спустя после проведения «реформы» в официальном докладе члена Совета Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе. Еще 20 лет спустя с таким признанием выступил уже не кто иной, как сам наместник. В 1908 году Воронцов-Дашков в своем циркуляре на имя губернаторов о мировых посредниках и о их деятельности писал, что прав один из губернаторов, когда их деятельность в громадном большинстве случаев считает «ниже всякой критики». Мировые посредники не интересуются «ни жизнью, ни бытом, ни положением вверенных их попечению крестьян». Крестьяне же «относятся к ним без надлежащего доверия и даже совсем перестают обращаться за их содействием». В результате получается, что «институт мировых посредников не дает населе-

¹ Материалы по изучению..., т. 1, Кучаев, Крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии, стр. 466—469 и 471.

нию... ничего положительного и ни в чем не улучшил его быта».¹ Но зато он очень много дал землевладельцам, за счет ухудшения быта крестьян улучшил положение помещиков, прибавив от себя.

Таковы были уставные грамоты и их составители, в руки того «института» была передана судьба крестьян.

5. Условия выкупа

Положением 14 мая предоставлялось право крестьянам и целыми обществами и отдельными дымами приобретать в собственность свои наделы по соглашению с землевладельцем (ст. 133) и без его согласия со следующими ограничениями: каждый дым имеет право выкупать не более 15 десятин, но и не менее $7\frac{1}{2}$ десятин, «если имеет надел до сего размера» (ст. 134). При выкупе крестьянами своего надела землевладелец вправе удержать за собою $\frac{1}{2}$ своих удобных земель, если при этом на каждый крестьянский дым останется по $7\frac{1}{2}$ десятин; «во всяком же случае владелец может оставить за собою до 30-ти десятин удобной земли» (ст. 135). Требованиям крестьян о выкупе земли преимущественно представляется мировому посреднику, он исчисляет выкупную сумму посредством капитализации из 6% (т. е. умножения на $16\frac{2}{3}$) всех новинностей, определяет сроки взноса выкупной суммы (ст. 136); недольная сторона имеет право с жалобой обращаться в губернское по поселанским делам присутствие, решение которого хотя и окончательно, но крестьяне при желании могут отказаться от выкупа (ст. 137). Для способа оценки натуральных новинностей по деньгам, определения сроков уплаты выкупных денег указания даются наместником кавказским (примечание к статье 136).

Выкуп крестьянами их надела как по соглашению с землевладельцем, так и без его согласия, совершается без содействия правительства, без правительственного кредита (ст. 139). Таким образом, в вопросе о выкупе помещичьи крестьяне Армении и Азербайджана были поставлены в исключительно тяжелое положение.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, д. № 34, л. 35.

То, что дапо было им, по сравнению с помещичьими крестьянами России и Грузии, в виде особой привилегии, а именно право требовать выкупи, было сопряжено с такими ограничениями и с такими невыполнимыми условиями (в частности, оценка натуральных повинностей на деньги), что «выкупная операция в мусульманских провинциях (читай в Азербайджане и в Армении.—В. Р.) не получила никакого осуществления и во весь истекший период со времени издания Положения, не возникло ни одного случая выкупа поселянами своих наделных земель, ни целыми обществами, ни отдельными дымами».¹

Это написано в 1887 году, семнадцать лет спустя после проведения реформы. Чего только стоит один этот факт при оценке «реформы» в Армении и в Азербайджане!

У нас имеется архивный материал об одном случае, когда поверенные крестьяне мюлькадарской деревни Бекджазлу в 1880 г. обращаются к мировому посреднику Эриванского уезда с таким заявлением: мы желаем «выкупить находящиеся в пользовании нашим и наших доверителей (земли) по определенной правительством оценке; имеем честь... просить распоряжения об описи, оценке, равно и укреплении за нами мюлькадарских земель наших установленным порядком. Причитающуюся же с каждого из нас плату за землю обязываемся внести по объявлении нам следуемой суммы...».

Количество земли, предлагаемое к выкупу, составляло «38 халваров по уставной грамоте», т. е. около 95 га.²

Неизвестен результат этого заявления крестьян о выкупе наделной земли по своей инициативе; но что бы то ни было, такие единичные случаи только подтверждают общее правило, что в Армении фактически был невозможен выкуп земли крестьянами.

В 1905 году о том же вопросе Воронцов-Дашков в своем «Отчете» пишет: «этот переход... (переход к выкупу.—В. Р.) был фак-

¹ Спод материалов..., т. 1, ч. II, стр. 64—65.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7₇₀, д. № 522, л. 6.

тически невозможен, так как он равносильен был полному разорению крестьян.¹

Для перехода к выкупу в 1872 году Комитет об устройстве крестьян при Главном управлении наместника кавказского с утверждения наместника установил следующие принципы и о них постановя в известность губернские по поселянским делам присутствия:

«во-первых, оценка (натуральных повинностей.—В. Р.) должна быть произведена по средним справочным, хотя бы трехлетним, ценам, кои могут существовать в той или другой местности;

во-вторых, стоимость повинностей должна быть определена по годовому ее количеству и

в-третьих, стоимость определенной годовой повинности маложгата или багры, а равно количество годовой денежной повинности, отбываемой поселянами... должны быть капитализированы из 6%, т. е. помножены на $16\frac{2}{3}$.

Исчисленная на сем основании капитальная сумма составит размер выкупной суммы»..

Вопрос о сроке уплаты крестьянами выкупной суммы Комитетом окончательно не был решен, так как он считал необходимым подвергнуть этот вопрос «предварительному рассмотрению губернских присутствий», все же Комитет считал нужным прибавить, «что по его мнению было бы полезно не распространять срока для уплаты поселянами владельцу всей выкупной суммы более трех лет со дня окончательного разрешения губернским присутствием выкупа»; мотивируется это тем, «что если поселянам предоставлено право требовать выкупа помимо желания владельца, то справедливость требовала бы успокоить владельца скорым вознаграждением за его землю».²

¹ Цитирую по копии «Отчета», имеющейся в Центр. Гос. Архиве Арм. ССР, стр. 40.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, дело № 467 лл. 2. 6 и 7, Главное Управление наместника кавказского. Комитет об устройстве крестьян, 14 июля, 1872 г., № 259. Выписка из журнала Комитета... 10-го февраля и 31 марта 1872 г.

Такую трогательную заботу проявлял Комитет об успокоении помещиков.

Посмотрим, что означали в действительности выработанные Комитетом принципы выкупа для крестьян.

Губернские по поселицким делам присутствия в 1873—1876 годах определили выкупную цену десятины наделной земли крестьян в разных районах Закавказья, на которые распространялось действие Положения 14 мая 1870 года.

Получились такие цены за десятину высшего качества наделной земли:

в Тифлисской губернии	60 руб. 50 к.
в Бакинской губернии	69 руб.
в Эриванской губернии	122 руб.
в Елизаветпольской	202 руб.

Эти результаты, как говорит в своем «Отчете» 1905 г. Воронцов-Дашков, были «совершенно неожиданные» для самих властей, «потому определение выкупной стоимости земли было произведено на других основаниях».

По этим новым расчетам получилась высшая выкупная цена за десятину полевой земли первого разряда»:

в Эриванской губернии	53 руб.
в Бакинской губернии	43 руб.
в Елизаветпольской губернии	42 руб.

Против применения этих норм возражало Тифлисское губернское присутствие, оно стояло за первые нормы.

В 1885 г. все дело о выкупе было представлено Советом Главноначальствующего в министерство внутренних дел, которым оно было возвращено в ...1897 году с отзывами министерств финансов и государственных имуществ для новой разработки.

Согласно их указанию, закавказские власти снова настанвали на оценке натуральных повинностей по правилам 1873 года в этот

раз уже как для «владельческих крестьян» Армении и Азербайджана, так и для «помещичьих крестьян» Грузии.¹

Так занимались закавказские чиновники и царские министры вопросом о выкупе и так дотянули временно-обязанное положение для закавказских крестьян до 1912 года.

Но те же закавказские чиновники проявляли максимум проворства и хитроумия, когда при составлении уставных грамот возникали вопросы, могущие в будущем затрагивать интересы помещиков в случае выкупа земли крестьянами и создать «неудобства» в последовательном проведении принципа отмены переделов в мюлькадарских деревнях и в установлении подворно-наследственного землепользования для этих крестьян.

Эриванское губернское по поселянским делам присутствие в октябре 1871 года возбудило перед Комитетом об устройстве крестьян такой вопрос: «...в случае, если владелец не имеет вовсе земли в своем непосредственном распоряжении, не следует ли при составлении уставной грамоты выделить ему 30 десятин земли, которые он вправе удержать за собою при выкупе поселянами своего надела по статье 135 Положения 14 мая 1870 года».

Комитет в ноябре того же года соглашается с «мнением Эриванского губернского присутствия о пользе возможного устранения неудобств, которые могли бы возникнуть от необходимости передела при применении ст. 135... в случае выкупа..., признает, однако, необходимым обусловить приведение оного в исполнение не только с желанием владельца, но и с согласием самих крестьян».

А «согласие» крестьян рекомендуется получать «при должном содействии и разъяснении со стороны местных мировых посредников», после чего «указанную владельцем землю оставлять свободною от подымного надела, предоставляя сную в совокупное пользование поселян за установленную в пользу владельца повинность, и вносить о том в уставную грамоту, с допесением для сведения и Губернскому присутствию».²

¹ «Отчет» Воронцова-Дашкова в 1905 году., стр. 17—21.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, дело № 449, лл. 82—83.

Таким образом, в случае выкупа владелец без затруднения получит эти свободные «от подъемного надела» 30 десятин земли и одновременно не возникнут «неудобства» проведения передела в мюлькадарских деревнях.

* * *

Говоря о реформе в Елисаветпольской губернии (значит и в некоторых районах Армении), где жило большинство «владельческих поселян», перечисляя все «недостатки» при проведении реформы, особо отмечая нарушения прав крестьян в связи с 9-ой статьей и характеризуя это, как весьма крупный факт, парализующий «смысл реформы в самом ее корне», — Кучаев заканчивает свои рассуждения такими словами: «едва ли можно притти к иному выводу, кроме сознания, что крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии... дала результат отрицательный», и объясняет, что «отрицательный ее смысл заключается не только в ухудшении быта поселян, но и в усилении бекского элемента, через укрепление за ним бекских имений, на праве полной собственности».¹ Последнее замечание вскрывает мотивы резко-критического отношения (конечно, не принципиального) автора к Положению 14-го мая 1870 года, но важно не это, а самый факт разоблачения реформы в целом царским же крупным чиновником. Нечего сомневаться в том, что в Бакинской и Эриванской губерниях результаты реформы были совсем такие же, т. е. влекли за собой ухудшение быта крестьян и усиление ставших полными собственниками земли беков, агаларов, мюлькадаров, меликов и т. п.

Но это только одна сторона крестьянской реформы 1870 года в Армении.

Мы видели при анализе Положения 14-го мая, что рядом со многими его крепостническими чертами в нем были и некоторые элементы, способствующие развитию буржуазных отношений в деревне.

¹ Материалы по изучению..., т. 1, стр. 470—471.

Подробнее об этом у нас речь будет ниже, в связи с разбором результатов реформы в Армении.

6. Положение 5 сентября 1877 года

Положение 14 мая 1870 года не касалось крестьян, живших на землях помещиков на добровольных условиях; в этих так называемых условных имениях уже господствовал неограниченный произвол землевладельцев. Но Положение создало новую возможность обезземелить или оставить крестьян с ничтожными падежами. При составлении уставных грамот мировые посредники для пополнения наделной земли требуемое количество отрезывали от земель «условных крестьян», не трогая помещичьи земли. Такое положение официально продолжалось до 21 февраля 1876 года, когда решено было подчинить действию поселянского Положения и условные имения.

В трех губерниях (Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской) и в Ахалцыхском уезде Тифлисской губернии было много землевладельцев, не принадлежавших к высшему сословию—мусульман или армян, Положение не касалось крестьян и их имений.

5-го сентября 1877 года было издано Положение о крестьянах этих имений. По отношению к интересам «чуждых» помещиков, не принадлежавших к числу лиц с голубой кровью, были менее внимательны, хотя их помещичьи права в основном были сохранены, но для втягивания крестьянского хозяйства в буржуазные отношения созданы были значительно более благоприятные условия. Положение 5-го сентября, относящееся к поземельному устройству крестьян только Эриванской губернии и Ахалцыхского уезда Тифлисской губернии, в 1883 году 15-го марта было распространено на все губернии Закавказья.

Сущность этого Положения состояла в следующем: «за поселянами укреплена вся их наделная земля, с предоставлением им усадеб, садов и других угодий в собственность; право же на взимание багры предоставлено землевладельцам лишь с одних полевых посевов». Эти землевладельцы не имеют права взимания с крестьян денежных повинностей; они не имеют права удерживать за собою

$\frac{1}{3}$ удобных земель имения или 30 десятин, если крестьянский надел со счетом для каждой души мужского пола 5-ти десятин не пополнен. Кроме того, крестьянам разрешается на каждый дым выкупать и больше 15-ти десятин земли».¹

В 1879 году наместником кавказским утверждаются правила для составления уставных грамот в Тифлисской и Эриванской губерниях относительно имений, «принадлежащих разноправным владельцам».

Сущность этих правил состоит в следующем: крестьяне имений помещиков, принадлежащих и не принадлежащих к высшему сословию, за полевую наделную землю облагаются одинаковой повинностью, «а именно: в повинность багру поселяне выделяют землевладельцам с урожая всех земных произведений в Эриванской губернии $\frac{1}{30}$ части...», а «денежная в пользу землевладельцев повинность, установленная в Эриванской губернии с наделных огородов, бостанов и садов... взимается лишь в пользу землевладельцев высшего сословия в части, соответствующей долям участия в доходах имения сих землевладельцев...».

В имениях же, принадлежащих казне и лицам, не относящимся к высшему сословию, «казенные наделные земли государственных поселая подчиняются действию сего доиспытельного Положения 5 сентября 1877 года». В составлении уставных грамот в таких имениях участвуют уполномоченные от казны, имея все права, «установленные в делах этого рода для частных владельцев».²

Но постановлением 15 декабря 1887 года «поселенные имения, принадлежащие лицам не высшего мусульманского сословия, должны и по переходе их затем к лицу высшего мусульманского сословия подчиняться действию Положения 5-го сентября 1877 года».

А в 1889 году крестьянам этих имений предоставлено «право требовать прирезки надела до пяти-десятичного размера на каждую душу мужского пола, без различия возраста».

¹ Положения о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. III, стр. 36, 48, 49—52.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 30, д. № 284, лл. 56—57.

С 1891 года Положение 5-го сентября 1877 года распространяется и на имения нерусскоподданных.¹

Во всем остальном Положение 1877 года является повторением Положения 1870 года.

7. Некоторые особенности Положения 1870 года

В заключение укажем на некоторые особенности Положения 14-го мая 1870 года по сравнению с Положениями 19-го февраля 1861 г. (Россия) и 13-го октября 1864 и 1865 г.г. (Грузия).

При сопоставлении этих Положений нужно исходить из того факта, что, как говорит Ленин, «Крестьянская реформа была проводимой крепостниками буржуазной реформой... Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер пани крепостникам (т. е. «выкуна»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устранились крестьяне той или иной местности»².

По Положению 1870 года помещики Армении получили право оставить за собою $\frac{1}{3}$ своих имений, если даже на каждый крестьянский дым останется $7\frac{1}{2}$ дес. вместо 15-ти, или по крайней мере 30 десятин земли.

В этом отношении в несравненно привилегированное положение были поставлены помещики Грузии, имея право удержать за собой $\frac{1}{2}$ своих имений, а мелкие помещики получили право даже «освободить» своих крестьян без земли, как вообще полагалось для дворовых, не говоря уже о хизанах.

Русские помещики также получили большие привилегии, имея право оставить за собой $\frac{1}{3}$ или даже $\frac{1}{2}$ своих земель и «освободить» дворовых без земли; а мелкие помещики могли наделить

¹ К. Гоцередзе, Положения о крестьянах Закавказья с правительственными распоряжениями и разъяснениями Правительствующего Сената. Кутаис, 1904 г., стр. 536—537.

² Ленин, Соч., т. XV, 2-е изд., «Крестьянская реформа» и «пролетарски-крестьянская революция», стр. 143.

землей своих крестьян ниже установленных норм, или не имеющих падела крестьян вовсе оставить без земли.

Таким образом, русские, и особенно грузинские помещики получили несравненно больше возможностей урезывать крестьянские земли, чем армянские, следовательно, и больше сохранить над ними свою власть.

Фактически полученные паделы грузинских крестьян не только были значительно меньше армянских (3,7 дес. на дым в Тифлисской губернии, вместо установленной Положением 1864 г. с 5 до 10 десятины и 2,5 дес. на дым в Кутаисской губернии, вместо 5 дес., а в Армении в среднем на дым 5,7 дес. вместо 15 дес.); но и по требованию помещиков были подвергнуты повому разверстыванию, а усадьбы даже перенесению: таково было положение и в России. Кроме всего этого, грузинские помещики получили право присоединить к своим именьям крестьянские паделы вследствие выморочности, выхода крестьянина из сельского состояния, «несправности» в отбывании повинностей. У армянских помещиков в пользовании этим правом рамки были значительно уже; на такие освободившиеся земли в первую очередь имело право сельское общество, и только после его отказа земли могли переходить к помещику.

Положением 1870 г. паделы укреплялись за крестьянами в подымно-подворное постоянное пользование, и ликвидировались существовавшие до того периодические переделы, т. е. отменялось общинное пользование землею, вместе с этим разрешался переход земли из рук в руки; таким образом, поощрялось втягивание крестьянского хозяйства в буржуазные отношения. Напротив, Положением 19-го февраля установилась принудительность общины и тем становился невозможным свободный переход земли из рук в руки. Помещичьи и государственные крепостнические интересы здесь брали верх. Положение 1870 года дает возможность отдельным крестьянским дымам отказаться от падела или части его в противоположность, скажем, тому же Положению 19-го февраля, устанавливающему «принудительное навязывание крестьянам падела», как говорит проф. Мороховец; но это преимущество намного

теряет свое значение, так как целое крестьянское общество вправе отказаться только от $\frac{1}{6}$ части своего надела, следовательно, оно тоже почти прикреплено к своему наделу, как по другим Положениям отдельные крестьяне, хотя здесь для отдельных крестьян этого прикрепления к наделу и нет.

Итак, Положение 1870 года, по сравнению с грузинскими и русскими Положениями, давало помещикам не только меньше возможностей в урезывании крестьянской наделной земли, но и в пользовании наделом сохраняло для крестьян в общем меньше крепостнических преград; поэтому можем сказать, что во всем этом буржуазное содержание крестьянской реформы в Армении выступает сильнее, чем в России и, особенно, в Грузии.

По грузинским Положениям 1864 и 1865 г.г. каждый дым временно-обязанных крестьян за пользование наделом должен был отбывать для помещика следующие натуральные повинности: с садов и виноградников и с пахотной земли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ урожая, с сенокоса $\frac{1}{2}$, а за усадьбу платить денежный оброк в размере от 3-х до 6-ти рублей.

Положением же 19-го февраля было установлено за душевой надел временно-обязанных крестьян денежный оброк в размере от 8 до 12 руб. и барщина в размерах и в формах, почти одинаковых с дореформенными, но разрешалось крестьянам переходить на оброк, хотя не без трудностей.

Сравнительно ниже были повинности крестьян, установленные Положением 1870 года: натуральные повинности в размере $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{30}$ частей всего урожая пахотной земли и взамен барщины денежный оброк за каждую десятину земли (усадебной и полевой) 15 коп., или 30 коп.; в Эриванской губернии добавлялось еще 80 коп. с огородов и бостанов и 1 р. 20 к. с садов за пространство в 360 кв. саж. Кроме разницы в размерах повинностей, следует обратить внимание на то, что в Грузии, в частности, тяжелой была освобожденная денежная повинность за пользование усадебной землей.

Благодаря установлению круговой поруки за исправность отбывания повинностей в России и в Грузии Положение 19-го февра-

ля и грузинские Положения носили более яркий крепостнический характер, чем Положения 1870 года; в последнем круговая порука имела ничтожный круг действия, относясь к тем повинностям, которые сельское общество должно было отбывать за участки, по разным причинам временно переходившие в его распоряжение. Такие особо следует отметить отмену барщины: «обязательных рабочих дней».

Во всем остальном, например, во взаимосвязи с крестьян натуральных и денежных повинностей в пользу помещиков, Положение 1870 г. или повторяло крепостнические мероприятия русского и грузинских Положений, или фактически сохраняло в силе дореформенные формы отбывания повинностей крестьянами; например, в вопросе перехода от натуральных повинностей к денежным, что, как известно, не было осуществлено до 1912 года.

В вопросе о выкупе Положение 1870 года по сравнению не только с русским, но даже с грузинским Положениями ставило крестьян Азербайджана и Армении в худшие условия; здесь при выкупе крестьяне не получили «правительственного содействия», хотя имели право требовать выкупа и без согласия помещика; способы определения выкупной суммы тоже были такие, что из-за высоких оценок наделов фактически выкуп почти совсем не получил осуществления и зависимые отношения крестьян сохранились до самого 1912 года.

Условия выкупа, по грузинским Положениям тоже были тяжелые; хотя в вопросах выплаты за полевые наделы предвиделось правительственное содействие, однако для выкупа не только полевых участков, но и усадеб требовалось согласие помещиков; а в выкупе садов и виноградников государственное содействие не предполагалось. Заинтересованность помещиков в сохранении временно-обязанных отношений с чрезвычайно высокими натуральными повинностями и в Грузии не дала возможности осуществить выкупные сделки крестьян с помещиками, и временно-обязанные отношения для огромного большинства крестьян также продолжались до 1912 года.

Таким образом, хотя и по разным, но связанным с условиями выкупа причинам, зависящие и временно-обязанные отношения в Закавказье были сохранены Положениями 1864, 1865 и 1870 годов почти в неприкосновенности в течение полувека после крестьянской реформы, тогда как они в России были ликвидированы в начале 80-х годов прошлого столетия, правда, очень дорого обходясь крестьянину, которому пришлось заплатить не только за свою землю, но по существу и за освобождение своей личности.

И в России и в Грузии соответствующими Положениями и над временно-обязанными и над выкупившими свой надел, ставшими крестьянами-собственниками (конечно, над первыми больше), была в известной мере фактически сохранена вотчинная власть помещиков; Положение 1870 г. в этом вопросе нарушало крепостническую традицию первых Положений; крестьяне были освобождены от прямой помещичьей полицейской опеки, утвержденной самим царизмом в 40-х годах.

Отметим еще то, что так называемое сельское самоуправление, введенное в годы крестьянской реформы, хотя в Азербайджане и в Армении непосредственно не было подчинено влиянию помещиков, но фактически не в меньшей мере чем в России и Грузии, являлось «низшим агентом» полицейской власти, служа эксплуататорским целям колониальных угнетателей и их туземных собратьев.

Из вышеизложенного сопоставления некоторых существенных черт Положений 14 мая 1870 г., 19-го февраля 1861 года и 13-го октября 1864 и 1865 годов можно прийти к тому выводу, что по первому Положению в общем сравнительно «меньше урезывались крестьянские земли», сравнительно «ниже был размер дань крепостникам» и сравнительно «свободнее от влияния и от давления крепостников устранивались крестьяне» в Армении, чем по Положениям в России и в Грузии (пользуемся выражениями Ленина из вышеприведенной цитаты).

А отсюда следует, что в Армении буржуазное содержание крестьянской реформы «выступало наружу» сравнительно сильнее,

но, конечно, только сравнительно, потому что в Армении Положением 14-го мая остались неразрешенными важные вопросы крестьянской свободы. Например, не были созданы условия, чтобы, по выражению Ленина, «ниже был размер дани крепостникам», т. е., чтобы в Армении получил осуществление выкуп, и крестьяне стали бы собственниками своих наделов.

Но так как в Армении (и Азербайджане) все-таки несравненно слабее стала крестьянская зависимость от помещиков, чем в Грузии и России, то поэтому даже неосуществление выкупа не мешает говорить о более буржуазном характере крестьянской реформы в Армении не только по сравнению с Грузией, но даже с Россией.

И это не удивительно.

Хотя крестьянская реформа и в Армении целиком была проведена крепостниками, но и для них невозможно было игнорировать местные особенности Армении (и Азербайджана), где, в противоположность России и Грузии, не было вполне установленных крепостнических отношений, а многочисленные их элементы в значительной мере оформились и развились в годы царского владычества, особенно с сороковых годов. Благодаря царизму, армянские (и азербайджанские) помещики во многом усвоили крепостнические навыки русских и грузинских помещиков, но в своих правах с ними никогда не были уравнены; поэтому естественно, что при всем желании угодить помещикам Армении (и Азербайджана), царизм не мог официально признанных «государственных поселян» этих помещиков во время проведения крестьянской реформы во всем поставить в положение крепостных крестьян России и Грузии.

Отсюда—сохранение в Положении 1870 г. многих крепостнических черт в пользу помещиков, отсюда—сравнительно с Россией и Грузией—и более значительные уступки «буржуазному принципу» в Положении 1870 года.

8. Итоги проведения крестьянской реформы 1870 г.

По данным начала 70-х годов число помещичьих крестьян во время проведения крестьянской реформы в Восточном Закавказье: в Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской губерниях и в Тифлисском и Ахалцихском уездах Тифлисской губернии составляло 44.338 дымов или 158.192 души мужского пола.¹

Данных о размерах наделной земли этих же помещичьих крестьян за годы реформы нет.

Более подробные данные имеются о разных категориях помещичьих крестьян Эриванской губернии за это же время.² Приводим важнейшие из них относительно уездов и участков, входящих в Армению, составленные нами по этим материалам.

Количество всех категорий помещичьих крестьян следующее:

Категории помещичьих крестьян	Число дымов	Число душ мужск. пола
Мюдькадарские и владельческие	7.063	27.335
Тиульные	509	2.320
Церковные и монастырские	1.206	4.037
Мечетские	44	94
Всего	8.824	33.786

По национальному составу картина такая:

армян	3.900 дымов или	14.335 душ муж. пола
мусульман	4.924	19.451

По уездам и участкам помещичьи крестьяне распределялись следующим образом:

¹ Отчет по Главному Управлению Наместника Кавказского 1862—1872 г.г., Тифлис, 1873 г.

² См. Сборник сведений о Кавказе, т. V, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1879 г. Списки населенных мест Кавказского края, ч. 1, по сведениям 1873 г.

Зриванский уезд

Категории помещичьих крестьян	Число дымов	Число душ мужск. пола
Мюлькадарские	4361	16 014
Тиульные	509	2320
Монастырские	8	39
Мечетские	44	94
Всего	4922	19367

Эчмиадзинский уезд

Категории помещичьих крестьян	Число дымов	Число душ мужск. пола
Владельческие и мюлькадарские	1863	7 094
Монастырские	965	2983
Монастырско-казенные	179	709 ¹
Казенно-владельческие	414	1518 ²
Всего	3421	12309

Ново-Баязетский уезд

Категории помещичьих крестьян	Число дымов	Число душ мужск. пола
Тиульно-мюлькадарские	132	543 ³
Монастырские	54	301
Мюлькадарские	28	110
Всего	214	954

¹ Нет отдельных данных о монастырских и казенных крестьянах; выше, в общей таблице, эта категория крестьян нами причислена к монастырским.

² Нет отдельных данных о владельческих и казенных крестьянах; в общей таблице вся эта категория причислена нами к владельческим.

³ Эта категория в общей таблице причислена нами к категории мюлькадаро-владельческих.

Шаруро-Даралагезский у. (Даралагезск. участок)

Владельческие 267 1 156

Прибавим еще, что число всех категорий помещичьих деревень составляло 143, из коих мусульманских—89, армянских—47 и смешанных—7.

К сожалению, никаких других данных нет ни о помещичьих крестьянах Эриванской губернии, ни о других районах Армении в годы проведения крестьянской реформы.

После проведения реформы в Восточном Закавказье о числе помещичьих крестьян и их падельных землях имеются следующие данные:

Число дымов	77.657
Число душ мужского пола	247.736
Вся надельная земля	577.690 десятин
На один дым	75
На одну душу мужского пола	2,3

По губерниям соотношение помещичьих и надельных земель крестьян следующее:

Губернии	Число кр. дымов	Число душ мужск. пола	Надельн. земли кр. в десятинах	Приходится десятины		Помещичьи земли в десятинах
				На дым	На душу м. п.	
Елисаветпольская	47.555	—	317.234	6,6	3,25	410.798
Бакинская	11.361	40.748	110.315	9,7	2,7	216.904
Эриванская	11.699	52.855	98.264	8,4	1,8	60.126 ¹

Из этих данных видно, что в Елисаветпольской губернии у помещиков осталось в $1\frac{1}{2}$ раза больше земель, чем у крестьян.

¹ Таблица составлена на основании официальных данных 1899—1904 гг. Она несколько изменена и дополнена нами. См. О. Семин, Великая годовщина, Киев, 1911 г., стр. 34—35, 76—77 и 98—99.

Напомним, что это относится и к районам Армении, входящим в бывший Загезурский уезд. В Бакинской губернии соответственно это было еще ниже, крестьянских земель было в 2 раза меньше, чем помещичьих. В Эриванской губернии у помещиков осталась $1\frac{1}{3}$ земель, а $2\frac{2}{3}$ были в паделе у крестьян, т. е. соотношение здесь было такое, как было установлено Положением 1870 года.

На первый взгляд кажется, что в Эриванской губернии результаты реформы сравнительно благоприятны, но, если будем иметь в виду то, что здесь у помещичьих крестьян надел на дым в среднем составлял 8,4 десят., а на душу мужского пола—1,8 дес. и по официальным же сведениям редко где равнялся установленному Положением 1870 года размеру (15 десятин на дым), а большей частью составлял меньше 10 десятин и нередко даже половину этого, тогда станет ясным, что нечего говорить о благоприятном результате проведения реформы и в Эриванской губернии, только на том основании, что соотношение крестьянских и помещичьих земель здесь такое, как установлено Положением.

По другим данным количество и соотношение падежных крестьянских и помещичьих земель в тех же губерниях иные:

Губернии	Число дымов	Число душ мужск. пола	Количество падежн. земли кр. в десятинах	Приходится десятин		Количество помещичьей земли (в десятинах)
				На дым	На душу м. п.	
Эриванская	9508	34649	101687	10,70	2,93	135943
Бакинская	13266	47750	96366	7,26	2,23	246904
Елисаветпольская	44278	144930	517237	7,16	2,90	440798 ¹

По этим данным, которые, по словам самого Сегалья, нужно считать только приблизительными, и число дымов, и количество крестьянской падежной земли несколько иные; совсем иное и ко-

¹ И. Л. Сегаль, Крестьянское землевладение в Закавказье, Тифлис, 1912 г., стр. 71—72 и 86—87.

личество помещичьей земли в Эриванской губернии. Помещичья земля в $1\frac{1}{4}$ раза больше крестьянской наделной земли. Но интересно обратить внимание на то, что по этим данным, хотя в Эриванской и Елисаветпольской губерниях на дым приходится наделной земли в первой—10,70 десятины, а во второй—7,16 десятины, но на душу мужского пола приходится почти одинаковое количество земли; немного хуже положению в Бакинской губернии.

Таким образом, и по этим данным, в смысле наделения крестьян землей, результаты реформы 1870 года в Эриванской губернии приблизительно такие же, как и в Елисаветпольской и Бакинской губерниях.

Обратим внимание на то, что по данным Семина в Эриванской губернии на дым помещичьих крестьян приходится 8,4 десятины земли, а по данным Сегаля—10,70 десятины. Таким образом, в вопросе о размере надела помещичьих крестьян разница в вышеприведенных данных небольшая. Данные о размерах общего количества наделной земли крестьян также почти сходятся. Очень большая разница в размере помещичьей земли: по Семину—60126 десятин, а по Сегалю—135.943 десятины.¹

Такая разница получается от того, что Семиным приняты во внимание только имения лиц, принадлежащих к «высшему сословию», а Сегалем все вообще частновладельческие земли.

Но независимо от всего этого, одно обстоятельство совершенно ясно: и по первым и по вторым данным помещичьи крестьяне Эриванской губернии после реформы 1870 и 1877 годов получили не больше $\frac{1}{2}$ установленного Положением надела.

Чтобы правильно понять значение крестьянской реформы для Восточного Закавказья, т. е. для Азербайджана и Армении, важно выяснить удельный вес помещичьих крестьян в деревне этих стран.

¹ Ср. Сборник статистических данных..., изд. 1899 г. Тифлис, стр. 96—99 (данные за 1893 год), стр. 101 (данные за 1894 г.), или стр. 103 (данные за 1897 г.); также Сборник статистических сведений по Закавказскому краю, под ред. Е. Комдратенко, ч. 1, Тифлис, 1902 г., стр. 218 (данные к 1/1 1898 года).

С этой целью приведем данные о числе и о количестве па-
дольной земли государственных (казенных) крестьян в Восточном
Закавказье:

Губернии	Число дымов	Число душ м. п.	Количество земли в де- сятinah	Приходится на дым в десятинах	Приходится на душу м. пола в дес.
Елисаветпольская	58895	202980	944253	16,03	4,65
Бакинская . . .	70584	259321	1103421	15,63	4,55
Эриванская . . .	67671	233684	890693	13,16	3,14 ¹

Сопоставление данных этой таблицы с данными вышеприведен-
ной таблицы того же автора о числе и количестве падельной зем-
ли помещичьих крестьян показывает следующее:

в Елисаветпольской губернии число дымов помещичьих крестьян
составляет 75% государственных, а количество падельной зем-
ли—всего 34%;

в Бакинской губернии соответствующие данные таковы—19%¹
и 9%;

в Эриванской губернии—14% и 11%.

Отсюда ясны не только удельный вес помещичьих крестьян
по сравнению с государственными, но также значительно малая
их обеспеченность падельной землей, но и сравнительно скромное
их значение в сельском хозяйстве. В этом отношении на последнем
месте оказывается Бакинская губерния, среднее место занимает
Эриванская губ., а первое—Елисаветпольская.

Приведенные процентные отношения несколько изменятся,
если упомянутую таблицу сравним с таблицей Семина: например,
для Эриванской губернии взамен приведенных 14% и 11% по-
лучится 17% и 10%, но по существу дело мало изменится от
этого.

¹ Сегаль, Крестьянское землевладение..., стр. 71—72.

Все это, конечно, дает только очень приблизительное представление об удельном весе помещичьих крестьян в деревне, так как здесь не учтены, например, качество земли, отрасли крестьянского хозяйства, обеспеченность рабочим скотом и т. д., но все же эти данные следует иметь в виду при оценке крестьянской реформы в этих губерниях.

* * *

Теперь постараемся выяснить более точно итоги проведения крестьянской реформы 1864, 1870 и 1877 г.г. для Армении в ее теперешних границах, имея в виду не только бывшую Эриванскую губернию, поскольку она вошла в состав Армении, но и вошедшие в ее состав уезды и участки бывших Тифлиской и Елисаветпольской губерний.

Для этого приведем по данным уставных грамот количество падельной земли помещичьих крестьян и число последних в Армении после реформ 1864, 1870 и 1877 г.г. по уездам и по участкам.

Мы не раз имели повод указывать на недостатки имеющихся статистических данных; к сожалению, делу не помогают и знакомые нам архивные материалы. Особенно неполны сведения о разных районах Армении, часто нет отдельных данных о том или ином участке. Не закрывая глаз на все эти трудности, предугадывая возможность промахов, мы все же составили об итогах крестьянской реформы Армении следующую таблицу по сведениям «Сборника статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края», изданного под ред. Е. Копдратенко в Тифлисе в 1899 году и «Материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. т. I—VII, изданных в Тифлисе в 1886—1887 г.г.

Вот эта таблица:

Название уездов или участков	Число дымов помещичьих крестьян	Число душ мужского пола	Количество земли в десятинах	Приходится на дым в дес.	Приходится на душу м. п. в десятинах
Зангезурский уезд (участки, входящие в Армению)	4 150	12 782	18 839	4,5	1,4
Казахский уезд (участки, входящие в Армению)	55	107	324	5,89	3,02
Борчалинский уезд (Лори и др.)					
а) Временно обязанные крестьяне	182	915	1 060	5,8	1,1
б) Хизане	283	1055	4 372	19,0	4,2
Эриванский уезд	3 582	16 293	17 711	4,97	1,08
Ново-Баязетский уезд	239	1 194	3 276	14,13	2,74
Шаруро-Даралагезский уезд (Даралагезский участок)	102	415	2 066	20,46	4,97
Эчмиадзинский уезд	1 425	5 517	10 001	7,18	1,87
Всего	9 977	38 278	57 649	5,7	1,5

Внимательно рассматривая приведенную таблицу, можно убедиться, что итоги проведения крестьянской реформы в Армении более неутешительны для крестьян, чем в бывшей Эриванской губернии в целом.

В районах, где больше всего помещичьих крестьян, крестьянские наделы составляли или меньше $\frac{1}{3}$ установленного Положением 1870 г. надела для дыма, т. е. меньше, чем полагалось одной душе мужского пола выше 15-летнего возраста (Зангезурский уезд), или составляли только $\frac{1}{3}$ установленного надела (Эриванский уезд), или же — приблизительно $\frac{1}{2}$ установленного надела (Эчмиадзинский уезд). Поэтому неудивительно, что и для всех помещичьих крестьян Армении в среднем надел составлял чуть больше $\frac{1}{3}$ установленного Положением 1870 г. среднего надела, т. е. 5,7 десятины или чуть больше установленного для одной души мужского пола.

Исходя из этого основного факта, мы постараемся в следующей главе понять и оценить результаты крестьянской реформы для Армении, а пока обратимся к выяснению другого важного момента, связанного с реформой, к выяснению удельного веса помещичьих крестьян в деревне Армении в пореформенные годы.

С этой целью сначала приведем данные о числе и паделе государственных крестьян Армении для начала 1880-х годов, составленные нами по вышеупомянутым источникам. Таблица, приводимая ниже, имеет несколько иной вид по сравнению с уже приведенной выше таблицей о числе и паделе помещичьих крестьян, так как данные не позволяют придерживаться тех же правил, но и в этой таблице есть все необходимое для нашей цели.

Вот эта таблица.

Название уезда или участка	Число дымов гос. крест.	Количество земли в десятинах	Приходится на дым в десятинах
Зангезурский уезд (участки, входящие в Армению)	5.786	92.384	15,9
Казахский уезд (участки, входящие в Армению)	3.460	51.340	16 ¹
Борчалинский уезд (Лори и др).	2.052	35.038	17
Эриванский уезд	8.789	103.332	13,86
Ново-Баязетский уезд	8.725	200.530 ³	23
Шаруро-Джралагезский уезд (Джралагезский участок)	2.613	86.075 ³	32,57
Эчмиадзинский уезд	8.222	97.676	11,83
Александропольский уезд	12.265	195.676	15,95
Всего	51.942	862.051	12,7

¹ Относится к III участку Казахского уезда.

² Из коих неудобных земель—38.250 десятин.

³ Из коих неудобных земель и пастбищных земель—37.055 десятин.

Из сопоставления данных этих двух таблиц получается, что помещичьи крестьяне Армении составляют 19% государственных крестьян, а находящаяся в их пользовании наделенная земля составляет только 7% наделенной земли государственных крестьян. Очевидна несравненно малая обеспеченность помещичьих крестьян наделенной землей, что, конечно, не могло не отразиться на их роли в сельском хозяйстве Армении и, что важно, на их зависимости от помещиков и после реформы.

Если сопоставим главные помещичьи районы Армении в отношении размера наделов помещичьих и государственных крестьян, то получается такая картина:

	Средний надел помещичьих кр. в десятинах	Средний надел государственных крестьян в десятинах
Зангезурский уезд	4,5	15,9
Эриванский уезд	4,97	13,86
Эчмиадзинский уезд	7,18	11,88

Средний же надел помещичьих крестьян по всей Армении — 5,7 десятины, а государственных крестьян — 12,7 десятины. Эти данные показывают не только сравнительно лучшую обеспеченность государственных крестьян наделенной землей по отношению к помещичьим, но еще и то, что относительно сравнительной обеспеченности государственных крестьян наделом можно говорить с большой оговоркой. Это станет понятным без долгих объяснений, если обратим внимание на тот факт, что средний надел государственных крестьян Армении почти на $\frac{2}{12}$ десятины меньше установленного Положением для помещичьих крестьян, т. е. того минимума, что даже царское правительство находило необходимым для хозяйства средней крестьянской семьи в условиях Армении и Азербайджана. Необеспеченность наделенной землей государственных крестьян и явное малоземелье помещичьих крестьян много объясняют нам в положении крестьянства пореформенной Армении.

Познакомимся еще с данными о количестве помещичьей земли в Армении после реформы 1864—1870—1877 г.г. Это необходимо, между прочим, для того, чтобы ясно представить крестьянскую зависимость от помещиков, которые, как правило, собственного хозяйства почти не вели, и их земли вместе с государственными оброчными статьями составляли тот фонд, к аренде которого на кабальных условиях принуждены были прибегать не только помещичьи, но и государственные крестьяне.

Эти неполные данные, составленные нами по вышеупомянутым источникам, могут дать только приблизительное, в значительной мере преуменьшенное понятие о действительном количестве помещичьей земли Армении.

Вот эти данные:

Количество помещичьей земли в десятинах:

Уезды:	В 1870,77 гг	В 1894 г.	В 1898 г.
Зангезурский (участки, входящие в Армению) .	1.322	1322 ¹	1322 ¹
Борчалинский (Лорийск. участок) .	28659 ²	28659 ²	28659 ²
Казахский (участки, входящие в Армению)	2300	2300 ¹	2300 ¹
Эриванский	8989	14147	13095
Ново-Баязетский . . .	1657	9632	8213
Шаруро-Даралагезский (Даралагезский участ- ток)	204	4792	4792 ²
Эчмиадзинский	2343	5411	6560
Александропольский .	587	419	394
Всего	39762	66682	66225

¹ Нет отдельных данных об участках, входящих в Армению. Условно повторяем цифру предыдущего года.

² Данные взяты из «Кавказского календаря» на 1891 г., отд. I, прилож. стр. 69—70; условно ставим эту цифру за означенные годы.

³ Нет данных. Условно повторяем цифру предыдущего года.

Относительно приведенной таблицы необходимо иметь в виду следующие обстоятельства.

Данные за 1870/77 г.г., составленные по уставным грамотам, менее всего можно считать точными. Нам уже известно, как о них незвестно отзывались даже высшие чиновники из Главного Управления наместника кавказского; нужно еще прибавить, что неточность этих данных следует понимать в смысле преуменьшения действительного количества помещичьей земли. Известно, что при составлении уставных грамот помещики старались скрывать точные размеры своих имений, а мировые посредники, как правило, во всем шли им навстречу. Особенно ничтожно показала помещичья земля в Зангезурском уезде, где больше всего жило помещичьих крестьян. Так как за последующие годы, как указано, нет отдельных данных об участках Зангезурского уезда, входящих в Армению, то мы условно повторяли эти неправильные данные и для последующих годов, но, конечно, этим действительное положение в достаточной степени не выясняется.

Данные о Лорийском участке Борчалинского уезда, взятые нами из «Кавказского календаря» на 1891 год, относятся к помещикам, имеющим свыше 380 десятин земли. Об остальных помещичьих землях отдельных данных нет. Мы условно приводим эти данные, хотя они тоже неточно отражают действительное положение помещичьего землевладения.

Для армянских участков Казахского и Шаруро-Даралагезского уездов, за отсутствием соответствующих данных, пришлось три раза повторять данные предыдущих годов.

Но несмотря на все это, кажется, что данные этой таблицы дают приблизительное понятие о количестве помещичьей земли в пореформенный период; оно в среднем было равно наделной земле помещичьих крестьян, следовательно, являлось в руках помещиков достаточно сильным орудием для того, чтобы держать в значительной зависимости «освобожденных» крестьян и после реформы.

Таковы далеко неполные и неточные, но пока единственные данные об итогах проведения крестьянской реформы в Армении.

* * *

В заключение сопоставим данные о числе государственных и помещичьих крестьян и о количестве их наделной земли во всех пяти губерниях Закавказья после крестьянской реформы. Составленная нами по вышеупомянутым источникам таблица дает нам хотя бы очень приблизительное понятие об удельном весе помещичьих крестьян в деревне Грузии, Азербайджана и Армении и поможет правильнее оценить значение крестьянской реформы для каждой из этих стран в отдельности.

Вот эта таблица (см. стр. 279).

Обратим внимание на следующие цифры, которые сами говорят за себя: в Тифлисской и Кутаисской губерниях вместе, т. е. в Грузии число дымов помещичьих крестьян составляет 73 процента государственных, число же душ мужского пола чуть больше—76, а количество наделной земли только 39 процентов; соответствующие данные для Азербайджана (Бакинская и Елизаветпольская губернии) такие—44, 42 и 22, а для Армении—19, 23 и 7.

Таким образом, в Армении удельный вес помещичьих крестьян в деревне чуть ли не в четыре раза меньше по сравнению с Грузией и в два раза меньше по сравнению с Азербайджаном.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство: в смысле необеспеченности наделом по сравнению с государственными крестьянами помещичьи крестьяне Армении среди помещичьих крестьян Закавказья находятся в несравненно худших условиях.

Так, в Грузии число дымов помещичьих крестьян составляет 73% государственных, а их наделная земля только 39% наделной земли государственных крестьян; в Азербайджане соответствующие данные такие—44 и 20, а в Армении—19 и 7.

Имея в виду все это, мы можем приступить к анализу результатов крестьянской реформы в Армении.

9. Борьба крестьянства против реформы 1870 года

Нам немного известно об отношении крестьянства к реформе в Армении; но на основании архивных материалов можно с определенностью утверждать, что недовольство крестьян реформой ча-

Название губерний	Число дымов		% -ное отношение помещ. кр. к государственным.	Число душ муж. пола		% -ное отнош. пом. кр. к государственным	Количество наделен. земли		% -ное отношение количества земли пом. кр. к земле гос. кр.	
	Помещичьих крестьян	Госуд. крестьян		Помещ. крестьян	Государств. кр.		Пом. кр.	Гос. кр.		
Грузия	Тифлисская . .	28294	61753	44	101492	217209	46	200750	857519	23
	Кутанская . .	31822	22294	156	120502	76331	159	174125	88719	200
	Всего			73			76			39
Азербайдж.	Еакинская . .	13266	70534	19	47750	259321	13	96366	1103421	9
	Блисаветпольская	44278	58895	75	114830	202980	71	317237	944253	34
	Всего			44			42			20
Эриванская . .	9508	67171	14	34649	253634	12	101687	800693	11	
	или 11699 ¹		17 ¹	52855 ¹		18 ¹	93264 ¹		10 ¹	
Армения ² . .	9977	51942	19	35278	168311 ³	23	57649	863051	7	

¹ По данным Семни.

² В ее теперешних границах.

³ Высчитана, принимая дым в среднем 6½ душ о. п. (см. О Семни, „Великая реформа“, стр. 98).

сто выявлялось в такой резкой форме, что для «усмирения» лх царизму приходилось прибегать к помощи полиции или войск.

Однако, этого открыто не хотели признавать представители высшей власти в Закавказье. Например, даже в 1905 году Воронцов-Дашков в своем «Отчете» уверял, что в Восточном Закавказье, подлежавшем действию Положения 14-го мая 1870 года, «никаких волнений аграрного свойства не было, хотя временно-обязательные отношения к владельцам, собственно говоря, созданные русской властью в 1846 г., вызывают нередко на местах недовольствия обеих сторон»; но из его же слов видно, что только отмена временно-обязанных отношений может «предупредить возможность возникновения волнений в прочих частях Кавказа» (т. е. в том же Восточном Закавказье.—В. Р.). Грозные события 1905 года даже царского сатрапа заставляли говорить о «возможности возникновения волнений» в Восточном Закавказье.¹

Мы покажем, что «в прочих частях Кавказа», например, в Армении после крестьянской реформы не только существовала «возможность возникновения волнений», но нередко они и возникали, и царскому правительству приходилось серьезно считаться с ними.

* * *

Борьба крестьян против помещичьей реформы 1870 года принимала разные формы. Чаще всего крестьяне прямо отказывались нести какие-либо повинности для своих помещиков; иногда же вместе с этим выгоняли их из деревень. В таких случаях помещики обыкновенно обращались к помощи мировых посредников, а последние через местную власть или через уездную администрацию, нередко и при помощи губернатора, «усмиряли» строптивых крестьян, как правило, привлекая, по указанию помещиков, к ответственности нескольких «зачинщиков» или «бунтовщиков», а остальных силой заставляя подчиниться. Нередко случалось, что

¹ Из «Отчета» Воронцова-Дашкова от 22/XI—1905 года. Цитирую по копии, имеющейся в Центр. Гос. Архиве Арм. ССР, стр. 39.

такое обостренное положение продолжалось месяцами, иногда даже годами.

Так, например, в обращении эриванского жителя мюлькадара деревни Бугамлу от 5-го апреля 1871 года к мировому посреднику Эриванского уезда сказано:

«Небезызвестно Вам из имеющейся у Вас переписки, что Бугамлинское общество, несмотря на неоднократные письменные и словесные распоряжения Эриванского военного губернатора, не платит мне мюлька за прошлый 1870 год из 4½ ахчей и что главные бунтовщики в этом деле суть тамошние жители...» (указываются имена четырех крестьян). Мюлькадар просит: этих «четырех бугамлинцев, как главных зачинщиков в не платеже мне мюлька, предать суду»; при этом предупредительный мюлькадар даже старательно указывает статьи закона, по которым крестьяне должны быть наказаны за то, что допускают «ослушание и уклоняются от исполнения предписаний начальника губернии».¹

Дело иногда доходит и до того, что крестьяне прибегают к насилию против ненавистных саркиров, сборщиков помещичьего мюлька.

«Жители деревни Поврузлу.. совершенно уклоняясь от взноса следуемой нам багры с урожая настоящего года, прогнали его (саркира.—В. Р.) с угрозами, причинив ему побой»,— пишет мюлькадары этой деревни в 1877 году мировому посреднику.

Среди пяти «зачинщиков» указывается и помощник сельского старшины.²

Крестьяне, отказываясь от взноса натуральных повинностей, прибегают, например, к такой мере:

«Жители деревни Шихляр, убрав свои земные произведения за настоящий год, взяли их произвольно в свои дома, не выделив мне следуемого мюлька, несмотря на все требования моего саркира»,— пишет Пана хан Макинский в августе 1879 г. мировому посреднику.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, д. № 447, л. 10.

² Там же. ф. № 7/70, д. № 506, л. 1.

ну Эриванского отдела. Оказывается, что «подстрекателем» крестьян «к такому произволу» является крестьянин той же деревни.

Сопrotивление крестьян продолжается больше года, и только в октябре 1880 года губернские власти распоряжаются «взыскать повинности..., удовлетворить владельцев и донесим» о результатах...¹

На аналогичный поступок крестьян селения Неджаллу Эриванского уезда жалуются армяцкие и татарские мюлькадары в июне 1883 года. Местная власть оказывается бессильной перед крестьянским «бунтом», и приходится обращаться к помощи мирового посредника, так как «поселяне.. не обращают внимания на настояния и поуждения сельского старшины и отказываются выделять землевладельцам своим установленные повинности с урожая настоящего года».²

Отказ крестьян от отбывания повинностей помещикам возникает и на основе их борьбы против неправильного пользования помещиками тнудльными или мюлькадарскими правами.

Вот что рассказывает один из таких помещиков, тнудист-мюлькадар деревни Птгни о борьбе крестьян против него мировому посреднику в своем заявлении от 2-го августа 1881 года:

«Поселяне деревни моей Птгни, не знаю сами по себе, или, как они объясняют, по совету местных властей, съговорились, поголовно приняв присягу, удалить меня из деревни Птгни и не давать никаких повинностей; так и сделали они, вследствие оскорблений их и угрозы я вынужден был оставить свое имение и хозяйство и приехать в Эриваль, намереваясь обратиться к законной защите правительства».

Хотя управляющий уездом неоднократно предлагал крестьянам платить этому помещику повинности $\frac{1}{20}$ части урожая (т. е. мюлькадарскую часть.—В. Р.), но крестьяне наотрез отказывались.

«Поселяне», продолжает он, «не только отказываются от пла-

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, д. № 528, л. 1; также д. № 542, л. 3.

Там же, ф. № 7/70, д. № 561, л. 39.

тежа мне повинности, но и присвоили посевы хлеба на собственности моей земле».¹

Борьба крестьян против этого титулиста-мюлькадара имела временный и частичный успех, так как наместник в конце 1881 года утвердил постановление Эриванского по крестьянским делам губернского присутствия о том, что «пользование Мелик-Каракозовым титулом по деревне Птгни прекратить с 1881 года», имея в виду, как писал Эриванский губернатор, то, «что Мелик-Каракозов не имеет права по своему званию приобретать вообще населенное имение, а в частности титульное право и что поэтому он не может быть владельцем титула Птгни». Об этом в начале 1882 года было объявлено помещику и крестьянам деревни Птгни.

Крестьяне же боролись и против мюлькадарских прав этого помещика, как сказано выше, но без успеха, они были сохранены в силе. Несколько позже и титульные права Мелик-Каракозова на основании объяснений Сената от 23-го сентября 1894 года (уже знакомых нам в иной связи, когда мы рассматривали Положение 1870 г.) были восстановлены постановлением Эриванского по крестьянским делам губернского присутствия: «право его на пожизненное пользование титулом деревни Птгни является несомненным», — сказано в этом постановлении.²

Таким образом, и за «чумазым» помещиком спустя 24 года после реформы признано право по дореформенным нормам пользоваться титульными повинностями с крестьян.

Мировые посредники Эриванской губернии проявляли необычайную чуткость к защите интересов помещиков, по принадлежащих к «высшему сословию», как при составлении уставных грамот, так и при проведении их в жизнь.

Крестьяне деревни Чикдамлу отказываются платить помещику повинности за 1883 год. Между прочим, они, ссылаясь на Положение 5-го сентября 1877 года, отказываются платить повинности о

1 Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, д. № 546, л. 14.

2 Там же, ф. № 7/70, д. № 675, лл. 2—4.

хлопка, засеянного в садах, так как они обязаны вносить повинности только с полевых посевов.

Мировой посредник рассматривая жалобу помещика в конце 1884 года, постановляет: «Взыскивать с поселян... повинности с хлопка, засеваемого в садах и в других местах». Далее: «Особенно важный срок взноса повинностей назначается не позже, чем через 15 дней». Свое решение он мотивирует тем, что это предусмотрено уставной грамотой.¹

Итак, хотя Положением 5-го сентября 1877 года установлено, что сады переходят в собственность крестьян, но мировой посредник на основании внесенного в уставную грамоту пункта, противоречащего Положению, постановляет взыскивать с собственных земель крестьян в пользу помещика повинности наравне с полевыми посевами.

Интересно дело крестьян деревень Гедаклу и Даллулар Эриванского уезда. Мюлькадары этих деревень 21-го сентября 1884 года заявляют мировому посреднику, что крестьяне отказываются отбывать для них какие-либо повинности. Мировому посреднику также «все поселяне единогласно ответили, что деревни их казенные и никаких владельцев не признают». Все угрозы и увещания мирового посредника никакого значения не имеют. Указали на то, что «деревни их мюлькадарские, на которые давно составлены уставные грамоты, а казна имеет только в Гедаклах 5 ступей и Даллуларе 4 ступи», — тоже не помогают, и мировой посредник докладывает, что «поселяне наотрез отказывались от исполнения законного моего требования, повторяя одно и то же... они готовы быть в тюрьмах заключенными и сосланными в Сибирь, но ничего не будут платить владельцам и что напрасный труд с моей стороны предступить ко взысканию с них повинностей».

Такой поступок крестьян мировому посреднику кажется «по пустое нежелание удовлетворить своих владельцев»; по его словам «здесь есть нечто иное, серьезное, вроде возмущения или бунта (когда они желают быть сосланными, чем платить повинности),

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 7/70, д. № 569, л. 7.

которые должны быть устранены теперь же самыми строгими по- нудительными мерами... тем более этот возглас поселян распростра- нился и распространяется в других деревнях, как-то: Наджилах, Камарлу, Зограблу, Двин и других».

Мировому посреднику «при таком настроении умов поселян» приходится откладывать взыскание мольба с крестьян и прибегать к помощи уездного начальника. А Эриванскому губернатору он до- кладывает, что, «если противу настроения умов (крестьян. — В. Р.)... не будут приняты меры немедленно строгие к устранению возмущения и восстановлению порядка, то немислимо при таком настроении поселян производить какие-либо с них взыскания и удовлетворить владельцев, тем более, что по примеру их, беспорядки эти, как эпидемическая болезнь, распространяются по дру- гим деревням и могут впоследствии охватить весь отдел»¹ (речь идет об Эриванском мировом отделе.—В. Р.).

Из архивного дела не видно, что было предпринято уездными или губерскими властями «противу настроения умов» крестьян, как было «усмирено» возмущение крестьян, как был восстановлен «порядок»; но независимо от всего этого, важен и самый факт ренитозного выступления мольбадарских крестьян этих двух селе- ний и «эпидемическое» влияние их выступления на крестьян со- седних деревень.

Особое место занимает по достигнутым результатам упорная борьба агаларских крестьян Ново-Баязетского уезда, об отдельных моментах которой нам уже приходилось говорить в связи с рассмотре- нием крестьянского движения Армении в дореформенные годы.

Эта длительная и настойчивая борьба агаларских крестьян за освобождение от помещичьей власти привела к тому, что «по жур- палу соединенного присутствия Главного Комитета об устройстве сельского состояния и Кавказского Комитета, высочайше утверж- денному 18 апреля 1877 года, определено: поселян, водворенных

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. 7/70, д. 570, лл. 2—3.

на казенных землях в селениях Ново-Баязетского уезда, освободить от личных повинностей, отбываемых ими в пользу девяти агаларских семейств, которым за потерю доходов чрез взимание повинностей с поселян безвозмездно выделить в собственность 1350 десятин из свободных казенных земель».¹

Управляющий государственными имуществами Эриванской губернии об этом мероприятии правительства по повелению проведения его в исполнение в 1889 году пишет Эриванскому губернатору:

«...Исключительное положение эриванских агаларов и особенность отношений к ним местного казенного населения вызвали необходимость создания особого сепаративного закона, имевшего в виду не только избавление крестьян от личных натуральных повинностей, но и прочное обеспечение быта самих агаларов, при чем 150 десятинный земельный падел был признан вполне достаточным для каждого агаларского семейства».²

Итак, борьба крестьян против агаларов, или «особенность отношений к ним (к агаларам.—В. Р.) местного казенного населения», как выражается чиновник из Эриванского управления государственными имуществами, вызвала «необходимость создания особого сепаративного закона», но по темпам, взятым Эриванскими канцелярскими, проведение этого закона осуществилось только в 1889 году. А до этого о создавшихся отношениях между агаларами и крестьянами с 1877 года узнаем, что как только «сделалось известным предположение правительства освободить поселян от обязательных отношений к агаларам, поселяне эти начали уклоняться от отбывания агаларам повинностей, па что со стороны последних возникают постоянные жалобы, удовлетворить которые встречается явная невозможность», так как крестьяне не в состоянии платить возрастающие недоимки повинностей.³

Осуществление этого закона также не дешево обошлось крестьянам.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 1345, лл. 33—35.

² Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. 133, д. № 1365, лл. 114—117.

³ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 1345, лл. 33—35.

Каждое из девяти семейств агаларов четырех деревень: Зод, Большая Мазра, Кизиль-Булаг, Султан-Али-Кизилиг по предложению Эриванского губернатора безвозмездно получило не только по 150 десятин казенной земли «в отмену натуральных личных повинностей... оцененных всего в 1631 рубль», но сохранило за собою и те «земельные угодья», которые до того были в его личном владении. Таким образом взамен 1350 десятин получилось у агаларов 1464 десятины 1870 кв. сажений.

Поэтому Комитет по устройству крестьян при Главном Управлении наместника кавказского имел все основания с удовлетворением констатировать, «что предложенным г. Эриванским губернатором способом не только дается агаларам справедливое вознаграждение за потерю ими доходов с повинностей помещан, но главным образом, вполне и прочно обеспечивается поземельный быт самих агаларов».¹

А в каком положении оказался «поземельный быт» бывших агаларских крестьян, пусть расскажет управляющий Эриванскими государственными имуществами:

«Следует... заметить, что произведенный отвод в собственность агаларов крайне стеснил население, отняв от него самые лучшие земли и установил крайне вредную чрепозлосность владения, так как участки, выделенные агаларам, находятся более чем в 40 различных местах, каковую чрепозлосность было бы желательно и необходимо устранить во что бы то ни стало...».²

Итак, даже тогда, когда под давлением крестьянской борьбы царизм принужден был освободить агаларских крестьян Ново-Баязетского уезда от помещичьей зависимости и повинностей, все же отвод земель агаларам был обставлен так, что он «крайне стеснил население, отняв от него самые лучшие земли и установил крайне вредную чрепозлосность владения», т. е. фактически для агаларов была сохранена возможность держать крестьян в зависимости уже кабальными условиями аренды агаларской земли.

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 1365, лл. 114—117.

² Там же.

* * *

Мы постарались на некоторых примерах показать борьбу крестьян Армении против помещичьей реформы 1870 года в 70-х и в первой половине 80-х годов, т. е. непосредственно после выявления ее первых результатов.

Укажем еще на тот несомненный факт, что борьба крестьян Армении против крепостнических остатков, против их верной хранительницы—царской власти—непрерывно продолжалась и в следующие десятилетия.

Приведем об этом свидетельство самого губернатора Эриванского, которое относится к половине 90-х годов, но содержит прямое указание и на предшествующие годы.

В январе 1895 года сообщая в департамент полиции о том, что в Эчмиадзинском уезде в селе Хатунарх «было оказано явное сопротивление распоряжениям пристава второго участка того же уезда...», что «сельскому старшине нанесены тяжкие побои, от которых он... умер», что «поводом к сопротивлению послужило требование об уплате недоимок казенных сборов»,—губернатор продолжает: «в течение последних лет было несколько случаев явного и дерзкого сопротивления власти и все в селениях армянских».

Далее губернатор, обращая внимание департамента полиции на то, что виновные «в общем порядке судопроизводства» получали слабые наказания, пускается в такие рассуждения:

«Такая безнаказанность виновных оказывает крайне вредное влияние на народ, на что помимо великих других соображений, указывает и то обстоятельство, что за последнее время случаи сопротивления власти стали чаще. (Курсив наш.—В. Р.), Между тем, слабое отношение к виновным в таких преступлениях дискредитирует власть и может привести к таким последствиям, которые вызовут необходимость самых экстремных и суровых мер».¹

Таково положение в пореформенной деревне, таково настроение крестьян, по словам Эриванского губернатора. Все это, конечно, не относится только к помещичьим крестьянам; губернатор

¹ ЦГИА (быв. ЦАР), ДП II, № 26, ч. 22, 1895 г., лл. 1—4.

рисует положение и настроение деревни вообще, а в данном случае имеет в виду государственных крестьян, их сопротивление властям при сборе казенных недоимок; но конкретный случай дает ему повод для общих выводов, для обрисовки общего строптивного настроения крестьян по отношению к властям, а факты такого настроения у помещичьих крестьян нам уже знакомы.

Поэтому, подытоживая все выше сказанное, можно констатировать, что после 1870 года борьба помещичьих крестьян Армении шла, главным образом, против условий и последствий царской полукрепостнической реформы; но в связи с этим немаловажна их борьба отдельно или совместно с государственными крестьянами против царизма, как опоры туземной помещичьей экстернатии в гнета и как колониального угнетателя этого далекого уголка «тюрьмы народов», созданной великорусскими помещиками и буржуазией.

10. Армянские общественные течения о крестьянской реформе в Закавказье

Армянская буржуазная пресса, после крестьянской реформы в Закавказье, в 70-х годах и в начале 80-х годов, когда в России получил разрешение вопрос о выкупе и когда в Закавказье этот вопрос был окончательно похоронен в царских канцеляриях до самого 1912 года,—начала чаще и более конкретно, чем в 60-х годах, заниматься реформой, особенно, ее результатами, выдвигала кое-какие новые вопросы, к рассмотрению которых и перейдем.

«Мшак» Григора Арцруни, в отличие от всей тогдашней армянской прессы, с первых же дней своего издания (1872—1920 г.г.) уделял довольно большое внимание экономическим вопросам Закавказской действительности. В нем сравнительно часто появлялись также статьи, прямо или косвенно затрагивавшие крестьянскую реформу и последствия ее проведения.

Сигнахский корреспондент, например, в 1872 году, положение грузинской дореформенной и пореформенной деревни представляет в таком виде: до реформы крепостной с ног до головы, своей семьей, всем имуществом и трудом принадлежащая своим батонам или

кабатоня» (баряну или барыне). «По это темное время безвозвратно ушло. И крепостные Грузии в силу императорского манифеста... были освобождены. Крепостные Кавказа тоже были освобождены и причислены к разряду свободных податных крестьян. Государство, понимая, что крепостному с личной свободой нужна и экономическая свобода, что ему нужна свободная земля, чтобы он мог обработать и получить выгоду—в этом смысле и издало вышеупомянутый закон».

У корреспондента, повидимому, не хватает совести довольствоваться этой фальшивой идиллией, и он указывает на те безобразия, которые во время проведения реформы творились в деревнях помещиками при помощи мировых посредников: «так что то, чего не видели крепостные во времена своих дедов, видели в последние дни своего крепостного положения».¹

Но и после реформы крестьяне не были освобождены от цепких лап помещиков, которые теперь выступают, между прочим, и в роли ростовщиков. Они, как говорит другой корреспондент «Мшак», благодаря своему высокому общественному положению более опасны для крестьян. Они, кроме неслыханно высоких процентов, требуют и другие услуги уже как помещики, например, получают бесплатных рабочих, пользуются выгонами крестьян, поливной водой вне очереди и т. п.²

Свое отношение к реформе в России «Мшак» выразил в 1874 г. в передовице «Государство и семья». Характерно, что о реформах в Закавказье отдельно ничего не говорится, и во всех реформах в России его внимание привлекает не конкретное содержание их, а только их общий буржуазный дух, их буржуазная суть, что и дает ценность им в его глазах.

«Начиная с 1855 г. русское государство непрестанно реформирует общественную жизнь своих подданных... Были освобождены крепостные (1861 г.), отменены телесные наказания (1863 г.), дано новое судебное законодательство (1864 г.), изданы правила о печати (1865 г.), преобразовано положение о военных судах

¹ «Мшак», 1872 год, № 10, «Письмо из Сигнаха».

² «Мшак», 1872 г., № 49. С. Ходжаян, Экономическая задача.

(1867 г.), введено городское самоуправление (1870 г.) и, наконец, объявлена всеобщая воинская повинность».

Во всем этом, отмечает «Мшак», «есть одна нравственная связь, все они стремятся к одному направлению, к одной цели, а именно: способствовать в государстве индивидуальному развитию человека-гражданина».

Переходя к оценке всех этих реформ в отдельности, «Мшак» неизменно выявляет в каждой из них именно эту черту: «На какой основе поконится освобождение крестьян?»—спрашивает, например, он и отвечает: «на основе индивидуальной свободы» и т. п.¹

Таким образом, «Мшак», с высоты своей буржуазной «индивидуальной свободы» разбирая реформы 60-х годов, ценя в них их «нравственную связь», не подходит к конкретным вопросам или к конкретным последствиям проведения в жизнь этих реформ, в частности крестьянской реформы.

Но «Мшак» сходит со своих высот индивидуальной свободы к конкретным вопросам экономической политики, когда нужно защищать интересы армянской буржуазии против крепостников и помещиков. В полемике против правительственного «Тифлисского вестника» и грузинской дворянской газеты по поводу Тифлисского дворянского банка он свое отношение к хозяйственной деятельности дворянства определяет следующим образом: «...Мы уверены, что, да, кредит является стимулом всякого хозяйства, промышленности, торговли, кредит оживляет экономику... но кредит не в силах изменить характер антихозяйственного элемента, того элемента, который привык безграничным произволом транжирить свое имущество, разрушать богатства природы, забывая о своих обязанностях и дерзко игнорируя неотъемлемые права будущего поколения человечества».

Против этих «разрушителей богатств природы» «Мшак» выдвигает интересы «созидателей» промышленности и торговли.²

Итак, «Мшак» довольствуется рассуждениями об общих осно-

¹ «Мшак», 1874 год, № 5, передовица «Государство и семья».

² «Мшак», 1874 г., № 38, передовица «Разрушители богатств природы».

вах, когда нужно выявлять общую, приемлемую для буржуазии сущность реформ; в иных же случаях, довольно определенно подчеркивает свое критическое отношение к мерам царизма в пользу «антихозяиственного элемента», дворян-помещиков, которые, конечно, и в Закавказье были предметом главных забот царизма.

Когда же против этого «антихозяиственного элемента» и против царизма для защиты своих «неотъемлемых прав» начинает бороться крестьянство, например, в Мингрелии в 1876 г. и в Сванетии в 1875—1876 г.г., «Мшак» выступает в совершенно иной роли; пускаясь в рассуждения о свободе печати и о значении свободной печати в деле водворения мира между крестьянами и помещиками, между крестьянством и правительством, он, например, уверяет, что «может быть и сами движения, которые возникли ввиду чисто экономических разногласий, как движение Мингрелии в последнее время и восстание Сванетии на-днях, не произошли бы, если бы местной печати была дана возможность предварительно критиковать то и другое экономическое явление в нашей стране, несправедливое отношение того или иного помещика к своим крестьянам, ошибочное понимание крестьянами той или иной деревни своих обязанностей и прав, наконец, то или иное злоупотребление со стороны подчиненных местной администрации чиновников, непосредственно общающихся с народом и часто относящихся к народу неопытно и неумело...»¹

По «Мшаку» выходит, что одно из назначений свободной печати состоит в том, чтобы замазывать все классовые противоречия между крестьянством и помещиками, быть посредником между народом и царизмом: одному указывая недостатки его чиновников и т. п., а другому объясняя его заблуждения и т. д., водворить мир и обеспечить помещикам и царизму мирное продолжение грабежа... не забывая, что буржуазии за это надо пожаловать свободу печати.

Итак, даже после крестьянской реформы в Закавказье, в 70-х

¹ «Мшак», 1876 г., № 30, передовица «Иностранная пресса о нас».

годах, когда крепостная суть ее была достаточно выявлена. «Минака» в первую очередь интересовала не она, а вообще буржуазные реформы, буржуазный курс царской политики. Он относился отрицательно к борьбе крестьян против помещика и царизма, потому что она по своим целям выходила за пределы царской, помещичьей реформы, по существу была направлена против нее; буржуазия же принципиально не возражала против царской реформы, по существу была ее сторонницей и поэтому предлагала свои услуги в усмирении крестьянских движений, направленных против нее.

С начала 80-х годов, когда в России, а затем и в Закавказье вопрос о выкупе был практически поставлен и оживленно обсуждался в прессе, в «Минаке» стали усиленно заниматься им, а в связи с ним возник также вообще крестьянский вопрос, привлекая к себе большое внимание со стороны руководителей и сотрудников газеты.

В постановке этих вопросов, кроме чисто либеральной позиции, защищаемой редактором «Минака» Г. Арцруни и его ближайшими соратниками, явно заметна и либерально-пародическая позиция, защищаемая молодыми сотрудниками газеты, главным образом московскими студентами армянами, со взглядами которых кратко познакомимся ниже, в связи с рассмотрением позиции журнала «Горц» (Дело) на крестьянскую реформу и его результаты в России и в Закавказье.

Несколько иначе подходит к крестьянской реформе другой орган армянской буржуазии: «Порц» («Опыт»), выходил под редакцией Абгара Юницияна в 1876—1881 г.г.). Реформа в Закавказье занимает его, главным образом, по своим конкретным результатам. В этой области в «Порце» можно найти кое-что интересное.

В 1876 г. в журнале была напечатана статья под заглавием «Об окрестных деревнях Тифлиса», посвященная крестьянской реформе и последствиям проведения ее в Грузии. Предварительно в ней освещаются некоторые моменты дореформенного положения крестьян в Грузии: «В начале настоящего века Россия взяла в

свои объятия Грузию и защитила ее от внешних врагов, но она не уничтожила крепостничества, причем даже в России парод был в том же положении. Наоборот, вышел приказ о том, что кто является помещиком или крепостником, пусть предъявит свои бумаги на утверждение. Это было то время, когда новые и новые неизвестные помещичьи имена появились даже из армян, и среди народа шла молва, что многие господа богачи попали в ряды дворян... Автор статьи так объясняет это явление: «Надо знать, что у нас только дворянин может владеть имением в деревне, а в то время очень облегчено было стать дворянином: стоило только какому-нибудь дворянину сунуть определенную сумму, чтобы считаться его родственником».

Все эти господа пользовались законом о десятилетней давности и с помощью местных властей захватывали крестьянские земли, пагали на крестьян полянности, а через несколько лет появлялся землемер и, «придерживаясь всех условий, упомянутых в законе, конечно, все ложно, все фальшиво и деланно», измерял крестьянскую землю и передавал ее новому помещику. Все это, говорит автор статьи, тогда было возможно, так как «розги творили чудеса». «Проме того, все правители страны были дворянами, все друг другу помогали, друг друга защищали, никто не оставался в долгу у другого».¹

Таково было положение в дореформенной деревне: так распоряжались судьбою и землею крестьян помещики и местные власти под защитой царских законов и царской политики.

Переходя к пореформенному положению, автор, конечно, в духе всех буржуазных публицистов отмечает, что «царь освободителя пожаловал свободу крепостным России», а потом и Грузии. «Однако, народ опять остался под давлением своих прежних помещиков и в прежнем невежестве и бедствии...». Автор особо отмечает «эксплоатацию помещиков, полную произвола», непрекращающийся гра-

¹ «Порц», 1876 г., № 2, Гюхаци (Крестьянин). Об окрестных деревнях Тифлиса, стр. 416—417.

беж разбойников и природные бедствия, которые разоряют крестьян и вытесняют их в города.

Тифлиские армяне-носильщики — приезжие из окрестных деревень Вахтисвапи, это ханские, т. е. мюльшадарские крестьяне, которые лишены возможности в деревне сохранить свое существование и принуждены отправляться на заработки в город. Остальные носильщики — грузины, у которых положение в десять раз хуже армянских крестьян и «если они не были бы чрезвычайно неприхотливыми, то давно исчезли бы с лица земли».

Интересно, что наряду с помещиком и с чиновником упоминается и другая группа эксплуататоров — крестьян; духовенство, представители которого «входят в деревни не с кнутом, а с крестом и евангелием, с длинными и белыми бородами».

Отмечая привилегированное положение, в которое поставлены деревни немецких колонистов по сравнению с армянскими и азербайджанскими деревнями, автор остроумно замечает: «Особенно смешно то, что многие говорят, будто бы эти немцы для того переселены сюда, чтобы их примеру последовали и другие деревни. Это одно и то же, если сказать, что, когда богатый капиталист учредит фабрику в какой-нибудь деревне, тогда все крестьяне, последовав его примеру, откроют по одной такой же фабрике...»¹.

Сразу же замечен во всем вышеизложенном о реформе и ее последствиях иной тон, чем вообще был у «Мипала»: осторожное, но более или менее критическое отношение к результатам проведения реформы здесь налицо, именно к результатам, а реформа же говорится кратко и в общем либеральном тоне буржуазной прессы, в общих фразах. Только повторяется, так сказать, общепринятая буржуазная формула: «царь освободитель пожаловал свободу крепостным». Хотя наряду с этим есть и оговорка: «однако народ спящий остался под влиянием своих прежних помещиков».

В рассмотренной выше статье есть такое рассуждение: «Самое лучшее и основательное — это то, чтоб феодализма не было и земля

¹ «Порц», 1876 г., № 2, Гюхаци (Крестьянин), Об окрестных деревнях Тифлиса, стр. 417—423.

принадлежала бы земледельческому сословию, как она принадлежит немецким колонистам».¹ Эти мысли автора уже как будто выходят из рамок того буржуазного пути крестьянской реформы, который был проведен в России и который характеризовался Лениным как прусский путь буржуазного развития в сельском хозяйстве. Получается что-то совсем другое, переход земли в руки крестьян без феодализма, это ведь американский путь буржуазного развития. Но притти к такому заключению было бы неправильно, имея в виду общий революционный дух всей статьи, что не дает права принять антифеодалные настроения ее автора за демократически-буржуазные, но крайней мере, во всей статье, автор, кроме этой фразы, не дает никакого повода для иного заключения. А эта фраза в общей связи его рассуждений выглядит только как добродушное пожелание буржуазного интеллигента, видящего рядом с папичальным положением армянских и вообще туземных крестьян мелко-буржуазный достаток немецких колонистов. Он желал бы, чтоб и у армянских крестьян тоже были такие земельные наделы, как у немецких колонистов. А как это сделать возможным, как сделать, «чтоб феодализма не было». Этого вопроса он и не ставит.

Национальное обиженное чувство выявляется и по поводу другого факта царской колониальной политики, т. е. переселения русских крестьян в Закавказье за счет армянских (и других туземных) крестьян, наделения их лучшими землями и создания для них привилегированного положения.

Послушаем, что об этом рассказывает устами лорийского крестьянина армянской деревни Агкорни другой сотрудник журнала «Порц». Крестьянин, указывая на земли соседней русской деревни Привольное, говорит: «Посмотрите вокруг деревни, сколько кругом выгона и сколько сена косят они. Когда то большая часть этих земель находилась в руках агкорнишцев, но когда во время князя Воронцова переселили сюда русских солдат (речь идет о

¹ «Порц», 1876 г., № 2, Гюжаи (Крестьянина). Об окрестных деревнях Тифлиса, стр. 420.

военных поселениях.—В. Р.), большая часть наших земель перешла в их руки; мы обеднели, они разбогатели».¹

Таким образом, в оценке крестьянской реформы и ее результатов «Порц» не закрывает глаз перед ее отрицательными последствиями, отмечает разорение крестьян и уход их в города под давлением помещичьего гнета, и даже указывает на национальную политику правительства, несправедливую по отношению к крестьянам местных национальностей, в частности в поземельном вопросе.

Конечно, и в этом вопросе ожидать более или менее последовательной линии у «Порца» не приходится; буржуазная умеренность, противоречивость, робость в его оценках политики царизма видны на каждом шагу. Так, например, непосредственно после русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. журнал, забыв свои собственные высказывания о реформе, устами известного армянского писателя Церенца именно из-за реформы дал отлучение всем грехам царизма: «Что бы то ни было у России в ее истории, все куплено ею, так как в то время как свободная Америка бесчисленными потоками крови смогла купить свободу 4 миллионам черных рабов, Россия лишь одним манифестом пожаловала свободу 42 миллионам крепостных».²

В начале 80-х годов прошлого столетия армянская буржуазная пресса, в связи с обсуждением вопроса о выкупе, выдвинула некоторые практические предложения для исправления отрицательных, по ее мнению, результатов крестьянской реформы.

С такими предложениями выступили, например, журнал «Ардзаганк» («Эхо»), издававшийся после «Порца» Абгаром Иоанисяном в Тифлисе с 1882 г., и газета «Исак» («Венок»), выходившая в Эривани в 1880—1884 г.г. под редакцией Васака Панаджянца.

После реформы, указывает «Ардзаганк», армянское крестьян-

¹ «Порц», 1876 г., № 2, стр. 428, А. Н. Гугарац анхар (Лори).

² «Порц», 1879 г., № 1, стр. 211, Церенц, Дух нашего времени и будущее армян.

ство Эриванской губернии, как правило, не имеет и той нормы надела, которая определена законом: «...каждый дым должен иметь по закону 20 десятин...»,¹ но теперь даже очень богатые из крестьян имеют едва ли до 8—10 десятин, а большинство имеет две, три и даже одну десятину».

Поэтому не удивительно, что «...всюду, где ни говоришь с армянским земледельцем о его положении, слышишь одну и ту же жалобу на бедность и безземелье; одновременно крестьяне добавляют, что подали прошение о переселении в Казскую область, но получили отрицательный ответ».²

«Ардаганк» устами другого своего корреспондента в том же году указывал путь, как выйти крестьянину из этого положения, созданного крестьянской реформой. Оказывается, в этом деле может иметь решительное значение Крестьянский Банк, учрежденный в России по закону 18 мая 1882 года. Известно, что этот банк фактически помогал помещикам выгодно продавать свои земли деревенским кулакам и, вообще, вынуждал крестьян, что кроме покупки, иного пути для приобретения земли нет».³

Но послушаем корреспондента «Ардаганка». «У высшего императора доброе желание протянуть руку помощи бедному крестьянину, сделать его владельцем земли. Высшей власти края (Закавказья.—В. Р.) остается приложить старание, чтобы милость императора была распространена и на Закавказье, где крестьянин в течение более 80-ти лет с наибольшей верностью своим имуществу и кровью оказывал содействие государству против его внутренних и внешних врагов. Стало быть, наш крестьянин имеет полное право не лишиться милости, даруемой государством сельскому обществу России. От Крестьянского поземельного банка зависит

¹ По положению 14 мая 1876 г. каждой крестьянской семье в среднем полагалось 15 десятин (В. Р.).

² «Ардаганк», 1882 г., № 32, Г. Е., «Из Тифлиса до Эчмиадзина», стр. 509.

³ См., например, «История СССР», т. II, Россия в XIX веке, под ред. проф. М. В. Нечкиной. Москва, 1940 г., стр. 606.

благоденствие нашего крестьянина, а его благоденствие — это благоденствие всего края».¹

Так предполагали публицисты «Ардзаганка» смягчить отрицательные результаты крестьянской реформы в Закавказье и чтобы удостоить закавказского крестьянина «милости императора», какие только «заслуги» по навязывали ему перед царизмом!

Но удивляться нечего, армянский буржуазный журнал по существу игнорил своим русским собратьям-либералам; рецепт один и тот же: не бороться против помещичьей реформы, а только исправить ее «недостатки» в пользу деревенской буржуазии.

Эриванская газета «Псак» в том же 1882 году также выдвигает вопрос о малоземельи помещичьих и государственных крестьян в частности Эриванской губернии, связывая его опять с крестьянской реформой.

Обращается внимание на тот факт, что «после уничтожения крепостничества» те из крестьян, «которые остались на помещичьих землях, в отношении земли находились и находятся в большой зависимости от помещиков. Они отбывают две повинности: одну государственную и другую помещичью (более тяжелую)». Автор цитируемой статьи считает излишним распространяться о притеснениях помещичьих крестьян; его в данном случае интересует вопрос о малоземельи крестьян. Ему известно только одно средство, которым можно бороться против этого зла: это — покупка земля крестьянами; но, оказывается, что и это единственное средство не помогает, так как при «очень тяжелых условиях со стороны помещиков», для крестьянина «становится невозможным расширить свою пахотную землю и пастбище, прикупая землю у частных помещиков».

Итак, помещики очень дорого оценивают свою землю, а у крестьян денег нет; по мнению автора выход один: «...Нужно об-

¹ «Ардзаганк», 1882 г., № 19, Амбо. «Важность Крестьянского поземельного банка в нашем крае».

рататься с просьбой к помощи государства: нужно притти к соглашению с государственным и помещичьим банками».¹

Кроме этого, уже знакомого нам из «Ардзаганка» средства «Псак» выдвигает и другое, более смелое средство, для удовлетворения поземельных нужд армянских крестьян. Он выступает против переселенческой политики царизма, против наделения землею за счет армянских крестьян русских переселенцев.

Поводом к этому послужило желание 15 армянских крестьянских семейств переселиться в Россию. Так как единственной причиной переселения был «недостаток земли, пахотной земли», то «Псак» берет на себя смелость предлагать: «Пусть наша пресса возвысит голос, потребует от кого следует, чтобы землю армяне не жалели для армии, отдали бы им, а не оставляли для гостей».²

Ленин, разоблачая буржуазную классовую ограниченность подхода русских либералов к крестьянскому вопросу, говорит: «Наши либералы постоянно рассматривают «крестьянский вопрос» с точки зрения «малоземелья» крестьян или необходимости «государственного устройства» их быта или наделения землей по той или иной «норме» (этим грешат и пародники). Такая точка зрения в корне не верна. Дело идет о классовой борьбе на почве крепостнических отпошений хозяйства, только и всего. При сохранении теперешнего землевладения помещиков неизбежно сохранение кабалы, крепостничества и... рабства. Никакие «реформы» и никакие политические изменения тут не помогут. Тут идет речь о землевладении класса, превращающем всякий «прогресс» в черепаший, превращающем массу крестьян в задавленных и привязанных к «барину» птиц».

Не о «потребительной» или «производительной» норме идет тут речь (все это пароднический вздор), не о «малоземелье», не о «наделении землей»,—надо говорить об устранении классового

¹ «Псак», 1882 г., № 17, Григорис Ерэнкян, «Долгосрочный кредит».

² «Псак», 1882 г., № 18, статья Томаса Месеряна.

крепостнического гнета, мешающего развитию капиталистической страны».¹

Такую же классовую ограниченность выявляют при рассмотрении крестьянской реформы и ее результатов армянские буржуазные течения без различия направлений. Идеологи разных групп армянской буржуазии, отличаясь друг от друга по форме и по решительности в постановке вопросов, по существу говорили об одном и том же: о малоземелье крестьян, о покупке крестьянами земли с помощью государства, о разных банках и т. п. Но они, подобно русским либералам, не говорили о самом существенном: «об устранении классового крепостнического гнета, мешающего развитию капиталистической страны», не ставили вопроса об уничтожении «теперешнего землевладения помещиков».

Иначе говоря, армянская буржуазия и ее идеологи не выступали против царской, помещичьей реформы, против «прусской» пути развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, вернее, они в основном были ее сторонниками.

В 1882—1884 г.г. в Шуше и Тифлисе под редакцией Симона Ахумяба издавался журнал «Горц» («Дело»).

«Горц» большое внимание уделял крестьянскому вопросу, в частности крестьянской реформе и ее результатам. Хотя дух и содержание всех статей, посвященных этим вопросам, не вполне совпадают, но во всех статьях в той или иной мере заметно влияние либерально-пародических настроений.

Вопрос о временно-обязанных и зависимых крестьянах, о выкупе, как уже нами указано, в эти годы обсуждался и в Закавказье. Публицисты из «Горца» проявляли довольно живой интерес к вопросам, связанным с крестьянской реформой и с ее результатами в Закавказье, в частности в Карабахе, где их интересовало положение армянского крестьянства.

¹ Ленин, Соч., т. XVII, 2-ое изд., «Крепостное хозяйство в деревне», стр. 338.

Одни из сотрудников «Горца», московский студент Грация рез-
ко критикует крестьянскую реформу с народнических идейных по-
зиций.

«Из ныне существующих форм землевладения,—пишет он,—
община более всего соответствует праву человека на землю».

Перечисляя преимущества общинного землевладения, он при-
ходит к такому заключению: «Общинное землевладение обеспечи-
вает существование всех и мешает концентрации капитала», для
развития которого нужно: «а) чтобы был в продаже свободный
труд, б) чтобы хозяин труда, т. е. рабочий был совсем лишен
средств производства...». В России первое «условие создалось после
упрощения крепостничества», а «второе условие само собою воз-
никло после лишения крестьян земли».¹

Отсюда отрицательное отношение автора к крестьянской ре-
форме: «Падение крепостничества вместе с лишением крестьян зем-
ли имело то последствие, что народ из юридического рабства по-
пал в реальное рабство». Далее: «В прежнее время законодатель-
ство давало господствующему классу полные права над судьбою
рабов и крепостных, теперь мы видим то же самое; судьба народа
целиком находится в руках капиталистов, хотя и без юридиче-
ской санкции».²

В духе народников Грация утверждает, что от «капиталистиче-
ского рабства» Россия избавляется благодаря общине, да и капи-
тализм держится в России «искусственно»: «Только общинное зем-
левладение мешает тому, что в России капитал так не развивает-
ся, как в Европе; стоит только, чтобы правительство лишило сво-
ей денежной помощи разные фабрики и заводы, и они совсем исчез-
нут».³

Он выступает против того взгляда, согласно которому община
в России является уже старой формой землевладения; в этой связи

¹ «Горц», 1882 г., № 1, Грация, Община и ее значение в на-
родной жизни, стр. 45 и 46.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 47.

он разоблачает тайные антиобщинные тенденции царской крестьянской реформы: «Несмотря на то, что при освобождении крепостных все улячужили эту форму землевладения, но все же все освобождение проведено так, что правительством убеждено, что в свое время, когда народ будет развиваться, эта форма землевладения сама собою уничтожится и ее место займет личная собственность на землю, одним словом, и здесь произойдет то же самое, что мы видим в Европе».

Грачя, наоборот, убежден, что «община соответствует наивысшему просвещению», и рекомендует в Закавказье и в Армении всячески «сохранить и укрить эту форму землевладения», так как там, «где до сих пор община осталась, в народе есть большое стремление к общей деятельности, к общему бытию и равенству и, конечно, здесь легко могут распространяться более совершенные формы землевладения, нежели в том случае, когда это общественное чувство, общинный дух совсем умер, что мы видим в Западной Европе».¹

Итак, против антиобщинных тенденций царской, помещичьей реформы, за сохранение и развитие общины, как верного пути к социализму в духе народников,— вот какие идеи защищает Грачя в осторожной форме на страницах легального журнала.

Но как Грачя, так и более умеренно настроенные другие соратники «Горца», когда от критики крестьянской реформы и ее результатов переходят к своим практическим предложениям об устранении отрицательных ее сторон или о помощи крестьянству, то уже не выходят из рамок обыкновенных буржуазных рецептов улучшения царской реформы.

Сам Грачя, например, довольствуется тем, что предлагает организовать изучение общины в Закавказье и только.

Другой автор, А. Калантар, в связи с вопросом о выкупе, с горечью замечает: «Наш крестьянин принужден выкупать свою историческую родную собственную землю, на которой веками работал, обилья ее своим потом и кормил своих врагов и господ».

¹ Там же, стр. 49—50.

Не без умысла по этой же связи он упоминает о том, что Гаеттаузен открыл глаза «русскому образованному обществу», и вынул ему то, что «община, есть принцип русской сельской организации, по которому сельская земля принадлежит селу, а не отдельным крестьянам, которые пользуются землею только временно».

Пускаясь в рассуждения о значении крестьянства в национальной жизни и отмечая факт, что, «ничего не осталось у нас из прошлых веков, кроме нашего крестьянина и обрабатываемой им земли»,—автор в заключение довольствуется только констатированием следующего печального обстоятельства: «Теперь возбужден вопрос о средствах жизни этого исторического земледельца, и наша интеллигенция, нравственная представительница народа, ничего сказать не имеет, никакого средства не имеет для помощи народу».¹

В таком воистину беспомощном положении находилась интеллигенция, которая по примеру народников писала об общинных началах крестьянской жизни, но перед фактом тяжелых результатов крестьянской реформы ничего не могла предложить народу, кроме признания необходимости выкупа.

К вопросу о выкупе «Горц» возвращается и в другой связи. Один из его сотрудников, Рустам, обращает внимание на тот факт, что «пагубный поток торговли» разрушает «старые, честные традиции» крестьян и создает условия для втягивания их в «торгашескую» деятельность. Он ставит вопрос о помощи крестьянам, чтобы «спасти ядро нации от этого разорения». Необходимо, чтобы «наша интеллигенция предлагала разные средства для увеличения и обеспечения земель крестьян. Государство уже предложило бекам и народу оценить земли, после чего или сами крестьяне или государство должны выручить землю из рук беков (выкупная система). Этот момент, по крайней мере для Карабаха, разрешит вопрос всего будущего».

¹ «Горц», 1882 г., № 1, А. Калантар. Важность изучения родины, стр. 12 и 18.

«В это тревожное время» обязанность прессы состоит в том, чтобы «объяснить крестьянину значение его земли, спасительную помощь государства, добросовестную оценку земли», найти средства для покупки крестьянской земли, обратиться за помощью «к нашим богатым соплеменникам».¹

Таким образом, в момент разрешения вопроса «всего будущего» крестьянина и для спасения его от «пагубного потока торговли» автор не знает другого средства, кроме покупки помещичьей земли крестьянами собственными средствами или с помощью государства, или, что еще характернее, с помощью «богатых соплеменников», т. е. влиятельных того же «пагубного потока торговли», против которого собирается бороться запугавшийся в своих либерально-народнических взглядах автор.

К вопросу о крестьянской реформе и о выкупе уже совсем либеральному подходит другой сотрудник «Горца», Амбарцум Аракелян, хотя он тоже «теоретически» выступает против буржуазии и армянской интеллигенции, обвиняя первую в том, что она для сохранения непоколебимости и неизблемости своего положения, сознательно вводит в заблуждение народ, которого она заставляет служить своим интересам и целям, а вторую в том, что она в большинстве своем «своим реакционным, узким мировоззрением принадлежит буржуазии».²

Сам он, повидимому, считает себя принадлежащим к той части интеллигенции, которая «в последнее время совершенно преобразилась под влиянием русской печати либерального и народнического направления», из этой печати он упоминает журналы «Слово» и «Отечественные записки».³

Так вот посмотрим, как этот «либерального и народнического направления» автор относится к крестьянской реформе и как собирается ликвидировать отрицательные результаты ее для крестьян.

¹ «Горц», 1882 г., № 1, Рустам. Страна Арцах (Карабах), стр. 27—31.

² «Горц», 1884 г., № 1, А. Аракелян, Буржуазия в нашей литературе, стр. 44.

³ «Горц», 1882 г., № 1, А. Аракелян, Вопрос о землевладении в Закавказье, стр. 61.

«Законы природы и даже справедливости требуют, — заявляет он, — чтобы земля, на которой родился, живет и умирает крестьянин, принадлежала ему, а не частным, пользующимся особыми правами личностям, которые, владея землей, превратили бы крестьян в своих крепостных, в своих рабов».¹

Заметим, что у этого автора нет речи об общине, об общинном землевладении крестьян.

Обращаясь конкретно к крестьянской реформе, он уже совсем по буржуазному шаблону изливается в восторге перед «царем-освободителем»: «Если покойный человеколюбивый император Александр II совершенно заслуженно получил имя **освободителя**, эпитет благодетеля человечества, то это не напрасно, он от такого страшного рабства, от крепостничества освободил миллионы людей».²

Переходя к Закавказью и имея в виду в частности условия Карабаха, он пишет: «у нас земля, главным образом, принадлежит бекам, которые фактически играют ту роль, какую играли в России помещики». Но «...наше заботливое правительство давно обратило внимание на эту несправедливость, давно желает облегчить положение сельского сословия, улучшить его экономическое положение». А это возможно только тогда, когда можно будет «превратить землю в собственность крестьянина».

Осуществление этой меры, по автору, связано с «преобладающими трудностями», так как для того, «чтобы превратить землю в собственность крестьянина, нужно будет лишить земли беков, отнять у них их собственность, а такой захват был бы деспотизмом по закону и невозможен в государстве, управляющемся известными определенными законами».³

Таким образом, автор в решении основного вопроса крестьянской реформы стоит на точке зрения тех интеллигентов, о которых **сам** писал, что они «своим реакционным, узким мировоззрением

¹ «Горц», 1882 г., № 1, А. Аракелян, Вопрос о землевладении в Закавказье, стр. 62.

² Там же.

³ Там же, стр. 63.

принадлежат буржуазии». Он сторонник выкупа; по так как помещики и крестьяне не могут прийти к соглашению в оценке земли,—как это случилось в 1880 г. в Елисаветполе, на специально для этой цели созванном собрании, потому что «одна сторона старается очень высоко оценить землю, другая же—очень низко»,—он возлагает все свои надежды на вмешательство правительства.

«...Если правительство желает осуществить свою реформу, т. е. преобразовать экономическое положение крестьянина, отдавая ему в собственность землю, то оно должно стараться, чтобы земля была оценена очень низко, и выкуп был бы под силу крестьянину».¹

В разрешении вопроса справедливой оценки земли, говорит автор, может оказать свое содействие и интеллигенция, конечно, «народнического направления». Мы, продолжает автор, должны последовать и рассмотреть: «...земля, та земля, которая сегодня перешла в собственность беков, принадлежала ли прежде крестьянину или нет? Если земля прежде была крестьянской, беки, возвращая ему свою собственность, ничего не потеряют, самое малое вознаграждение будет для них находкой; ведь они ничего не платили за нее; с другой стороны, возвращая крестьянину землю, мы совершили бы только простой акт справедливости, и больше ничего».

«Значит, нам нужно теперь объяснить происхождение беков, их права, отношение крестьян к бекам и взаимные отношения беков и крестьян».

При этом автор отмечает: «вопрос, как видите, очень запутанный и сложный, и мы далеки от того тщеславного мнения, что сможем разрешить его, но, по крайней мере, в пределах наших сил поможем его разрешению».²

Автор в рассматриваемой нами статье не пытается оказывать помощь в разрешении этого «запутанного и сложного» вопроса; от

¹ «Горц», 1882 г., № 1, А. Аракелян, Вопрос о землевладении в Закавказье, стр. 64.

² Там же, стр. 68.

автора ничего не узнаем также о том, как долго придется ждать крестьянам, чтобы последовала эта помощь...

Но ясно одно, что, хотя сотрудники «Горца» в вопросе об оценке крестьянской реформы проявляли в той или иной мере народнические настроения, выступали в защиту общины, выявляя антиобщинные тенденции царской реформы, защищали «старые, честные традиции» крестьян против «пагубного потока торговли», объявляли себя сторонниками «народнического направления» в противоположность большинству армянской интеллигенции, которая «своим реакционным, узким мировоззрением принадлежит буржуазии», и т. д.,—но как только они подходили к практическому вопросу об устранении последствий царской реформы, например, к вопросу о выкупе, следовательно, к вопросу о ликвидации крестьянской зависимости от помещиков, то они целиком становились на точку зрения буржуазии, ленинская оценка которой уже знакома нам. Им чужд революционный дух народных требований эпохи крестьянской реформы, они по существу не выступают против царской реформы, а только по примеру буржуазии пробуют исправлять ее «недостатки», ибо, как указывал Ленин, «этими гренадами народники».¹

¹ Ленин, Соч., т. XVII, 2-е изд., «Крепостное хозяйство в деревне», стр. 338.

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В АРМЕНИИ

1. Положение помещичьих крестьян после реформы .

Нам уже известно, что размеры помещичьего землевладения в различных районах Армении были разны, поэтому естественно, что различно было и влияние крестьянской реформы на крестьянское хозяйство в разных уездах и участках, входящих теперь в Армению.

Постараемся сначала выявить результаты крестьянской реформы по разным районам Армении, потом, основываясь на них, выяснить, во-первых, задерживающее значение крепостнических остатков этой реформы для развития крестьянского хозяйства Армении в целом, а во-вторых, условия, созданные после реформы для вытягивания и направления сельского хозяйства на путь капиталистического развития; при этом необходимо всегда иметь в виду колониальное положение Армении. Только при таком изучении вопроса можно правильно понять историческое значение крестьянской реформы для экономического развития Армении.

Начнем с **Зангезурского** уезда, одного из основных районов помещичьего землевладения в Армении.

Чтобы представить положение помещичьих крестьян этого уезда, нужно иметь в виду следующий основной факт. По данным начала 1890-х годов из 106.127 десятин всей помещичьей земли в распоряжении самих помещиков находилось 64.560 дес., а в падеже у крестьян всего 41.567 дес., значит больше $\frac{1}{2}$, находилось в личном владении помещиков, и около $\frac{1}{2}$ — в пользовании крестьян.

По величине помещичьи имения распределяются так:

до	10	десятины	.	.	264	имения
от	10— 25	»	.	.	228	»
»	25— 50	»	.	.	96	»
»	50— 100	»	.	.	55	»
»	100— 200	»	.	.	36	»
»	200— 500	»	.	.	30	»
»	500—1000	»	.	.	16	»
свыше	1000	»	.	.	6	»
В с е г о . . .					731	имений ¹

Заметим, кстати, что помещики за эти 64,560 дес. земли всего платили 3.886 руб. 40 коп. поземельного налога или 1 руб. за почти 17 дес. земли.²

() Поземельных условиях помещичьих крестьян после реформы можно составить более конкретное представление, если сопоставим паделы их пахотной земли с наделами пахотной земли государственных крестьян того же уезда (данные относятся к началу 1893 года):

Количество пахотной надельной земли гос. крестьян в десятинах	Число дымов	На дым при- ходится в десятинах
73363,6	10676	6,9

А у помещичьих крестьян соответствующие данные таковы:

33828,8	7527	4,5
---------	------	-----

Сравнительно малая обеспеченность наделом пахотной земли помещичьих крестьян очевидна, но это, конечно, не значит, что у государственных крестьян в этом отношении все благополучно. Это видно, между прочим, из того факта, что в уезде среди крестьян, в том числе и государственных, была распространена аренда казенной и помещичьей земли, а также летних и зимних пастбищ:

¹ Сборник статистических данных о землевладении..., изд. 1899 года, стр. 87.

² Там же.

количество арендуемой крестьянами земли доходило до 75686 десятин. т. е. в среднем около 4 дес. на дым.

Аренда земли даже при кабальных условиях была необходима особенно для помещичьих крестьян, так как «наименьшие наделы встречаются у владельческих крестьян, у многих средний надел не превышает 1,5—2 десятины на дым».¹

В Армянских участках Закавказского уезда (Меграшский, Кафанский, Закавказский, Сисианский районы) соотношение всей наделной земли государственных и помещичьих крестьян, по нашим расчетам (на основании данных IV приложения цитированного нами много раз «Сборника», изд. 1899 г.) таково.

У государственных крестьян на дым и душу мужского пола приходится:

Количество дес. земли	Число дымов	Число душ мужского пола	На дым десятин земли	На душу муж. пола десятин земли
92.384	5.786	22.384	15.9	4.1

А у помещичьих крестьян, наделенных землею по Положениям 1870 и 1877 годов, на дым и душу мужского пола приходится:

18.839	4.159	12.782	4.5	1.4
--------	-------	--------	-----	-----

Как видно из этих данных, и у государственных крестьян не было той нормы, которая предусматривалась Положением 1870 г. для помещичьих крестьян (5 десятин на душу мужского пола свыше 15-летнего возраста), а у помещичьих крестьян и на дым не приходилось той нормы, которая была установлена на душу мужского пола.

Не трудно понять, что «крестьянская» реформа в этом уезде мало что изменила в экономическом положении помещичьих крестьян; об «освобождении» крестьянского хозяйства от власти помещика и речи не могло быть, так как крестьянин принужден был арен-

¹ Сборник статистических данных..., изд. 1899 г., стр. 75, 87—90.

добать у помещика и у государства в среднем приблизительно столько земли, сколько было в его постоянном пользовании на одной земле, или когда его весь надел в среднем был меньше $\frac{1}{2}$ установленного Положением 1870 г. надела.

Данных об обеспечении помещичьих крестьян рабочим или иным скотом за 80-е годы нет, но об этом можно судить на основании данных о государственных крестьянах, по которым на каждый дым в среднем приходилось: рабочего скота—1,81 голов, молочного и гулевого—4,67, мелкого—13,67.

Положение помещичьих крестьян, вероятно, было хуже, так как, будучи менее обеспечены землей, едва ли они могли держать необходимого количество всякого скота, хотя скотоводство после земледелия в уезде было одним из основных занятий населения.

Если к этому прибавить еще то, что крестьяне во всех помещичьих деревнях уезда были обязаны натуральную повинность от всех произведений земли (¹ $\frac{1}{10}$ часть урожая) доставить на дом помещикам даже за 120 верст, что бывало нередко, или за 50—100 верст, что было обыкновенным явлением, и только реже на меньшее расстояние, вопрос о степени «освобождения» крестьян от помещиков станет более ясным.

Очень характерно и следующее обстоятельство: в армянских участках уезда, например, до начала 90-х годов из всех 49 помещичьих деревень в семи уставные грамоты не были еще составлены, и даже через 20 лет после издания Положения 1870 г. все оставалось по-старому.

Это относится, главным образом, к имениям, принадлежавшим помещикам не из «высшего» сословия, в которых отношения крестьян с владельцами продолжали определяться «добровольными» условиями; также к имениям, принадлежавшим смешанным владельцам, где отношения помещиков и крестьян были более запутанными, что и давало владельцам возможность надолго затянуть проведение реформы.¹

¹ Материалы..., т. I. М. Н. Кучаев, Крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии, стр. 468—469.

Среди тягот, лежавших на крестьянах, не из последних мест занимали государственные и другие подати, которые в свою очередь способствовали тому, что крестьянин попадал не только под власть помещика, но и ростовщика. Податное обложение государственных крестьян (подымная подать, земский сбор, школьный налог, общественные повинности) в среднем составляло на дым 11 руб. 44 коп., а на дуну мужского пола—3 руб. 20 коп., не считая разных повинностей натурою в пользу государства.¹

По данным Бахатдзе, на десятину культурной земли приходилось податей 1 руб. 59 коп., а на десятину всех родов земли—77 коп.²

О помещичьих крестьянах полных данных нет, но нечего сомневаться, что все эти повинности, наряду с повинностями в отношении помещиков, были для них более разорительны, чем для государственных крестьян.

В результате этих условий, созданных после крестьянской реформы, идет разложение крестьянского хозяйства, сток бедноты на работу в промышленные предприятия уезда, и на заработки в города; рядом с этим происходит расслоение крестьянства, выделение довольно многочисленного слоя деревенских ремесленников. Эти явления особенно заметны в армянских участках и в армянских деревнях уезда.

Вот некоторые данные, характерные для указанных процессов. Из крестьян Кафанского и Мегриского участков на медеплавильных заводах уезда (число которых, как нам известно: четыре) работало до 500 человек. Заработная плата рабочих в рудниках следующая: 20—30—40—50—70—80—100 копеек в день, главным образом, первые четыре суммы, а на заводах: 20—40—60—70 коп. в сутки или же в месяц 30—40 и 50—60 рублей; первую сумму получает устакани (штейгер), а вторую—кярханачи (занимающийся расплавкой меди).

¹ Сборник статистических данных..., изд. 1899 г., IV Прил., стр. 62—71.

² Свод материалов..., т. I, ч. III, И. А. Бахатдзе, Податное обложение гос. кр. Закавказского края, стр. 234—236.

Количество выданных крестьянам в 1884 году билетов на выезд из уезда доходит до 1.760 из 75 казенных деревень и до 1.174 из помещичьих деревень. Как видно, отхожие промысла были довольно распространены в уезде, но нет соответствующих данных, чтобы показать развитие этого явления в помещичьих и государственных деревнях.

Число ремесленников в 49 армянских деревнях уезда доходит до 1.104, из которых: плотников—231, каменщиков—134, ткачей бязи (мужчин)—131, войлочников и трепальщиков—95, кузнецов, слесарей и подковщиков—91 и т. д.

Нужно иметь в виду, что эти ремесленники обслуживали не только свои, но вообще все деревни уезда.¹

* * *

Эриванский уезд—основной район мюлькадарского землевладения в Армении. Рассмотрим, что дала здесь помещичьим крестьянам реформа, и какие условия создались для крестьянского хозяйства.

Вопрос о наделении земель крестьян получая здесь худшее разрешение; надел крестьянской земли был даже меньше нормы, установленной Положением 1870 г. для одной души мужского пола.

В этом легко убедиться из следующих данных: по уставным грамотам наделены землей 3.582 дыма или 16293 души мужского пола; общее количество крестьянского надела—17711 десятин, следовательно, в среднем приходится на дым—4,97 десятины, а на душу мужского пола—1,08 десятины.²

Обратим внимание и на то обстоятельство, что в Эриванском уезде вообще не лучше были обеспечены землей и государственные крестьяне. По данным Ф. Маркова, исследователя быта государственных крестьян Эриванского уезда в начале 80-х годов, наделы

¹ Материалы... т. IV, ч. I, Зелинский, Экономический быт гос. кр. в Зангезурском уезде..., стр. 64—65, 72, 78—79, 102—106.

² Сборник статистических данных, изд. 1889 г., IV Приложение, стр. 19.

этих крестьян были крайне различны; так, были наделы от 1 до 3 десятин на дым, большинство паделов составляло от 3 до 6 десятин на дым; были наделы и в размере от 6 до 14 десятин.

Кроме государственных и мюлькарарских деревень в уезде было 28 государственно-мюлькарарских деревень, в которых доли земель последних составляла 7791 дес.; в течение 1872—1885 гг. уставные грамоты были составлены только в 23 деревнях, в остальных же 8-ми деревнях все продолжалось по-старому.

В мюлькарарских деревнях, по мере составления на них уставных грамот, отменялось общинное пользование землей и устанавливалось подворное землевладение.

Последствия всего этого не замедлили выявиться в деревне в пореформенные годы в виде сохранения зависимости от мюлькараров не только помещичьих крестьян, но, в известной мере, через аренду помещичьей земли, и государственных крестьян, в виде усиления процесса разорения и расслоения крестьян с более заметным выделением слоя деревенских богачей-торговцев и предпринимателей и деревенской бедноты, не имеющей рабочего скота, надела и зарабатывающей себе средства к жизни в значительной мере поденной работой в городе и деревне.¹

В Эриванском уезде после крестьянской реформы в личном распоряжении помещиков осталось, по данным уставных грамот, 3989 десятин земли или приблизительно $\frac{1}{3}$ часть всех помещичьих земель. Как правило, мюлькарары не вели собственного хозяйства, а сдавали землю в аренду своим или государственным крестьянам.

Нами уже указано, что данные уставных грамот о количестве личной помещичьей земли менее всего заслуживают доверия. Положение 1870 г. им давало право оставить за собой $\frac{1}{3}$ всех своих земель или по крайней мере 30 десятин и, конечно, невероятно, чтобы они добровольно согласились оставить за собой только $\frac{1}{5}$ часть. Ближе к действительности данные Тифлисской Казенной Палаты 1894 года, по которым количество удобной земли, принад-

¹ Материалы..., т. III, ч. I, Тифлис, 1885 г., Ф. Марков, Экономической быт гос. кр. Эриван. уезда..., стр. 15, 42, 81—85, 112—119.

лежавшей помещикам из привилегированных сословий, в Эриванском уезде составляло 14147 десятин; а нам известно, что в Эриванской губернии было немало мюлькадаров, не принадлежавших к «высшему сословию», так что, по всей вероятности, количество земли, находившееся в личном пользовании помещиков, было не меньше падельной земли крестьян (17711 дес.).

Отметим еще то, что по сведениям 1897 и 1898 г.г. количество помещичьей земли указано почти столько же, сколько в 1894 г.¹

Помещичье землевладение «высшего сословия» Эриванского уезда было, для местных условий, достаточно крупным. В руках десятков двух помещиков было сосредоточено большинство имений. Остальные мюлькадары владели небольшими участками в несколько десятков десятин или нередко даже в несколько десятин.

Вот данные за 1894 год:

от	1000	до	2000	дес.	.	.	.	7	имений
>	380	>	1000	>	.	.	.	5	"
>	191	>	380	>	.	.	.	3	"
>	73	>	190	>	.	.	.	8	"
>	37	>	72	>	.	.	.	7	"
>	20	>	36	>	.	.	.	10	"
"		до	20	>	.	.	.	92	"

Как полагалось в царской России, и Эриванские помещики были почти свободны от налогов. За 1894 год ими уплачено поземельного налога 759 руб. 4 коп., или за каждые 20 десятин земли по 1 рублю.²

Еще Энгельс говорил, что «в России является правилом, что высшие сословия почти освобождены от налогов, а крестьянин платит почти все».³

Но, конечно, крестьянину приходилось платить не только фо-

¹ Сборник..., изд. 1899 г., стр. 101, 103.

² Там же, стр. 103.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, Эмигрантская литература, стр.

сударству. И после «крестьянской реформы» у помещиков осталась возможность грабить крестьян не хуже правительства. Эриванские помещики осуществляли этот грабеж своих крестьян через сдачу им своих земель в аренду, большей частью за 1/2 урожая.

За тот же 1894 год, например, помещики Эриванского уезда (сведения относятся к трем участкам—Хаджи-Эйляскому, Камарлинскому и Давалинскому) сдали на таких кабальных условиях в аренду крестьянам 10799,56 дес. земли, т. е. значительно больше половины всей их наделной земли (17.711 дес.).

Таковы были условия, в которые были поставлены помещичьи крестьяне уезда в смысле «освобождения» от зависимости помещиков.

Эчмиадзинский уезд, после армянских участков Зангезурского уезда и после Эриванского уезда, по распространению помещичьего землевладения занимает третье место в Армении.

В хозяйстве помещичьих крестьян первенствующее значение имело земледелие; немаловажное место занимали хлопководство и садоводство (преимущественно виноградарство).

В каких условиях оказались помещичьи крестьяне после реформы, можно судить по следующим данным:

1425 дымов, или 5517 душ мужского пола помещичьих крестьян по уставным грамотам 1870 г. получили в надел 10.000,87 десятин земли, т. е. в среднем на дым 7,18 дес., а на душу мужского пола—1,81 десятины.

Отметим кстати, что у государственных крестьян положение было немного лучше, хотя их надел тоже в среднем не достигал даже размера, установленного для помещичьих крестьян.

Так, на дым государственных крестьян приходилось наделной земли—11,86 дес., а на душу обоого пола—1,43 десятины.¹

По данным тех же уставных грамот, из всей площади в 12343,86 дес. помещичьей земли в личном распоряжении помещи-

¹ Сборник..., изд. 1899 г., Приложение V, стр. 10—11.

ков-мюлькадаров осталось 2342,99 дес., из коих 1198,71 дес. выгона и настибиной земли, которыми пользовались и крестьяне.

Выходит, что помощники Эчмиадзинского уезда не воспользовались предоставленным им правом Положения 1870 г. и взамен ¹ сохранили за собой только $\frac{1}{3}$ часть всех своих земель, что едва ли вероятно.

Кажется, ближе к действительности данные Тифлисской Казенной Палаты, по которым за 1894 год количество помещичьей земли составляло 5411 дес., т. е. немного больше половины крестьянской наделной земли.

За это количество земли помещики в том же году заплатили поземельного налога 660 рубл. 79 коп., или за каждые 8 десятины по рублю;¹ а, например, в 80-х годах в том же Эчмиадзинском уезде на десятину культурной земли государственных крестьян приходилось податей 2 рубл. 44 коп., а на десятину всех родов земли—1 руб. 18 коп.²

За 1894 год количество помещичьей земли Эчмиадзинского уезда показано значительно меньше (4015,77 дес.) по сведениям, собранным лично чиновником-статистиком в том же году, но все же эта цифра ближе к данным Тифлисской Казенной Палаты, чем к данным уставных грамот.

Почти половина помещичьих земель принадлежала семи владельцам, каждый из которых имел от 180 до 750 дес. земли, 33 имения имели от 10 до 100 дес. и 74 имения—менее 10 десятин.

Малоземелье помещичьих крестьян и после реформы ставило их в постоянную зависимость от помещиков через аренду их земель.

По сведениям Хап-Агова, исследователя быта государственных крестьян Эчмиадзинского уезда в половине 80-х годов,³ земля сдавалась в аренду «из половинного урожая», не более как на один год.

¹ Сборник..., изд. 1899 г., стр. 101.

² Свод материалов..., т. I, ч. III, И. А. Бахтгадзе, Податное обложение..., стр. 234—236.

³ Материалы..., т. I, ч. I, стр. 280.

Не удивительно, что при таких кабальных условиях аренды помещики почти всю свою землю сдавали в аренду крестьянам и почти не вели собственного хозяйства.

Так, например, по сведениям 1894 года помещики Эчмиадзинского уезда оставили в своем личном пользовании из 4015,77 дес. земли только 349,03 десятины, а остальные 3666,74 дес. сдали в аренду преимущественно крестьянам.¹

В Эчмиадзинском уезде в 13 казенно-мюлькадарских и 47 мюлькадарских деревнях, по словам Хан-Агова, было сохранено и дореформенное помещичье право в пользовании наделной землей крестьян, т. е. им была оставлена еще другая возможность держать крестьян в зависимости.

Мюлькадары, жившие в деревне и занимавшиеся земледелием, сообщает он, кроме своих мюлькадарских доходов (мюлька), пользовались, «наравне с прочими крестьянами, известными участками земли». А в казенно-мюлькадарских деревнях каждый мюлькадар, кроме своих помещичьих доходов, получал так называемый ахчевой участок, составлявший $\frac{1}{10}$ часть каждой ахчи (нам известно, что все земли каждой деревни разделялись на 6 ахчей, каждая ахча — на 20 стилей). Мюлькадары эти участки сдавали в аренду крестьянам тех же деревень за половину урожая.²

У других исследователей быта государственных крестьян 80-х годов об этих двух правах мюлькадаров не упоминается. Насколько оно было распространено в самом Эчмиадзинском уезде и существовало ли или сохранилось ли в других районах Армении после Положения 1870 года, трудно сказать.

По словам того же исследователя в Эчмиадзинском уезде в казенно-мюлькадарских и мюлькадарских деревнях уже была установлена подворная форма владения землей, так как «в силу уставных грамот, воспрещается жителям переделять земли».³

¹ Сборник..., изд. 1899 г., Приложение V, стр. 28—29.

² Материалы..., т. III, ч. I, А. Е. Хан-Агов, Эконом. быт гос. кр. в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии, стр. 234—265, 307.

³ Там же, стр. 277—279.

Северные районы Армении (Алавердский, Степанаванский, Кироваканский и т. д.) после реформы, как отдельный участок, **Лорийский**, вошли в Борчалинский уезд Тифлисской губернии, образовавшийся в 1880 г. из территории Тифлисского уезда Тифлисской губернии, а до этого, как нам известно, эти районы входили в Бамбако-Шурагельскую дистанцию и частью в Борчалинскую дистанцию Грузии. Экономически, политически и административно будущие века связаны с Грузией, районы эти в смысле общественно-экономических отношений были одинаковы с нею. Это в частности относится к древнейшим армянским жителям Лори, именно к селениям, расположенным «по ущелью реки Дебеды».¹ Главным образом, в этих селениях жили помещичьи крепостные крестьяне и хизаны, находившиеся в тех же условиях, что и соответствующие категории крестьян всей Тифлисской губернии, «освобожденные» в 1864 г. 13 октября с ними на общих основаниях.

Большинство армянских крестьян этого участка принадлежало к категории государственных; агаларских же крестьян здесь почти не было.

Отдельных данных о помещичьих крестьянах, о подготовке и проведении крестьянской реформы в Лори нет. Нет отдельных сведений и о помещичьем землевладении в Лори до и после проведения реформы; имеющиеся данные относятся к началу 1890-х годов и нам уже знакомы.

Кое-что нам известно о результатах проведения реформы в Лори. Все это хотя очень неполно, но приблизительно дает нам понятие о том тяжелом положении, в котором оказались временнообязанные крестьяне и хизаны Лори. Сведения едва ли охватывают всех помещичьих крестьян, они не касаются также и монастырских имений.

С первого же взгляда становится очевидным, что все крепостные тяготы Положения 13-го октября 1864 года, установленные для помещичьих крестьян Тифлисской губернии, равным обра-

¹ Материалы..., т. VII. А. Д. Ерицоз, Эконом. быт гос. кр. Борчалинского уезда. стр. 392.

зом относятся и к лорийским крестьянам. И в смысле размера наделов, и в смысле количества повинностей, и в смысле зависимости от помещиков лорийские крестьяне были в положении грузинских бывших крепостных крестьян.

Об этом говорят следующие данные.

Временно-обязанных крестьян в Лори в Ахпатском сельском обществе (в деревнях Акори, Ахпат, Ворнак, Салаши) и в Мгартском сельском обществе (д. Ардвы) по данным уставных грамот было: дымов—111, душ мужского пола—562.

До Положения 13 октября 1864 года, т. е. до объявления реформы в Тифлисской губернии, в пользовании у крестьян этих деревень находилось пахотной и сенокосной земли—646 десятин 1900 кв. саж. После же составления уставных грамот в 1867 г. у временно-обязанных крестьян этих деревень осталось в надел всего 438 десятин земли, т. е. 67% прежнего надела, «освобождение» лишило их приблизительно $\frac{1}{3}$ пидела; и получились у них наделы чресполосные и раздробленные, среднее число участков на дым—6,1. Среднее количество всей земли на дым—3 десятины 2161 кв. саж.

Повинности за надел натурою были: кулухи (повинность о урожае садов) $\frac{1}{4}$ часть урожая; гала (повинность с посевов) $\frac{1}{4}$ часть урожая с пахотных земель и половина урожая с сенокоса. Все же повинности, выраженные в деньгах (за усадьбы, кулухи и гала) составляли—2541 р. 73 к. или на дым—22 руб. 81 коп.

Государственные подати и сборы с дыма—2 р. 19 коп., всего с дыма повинности и подати составляли 25 руб. В эту сумму не входят общественные денежные и натуральные повинности, сборы в пользу духовенства и т. д.

При таких наделах и таких повинностях и податях несудивительно, что помещики не захотели, а крестьяне и не пытались подумать о выкупе, и за 1865—1890 г.г. никакой выкупной операции не было совершено в этих деревнях.¹

Приблизительно таково же было положение временно-обязанных крестьян Борчалинского участка Борчалинского уезда в Кор-

¹ Сборник..., 1899 г., Приложение II, стр 24—25.

пидлинском, Садахлинском, Чочканском сельских обществах (в деревнях Ламбало, Чочкан-Айрум, Гульбаги, Вардазор, Чочкан). Число временно-обязанных дымов в этих деревнях, по данным уставных грамот, было 71, число душ мужского пола—353. Имея до объявления Положения 1864 г. 814 десятины пахотной и сенокосной земли, после реформы по уставным грамотам они получили в надел всего 629 десятин 1231 кв. саж., или 77% своих прежних наделов, а на дым в среднем—7 десятин 1265 кв. саж. Чересполосица и раздробленность участков здесь меньше. Среднее число участков на дым—2¹/₂, средняя величина участка—4 десятины.

Натуральные повинности за надел следующие: кулухи ¹/₄ часть с урожая садов, гала— ¹/₄ часть урожая с пахотных земель и ¹/₈ часть с сенокоса. Все повинности за надел в денежном выражении (за усадьбы, кулухи и гала)—2346 руб. 14 коп., в среднем на дым—33 рубля. К этому нужно прибавить государственные подати и сборы, что в среднем составляет на дым—13 руб., итого на дым получится 46 руб., не считая общесельских повинностей дьяками и натурой, всегда обременительных для крестьян.¹

Известно, что реформа не коснулась хизан, они остались в прежнем правовом положении, т. е. в положении бессрочных арендаторов помещичьей земли по соглашению с помещиком; формально они были «свободны», но фактически их положение было хуже крепостных крестьян. Для них всегда существовала угроза быть выгнанными с земли помещика. Положение хизан стало поистине плачевным после реформы, когда возросло число безземельных крестьян и помещики, пользуясь этим, увеличивали повинности хизан, а при сопротивлении просто выговяли их из своих имений. Попытка правительства в 1891 году распространить на хизан права временно-обязанных крестьян потерпела неудачу, по просьбе дворянства Николай II восстановил прежнее положение для хизан.²

¹ Сборник..., изд. 1899 г., Прилож. II, стр. 14—19.

² О. Сеини. Великая годовщина, стр. 27—30; Ф. Махарадзе, Грузия в XIX столетии, стр. 19; Ф. Махарадзе и Г. Хачапуридзе, Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии, стр. 59—61; С. Эсадзе, Историческая записка..., т. I, стр. 293—296.

О числе и положении хизап в Лорийском участке (Ахпатское сельское общество: деревни Ахпат и Сапанн; Сарчанетское сельское общество: деревни Караклис Большой, Караклис Малый, Сарчанет и Шинитана) и в Борчалинском участке (Берпилитское сельское общество, село Ламбало и Садахлинское сельское общество село Чочкап-Айрум) за 1883 г. имеются следующие сведения: во всех этих деревнях число дымов хизап—233, число мужского пола—1055, количество всей земли, находящееся в их пользовании—4372 десятины. Всех повинностей хизап деньгами—6061 р. 50 к., а в Борчалинском участке еще натуральные повинности пшеницей, маслом, скотом.

Положение хизап значительно разнится в этих обществах; так, например, в Ахпате пахотной земли приходится на дым—6,1 десятины, а в Сапанне—2,7 дес. В Сарчанетском обществе пахотной земли приходится на дым: в Караклисе Большом—15,78 десятины, в Караклисе Малом—26,27 десятины, в Сарчанете—40,47 десятины, в Шинитане—17,50 десятины, зато их повинности составляют больше 90% денежных повинностей всех хизап—5544 р. 50 коп. Положение хизап Борчалинского участка похоже на ахпатских. Из 38 дымов не имеют усадеб—2 дыма, не имеющих пахотной земли—5 дымов; кроме денежной повинности, имеется и натуральная повинность: в Ламбало—пшеницей, а в Чочкап-Айруме—маслом и скотом.¹

По этим данным не трудно убедиться, что экономическое положение хизап Лорийского участка в общем было такое же, как временно-обязанных крестьян того же участка, и их формально свободное положение не уменьшало помещичьего гнета по отношению к ним.

* * *

В районах Армении (Дилижанский, Иджеванский, Бараниский и т. д.), входящих в бывший Казахский уезд (Казахская и Шамнадильская дистанции Грузии), крестьяне армянских деревень в

¹ Сборник..., изд. 1899 г., Приложение III, стр. 32—33 и 28—29.

начале 40-х годов были освобождены (как нам известно) от управления агаларов и от повинностей в их пользу.

Только одна деревня—Чоратаи—была помещичья и принадлежала армянским меликам Калаптаровым. Число дымов в этой деревне было—55, число душ мужского пола—107. По уставной грамоте крестьяне получили всего 324 десятины земли, или на дым—5,89 десятины, а на душу мужского пола—3 десятины, т. е. $\frac{1}{3}$ установленного Положением 1870 г. земельного надела. За 7-ю семьям меликов осталось 2300 десятин земли, т. е. в семь раз больше, чем у крестьян. Так была проведена реформа 1870 г. в единственной армянской помещичьей деревне Казахского уезда.

Хотя все остальные армянские деревни были государственными, но, подобно татарским селениям, в известной мере также экономически завысели от агаларов, которым принадлежали лучшие земли во всем уезде, районы садоводства и поливные земли, но об этом поговорим ниже в иной связи.

* * *

В Ново-Баязетском уезде помещичье (молькадарское) землевладение занимало незначительное место. Общее количество помещичьей земли четырех деревень (все в Дарачичагском участке) — 4932,82 десятины, из коих 1656,74 дес. находилось в личном распоряжении помещиков; из этих последних земель 1589,30 десятины составляли пастбищные земли, которыми пользовались и крестьяне.

По уставным грамотам помещичьих крестьян числилось — 239 дымов или 1194 души мужского пола, которые были наделены всего 3276,08 дес. земли, или на дым—14,18 дес., на душу мужского пола—2,74 дес.¹

Сюда не входят четыре деревни Ново-Баязетского уезда, принадлежавшие до реформы 1870 г. татарским агаларам, крестьяне которых, как нам известно, добились освобождения от помещичьей зависимости.

¹ Сборник..., изд. 1899 г., Приложение IV, стр. 22.

Помещичьи крестьяне были значительно хуже обеспечены землей, чем государственные крестьяне того же уезда, в чем можно убедиться из следующей таблицы:

Приходится на дым в десятинах.	у гос. крестьян 24,16 (или 21,55)	у помещ. кр. 14,18
На душу мужского пола в десятин.	4,84 (или 4,38)*	2,74

Чтобы иметь правильное представление о наделной земле крестьян уезда, нужно обратить внимание на то, что в наделе крестьян учтены и неудобные земли, которые для государственных деревень составляли в первом случае (в 77 деревнях) больше $\frac{1}{5}$, а во втором (в 47 деревнях)— $\frac{1}{7}$ части всех крестьянских земель.

Например, у государственных крестьян пахотной землей в среднем приходится в первом случае на дым—9,18 дес., а на душу мужского пола—1,84 дес., во втором случае—8,92 дес. на дым, а на душу мужского пола—1,81 десятины.¹

Хотя соответствующих данных о наделных землях помещичьих крестьян нет, но все это нужно иметь в виду для составления понятия о действительном размере их наделной земли.

Кроме этого, надо иметь в виду и следующее обстоятельство. Личные наблюдения одного исследователя 90-х годов показывают, что те официальные данные о наделах крестьян половины 80-х годов, которыми мы пользуемся, не совсем точны, наделы крестьян

* Данные, приведенные в скобках, относятся к 47 деревням, а вне скобок—к 77 деревням государственных крестьян.

¹ Материалы..., т. I, А. В. Парвицкий, Эконом. быт гос. крестьян ю.-з. части Ново-Баязетского уезда Эриванской губ., стр. 311 и 314, и Материалы..., т. IV, ч. II, А. В. Парвицкий, Эконом. быт гос. крестьян с.-в. части Ново-Баязетского уезда, Эриванской губ., стр. 9 и 12.

показаны в увеличенных размерах, и это не только по отношению к Ново-Баязетскому уезду, но и всей Эриванской губернии.¹

Если обратимся к повинностям помещичьих крестьян, то убедимся, что их положение после крестьянской реформы не стало лучше. Кроме установленных Положением 1870 г. натуральных и денежных повинностей в пользу помещиков (молькадаров), они были обложены государственной податью и земскими сборами в размере 3 р. 55 коп. на дым в трех деревнях и 9 руб. на дым в одной деревне. Они несли также общественные денежные повинности—2 руб. 76 коп. на дым и натуральные повинности—4 рубл. на дым.

Таковы условия, в которые были поставлены помещичьи крестьяне Ново-Баязетского уезда после крестьянской реформы в Армении.

* * *

В Даралагезском участке (горные селения которого являлись преимущественно районом скотоводства, а предгорные—скотоводства и земледелия) помещичье землевладение, по уставным грамотам 1870 г., существовало в трех селениях (Книшик, Арна и Чива).

По другому официальному источнику в это же время в Даралагезском участке были шесть владельческих деревень (Амагу, Арна, Агкенд, Котур (Койтул), Айшазур, Чива) с 267 дымами и 1156 душами мужского пола. Никаких других данных нет о них.²

Повидимому, некоторые из этих деревень не подверглись действию Положения 1870 г., поэтому и не упоминаются в уставных грамотах.

Количество всей помещичьей земли в вышеуказанных трех селениях было 2269,99 десятины, из коих 204,32 десятины на-

¹ С. Запаров, Опыт исследования сельского хозяйства хлебн. района Эрив. губ. и Карсской обл., Тифлис, 1899 г., стр. 250—251.

² Сборник сведений о Кавказе, т. V, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1879 г., Списки населенных мест Кавказского края, ч. I, (по сведениям 1873 г.).

ходилось в личном распоряжении помещиков-молькадаров, плюс 187,55 десятины пастбищной земли, которой пользовались и крестьяне.

По Положению 1870 года были наделены землей 102 дыма помещичьих крестьян, или 415 душ мужского пола, получив всего 2065,67 десятины земли, или в среднем на дым—20,46 дес., на душу мужского пола—4,97 десятины.¹

Надо иметь в виду, что в Даралагезском участке сенокосные, пастбищные и неудобные земли составляют 59,73% всей крестьянской наделной земли, чтобы понять действительную ценность размера наделов помещичьих крестьян. Это станет более ясным, если сопоставим наделы государственных и помещичьих крестьян.

Средний надел на дым государственных крестьян этого участка составлял 26,12 дес., или на душу обою пола—2,85 дес., а пахотной и садовой земли приходилось на дым—10,40 дес. и на душу обою пола—1,13 дес. Предполагая приблизительно такое же соотношение всей пахотной земли в наделе помещичьих крестьян, получим для них на дым пахотной земли не больше 8 десятин.²

Об обеспеченности достаточным наделом не приходится говорить ни по отношению к государственным крестьянам, ни тем более по отношению к помещичьим крестьянам после 1870 г. Данные, относящиеся к более позднему времени, указывают, что в Даралагезском участке, например, в 1894 году помещичьи земли в пяти деревнях (Агкенд, Амагу, Айназор, Арпа и Чива) составляли 4792,47 десятины. Это, кроме одной, те же деревни, что приведены нами выше по сведениям 1873 г. О числе помещичьих крестьян, об их наделной земле нет сведений.

Заслуживает внимания факт, что помещичьи земли, главным образом, находились в личном распоряжении самих помещиков (3821,47 дес.), и только 1/5 часть (971 дес.) была сдана в аренду крестьянам на неизвестных нам условиях. Как видно, помещики

¹ Сборник..., изд. 1899 г., Приложение IV, стр. 24.

² Материалы..., т. IV, ч. II, А. В. Парвицкий, Экономич. быт госуд. крестьян с.-з. части Шарура и восточной части Даралагеза, Шаруро-Даралагезского уезда, Эриванской губ., стр. 105, 163.

Даралагезского участка вели собственное хозяйство в своих довольно крупных имениях (всего шесть имений с количеством земли от 215 дес. до 2748 дес. каждое), не отказываясь, однако, от сдачи в аренду части своих земель крестьянам, как от одного из средств сохранения над ними своей власти.¹

В Александропольском уезде совсем ничтожно количество помещичьей земли; имеющиеся же участки не подпадали действию Положения 1870 года. Самое крупное имение в 327 десятины принадлежало армянскому Кипчагскому монастырю, было отведено ему в 1846 г. правительством; имелись еще шесть «мельничных участков», занимавших 39,73 десятины и принадлежавших горожанам Александрополя и т. д. Все количество частновладельческих земель составляло 404,43 десятины в Шорагальском участке, а в Бамбакском участке Александропольского уезда в распоряжении 12 тымов или 122 душ обоего пола беков и чиновников находилось 183 десятины земли; всего в уезде было 587,23 десятины частновладельческой земли. Монастырскую землю арендовали крестьяне селений Кипчаха и Артика за ¹/₆ урожая.²

Таково положение помещичьих крестьян в разных районах Армении через 12—15 лет после проведения крестьянской реформы по имеющимся сведениям 80-х годов прошлого столетия.

2. Остатки феодално-крепостнических отношений в деревне

На основании поездного краткого обзора положения помещичьих крестьян Армении после реформы, сделанного нами выше, нельзя не прийти к выводу, что помещики в значительной мере

¹ Сборник..., изд. 1899 г., Приложение V, стр. 10—11.

² Материалы., т. III, ч. I, С. П. Зелинский, Экономический быт государственных крестьян в Бамбакском участке и в северной части Шорагальского участка Александропольского уезда, Эриванской губернии, стр. 472—473 и Материалы..., т. I, С. П. Зелинский, Экономич. быт госуд. крестьян в Шорагале, Александропольского уезда, Эриванской губернии, стр. 33—34.

сохранили над своими крестьянами свою экономическую власть; у крестьянства не было жизненно-необходимого минимума наделов, и оно принуждено было прибегать к кабальной аренде помещичьей земли. В таких условиях не могло быть речи о свободном развитии крестьянского хозяйства вне давления и вне влияния помещиков. Все это ограничивало круг влияния «парокающего капитала» (Ленин) на крестьянство, более широкого втягивания хозяйства помещичьих крестьян «под власть денег» (Ленин).

Последствия крестьянской реформы отразились не только на помещичьих крестьянах пореформенного периода, но в известной мере и на государственных крестьянах. В определенную, конечно, сравнительно ограниченную, зависимость от помещиков попали и некоторые слои малоземельных крестьян, так называемого, казенного ведомства.

Таким образом, феодально-крепостнические остатки крестьянской реформы получают более широкое значение для крестьянского хозяйства; влияние этих остатков охватывает более широкий круг, чем хозяйство помещичьих крестьян.

Имея все это в виду, постараемся выявить феодально-крепостнические остатки после реформы в крестьянском хозяйстве Армении в целом, обращая внимание и на колониально-полукрепостнические мероприятия царизма в этой области.

При этом будем руководствоваться той характеристикой, которую дал Ленин крепостническим чертам крестьянской реформы 1861 года, иллюстрируя ее конкретными примерами крестьянской реформы 1870 г. в Армении.

Вот эта характеристика.

«Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения», от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях свыше $\frac{1}{5}$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $\frac{1}{3}$ и даже до $\frac{2}{5}$ крестьянской земли. По случаю «освобождения», крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком впопались в крестьянские, что-

бы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения» крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали вдвое и втрое выше действительной цены на землю. Вся вообще «эпоха реформы» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забытым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве.

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники».¹

Нет достаточных данных, на основании которых можно было бы точно определить, сколько земли было отрезано у помещичьих крестьян по случаю «освобождения» в Армении. Но на основании следующих цифр можно составить об этом определенное представление

По имеющимся данным в 1895 году в Эриванской губернии было 1209 дымов или 5211 душ обоюго пола безземельных крестьян, а в Елисаветпольской губернии 538 дымов или 3857 душ обоюго пола безземельных крестьян.² К Армении в основном относятся данные об Эриванской губернии, а данные об Елисаветпольской губернии только частично, в пределах армянских участков Западного уезда. При разборе Положения 1870 г. мы уже видели, как осуществлялось это обезземеление крестьян. Конечно, в известной мере оно могло быть результатом и других причин, влиявших на крестьянское хозяйство в течение пореформенных двух десятилетий: например, развития в деревне денежно-торговых отношений; но то, что в основном это обезземеление было следствием проведения крестьянской реформы, можно считать несомненным фактом. О Елисаветпольской губернии, например, имеется свидетельство нам знакомого официального автора Кучаева. По его словам, помещики, чтобы оставить за собою $\frac{1}{3}$ имения, отрезали не излишки земель

¹ Ленин, Соч., изд. 2-е, т. XV, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», стр. 142—143.

² См. О. Семян, Великая годовщина, Киев, 1911 г., стр. 27.

крестьян сверх надела, как устанавливалось статьей 9-й Положения 1870 г., а отрезали просто $\frac{1}{2}$ крестьянской наделной земли.¹

Кроме того, известно, что после реформы 1870 г. в Азербайджаве и Армении, вернее в Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерниях и в Борчалинском и Амацыхском уездах Тифлисской губернии на 77657 дымов или 247,736 душ мужского пола помещичьих крестьян приходилось всего 577,690 десятин земли, или на дым 7,5 дес., а на душу мужского пола 2,3 десятины.

Это значит, что крестьянство получило половину установленного надела, или, что грабеж крестьянской земли достиг 50% его надела, тогда как повинности были оставлены почти те же, какие были «установлены со времен крепостного рескрипта 6-го декабря 1846 года»,—как справедливо говорит Семин. «Поэтому,—продолжает тот же автор, и последствия этой «реформы» для экономического положения поселян здесь оказались так же пагубны, как и в Западном Закавказье» (т. е. в Грузии.—В. Р.).²

В частности в Армении грабеж крестьянской наделной земли был еще сильнее; нам уже известно, что в Армении после реформы на дым приходилось 5,7 дес., а на душу мужского пола 1,5 дес. земли; таким образом, грабеж составлял почти 70% надела крестьян. При этом в Армении (за исключением участков Загезурского уезда) и натуральные повинности были тяжелее— $\frac{3}{10}$ части всех земных произведений (в Азербайджане— $\frac{1}{10}$ часть).

Такова была основа власти помещика над крестьянством в Армении в пореформенные годы.

* * *

Помещичье влияние и давление простиралось разными путями и средствами также и на государственных крестьян. Это происходило, во-первых, путем простого захвата наделных земель бедняков. По сведениям А. Ерицова, например, в Казахском уезде агала-

¹ См. Материалы..., т. I, М. Н. Кучаев, Крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии, стр. 494.

² О. Семин, Великая годовщина, стр. 41.

ры захватывали земли у малоземельных крестьян с помощью так называемых деревенских «четных», т. е. кулаков, которые за свои услуги получали «пешкешн», подкупы. Так, например, крестьяне 22 государственных деревень «подверглись 40 захватам со стороны частных лиц и, в совокупности, лишились приблизительно до 2630 десятин казенной земли»; по этому замечает он, далеко не заканчиваются все урезки крестьянских наделов. «Конно тем или другим причинам имели место в ближайшее время»¹.

Другой формой давления на крестьян и средством держать их под вечной угрозой потери своих земель являлось существование, например, в Эриванском уезде многих спорных земель.

У государственных крестьян в двадцати деревнях имелось спорной земли с молькадарами до 4990 десятин, из коих 4155,25 десятины находилось в их пользовании, а 834,89 десятины в пользовании молькадаров.²

В пореформенной деревне покушались на земли крестьян не только представители потомственного «высшего сословия», но и те слои, которые тем или иным путем попадали в ряды личных дворян, также армянское и мусульманское духовенство и их потомки. Они все были исключены из податного сословия, но продолжали пользоваться известной частью наделной крестьянской земли, не платя поземельного налога и стесняя крестьян.

Многие из таких дворян армянских деревень Казахского уезда жили в городах и свои «наделы» сдавали в аренду малоземельным крестьянам. Попытки крестьян лишить их хотя бы пахотных земель, или обложить поземельным сбором, привели к тому, что «в ограждение себя от подобных случайностей, в последнее время, некоторые из дворян стали домогаться упрочения за собою существующих угодий уже по праву собственности и путем судебных процессов».

¹ Материалы..., т. II, ч. 2-я, А. Д. Ерицоз, Эконом. быт гос. крестьян Казахского уезда, Едисаветпольской губ., стр. 73—77.

² Материалы..., т. III, ч. I, Тифлис, 1885 г., Ф. Т. Марков, Экономический быт государственных крестьян Эриванского уезда, стр. 27—28.

В распоряжении всех этих дворян в 14 армянских деревнях находились из общего крестьянского падела 47 усадеб, 44 сада, 10½ мельничных мест и до 422 ½ десятины пахотной земли.¹

Та же картина была и в Загезурском уезде, где по словам исследователя быта государственных крестьян в половине 80-х годов С. П. Зелинского, «в казенных селениях, кроме крестьян, пользуются землей и дворяне (беки и потомки священников), священники и муллы». В общем, в их распоряжении находилось 3208 дес. крестьянской наделной земли без всякого поземельного обложения и повинностей.²

Не трудно убедиться из всего вышесказанного, что не только во время проведения крестьянской реформы, но и в пореформенные годы помещики и всякие другие привилегированные слои имели возможность отрезать или захватить крестьянские наделы или пользоваться ими без всяких повинностей, стесняя и без того малоземельного крестьянина.

Не трудно догадаться, что последствия всего этого должны были тяжелым бременем ложиться в первую голову на бедняцкие элементы деревни и вообще на массу трудового крестьянства. Роль деревенских верхов или кулацко-буржуазных элементов, как погобников помещичьего гнета, нами выше уже отмечена по частному случаю, а с их ролью как представителей и проводников нового, буржуазного гнета в деревне познакомимся ниже.

* * *

В таких условиях не удивительно, что в армянской деревне пореформенного периода широко было распространено арендование помещичьей земли на кабальных условиях помещичьями, частично и государственными крестьянами, а также арендование государственных оброчных статей обеими категориями крестьян.

Об этом есть данные за 80-ые годы почти по всем уездам и участкам Армении. Приведем некоторые из них.

¹ Материалы..., т. II, ч. 2-я, А. Д. Ерицов, Эконом. быт..., стр. 78-81.

² Материалы..., т. IV, ч. I, С. П. Золинский, Эконом. быт..., стр. 38.

В Казахском уезде в 1884 году армянские и татарские малоземельные государственные крестьяне 13-ти деревень арендовали у агаларов 1215 дес. пахотной земли (около 20% пахотной земли своих наделов) с натуральной платой, главным образом, в $\frac{1}{3}$ яли в $\frac{1}{2}$ урожая, или денежной—за десятину от 3 до 5 рублей. В том же году зимою крестьяне 2-х татарских и 16-ти армянских деревень заплатили агаларам 3000 руб. за пастьбу скота и за незначительный покос.¹

Государственные крестьяне Лори, занимавшие преимущественно возвышенности и ущелья рок, где урожай пшеницы в сам—3—4 считался благоприятным, принуждены были арендовать пахотные земли у помещиков. Так, например, в 1884 и 1885 г.г. крестьяне восьми деревень арендовали у помещиков 1463 десятины пахотной земли за 6858 рублей.²

Вообще, в Борчалинском уезде и в Лорийском участке в частности, государственные крестьяне нередко прибегают к аренде помещичьих земель; помещичьи же крестьяне арендуют большую часть государственных летних и зимних пастбищ, также и казенные оброчные статьи.

Указывая на эти явления, Ерицов заключает, что все это «...неизбежное последствие как запутанных условий современной экономической жизни населения, так равно и тех порядков, под неомысленным давлением и в прямой зависимости от которых удовлетворение нужд населения происходит не там, где нужно, а там, где только можно».³

Говоря вообще, крестьянские массы были опуганы густой сетью остатков крепостнических отношений и эксплуатировались не только помещиками, арендуя у них пахотные земли, как это принуждены были делать жаловавшиеся земледельцы государственные

¹ Материалы..., т. II, ч. II, А. Д. Ерицов, Эконом. быт гос. кр..., стр. 147—149.

² Материалы..., т. VII, А. Д. Ерицов, Эконом. быт гос. крестьян Борчалинского уезда..., стр. 475—476.

³ Там же, стр. 474.

крестьяне, но и полукрепостническим государством, у которого приуждены были арендовать пастбища и другие оброчные статьи помещичьи крестьяне, занимавшиеся скотоводством.

В Загсезурском уезде аренда землей крестьянами помещичьей и государственной земли (летних и зимних пастбищ) достигала больших размеров. По данным, относящимся к началу 80-х годов, государственные крестьяне арендовали у казны 38,540 дес., а помещичьи крестьяне—28195 дес. пастбищ, платя за десятину 12 коп.¹

По сведениям, относящимся к началу 90-х годов, крестьяне обеих категорий арендовали у помещиков и у казны 73,686 дес. земли, в том числе и пахотной.²

Помещики (мюлькардары) Эриванского уезда, как правило, не ведя собственного хозяйства, сдавали свои земли в аренду крестьянам 25-ти селений большей частью «из $\frac{1}{2}$ чистого урожая», реже за деньги.³

Тоже самое наблюдается и в Эчмиадзинском уезде. Крестьяне, по данным начала 90-х годов, арендовали значительную часть помещичьей земли (3666 десятин) «из половинного урожая».⁴

Из приведенных данных, кажется, можно составить достаточно ясное представление о крепостнической атмосфере, существовавшей в деревне пореформенного периода не только для помещичьих, но и частично для государственных крестьян.

Все это задерживало экономическое развитие деревни в капиталистическом направлении, замедля темпы расслоения и разложения крестьянства.

В этом же направлении влияли государственные тяжелые и неравномерные денежные и натуральные подати и повинности, ко-

¹ Материалы..., т. IV, ч. I, С. П. Зелинский, Эконом. быт гос. кр. в Загсезурском уезде, стр. 72.

² Сборник статистических данных..., изд. 1899 г., стр. 90.

³ Материалы для изучения... т. III, ч. I, Ф. Т. Марков, Эконом. быт гос. кр. Эриванского уезда, стр. 81—85.

⁴ Сборник статистич. сведений..., изд. 1899 г., Прил. V, стр. 28—29.

торые были, конечно, в первую очередь по беднякам, заставляли их идти не только в казбу к помещикам, но и толкая их в объятия ростовщиков; а самым умеренным и добросовестным процентом считалось 24% годовых.¹

Все авторы, исследовавшие в начале 80-х годов положение государственных крестьян Закавказья, в том числе и Армения, единодушно говорят о том, что государственные подати и сборы далеко не соответствовали платежным способностям населения, что размер наделной земли при обложении податями не принимается в расчет. Можно уверенно сказать, что в этом вопросе господствовал полный произвол; различные оклады разных податей для отдельных деревень или групп крестьянства по всей Армении (и Закавказья) не были основаны ни на чем; не были учтены ни хозяйство, ни размеры, ни качество падежа, ни почвенные и климатические условия и т. п.

Исследователь податного обложения государственных крестьян Закавказья в начале 80-х годов И. Л. Бахтадзе по этому поводу принужден только констатировать, что «тут главную роль играли случайность и отсутствие ясных руководящих принципов».²

Но закономерно возникает вопрос, почему это «отсутствие ясных руководящих принципов» приводит к тому, что, например, по всему Эриванскому уезду в начале 80-х годов для всех дымов государственных крестьян, не считаясь ни с чем, устанавливается два оклада земского сбора: 6 р. и 7 р. 80 коп.; по Александропольскому уезду один оклад: 7 руб. 20 коп.; по Ново-Баязетскому, Эминашанскому, Шаруро-Даралагезскому уездам один оклад: 7 руб. 80 коп.; по Зангезурскому уезду один оклад: 6 руб. 55 коп.; по Казахскому один оклад: 7 руб. 20 коп. и т. д.

Ответ может быть только один: здесь налицо хищническая колониально-крепостническая податная политика царизма, которого

¹ Материалы..., т. II, ч. II, А. Д. Ерицов, Эконом. быт гос. кр. Казахского уезда..., стр. 212—213.

² Свод материалов..., т. I, ч. III, И. Л. Бахтадзе, Податное обложение..., стр. 171—172.

интересует только грабеж колониального крестьянства, а не распределение податных тягот по доходу облагаемых.

Окладов подымной подати было несравненно больше окладов земского сбора; соотношение их, например, таково: по Эриванскому уезду 10 и 2, по Зангезурскому уезду 11 и 1 и т. д., но от этого было мало пользы бедняцким элементам внутри общества или малоземельным обществам.

Например, в Ново-Баязетском уезде налоги распределялись по разным слоям деревни следующим образом; на каждую душу обоего пола приходилось —

у семьи:	доход (в руб.)	налогов (в руб.)	налоги по отношению к доходу составляли
бедной .	14	1,50	10,7%
средней .	53	1,30	2,5%
богатой .	104	1,52	1,5%

Ясно, что такие налоги в свою очередь способствовали процессу разорения и расслоения деревни.

В том же уезде налоги, например, между деревнями Ахты Верхние, Ахты Нижние, Ахты Русские были распределены так, что имеющие меньше земли и худшие земли отбывали больше повинностей.

Так, в 1886 г. приходилось в десятинах на душу о. п.

	Ах. Вер.	Ах. Ниж.	Ах. Русск.
Пахоты .	0,69	0,93	1,44
Всей земли .	1,27	1,39	4,82
Приходилось повинностей (в руб.)			
На дым .	15,90	13,99	15,36
На душу .	1,52	1,86	2,24
Приходилось повинностей на десятину (в руб.).			
Пахоты .	2,19	2,03	1,54
Всей земли .	1,19	1,33	0,46 ¹

¹ С. Заваров, Опыт исследования..., стр. 328—329 и 330—332.

Таких примеров очень много по всем уездам Армении, но довольствуясь приведенными, обратим внимание на государственные повинности помещичьих (мюлькадарских) и казенно-мюлькадарских крестьян.

В Эчмиадзинской уезде, например, все мюлькадарские крестьяне без различия, кроме отбывания всех мюлькадарских повинностей, платили государству: подымной подати 2 руб. и земских сборов (государственных и губерских) 6 руб. с камерального дыма.

Казенно-мюлькадарские крестьяне, рассчитываясь с мюлькадарами по числу принадлежавших им ахчей и стилей, в казну платили: подымной подати 2 руб. 50 коп. с дыма и земских сборов — 7 руб. 80 коп.¹

Таково было положение и в других уездах.²

Если прибавим к этому еще то, что обе последние категории крестьян отбывали, наряду с государственными крестьянами, и разные натуральные повинности в пользу государства, носли и общественные повинности, тогда станет ясным более тяжелое бремя, лежавшее на помещичьих крестьянах.

Среди многочисленных натуральных и денежных повинностей в пользу государства особенно тяжелы были подводная повинность, которая, по выражению Бахтадзе, явилась «несчастьем» для крестьян многих районов, и дорожная повинность. «Нет уголка, нет уезда, где бы она (дорожная повинность.—В. Р.) не вызвала ропота и смятения в среде крестьянского населения»,—говорит тот же автор.³

И это вполне понятно, так как эти повинности не только были разорительны для крестьянской массы, но часто применялись в области, совершенно чуждой интересам масс.

¹ Материалы..., т. III, ч. I, А. Е. Хан-Агов, Эконом. быт гос. крестьян в Эчмиадз. уезде, стр. 265—267.

² См., например, Материалы..., т. II, ч. II, стр. 199—203.

³ Свод материалов..., т. I, ч. III, И. А. Бахтадзе, Податное положение..., стр. 215—217.

В Борчалинском уезде в 1884 г. государственные крестьяне между прочим были обложены общественной денежной повинностью в 24.936 р. 80 коп. на постройку диамбахчинской шоссейной дороги. В конце 1885 г. еще не предвиделось открытия дороги. Крестьяне продолжали нести громадную тяжесть этой повинности, а всем этим предприятием был заинтересован крупный предприниматель барон Кученбах.

Вот что сообщает об этом А. Д. Ерицов: «Инициатива продолжения этого пути, как и главнейшая выгода от него можно сказать, принадлежит барону Кученбаху. Стекланный и сырозаренный заводы его с открытием шоссейного сообщения с Тифлисом приобретают особенную ценность, а соединение с Лорийской степью значительно облегчает доставку с Агларанских высот кварца на упомянутый стекланный завод». А большинство селений всех трех участков уезда (в том числе и Лорийского), отмечает он, продолжая нести тяжелое бремя повинности, имеет мало возможностей пользоваться проводимой дорогой, так как она проложена вдали от них.¹

Так царизм ставил труд и деньги крестьянских масс на службу разных баронов Кученбахов, создавая для них легкий путь наживы, не считаясь с нуждами целого уезда.

Крепостнический курс царской налоговой политики выявляется и в неравномерном распределении налогового бремени между городом и деревней. По данным начала 80-х годов прошлого столетия в среднем на дым приходилось в рублях:

	Податной подати	Земских сборов	Поземельной подати	Всего
в городе	3,15	1,34	—	4,49
в деревне	3,59	7,19	1,57	12,35 ²

¹ Материалы..., т. VII, А. Д. Ерицов, Эконом. быт гос. кр. Борчалинского уезда..., стр. 495—496.

² Свод материалов..., т. I, ч. III, И. А. Бахтадзе, Податное обложение..., стр. 133—134.

Несколько слов о правовом положении крестьянства. Нам уже известно, что для помещичьих крестьян при отбывании повинностей за наделенные земли, находившиеся в ведении сельского общества, была установлена круговая порука, действие которой, правда, не обнимало большого круга. Для государственных же крестьян с введением так называемой новой системы обложения, т. е. денежных налогов, (с половины 40-х годов) была установлена круговая порука в платеже податей.

«Каждый член общества как-бы закабален к этому последнему и связан в своих действиях»,—замечает по этому поводу Бахтадзе.

«Страх общества, внушаемый перспективой недоимки, ответственность за которую оно должно нести перед законом, борется... деспотизм массы».

От сельского общества зависит «выдача приемного приговора» для принятия в общество нового члена, или разрешение члену общества «отлучиться из места своего жительства».¹

Сколько крепостнических черт имело само сельское управление, введенное до крестьянской реформы 1870 г., в начале 60-х годов, нам также известно; нужно только прибавить, что после крестьянской реформы во всем этом не произошло никаких изменений. А введенная после реформы в России земская реформа, как известно, не коснулась Закавказья, в том числе и Армении. Земские сборы давно существовали, со времени введения новой системы обложения, а земские учреждения считались для закавказских народов недоступными; так они и до самого падения царизма не «доросли» до земства. В неприкосновенности были оставлены после 1870 г. также суд и судопроизводство дореформенного периода в деревне, где продолжала господствовать полицейский произвол царских чиновников, насилие помещиков и кулаков.

¹Свод материалов..., т. I, ч. III, И. А. Бахтадзе, Податное обложение..., стр. 241—242.

3. Условия развития капиталистических отношений в Армении после реформы

Несмотря на все свои крепостнические черты, все же «крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой», — говорит Ленин.

«19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало повой, буржуазной, России, вырвавшейся из крепостнической эпохи».¹

Все это относится и к пореформенной Армении. Но благодаря ее колониальному положению, развитие буржуазных капиталистических отношений задерживалось не только феодально-крепостническими остатками, но и колониальным ригоризмом царизма. Царизм старался сделать хозяйство и промышленность Армении поставщиком на службу интересам господствующих классов метрополии и использовать их в интересах русских помещиков и капиталистов.

В этом отношении характерен интерес, проявленный царизмом с первых же дней завоевания Эриванского ханства к хлопководству здесь. Этот интерес увеличивается с 60-х годов особенно со стороны хлопчатобумажной промышленности; в начале, например, 80-х годов русские фабриканты проявляют большое внимание к постановке дела хлопководства в Эриванской губернии.

Так, доверенный Никольской мануфактуры Морозов в Эривани 12-го февраля 1880 года обращается к губернской власти с таким предложением: «Качество эриванского хлопка в последнее время заметно слабеет... Желая по возможности способствовать улучшению производства хлопка, как важной отрасли торговли в губернии, мои доверители выписали собственно с этой целью лучшие семена хлопка из Египта и Америки». Было получено 354 пуда семян египетского хлопка, «еще получаются» 330 пудов египетских и 600 пуд. американских семян.

Так как египетский хлопок «считается лучшим и ценится на бирже выше, чем американский», то «желательно, чтобы на его

¹ Ленин, Соч., 2-ое изд., т. XV, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», стр. 143.

производство обратили особое внимание поселян» Эриванской губернии.

Доверенный Саввы Морозова имеет полномочие от своих господ продать эти семена крестьянам «без всякой пользы, только лишь по стоимости их на месте и доставке сюда», за различный расчет, или в рассрочку, «но с ручательством сельского правления или общества» и «с тем непременным письменным обязательством, чтобы взятые у нас семена были посеяны весной сего года отдельно от туземных, а весь урожай... должен быть продан исключительно нам в октябре и ноябре месяцах сего же года» по рыночным ценам в Эривани, «где и должен быть сдан нам хлопок», чтобы на фабрике «убедиться в качестве его».

Доверенный Морозова просит губернскую власть «принять участие в столь благом начинании для производства хлопка, как важного ресурса в экономическом положении.. поселян» и «сделать... подлежащее распоряжение».¹

Итак, русские капиталисты с помощью местных властей пробовали превратить одну из важных отраслей сельского хозяйства Армении в сырьевую базу для текстильной промышленности метрополии и, как известно, не безуспешно.

Готовые изделия той же промышленности и вообще русского фабрично-заводского производства уже с 40-х годов начинают завоевывать рынок в Армении; об этом, как нам известно, писал еще Шопен.

В начале 80-х годов эриванская газета «Псак» отмечает обилие русской мануфактуры на местном рынке: «Возьмем торговлю главного продукта—мануфактуры; определенно можно сказать, что нет столько покупателей, сколько продавцов—лавок».²

Это написано в годы промышленного и сельскохозяйственного кризиса в России; ниже мы увидим, как безвыходное экономическое положение крестьянства Армении, в самом деле, должно было неизмеримо сузить круг покупателей промышленных товаров и вы-

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 1455, лл. 1—2.

² «Псак», № 6, 1882 г., 3-го апреля, «Наша торговля и торговцы».

звать вопль о том, что «Эриванская торговля находится в упадке и со дня на день падает».¹

О местных капиталистических более или менее крупных промышленных предприятиях Армении за пореформенные два-три десятилетия мало приходится говорить, за исключением медеплавильных заводов в Лори и в Закавказском уезде.

Но темпы развития производства и этих заводов, например, Лорийских—Алавердского и Шамлузского—за 70-е годы и за первую половину 80-х годов были незначительны или, правильнее сказать, развитие совершалось не только очень медленно, но и с разными колебаниями, и в итоге кривая производства этих заводов даже идет вниз, и в среднем получается ежегодно по 3,014 пудов выплавленной меди в Алавердском заводе и по 367 пудов в Шамлузском.²

Интересно отметить, что в докладе отдельного корпуса жандармов майора Золотовского за 1875 г. («Политический обзор Эриванской губернии») ничего не говорится о промышленности и промышленной деятельности населения Эриванской губернии; у него речь идет только о торговле и о сельском хозяйстве. Об армяках он сообщает, что «они держат в своих руках торговлю, как оптовую, так и мелочную. Многие из армян ведут торговлю за границей местными произведениями: шелком, хлопком, клещевиной, кожей и блошиным порошком. Кроме этой торговли они скупают местный хлеб, который доставляют в казенные продовольственные магазины. Кроме торговли армяне занимаются хлебопашеством, разведением фруктовых садов и частью скотоводством».

О мусульманском населении губернии сказано: «они казо возят произведения свои на рынок, а опые скупаются у них на месте армянами, частью на деньги, а частью на товар...», но все же, прибавляет он, «есть из мусульман, которые ведут торговлю и за большие деньги, но их торговля не идет далее Персии».³

¹ Там же.

² С. Гулишамбаров, Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии, Тифлис, 1888 г., стр. 177—178.

³ ЦГИА (быв. ЦАР), III, О.З. ЭКСП., № 120, 1875 г., лл. 73—84.

Через четырнадцать лет, в 1889 году, начальник губернского жандармского управления полковник Федоров, возвращаясь к тому же вопросу, уже говорит не только о торговле, но и о промышленности. Его доклад в этой части дышит зоологической ненавистью к армянам, потому что они «захватывают все в свои руки», «пользуясь льготами, данными краю».

Защитник интересов русских крепостников и капиталистов в царской колонии возмущается этим, преувеличивая и сгущая краски, изливая вдоволь злобу свою на армян; но указанный им факт развития торговли и промышленности в Армении в конце 80-х годов, факт развития капиталистической эксплуатации городских и особенно деревенских масс можно считать в общем соответствующим действительности.

Итак, послушаем, что пишет Федоров «совершенно секретно» шефу жандармов:

«Торговля и промышленность преимущественно сосредоточены в руках армян, которые и эксплуатируют население, в особенности сельскохозяйственное, одним словом, армяне гулцы и промышленники для Эриванской губернии почти то же самое, что для Закавказских губерний евреи, с той разницей, что в предупреждение эксплуататорской деятельности евреев существуют ограничительные постановления, которыми их влияние и возможность эксплуатировать край значительно уменьшаются, между тем как армяне, не зная таковых ограничений, но пользуясь льготами, данными краю, захватывают все в свои руки и почти хищнически эксплуатируют и землю и труд».¹

Повторяем, оставляя в стороне мерзкие выпады царского жандарма против евреев и армян и его смешную попытку выступить против тех, которые «почти хищнически эксплуатируют и землю и труд», пужло признать отмеченный им факт о развитии торговли и промышленности и в связи с этим увеличение эксплуатации масс действительным. Прибавим также, что все это, хотя и в меньшей мере, но все же относится и к татарскому населению Эриванской

¹ ЦГИА (быв. Цар), д. II, III, № 43, ч. 5, 1889 г., л. 3-4.

губернии. Распространение капиталистической эксплуатации масс, несомненно, имело более глубокие корни в армянской части населения губернии, так как денежно-товарные отношения были у них более развиты, как нам пришлось это наблюдать уже несколько раз на предыдущих страницах.

Итак, в пореформенные два-три десятилетия усиливается экономическое завоевание Армении русским промышленным капиталом, она еще больше превращается в капиталистическую колонию; ко-какие успехи делают и местный промышленный, а в особенности купеческий капиталы. Благодаря всему этому городские и, в особенности, деревенские трудовые массы, наряду с помещичьей и царской полукрепостнической эксплуатацией, попадают под власть все усиливающегося капиталистического гнета.

Капиталистическое развитие шло не только по линии промышленности, но и по линии сельского хозяйства.

С благословения царя с 70-х годов русские крупные чиновники приступили к организации капиталистических сельскохозяйственных предприятий в Армении, не отказываясь при этом, конечно, и от полукрепостнических методов эксплуатации крестьян.

В год крестьянской реформы начальник Кавказского почтового округа генерал-майор Каханов с согласия наместника кавказского и по утверждению Александра II, как сообщает Кавказский Комитет 21-го декабря 1870 г., получил в оброчное арендное содержание для сельскохозяйственных и промышленных целей, казенной пустопорожней земли около 10000 десятин в Эриванском уезде, между деревнями Давалу и Садарак.

Наместник нашел «условия, предложенные г. Кахановым, выгодными для казны и полезными в видах распространения в Эриванской губернии сельскохозяйственной промышленности»¹.

По этим условиям Каханов должен был провести канал с реки Аракса по Араздаинской степи длиной в 35—40 верст для

¹Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 904, лл. 145—148.

орошения полей хлопка и зерновых культур. В первые 20 лет он был обязан платить казне по 15 коп. с каждой десятины, а вторые 20 лет по 40 коп., а затем—50 коп. с каждой десятины.

Освоив 3000 десятин земли, Каханов уже выручил затраченные на все предприятие 100.000 рублей. Одновременно крестьянам он предлагал в аренду свои земли с половиной урожая.¹

За счет кого создавались эти крупные капиталистические сельскохозяйственные предприятия, можно узнать из официальных же документов.

Начальник жандармского управления в конце 1872 г. пишет, что «по случаю отдачи казной... Каханову в арендное содержание Араздаганской степи, занимаемой зимовками курд буруклинского общества, сделано распоряжение о переселении их на участок Бурудан, находящийся под зимовками курд радкинского и джалалинского обществ».

«Распоряжение это вызвало со стороны обоих обществ жалобы... и было причиной грабежей и обидной вражды» и даже убийства.

Прибывший на место для умирения курдов уездный начальник принужден был убеждать, так как «в угрозу ему сделано несколько выстрелов;... вследствие чего отправился на место губернатор, но несмотря на его увещевания представители обществ отказались идти на указанные им места, ссылаясь на безводность их и на соседство с пограничными курдами, запирающимися грабежами и разбоями, сказав при этом: «если уже государю наша земля нужна, то просим дать нам бумагу на переселение в Турцию или Персию».

Губернатор заставляет их «заплатить арендатору Каханову 1000 руб. за перезимовку в текущем году», а затем переселяет их на новые места. «Из 500 семейств остались на прежних зимовках 150, прочие же расселись по разным местностям, прилегающим к турецкой границе и в Персию». Положение оставшихся, «из которых многие не имеют жилья и корма для скота, весьма затруд-

¹ «Порц», 1876 г., Каджберуни. Путевые заметки, стр. 199—221

нительно, а между тем они за все общество обязаны платежом казенных денежных повинностей».¹

Со стороны крупных чиновников было немало попыток сельскохозяйственного предпринимательства. Приведем еще пару примеров.

Шушпнянский уездный начальник Шан-Гирей, в компании с тифлисскими двумя капиталистами, взяли в аренду у казны 1950 десятин земли за плату в год по 150 руб. с тем, чтобы провести воду из Базарчал.²

В Ново-Баизетском уезде в 1872 году правительство отняло у одного курдского племени часть его земель и поместило на них другое, так как эти освободившиеся земли «одно высокопоставленное лицо арендовало на 60 лет и хочет заниматься земледелием», — пишет корреспондент «Мшак». Он же сообщает, что около 1000 семейств курдов оставлены в несчастном положении. Этого мало. На почве земельных споров среди этих двух курдских племен разыгралась кровавая драма и «виновные» по распоряжению Эриванского губернатора были преданы суду.³

Итак, лишённые земли курды очутились на скамье подсудимых, а «высокопоставленное» лицо получило их земли.

Об оживлении сельскохозяйственного предпринимательства говорят и попытки проведения разных канав для орошения безводных земель.

Такая попытка александропольских армянских капиталистов братьев Назбаджян в 1874 году о возобновлении старой канавы и проведения из реки Ахурян (Арпачай) воды для орошения 10000 дес. земли в Сардарабадской степи была отклонена правительством: с последним вел переговоры об орошении всех безводных земель Эриванской губернии некто Гобом, немецкий капиталист, но все дело кончилось ничем.⁴

Помещики Армении из «высшего сословия», как правило, не

¹ЦГИА (быв. ЦАР), Ш О, 4 эксп., № 158, 1872 г. 24 ноября, лл. 197—198.

²«Порц», 1876 г., Каджберуни, Путевые заметки, стр. 199—221.

³«Мшак», 1872 г., № 36. В. Лафаян, Письмо из Ново-Баизета.

⁴«Порц», 1876 г., стр. 199—221, Каджберуни, Путевые заметки.

были втянуты в капиталистическое сельскохозяйственное предпринимательство и даже, как нам известно, не вели собственного хозяйства; большей частью они отдавали свои земли по полукрепостным условиям в аренду крестьянам.

Будучи неспособными к ведению капиталистического хозяйства и не приспособляясь к условиям денежного хозяйства, но в новом капиталистическом окружении все в возрастающих размерах нуждаясь в деньгах, помещики Армении принуждены были, между прочим, довольно широко прибегать к залому своих имений по долгосрочным займам. В этом отношении помещики Эриванской губернии занимали второе место в Закавказье после помещиков Тифлисской губернии. К 1-му января 1898 года 15% их имений¹ (8344 десятины из всего количества 55843 десятины) были приняты в залог в Государственном дворянском банке и за ними считалось долга 213000 руб.²

Все это говорит о том, что в Эриванской губернии под влиянием развития капиталистических элементов шла разложение некоторых помещичьих слоев. Это явление в частности наблюдается в горных районах Борчалинского уезда, в том числе в Лори. По сведениям А. Д. Ерпцова здесь создаются «благоприятные условия для частной предприимчивости».

Многие имения переходят в руки новых хозяев; быстро идут в продажу, например, огромные имения князей Орбеллапи (60—70 тыс. десятины). Молокане села Воронцовка с помощью государственной субсидии в 1870 г. купили у них 7000 десятин пахотной и пастбищной земли и 1000 десятин леса за 56000 рублей; 59 семейств молокан того же селения в 1882 г. купили от тех же князей сенокосной, пастбищной и пахотной земли в количестве 3311 десятины 650 кв. сажень за 52980 руб. В 1885 г. они же хотели купить еще 3000 десятин земли у Орбеллапи и Кобуловых, но владельцы запросили по 20 рублей за десятину. Армяне села Шахназар купили у князей Орбеллапи несколько тысяч десятин земли,

¹ В Тифлисской губ.—50%, в Кутаисской—4 0/0, в Бакинской — 50/0 и в Елисаветпольской—10/0.

² Семян, Великая годовщина, стр. 48.

которую до того арендовали у них. Продаются и земли князей Меликовых (Башбеюк) и т. д.

Ясно, что зажиточные элементы деревни приобретали земли у «богатых расточителей»-помещиков.

Но помещичьи земли, конечно, переходили не только в руки зажиточных крестьян, а, главным образом, в руки «частных лиц», т. е. буржуазии. В результате проникновения капиталистического элемента в сельское хозяйство переход в его руки помещичьих имений «весьма стесняет пока малоземельных поселен, но возмещающиеся местами правильные хозяйства и разные предприятия частных лиц и отдельных общин уже благотворно влияют на быт местного населения».¹

Интересно наблюдение автором того явления, что создавшиеся «благоприятные условия для частной предприимчивости», по его же выражению, «весьма стесняют пока малоземельных поселен», и, продолжаям мы, будут стеснять, увеличат стеснение малоземельных крестьян, и прибавят к государственному гнету и помещичьей эксплуатации еще и капиталистическую эксплуатацию. А надежды автора на то, что все это «благотворно влияет на быт местного населения», только выражают буржуазные симпатии автора, и в круг этого «местного населения» не входят «малоземельные крестьяне».

Однако для более широкого и быстрого развития денежно-торговых отношений и капиталистического хозяйства, в Армении не было соответствующих условий; кроме уже нам знакомых основных помех (колониальное положение Армении, феодаально-крепостнические остатки в деревне после крестьянской реформы), укажем также на примитивные средства сообщения.

В 1875 г. уже знакомый нам отдельного корпуса жалдарзов майор Золотовский пишет об Эриванской губернии: «Пути сообщения в губернии, за весьма малым исключением колесного, везде

¹ Материалы..., т. VII, А. Д. Ерицов, Эконом. быт гос. кр. Борчалинского уезда..., стр. 388.

выточные. Почтовая дорога в губернии имеет расстояние на 470 верст, которая соединяет лишь уездные города».¹

Вспомним еще, что железнодорожная линия дошла до Эривани только в начале XX века. Поэтому, по тем или иным причинам, создавшиеся благоприятные для развития обмена условия имели, главным образом, местное значение и способствовали развитию рынка местного масштаба.

С оживлением, например, Деллижанского тракта и во время русско-турецкой войны 1877—78 г.г. в армянских деревнях Казахского уезда, особенно в Делижане и Каравансарая (Иджеване), открылись десятками разные лавки. Хозяева их, крестьяне кулаки-торговцы, торговали всякими товарами, покупали у крестьян их продукты, занимались арендой, подрядами, ростовщичеством и т. д.; забирали в свои руки дела сельского управления, на сельских сходах мешали переделу земель, предвзято оказывая давление на своих должников, крестьян-бедняков; словом, во всех отношениях господствовали в деревне наряду с чиновником и помещиком, являясь посетителями новой капиталистической системы эксплуатации.²

В Александропольском уезде деревенские кулаки-торговцы настолько окрепли, что стали опасными конкурентами для городских купцов. У городских купцов Александрополя была старая привычка «продавать товар крестьянам в кредит», так как «этим способом выкачивали из них большую прибыль», постоянно увеличивая ссуду немалыми процентами. Так было в старое время, а теперь, сообщает александропольский корреспондент «Минака»: «в каждой деревне сидит мелкий торговец, часто бывает, что их два-три человека в одной деревне, и они, как иявки сосут из крестьян остатки тех прибылей, которые должны были бы получить городские купцы». Больше того: «часто многие из крестьян почему то соблазняясь, сами занимаются такой торговлей, оставляя такое честное занятие, как земледелие». В заключение корреспондент тужит

¹ ЦГИА (быв. ЦАР), III О, 3 эксп., № 120, 1875 г., лл. 73—84.

² Материалы..., т. II, ч. II, А. Д. Ерицов, Эконом. быт гос. крестьян Казахского уезда..., стр. 215—216 и 98.

о тяжелом положении городских купцов, создавшемся в новых условиях.¹

Здесь интересны не торговщеские симпатии корреспондента, а те новые экономические явления, существование которых в довольно разном виде констатируется в его статье. Это интересный кусок из общей картины пореформенной расколовшейся деревни, где уже не только утвердились и свои местные торговцы-ростовщики, но где у определенной части крестьян есть тяга к торговле, она уже не довольствуется «таким честным занятием, как земледелие...».

Еще большее распространение получает в деревне ростовщичество, о чем часто говорится в современной армянской прессе, начиная особенно с 70-х годов, т. е. со времени крестьянской реформы.

В трудные моменты своей жизни, рассказывает, например, сотрудник «Мшак», «когда крестьянин платит государственные налоги, во время свадьбы или похорон, в годы засухи или неурожая скота» он попадает в цепкие руки ростовщиков, аппетиты которых не имеют границ. «В Грузии, как это видно из грузинской «Деревенской газеты», бывают случаи, когда ростовщик берет у крестьянина все, что у него есть». В Армении, крикизирует корреспондент, «обычно ростовщики оставляют у крестьянина столько, чтоб он в полуразоренном и полуголодном положении мог бы продолжать свое несчастное существование до следующей осени, с целью совсем не выпустить из рук свою жертву».²

Более мрачную картину представляет положение в Эриванской губернии в начале 80-х годов. Ростовщичество опутало своей сетью не только крестьянство, но вообще всех мелких производителей деревни и города. «Незаконный процент изнурял илзеветские силы населения нашей губернии,—пишет в 1882 году корреспондент «Ардзаганка»,—те, которые накопили известную сумму, отдают эту сумму на проценты в 30, 40 и 50%, сами богатеют, обрекая на

¹«Мшак», 1875 г., № 24, А. Арширян, Несколько слов о тяжелом положении Александропольского купечества.

²«Мшак», 1872 г., № 49, С. Ходжаян, Экономическая задача.

бедность тех, которые принуждены брать деньги на проценты. Таким образом, владеющие капиталом личности постепенно собирают в свои руки важные средства жизни, имущества и земли, и бедность становится всеобщей. Гора тому ремесленнику, земледельцу, мелкому торговцу и жившему на жалование (служащему), которые принуждены брать деньги на проценты...».

«Во время жатвы крестьянин-земледелец за 1 рубль платит от пол до одного литра (12 фунтов.—В. Р.) пшеницы как процент: это значит, что он в среднем платит за 1 рубль в месяц 10—15 копеек, или 120—180% годовых. Государственные подати, долги, разные обстоятельства заставляют крестьянина за ничтожную цену несвоевременно продавать свое добро и лишаться, таким образом, продуктов своего честного труда»¹.

Другой, уже знакомый нам, народнически настроенный автор, развитие торгово-денежных отношений и их последствия для деревни начала 80-х годов представляет в следующем виде: «Богатый крестьянин оставляет свою деревню, свой плуг, уезжает в Шушу или в другой город, поступает к купцу-торгашу или самостоятельно занимается торгашеством и по «барски» живет. Этих идеалами заражаются и другие крестьяне, так что хитрость с каждым днем начинает развращать еще оставшегося душой честным крестьянина; его старые, честные традиции начинают уступать современным более развращенным, более подлым привычкам: он перестает работника на лоне природы начинает превращаться в хитрого фекусника, голящегося за дельгами...». Далее: «...наш душой честный крестьянин со дня на день оторганивается; лозунг «торгашества» запечатлевается из его жизни и деятельности».

Страхась такой перспективы, автор патетически восклицает:

«Нужно предотвратить исток этой разорительной торговли, спасти ядро нации от развращения...»².

¹ «Ардзаганк», № 2, 1882 г., февраль, из заметки: «Господин Дет пишет нам из Эривани».

² Журнал «Горц», 1882 г., № 1, Рустам, Страна Арцах (Карабах), стр. 28 и 30.

Но «поток этой разсирительной торговли» давно уже проиик в деревню, и там имелись не только свои кулаки-торговцы, кулики-ростовщики, занимавшиеся одновременно земледелием, садоводством и скотоводством, сообразно условиям района, но и кулаки-предприниматели в области промышленной обработки продуктов сельского хозяйства.

По данным середины 80-х годов, например, в Эриванском уезде имелись следующие крестьянские предприятия: винокуренных заводов—8, мыловаренных—12 (все в деревне Сабунчи), чалтычных—7, маслобоек—6, мельниц—203.

Зажиточные элементы в скотоводческих деревнях уезда занимались извозом и в пределах уезда, и вне его: на верблюдах вывозили рис в Тавриз, в Эрзерум и Трапезунд, оттуда привозили сахар, или соль из Кульнов и из Нахичевани, рыбу с озера Севан, или доставляли в Эривань из деревень хлеб скучицников.¹

Предпринимательство сельских кулаков искало свое применение и в организации оросительных работ в деревне. Как видно из отношения от 12 октября 1884 г. Департамента общих дел Министерства государственных имуществ на имя управляющего государственным имуществом Эриванской губернии, крестьяне казенной деревни Саруханлу ходатайствовали «о разрешении им заключить с односельцем их Гаджи-Измаил Кербали-Ибрагимом оглы условия на проведение канавы из реки Аракса для обводнения состоящей в их пользовании земли до 150 халваров...» (375 га.—В. Р.). Правда, по отзыву уполномоченного Министерства государственных имуществ на Кавказе Тихеева ходатайство это было отклонено, так как Тихеев «...признал неудобным удовлетворить в случайном порядке ходатайства о выводе вод для оросительных потребностей... впредь до утверждения в законодательном порядке проекта Положения о праве на воду и о порядке орошения земель в Закавказье»,—но все же факт этот не лишен интереса, как образец отношения царских высших чиновников к жизненным нуждам народа и как пример попытки деревенских кулаков, скрываясь за спиной крестьян, устраи-

¹ Материалы..., т. III, ч. I, Тифлис, 1886 г., Ф. Т. Марков, Эконом. быт гос. кр. Эриванск. уезда, стр. 112—113.

вать достаточно выгодные для себя сделки немалого масштаба; ведь нечего сомневаться в том, что не пужда односельчан побуждала разных Ибрагимов-оглы взяться за проведение канавы для орошения крестьянских земель!¹

Кулаки выступали и в роли арендаторов наделных земель бедноты, организаторов капиталистических хозяйств в деревне.

А судьба деревенской бедноты, фактически обезземеленных и неимеющих рабочего скота крестьян, ясна: или работа у арендаторов на своих же землях, или отхожие промыслы в городах и деревнях.

Так, в Эриванском уезде в середине 80-х годов, по свидетельству современного исследователя, среди бедняцких элементов деревни получила распространение поденная работа; в качестве чернорабочих они работали у деревенских богачей или же в Эривани у крупных садовладельцев; особенно большие размеры принимала поденная работа во время жатвы.²

В те же годы другой официальный автор, исследователь Ново-Баязетского уезда, говорит об «истощении запаса земли» и сообщает такие факты: «снижая себе пропитание, бедняки сдавали свои земли в аренду, или закладывали их зажиточным членам своего селения на самых тяжелых для себя условиях».³

Интересно отметить, что по словам того же автора, этому тяжелому положению способствовали представители власти своей поземельной «политикой»: в случае неуплаты государственных и других податей наделная земля отбиралась у беднейших членов сельского общества и передавалась тем, которые имели возможность уплатить подати и изъявляли желание нести повинности взамен несостоятельных плательщиков.⁴

¹ Центр. Гос. Архив Арм. ССР, ф. № 133, д. № 1543, л. 20.

² Материалы..., т. III, ч. 1, ф. Т. Марков, Эконом. быт гос. кр. Эриванского уезда, стр. 112—113.

³ Материалы..., т. I, А. В. Парвицкий, Эконом. быт гос. кр. ю.-з. части Ново-Баязетского уезда, стр. 321—322.

⁴ Материалы..., т. I, А. В. Парвицкий, Эконом. быт гос. кр. ю.-з. части Ново-Баязетского уезда, стр. 349—350.

Не удивительно, что при таких условиях беднота уезда искала себе средства существования на стороне в пределах уезда и вне его пределов, ежегодно тысячами отправляясь (указывается цифра—5065) на заработки в Эривань, Тифлис, Елисаветполь и на меденлавиный завод в Кедабек (Елисаветпольской губернии).¹

О процессе расслоения деревни в том же уезде дают достаточно ясное представление следующие данные об обеспечении разных слоев крестьян рабочим скотом:

Без рабочего скота	354 дыма или	7,42%
С 1 гол. раб. скота	175 »	3,67%
» 2 » »	996 »	20,99%
» 3 » »	306 »	6,11%
» 4 » »	1509 »	31,64%
от 5 до 21 раб. ск.	1430 »	29,97% ²

Из этой таблицы видно, что в уезде, где почти единственными занятиями населения являлись земледелие и скотоводство, больше одиннадцати процентов крестьян лишены были возможности заниматься земледелием, или совсем не имея рабочего скота или имея его в недостаточном количестве; почти 21% крестьянства, имея пару рабочего скота, был всегда под угрозой лишения возможности вести хозяйство даже в том случае, если имел, кроме рабочего скота, другие орудия и средства производства для ведения хозяйства. Эти две группы составляли почти 32% крестьян. В средней группе насчитывалось чуть больше 38%, а сравнительно зажиточная, в том числе кулацкая часть крестьянства, обеспеченная рабочим скотом, составляла меньше 30%.

Процесс расслоения деревни, разложение хозяйства бедноты, уход их на заработки в города одинаково относится и к государственным и к помещичьим крестьянам пореформенной Армении; об этом свидетельствуют данные официальных исследователей середины 80-х годов и сведения современной прессы.

¹ Материалы..., т. IV, ч. II, Эконом. быт гос. кр. с.-в. части Ново-Баязетского уезда, стр. 49.

² Материалы..., т. IV, ч. II, стр. 40.

По данным С. П. Зелинского отхожие промысла в Закавказском уезде распространены преимущественно в армянских деревнях, откуда крестьяне большею частью направляются на заработки в Тифлис и Баку. Например, в 1884 году выданы были билеты на выезд из уезда 1760 крестьянам казенных селений и 1174 владельческим крестьянам.¹

О тифлиских армянах-носильщиках журнал «Порц» сообщает, как нам уже известно, что они пришельцы «из окрестных деревень Нахичевани; они жили в ханских. (т. е. в молькадарских.— В. Р.) имениях; у них не оставалось столько продуктов от своих годовых трудов, чтобы прожить», поэтому они принуждены были направляться в города на заработки.²

* * *

На основании всего вышеизложенного об экономике Армения и пореформенные два-три десятилетия можно в общем сказать то же самое, что говорит Ленин о «деревенской России» того же периода: «Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), управляющих общественно-экономическою жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим все те явления, которые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на «богатеев и бедноту, мы видим возникновение капитала, особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимися, высасывая из него все соки».

Далее, характеризуя тех, «кто ведет коммерческое хозяйство и кто хотя бы отчасти присваивает себе чужой труд», и тех, кто не-

¹ Материалы..., т. IV, ч. I, С. П. Зелинский, Эконом. быт гос. кр..., стр. 103—104.

² «Порц», 1876 г., № 2, Гюхаци (Крестьянин), Об окрестных деревнях Тифлиса, стр. 420.

«ет на рынок свою рабочую силу, потому что работает не на себя, а на другого»,—Ленин продолжает:

«Эта масса мелких деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, по-одиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкой производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне».¹

Армении пришлось и после крестьянской реформы долго прозябать в таких страшных экономических условиях в качестве глухой колонии царской России. В этом смысле положение Армении близко к Азербайджану, не считая, конечно, Баку.

«Баку вырос не из недр Азербайджана, а надстроился сверху, усилиями Побеля, Ротшильда, Вингау и др.,—говорит тов. Сталин. — Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых патриархально-феодалных отношений».²

Сравнительно лучше были условия капиталистического развития Грузии.³

В Армении же почти не было более или менее крупной капиталистической промышленности. Поэтому в пореформенные первые два-три десятилетия в Армении продолжали господствовать в деревне те экономические отношения, лепническая характеристика которых приведена нами выше. В Армении, в основном, отсутствовала та прогрессивная работа крупно-капиталистического хозяйства, о которой говорит Ленин:

«Вот если вы станете сравнивать эту действительную дерев-

¹ Ленин, Соч., изд. 2-е, т. I, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», стр. 140—141.

² И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Изд. 1934 г., стр. 80.

³ См., например, Г. В. Жачапуридзе, Грузия во второй половине XIX века, «Историк-марксист», кн. 8, 1940 г., стр. 46—48.

ню с нашим капитализмом,—вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивною работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на месте бездны благопомеренных живоглозов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному капиталу».¹

Этой прогрессивной роли «крупного капитала» в Армении не было не только в пореформенные десятилетия, но в значительной мере и в последующие два десятилетия XX века. В деревне в основном продолжали господствовать «местные кровопийцы», представители буржуазной эксплуатации наряду с полуфеодалной, помещичьей, а города Армении—Эривань и Александрополь—продолжали оставаться центрами некрупной торговли и мелкой промышленности; более или менее крупная промышленность была представлена в них единичными предприятиями.

Таким образом, для Армении в удвоенном размере применима мысль Ленина о том, что трудящиеся здесь «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма».²

Таково было положение Армении до самой Великой Октябрьской революции, спасшей армянский народ от физического уничтожения, освободившей его от жестокого ига всяких «национальных» и международных капиталистических кровопийц, от царских колониальных хищников, поставившей Армению в цветущую дружную семью республик Советского Союза и открывшей перед ней со всеми братскими народами нашей социалистической родины блестящие перспективы развития к коммунизму.

¹ Ленин, Соч., изд. 2-е, т. I, «Что такое «друзья народа»...» стр. 141.

² Ленин, Соч., т. III, 2-е изд., Развитие капитализма в России, стр. 469.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА, ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. т. V; XI. ч. I; XII, ч. I; XV; XXI.
2. К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, изд. 1923.
3. В. И. Ленин. Соч., изд. 2-е, т. т. I, III, IV, XI, XIV, XV, XVI, XVII.
4. И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос., Москва, изд. 1934.

II. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Центр. Гос. Архив Арм. ССР. Фонд № 133 (Управление земледелия и государственных имуществ), дела № №1-а, 3, 32, 206, 266, 314, 326, 338, 359, 407, 409, 444, 457, 502, 549, 636, 643, 676, 800, 900, 901, 943, 998, 1345, 1365, 1455, 1507, 1543.
2. Центр. Гос. Архив Арм. ССР. Фонд $28\frac{1}{131}$ (Эриванское губернское по поселянским делам присутствие), дела № № 162, 356, 457.
3. Центр. Гос. Архив Арм. ССР. Фонд $49\frac{1}{113}$ (Канцелярия наместника на Кавказе), дело № 549.
4. Центр. Гос. Архив Арм. ССР, фонд № $7\frac{1}{71}$ (Мировой отдел Эриванского уезда), дела № № 34, 447, 449, 467, 471, 506, 507, 522, 528, 542, 546, 561, 589, 675.
5. Центр. Гос. Архив Арм. ССР, фонд № 30 (Главное управление наместника кавказского), дело № 284.
6. Центр. Гос. Архив Арм. ССР, фонд № $26\frac{1}{89}$ (Эриванская бекальская комиссия), дела № № 1, 2, 3.
7. Центр. Архивн. Управление Грузинской ССР, фонд № 16, дело 487.
8. Центр. Архивн. Управление Грузинской ССР. Дело земской части департамента Главного управления наместника кавказского, № 241.
9. ЛОЦИА (Ленинград, отделение центрального исторического архива). Дело Кавказского Комитета, № № 124, 75, 107.

Дело Комитета об устройстве Закавказского края, № №103, 139.
 Дело Канцелярии Кавказского Комитета № 285-а (быв. 23).
 Дело Временного отделения собственной его императорского
 величества канцелярии, № 540, 1844 г.

Дело по поручению члену со стороны Мин. юстиции обозре-
 вать Армянскую область и Карабахскую провинцию за 1837 г.

Фонд Мин. финанс., Особ. канц. по секр. ч. № 2¹/₄₂₁, 1842 г.,
 » » » » » » » » » I разд.
 » » » » » » » » » № 16, 1833 г.
 » » » » » » » » » № 5²/₄₃₈, 1844 г.
 часть II, 1 разд.

Фонд Мин. Фин., Дсп. внешн. торговли, отд. 1, стол 2, № 19,
 1845 г., 13-1.

10. Центр. Гос. воен. Историч. Архив (ЦГВИА), фонд № 38,
 дело № 98-а.

11. Центр. Гос. Историч. Архив (ЦГИА) быв. Центр. Архив
 Революции (ЦАР), III О, 1 эксп., № 81, 1840 г.

ЦГИА, III О, 4 эксп., № 191, 1872 г.

ЦГИА, III О, 4 эксп., № 158, 1872 г.

ЦГИА, III О, 4 эксп., № 190, 1872 г.

ЦГИА, III О, 3 эксп., 120, 1875 г.

ЦГИА, Д. П. II. № 26./ч. 22, 1895 г.

ЦГИА, Д. П. III. № 43/ч. 5. 1889 г.¹

III. ИСТОЧНИКИ

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею,
 т. т. I—XII, Тифлис, 1866—1904 гг.

2. Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, под ред.
 Н. И. Воронова. Тифлис, 1869 г.

3. К. Гоциридзе, Положения о кр. Закавказья с правитель-
 ственными распоряжениями и разъяснениями Правительствующе-
 го сената. Кутаис, 1904 г.

4. Сборник статистических данных о землевладении и спо-
 собах хозяйства в пяти губ. Закавказья, под ред. Е. Кондратенко,
 Тифлис, 1899 г.

5. Сборник статистических сведений по Закавказскому краю,
 часть I, под ред. Кондратенко, Тифлис, 1902 г.

¹ Отмеченные выше архивные документы ЛОЦИА, ЦГВИА
 и ЦГИА нами использованы по копиям, имеющимся в Центр. Гос.
 Архиве Армянской ССР.

6. Сборник сведений о Кавказе, т. V, под ред. Н. Зейдлица. Списки населенных мест Кавказского края, ч. I, по сведениям 1873 г., Тифлис, 1879 г.

7. Положения о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. III. Поселянское Положение, сост. М. Н. Кучаев, Тифлис, 1886 г.

8. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. 6. Эриванская губерния, СПб, 1853 г.

9. Обозрение российских владений за Кавказом, ч. I, II, III и IV, изд. 1836 г.

10. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, изд. АН СССР, ч. I и II, 1936 г.

11. Сборник сведений о Кавказе, т. II, под ред. Н. Зейдлица, Тифлис, 1872 г.

IV. ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по изучению быта гос. кр. Закавказского края, т. I, Тифлис, 1885 г., М. Н. Кучаев, Крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии.

2. Материалы..., т. I, А. В. Парвицкий. Эконом. быт гос. кр. юго-западной части Ново-Баязетского уезда Эриванской губернии.

3. Материалы..., т. I, А. Г. Деконский. Эконом. быт гос. кр. в западной части Шаруро-Даралагезского уезда Эриванской губернии.

4. Материалы..., т. I, С. П. Зелинский. Эконом. быт гос. кр. в Шорагале Александропольского уезда Эриванской губернии.

5. Материалы..., т. II, ч. II, Тифлис, 1886 г. А. Д. Ерицов, Эконом. быт гос. кр. Казахского уезда Елисаветпольской губернии.

6. Материалы..., т. III, ч. I, Тифлис, 1886 г., Ф. Марков. Эконом. быт гос. кр. Эриван. уезда, Эриванской губернии; А. Е. Хан-Агов, Эконом. быт гос. кр. в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриван. губернии; С. П. Зелинский, Эконом. быт гос. кр. в Бамбакском участке и в северной части Шорагальского участка Александропольского уезда Эриванской губернии.

7. Материалы..., т. IV, ч. II, Тифлис, 1886 г. А. В. Парвицкий. Эконом. быт гос. кр. северо-восточной части Ново-Баязетского уезда Эриванской губ.; А. В. Парвицкий. Эконом. быт гос. кр. с.-з. части Шарура и восточной части Даралагеза Шаруро-Даралагезского уезда Эриванской губернии.

8. Материалы..., т. IV, ч. I, С. П. Зелинский. Эконом. быт гос. кр. в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии.

9. Материалы..., т. VII, Тифлис, 1887 г., А. Д. Ерицов. Эконом. быт гос. кр. Борчалинского уезда Тифлисской губернии.
10. Свод материалов по изучению быта гос. кр. Закавказского края, т. I, ч. I. Тифлис, 1887 г., С. А. Егиазаров. Административно-эконом. строй сельской общины Эриванской губернии.
11. Свод материалов..., т. I, ч. II, М. Н. Кучаев. Поземельное устройство гос. кр., подворенных на владельческих землях в Закавказских губерниях.
12. Свод Материалов..., т. I, ч. III, И. А. Бахтадзе. Податное обложение гос. кр. Закавказского края.
13. Свод материалов..., т. III, Я. Медведев. Отношение гос. кр. Закавказского края к казенным лесам; т. III, ч. II. И. А. Бахтадзе. Кочевники Закавказского края.
14. Свод материалов..., т. IV, ч. II. И. С. Хатисов. Хлопководство в Закавказьи; С. П. Зелинский. Садоводство в Закавказском крае.
15. Свод материалов..., т. V, ч. II. М. Н. Кучаев. Ростовщичество в среде крестьянского населения.
16. Е. Е. Махарадзе и Г. В. Жачауридзе. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии, 1932 г.
17. Ф. Махарадзе. Грузия в XIX столетии, 1933 г.
18. В. Н. Иваненко. Гражданское управление Закавказьем, Тифлис, 1901 г.
19. С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907.
20. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения к Российской империи. СПб., 1852 г.
21. С. А. Авалиани. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. III, Одесса, 1914 г.
22. С. Гулишамбаров. Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии, Тифлис, 1888 г.
23. Н. Шавров. Обзор производительных сил Кавказского наместничества за 1879 г., Тифлис, 1880 г.
24. С. Заваров. Опыт исследования сельскохозяйственного хлебного района Эрив. губ. и Карсской обл., Тифлис, 1899 г.
25. Орест Семин. Великая годовщина. Киев, 1911 г.
26. И. А. Сегаль. Крестьянское землевладение в Закавказье, Тифлис, 1912 г.
27. Б. М. Арутюнян. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв., изд. Армфана, Ереван, 1940 г.
28. История СССР, т. II, Россия в XIX веке, под ред. проф. М. В. Нечкиной, М. 1940 г.

29. Е. А. Мороховец. Крестьянская реформа 1861 г. М. 1937 г.
 30. М. Н. Кучаев. Феодализм и закрепощение в Закавказьи, «Русский вестник», 1893 г. март.
 31. Барон Николаи. Воспоминание из моей жизни. «Русский Архив», 1892 г., № 5.
 32. Г. Качапуридзе. Грузия во второй половине XIX века. «Историк-марксист», 8, 1940 г.

У. КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ НА АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. М. Налбандян. Земледелие как правильный путь, изд. 1930 года, Ереван.
 2. Сочинения Григория Арцруни. 1865—1871 гг., Тифлис, 1904 г.
 3. Лео. История эриванского духовного епархиального училища, 1837 г.—1922 г., Тифлис, 1914 г.
 4. Лео. История Карабахской армянской духовной епархиальной семинарии, 1838—1913 гг., Тифлис, 1915 г.
 5. Е. Шаказиз. Старый Ереван, изд. 1931 г., Ереван.
 6. А. Мусазян. Аграрные условия Закавказья, Вагаршатап, 1910 г.
 7. В. Парсамян. Колониальная политика царизма в Армении, ч. I, изд. Армфана, 1940 г. Ереван.
 8. «Крунк Аждоц Ашхари» («Журавль армянской страны»), 1860 г., № 2; 1861 г., стр. 616—627.
 9. «Мегу Айастан» («Пчела Армении»), 1861 г. № № 15 и 17; 1866 г., № 3.
 10. «Юсисапайл» («Северное сияние»), 1861 г., второе полугодие; 1862 г., № 4; 1863 г., декабрь.
 11. «Айкакан Ашхар» («Армянский мир»), 1865 г., № № 8—9; 1868 г. № 11; 1869 г. № № 1—2; 1870 г. № 6.
 12. «Гарун» («Весна»), 1866 г., 6-я тетрадь.
 13. «Амбавабер Русо» («Вестник России»), 1861 г., № 1; 1863 г., № 48.
 14. «Парос» («Маяк»), 1873 г., кн. Б.
 15. «Вачаракан» («Купец»), 1866 г., № № 7 и 13.
 16. «Мшак» («Работник»), 1872 г., № № 10, 34, 36 и 49; 1874 г., № № 5, 38; 1875 г., № 24; 1876 г., № 30.
 17. «Порц» («Опыт»), 1876 г., № 2; 1879 г., № 1.
 18. «Ардзаганк» («Эхо»), 1882 г., № № 2, 19 и 32.
 19. «Псак» («Венок»), 1882 г., № № 6, 17 и 18.

20. «Горц» («Дело»), 1882 г., № 1; 1884 г., № 1.
21. «Парос Аястани» («Маяк Армении»), 1880 г., кн. Б.
22. «Мурч» («Молот»), 1893 г., № 4; 1902 г., № 5.
23. «Тагрон» («Театр»), 1899 г., № 2. П. Прошян. Неизвестный театральный деятель.
24. «Нор Уги» («Новый путь»), 1931 г., книга 6-я. Л. И. «Волнения 1852 г. в Шулаверах» (Воспоминания очевидца).
25. «Хорурдаин Врастан» («Советская Грузия»), 1938 г., № № 19 и 20. проф. А. Меликсет-Бек, Выступление амкаров в Тифлисе в 1865 г., Г. Сундукян и армянская интеллигенция.

Техн. редактор В. О. МАНУКЯН
Корректор Л. В. АБОВЯН

ЦЕНА 20 р.

Сдано в производство 24/VIII 1946 г.
Подписано к печати 18/IV 1947 г.
23 печ. л., в печ. листе 36.480 печ. зн. и 31.100 авт. зн.
ВФ 01522 Изд. 343, Заказ 741, Тираж 3000

Типография АН Арм. ССР. Ереван, ул. Абовян, № 104.

ԳԱՄ Հիմնադրար Գիտ. Գրադ.

Цена 20 р.

РД $\frac{11}{60570}$